

Родная ДАДОГА

№ 3(45)' 2018

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЗАО «Утро»

Подписной индекс в каталоге «РОСПЕЧАТЬ» журналы России — 70924

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолюкин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Москва); *Ясенов В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАЙЕК Петр (Чехия) — писатель и публицист, первый заместитель главы администрации президента Чешской Республики Вацлава Клауса (2003–2013).

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель Высшего творческого совета СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», член Правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ЗОРИГТ Дашдорж (Монголия) — публицист, экс-министр энергетики и минеральных ресурсов Монголии.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — председатель СП России.

ИВАНОВ Леонид Григорьевич (Москва) — председатель клуба министров обороны СНГ, генерал-полковник, доктор исторических наук.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — сопредседатель Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — член Правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ. Член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). Христианский подвиг Монарха. <i>Факты и подоплеку убийства</i> <i>Семьи Николая II</i> 5	5
Александр Казин. Первая Мировая война и русская государственность 40	40
Владимир Казмин. Мы из Кронштадта, мы из Донбасса 66	66
Чеслав Кирвель. Концепт глобального мира: от утопии к антиутопии 126	126

Родная РЕЧЬ

Наталья Голубева-Монаткина. О русском языке русских эмигрантов первой половины XX века. <i>Статья II: Русский язык и революция</i> 48	48
--	----

Русские СУДЬБЫ

Юрий Шурупов. Тельняшка под рясою 57	57
---	----

ЛЕГЕНДА

Блаженный инок. Жизнеописание блаженного инока Владимира, Важеозерского чудотворца 74	74
--	----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей Кондратенко. Хранитель заветного слова. <i>Памяти профессора А. И. Киртичкикова</i> 77	77
Эдуард Анашкин. Золотистый золотой! 103	103
Валентина Ефимовская. Четвертое измерение. <i>О поэзии Анатолия Аврутина. К юбилею поэта</i> 248	248

ПРОЗА

Павел Кренев. Мужской поступок 87	87
Михаил Зарубин. Откуда начинается река 262	262
Анатолий Козлов. Записки прошлого века. <i>Глава из романа</i> 293	293
Борис Краснов. Что упало, то пропало 299	299
Сергей Мурашев. Победа 308	308
Иван Иннокентьев. Молодой шаман, батюшка и Рафаэль 311	311

ПОЭЗИЯ

Александр Кердан 109	109
Владимир Силкин 114	114
Игорь Гуревич 157	157

Геннадий Иванов.....	213
Протоиерей Анатолий Трохин.....	216
Василий Попов.....	272
Стихи молодых поэтов	275

Пути познания

Игорь Андрушкевич. Периодические циклы в природе, истории и экономике. <i>Теории четырех русских ученых</i>	118
Явус Ахмадов. Великий Страбон и амазонки Кавказа: еще одна попытка прочтения сведений о древних народах России	164

Точка зрения

Леонид Ивашов. Каким будет миропорядок в XXI веке.....	142
Николай Стариков. Видимое и невидимое. <i>Актуальное мнение</i>	147
Светлана Замлелова. Гламурная клевета	152

Записки дипломата

Валентин Власов. Чечня.....	168
------------------------------------	-----

Высокие технологии

Виктор Пархимович. Летательные аппараты с атомным реактором.....	202
---	-----

Вехи

Дина Никифорова. Мужеству ленинградцев и героям-ленфильмовцам посвящается... ..	222
---	-----

ПАМЯТОСЛОВ

Николай Бурляев. Андрей Первозванный мирового кинематографа	227
--	-----

НАСЛЕДИЕ

Александр Рытов (1934–1974). «Старо искусство бытия».....	243
--	-----

Великая провинция

Никита Шевцов. Елена Наумова. По повелению Тамерлана.....	279
--	-----

Северная столица

Наталья Нарышкина-Прокудина-Горская. «России памятник суровый». <i>К 315-летию основания Петропавловского собора в Санкт-Петербурге</i>	286
---	-----

*...и возьму из плоти их сердце
каменное, и дам им сердце плотное,
чтобы они ходили по заповедям
Моим, и соблюдали уставы Мои...*

(Иез. 11:19–20)

Есть документальный рассказ одного из перебежчиков, который сообщал о практике употребления чекистами человеческой крови наряду со спиртом и кокаином, как средства для снятия нервных напряжений, возникавших вследствие непрерывных массовых кровавых расправ над людьми. Со слов очевидца: «Один из палачей харьковской чеки говорил: “Мучился, да товарищ научил выпить стакан крови. Выпил, сердце как каменное стало”».

Архив русской революции.
(Берлин. 1922 г. Т. 6. С. 338)

**Митрополит
Петрозаводский и
Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

ХРИСТИАНСКИЙ ПОДВИГ МОНАРХА

*Факты и подоплеку
убиения Семьи Николая II*

Окончание. Начало РЛ №2 2018.

Одними из первых встали в этот предсказанный поэтом ряд — Царь Николай II и его Семья. Свидетельством того, что было незаконное пленение и преступное убийство Венценосцев, стали всевозможные

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1989 г. окончил МДА. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС.

В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии. Председатель Синодальной богослужебной комиссии. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии.

фальсификации трагического события. Самая чудовищная из них — сообщение об убийстве одного Царя Николая II. **О трусости и подлости убийц свидетельствует тот факт, что народ обманули, сообщили только о расстреле Царя, а Семью, якобы, пощадили. Разорители России понимали, что они убивают не просто Семью Романовых, но ненавистный им своими православными корнями Царизм.**

По сей день окончательно не выяснены все обстоятельства расстрела Царской Семьи. Если и есть проясняющие документы, то даже по истечении 100 лет они остаются государственной тайной. Как говорит Петр Мультатули: «Факт расстрела Царской Семьи, каким его излагают главные палачи, реальные или мнимые, произойти не мог. В 25-метровой комнате расстрелять одиннадцать человек из маузеров, браунингов, винтовок, выпустив почему-то невероятное количество пуль в маленьком, замкнутом пространстве, невозможно. Там будут рикошеты такие, что пули будут в головы стрелков лететь! Значит, уже какое-то вранье. Воспоминания Юровского и всех прочих — это ни в коем случае не может являться доказательством по уголовному делу. Потому что доказательством в уголовном деле может являться только допрос: тебя вызвали, допросили в качестве подозреваемого, обвиняемого или свидетеля — это показания и факт для уголовного дела. А все, что писал Юровский после революции, сидя в Москве, и все, что писали за границей другие люди, не может являться доказательствами: это мы можем только принимать к сведению как исторический документ. Между показаниями обвиняемых есть большие нестыковки, и, к сожалению, почему-то в следствии Соколова нет ни одной очной ставки. И не только у Соколова, потому что там не один был следователь. Почему? — не понятно. Но совершенно ясно, что есть противоречия, а раз есть противоречия, мы не можем не задумываться, что же там произошло на самом деле. Значит, либо это был другой расстрел, по-другому проведенный, либо это было убийство другим способом. И об убийстве другим способом мы знаем — об этом говорили те же Медведев, Кудрин и так далее: обсуждался вариант — убить их всех кинжалами. Известно, что применялось и холодное оружие. Соколов говорит о найденных следах от ударов штыком»¹.

Существуют воспоминания местных жителей, что на самом деле на месте преступления было найдено около 700 гильз от разных видов огнестрельного оружия. Окрестные мальчишки вытаскивали их из подвала и играли. Можно представить, как издевались палачи над своими жертвами, убивали медленно, постреливая по ним, старались выпустить из страдальцев как можно больше крови, наслаждались мучительной гибелью христианских праведников. Обычно чекисты убивали одним выстрелом, а допрошенный свидетель П. С. Медведев говорит, что «У каждого было по несколько огнестрельных ран в разных местах тела». Еще есть свидетельство о 32 ранах на теле Демидовой. Судебно-медицинским экспертом Ю. А. Григорьевым дана критическая оценка «фактам», на которых зиждется официальная версия трагедии. Автор утверждает, что история гибели Царской Семьи, которую нам преподносят, являет собой не более чем фальсификацию. Он приходит к следующим выводам:

¹ <http://www.proza.ru/2012/05/30/175>.

«— в течение часа трупы раздевали, снимали с них спрятанные драгоценности. Но главное — у трупов ОТРЕЗАЛИ ГОЛОВЫ;

— только ОТРЕЗАНИЕ ГОЛОВ может объяснить странную реакцию Павла Медведева, Дерябина и других охранников на события той ночи;

— только переноской голов в машину к парадному крыльцу, мимо поста Брусьянина, можно объяснить бегство часового;

— трупы увезли в лес на одной машине, головы увезли из дома на другой»¹.

Большевики не скрывали от современников ритуальный характер многочисленных казней, происходящих по всей России, которые в документах революционной эпохи называли «всероссийской кровавой повинностью», «кровавой жертвой духу большевизма»². Как отмечает кн. Н. Д. Жевахов, входивший в состав деникинской Особой комиссии по изучению зверств большевиков на захваченных ими территориях, «тот, кто знает еврейский язык, знает и то, что слово “чека” является не только сокращением слов “чрезвычайная комиссия”, но на еврейском языке означает “бойню для скота”»³. Что такое «бойня для скота» можно представить по воспоминаниям Мельгунова, который цитирует автора книги, изданной на немецком языке, где дается описание этой бойни в Киевском ЧеКа. «Весь цементный пол большого гаража был залит уже не бежавшей вследствие жары, а стоявшей

Семья купца Поленова, полностью расстрелянная в 1918 г. большевиками (Фото из книги: Решетников Л. П. Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадежности. М.: ФИВ, 2013.)

¹ Григорьев Ю. Последний император России. Тайна гибели. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2016. С. 195.

² Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1990. С. 54.

³ Жевахов Н. Д. Воспоминания. Новый Сад. Королевство С.Х.С. 1928. Т. 2. С. 176.

Палачи (Фото из книги: Решетников Л. П. Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадёжности. М.: ФИВ, 2013.)

на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими останками. Все стены были забрызганы кровью... (часть невыносимых для нормального человека подробностей опускаю из этических соображений. — *авт. ст. М. К.*). Из середины гаража в соседнее помещение, где был подземный сток, вел желоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в 10 метров длины. Этот желоб был на всем протяжении до верху наполнен кровью»¹. Подобные зверства происходили в Воронеже, Одессе, Харькове, в общем, по всей России. Революционной необходимостью объяснить их было нельзя, только «жертвоприношением духу коминтерна». Как говорит князь Жевахов, с точки зрения здравого смысла они ужасны, если не учитывать ритуальную, подразумевающую соби́рание крови жертв цель.

Надо заметить, что к ряду ритуальных кровавых человеческих жертвоприношений относится и ритуальная проституция, которая в истории часто использовалась как военно-магическая хитрость. Через блудное смешение, через маргинальные браки происходило подчинение высшей человеческой породы низшей, пресечение династического родового отбора. Известная роль в этом принадлежит искусству танца, искусству волхования посредством движений обнаженного тела. Библейские соблазнительницы были превосходными танцовщицами — Юдифь, Эсфирь, Саломея. Балет — этимологически связанный с практикой служения Ваалу или Балу, в последующие века был средством генетического пленения императорской крови. Известны увлечения некоторых Великих князей балеринами. Сегодня для унижения русского святого страстотерпца Николая II подобный факт в гипертрофированно-художественном виде прикрепляется к его биографии. Хотя он, будучи в юности увлечен известной танцовщицей, никаких обетов не нарушал, тогда он не был ни мужем, ни Венценосцем. Подвигом любви и верности можно назвать отношения Николая II с его возлюбленной женой, Императрицей Александрой Федоровной, с которой он жил счастливо и умер в один день. Многие святые приходили к святости через осознание и искупление своей греховности.

И большевики использовали проституцию как свое оружие. В царской России проституция долгое время была запрещена, позже строго регламентирована и подконтрольна надзорным органам власти. Сразу же после Февральской революции все нормы полицейской регламентации проституции

¹ Мельгунов С. П. Красный террор в России. М., 1990. С. 127.

были отменены. «Труженицы пола» получили свободу и признание в своей профессии, о чем говорится, в частности, в поэме Блока «Двенадцать»:

*И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
...Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на ночь — двадцать пять...
И меньше — ни с кого не брать...*

Стихия блуда и стихия бунта являются взаимосвязанными и усиливающими друг друга.

Общество «Долой стыд!», проекты декретов Коллонтай о гражданском браке, заменившем церковный, соответствовали политике официальных властей и были необходимы, чтобы «изжить в людях чувство стыда, как проявления ханжества».

*Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та!*

Но более всего в этом ажиотаже уничтожения института семьи страдали дети. Одно из самых любимых утверждений Коллонтай было: «Ребенок принадлежит обществу, в котором родился, а не своим родителям». Это ли не детское жертвоприношение «духу коминтерна»? Вообще дети с древнейших времен были объектами кровавых мистерий. Самой дорогой жертвой божеству считалось жертвоприношение первенца из «презренной» семьи. Поэтому не стоит говорить о безжалостности в случае убийства малолетних Царских детей. Для палачей они были просто материалом кровавого обряда.

Мы не знаем всех деталей убийства Царской Семьи. Но как бы оно ни происходило, в час ночи 17 июля Россия лишилась своего Царя, своего Удерживающего. 18 июля президиум ВЦИК по докладу председателя Свердлова о расстреле Царской Семьи единогласно принял резолюцию: «Президиум признает решение правильным». Таким образом, самый высокий орган советской власти официально солидаризировался с убийцами, что само по себе является соучастием в преступлении. Таким образом, получается, что до сих пор мы читали историю из рук предателей и убийц. Нет, не на радость трусливых палачей, которым на том свете досталась во много раз большая кара, не во славу кровавых временщиков было совершено это страшное убийство, значение которого начинает проясняться только в наши времена.

Сегодня, когда прошли окаянные времена, когда кровавые войны смели не только жизни, но и имена предателей Родины, стало видно, что сполна досталось и участникам, и воздержавшимся, что исстрадался весь наш народ, вольно или невольно предавший Христа, попустив страшный грех убийства Помазанника Божия.

Первым об этом грехе смело сказал 21 июня 1918 г. на литургии в соборе Божией Матери Казанской на Красной площади в Москве Патриарх Тихон (Беллавин), тоже введенный в заблуждение, поверивший, что расстрелян

только Царь, а его Семья якобы спасена. Об убийстве Помазанника Божия он сказал так: «...совершилось ужасное дело: расстрелян бывший Государь Николай Александрович по постановлению Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководимая Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинаясь учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего Государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстоит пред нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что он отрекся от Престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней... Он ничего не предпринимал для улучшения своего положения, безропотно покорился судьбе... и вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-либо вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние — уже после расстрела — одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может. И мы должны во всеуслышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточают в тюрьму, пусть нас расстреливают» (Слово на убийство Императора Николая II. Москва. Казанский собор, 8/21 июля 1918 г., праздник Казанской иконы Божией Матери). Но что бы сказал Патриарх, узнай, что зверски уничтожена вся Царская Семья вместе с невинными детьми?!

Царская Семья подверглась незаконным политическим репрессиям как со стороны Временного правительства, Петросовета и входивших в них партий, так и со стороны РКП(б), Совнаркома, ВЦИК и подчиняющихся им органов советской власти. И до октября, и после — причиной репрессий было то, что Помазанники являлись живым символом Российской Империи с ее государственной религией — Православием.

До сих пор не утихают сожаления и недоразумения по поводу того, почему Царская Семья не нашла убежища в Англии, не смогла перебраться к монаршим родственникам. Чаще всего винят в этом одну сторону — английскую. Но на самом деле все было сложнее, и основная вина лежит на совести А. Ф. Керенского, запоминающийся портрет которого оставил в истории товарища обер-прокурора Св. Синода князь Н. Д. Жевахов, после того как новый правитель России посетил своих высокопоставленных пленников в Таврическом дворце: «В это момент послышался какой-то шум и суета за дверьми, и в нашу комнату пожаловал Керенский. За ним, семеня ногами, как-то вприпрыжку, двигалась целая свита, его адъютанты и солдаты... Речь его была порывистая, нервная; каждое слово сопровождалось выкриками и жестикациями, причем Керенский ударял пальцами правой руки о стол с такой силой, что пальцы были окровавлены... В последующие разы он являлся с забинтованной рукой. Ответом на эту речь было гробовое молчание. И не потому мы молчали, что нам нечего было сказать Керенскому в ответ, а потому, что все, в равной мере, испытывали величайшее презрение к нему, видели эти гнусные приемы, эту его ложь и недоумевали, зачем ему нужно было оправдываться перед нами и прикрывать свою ложь трескучими фразами, рисоваться своим великодушием. Была ли с его стороны только глупость, или Керенский и в самом деле, отдавая приказ

о нашем аресте, желал укрыть нас от народного гнева?.. (не тот ли самый вопрос задавали плененные Романовы? Наблюдается лживая политическая метода Керенского. — *авт. ст. М. К.*)... Он был весь на пружинах, упивался славой и верой в себя и свое призвание. Безмерно честолюбивый, он не сознавал, что производил впечатление глупого, бездарного актера провинциального театра, и что над ним смеялись даже те, кто создавал ему его славу. Это был совершенно невменяемый человек, производивший до крайности гадливое впечатление»¹.

А вот что вспоминает фрейлина Анна Танеева (Вырубова) о Керенском, хорошо его знавшая, о мартовских днях 1917-го, когда ее впервые арестовали. «Влетел Керенский с каким-то солдатом и крикнул на меня и на мою подругу, чтобы мы назвали свои фамилии. Лили не сразу к нему повернулась. “Отвечайте, когда я с вами говорю!”, — закричал он. Мы в недоумении на него смотрели. “Ну что, довольны теперь? — спросил он солдата, когда мы наконец назвали наши фамилии”»².

Временное правительство в первые мартовские дни давало громкие гарантии, что примет для отправки Николая Романова в Англию «все меры, имеющиеся в его распоряжении»³. Почему этого не произошло, — однозначного ответа у участников этих событий не было. Львов, Милоков, Керенский, оказавшись впоследствии в эмиграции, стали писать мемуары, не углубляясь в причины изменения судьбы Романовых. Керенский не мог выполнить свое клятвенное обещание, потому что все его заверения всегда носили пропагандистский характер и были направлены к собственной выгоде и популярности. Тем более что положение в городе контролировало не столько Временное правительство, сколько Петроградский совет, опиравшийся на революционные массы, однозначно определяющие свою нетерпимую позицию по Романовым. «По воспоминаниям члена Исполкома Совета Б. Любарского, уже 1 марта Исполком на закрытии заседания обсуждал вопрос о мерах, которые должны быть приняты по отношению к Николаю II и всей царской фамилии. Поручили члену “Союза офицеров-республиканцев” эсеру Филипповскому рассмотреть вопрос “в узком кругу”. На этом совещании, состоявшемся 3 марта, присутствовали 6 человек, все — представители от солдат: Линде, Утгоф, Филипповский, Любарский, Скобейко и “неизвестный”. Предложение Линде об убийстве царя было отвергнуто; решено было предложить Исполкому Совета арестовать Романовых и предложить Временному правительству произвести арест совместно. В случае же отказа предполагалось запросить, каково будет отношение правительства, если Совет сам арестует царя и его семью»⁴.

Керенский, находясь под давлением революционных рабочих масс, лавировал, затягивал решение о судьбе Царя и его Семьи. Все крепче в «левых» членах Временного правительства, лидером которых становился

¹ Жевахов И. Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. М.: Родник, 1993. Т. 1. С. 297.

² Анна Танеева — фрейлина Государыни / под ред. И. Вихерьюри. СПб.: Общество памяти игуменни Таисии. 2012. С. 186.

³ Красный арх. 1927. Т. 3 (22). С. 54, 55.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполкома и Бюро ПК. М.-Л., 1925. С. 9. (Цит. по: *Иоффе Г. З.* Революция и семья Романовых. М.: Алгоритм, 2012. С. 91, 92.)

Александр Федорович, проявлялось желание упрочить свое политическое положение среди революционных слоев, угодить им, поэтому, рассчитывая на дополнительные политические дивиденды, было решено заменить высылку бывшего Царя в Англию на домашний арест. Это приносило Временному правительству дополнительные политические дивиденды. «Не исключено, что в этих демагогических целях Керенский (как министр юстиции и “генерал-прокурор”) рассматривал даже возможность некоего показательного суда над бывшим императором»¹.

Нет оснований думать, что Керенский сам принимал решения по таким значимым для революции вопросам, как судьба Царской Семьи. Он был подконтролен западным своим покровителям, а сохранение жизни Романовым не входило в их планы. Артистичный Керенский перед сверженным Монархом только талантливо исполнял роль заботливого революционного товарища. «Союзники полностью контролировали Временное правительство. И разлагавший страну и армию Керенский был любимцем западных политиков и репортеров. Убедиться в этом легко — возьмите списки всех составов Временного правительства, и вы увидите, что единственной персональной, бывшей членом Временного комитета Государственной думы всех последующих составов правительства, был только один человек — “непотопляемый” А. Ф. Керенский. “Непотопляемый” именно потому, что упрямо и твердо вел страну к гибели, прикрываясь мастерством оратора и демагога. Поэтому из правительства уходили и приходили все, кто угодно, но Керенский был там навсегда, и раз от разу его власть только возрастала»².

Керенский своей красноречивой демагогией опьянил всю Россию, но сам упорно вел дело к ее краху. Чего только стоят его усилия по развалу армии или обеспечение условий для «революционного дезертирства». Став военным министром, Керенский сразу издал документ, который генерал Алексеев назвал «последним гвоздем, вбитым в гроб русской армии». Измена Царю неизменно сопровождалась изменой Родине.

До опубликования текста так называемого отречения Николая II в печати появился «Приказ № 1» и была сформулирована Декларация прав солдата. Вот некоторые пункты Декларации:

1. Все военнослужащие пользуются всеми правами граждан.
2. Каждый военнослужащий имеет право быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества, союза.
3. Каждый военнослужащий, во внеслужбное время, имеет право свободно и открыто высказывать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды...
6. Все без исключения печатные издания (периодические или неперіодические) должны беспрепятственно передаваться адресатам...
12. Обязательное отдание чести, как отдельными лицами, так и командами, отменяется...

¹ *Завадский С. В.* На великом изломе // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 50. (Цит. по: *Иоффе Г. З.* Революция и семья Романовых. М.: Алгоритм, 2012. С. 93.)

² *Стариков Н. В.* Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2014. С. 274.

15. Все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнотружущего... не допускаются¹.

Главным в Приказе № 1 был пункт, согласно которому во всех политических выступлениях воинские части подчинялись теперь не офицерам, а своим выборным комитетам и Совету. Один из авторов Приказа меньшевик Иосиф Гольденберг объяснял позднее причину появления Приказа: «Приказ номер один — не ошибка, а необходимость... В день, когда мы “сделали революцию”, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались и приняли решение в пользу последней и употребляли — я смело утверждаю это — надлежащее средство»². Начались братания с врагом, русские солдаты покидали окопы и сам фронт. Для германского командования русская революция стала подарком. Немецкий генерал Людендорф писал: «На востоке наступила огромная перемена. В марте спешествующая Антантой революция свергла Царя. Власть захватило правительство с сильной революционной окраской. Наше общее положение значительно улучшилось. Предстоящие на западе бои меня не пугали»³.

Такие пропагандистские документы провоцировали «революционное дезертирство», которое великий современный философ и историк А. С. Панарин считает одной из причин революционной ситуации, помимо мировоззренческих, культурно-антропологических, психологических. Революционные настроения, подогреваемые западной пропагандой, глубоко зашли в души русских людей. В них, смущенных лазутчиками иностранного резидента Керенского, убеждавших солдат повернуть штыки против своего Царя, взбуживали архаические стихии, затопившие чувство христианского сознания. «Революционное дезертирство» ученый считает главной причиной трансформации национального сознания. «“Революционное дезертирство” — это страх, конвертированный в классовую ненависть и жестокость. Большевицкая пропаганда, с ее лозунгом “грабь награбленное”, явно зывала не к лучшим, а к худшим чувствам, безошибочно играя на понимание (в духе винеровского закона энтропии, гласящего, что хаос — наиболее вероятное, то есть не требующее специальных усилий ума и воли состояние). Следовательно, в массовом дезертирстве 1917 г. сказался не христианский дух, а языческий — стремление спасти себя за счет ближнего, уйти от испытаний, “повеселиться вокруг огня”, в котором сгорает собственная страна... Инфантильная реакция народа, взбунтовавшегося против государства — Отца, ведет к отцеубийству и, следовательно, к сиротству народа, которого больше некому защищать от внешних и внутренних хищников.

Хищники эти, как оказывается, значительно лучше подготовлены к существованию в условиях хаоса, к игре без правил, чем доверчивые массы. Мало того, у хищников всегда налицо и мощная организация, и международная поддержка (ибо противники России используют и финансируют их как пятую колонну). В результате реальные условия жизни народа ока-

¹ *Стариков Н. В.* Кто финансирует развал России? От декабристов до моджахедов. СПб.: Питер, 2014. С. 270.

² *Решетников Л. П.* Вернуться в Россию. Третий путь или тупики безнадежности. М.: ФИВ, 2013. С. 99.

³ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 годов / под ред. А. Свечина. М.: Государственное издательство, 1924. С. 132.

зываются неизмеримо худшими, чем прежде, до всех этих радостно встречаемых катаклизмов. Так было после большевистского социалистического переворота, повлекшего за собой настоящий провал из цивилизованности в варварство, голод и холод, царство беззакония. Результат — уменьшение населения российского на 13 миллионов человек в период с 1917 по 1921 год... Противник в свою очередь понимает, что лобовой атакой Россию победить невозможно, но развалить российский фронт изнутри, всячески пропагандируя, ободряя и финансируя партию поражения, возможно. Что касается народа, то он, давно втайне ропща против собственной власти, проглотит эту капитуляцию государства, если подать ее как победу сил мира и прогресса. Потом, когда народ опомнится, будет уже поздно»¹.

Как отмечает историк Игорь Фроянов, «Временное правительство, стремясь перевести Россию на путь западных демократий, лишало русский народ национальных ориентиров, побуждая его отказаться от собственного исторического опыта, собственных ценностей и перенять ценности западной цивилизации. Такая политика вполне объяснима, если учесть, что проводили ее лица, принадлежащие к масонству. Но то было очевидное насилие над Россией»².

7 марта Временное правительство приняло постановление, первый пункт которого гласил: «Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село»³. По мере того как Петроградский совет забирал все большую власть, жизнь Царской Семьи становилась тяжелее. Усиливалась антимонархическая пропаганда. Император подвергался унижениям и оскорблениям. Так вспоминает о содержании царскосельских пленников граф Бенкендорф: «С первых дней начальники караула требовали, чтобы при смене им показывали Императора и Императрицу в доказательство Их пребывания во дворце. Было установлено, что начальники сменяющегося и вступающего караула являлись ежедневно в половине второго... к Императору. Их Величества принимали их вместе и разговаривали с ними несколько минут, — обычно все происходило довольно спокойно. Но сегодня начальник вступившего караула, бывший фельдфебель, сразу выделившийся своими революционными речами, заявил, что он хочет обыскать весь дворец, и если окажется что-нибудь подозрительное, то горе виновным. Когда император протянул ему руку, он отступил назад и крикнул: “Ни за что на свете!” Император, подойдя к нему, спросил: “Что вы имеете против Меня?”»⁴.

К концу марта и инициатива англичан о принятии Царской Семьи заглохла в связи с чисто политическими соображениями. Предоставление убежища Романовым могло поколебать налаживающиеся отношения двух стран, ведь Англия к тому времени открыто заявила о поддержке «обновленной России» и «духа демократии». Поэтому уже в апреле английскому послу Дж. Бьюкенену было предложено довести до сведения Временного правительства о том, что до конца войны приезд Царской Семьи в Лондон

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация. СПб., 2014. С. 119–120.

² Фроянов И. Я. Октябрь Семнадцатого (Глядя из настоящего). СПб., 1997. С. 44–45.

³ ЦГВИА. Ф. 366 (кабинет военного министра). Оп. 2. Д. 1. Лл. 16–17. Вестник Временного правительства. 1917. 8 марта.

⁴ С(ловцов) Р. Сегодня. № 47. Рига. 18 февраля 1928 г.

не желателен, и дать совет — отправить пленников в другую страну. По ряду соображений и опять же к своей пользе Керенский, якобы заботящийся «о безопасности» узников, выбрал не страну, а сибирский город Тобольск. Лживый политик пообещал пленникам, что сразу после Учредительного собрания они смогут вернуться в Царское Село или другое место по выбору. И даже из переезда Царской Семьи в Тобольск Керенский пытался извлечь для себя дивиденды, поясняя свое решение, которое должно было поднять его престиж в правых кругах, только заботой о Семье. Во-первых, он якобы выводил ее из зоны революционного кипения, во-вторых, прислушался к рекомендации епископа Тобольского Гермогена, который настаивал на переезде Романовых в Тобольск, под его защиту. Керенский даже сам написал инструкцию для охраны, сопровождавшей узников на пути следования. И в подтверждение к ним своего доверия разрешил Николаю II встречу с братом Михаилом Александровичем.

Это была последняя встреча братьев. Великий князь Михаил Александрович, сосланный большевиками в Пермь, станет первой жертвой кровавой революции и богоборческой власти, распустившей слух, что он бежал из заключения. Но следственными властями при Белых армиях будет установлено, что Великий князь Михаил Александрович и его секретарь англичанин Джонсон были расстреляны 31 мая чекистами под командованием Мясникова.

Царская Семья не узнала об этом. Романовы не сопротивлялись своей участи еще и потому, что не намеревались покидать пределы Отечества. Когда в Царском Селе пленникам сказали, что ведутся переговоры об их отправке в Италию, Императрица ответила: «Тот подлец, кто бросает свою Родину в такой тяжелый момент. Пускай с нами делают что угодно, сажают в Петропавловскую крепость, но мы никогда не уедем из России»¹.

О чистоте помыслов и великой любви Государя к Отечеству свидетельствуют воспоминания графа П. Н. Апраксина, гофмейстера Императрицы. Прощаясь с ним перед отъездом из Царского Села, Император сказал: «Граф! Помогите сами и скажите тем, кто служил Мне, чтобы они помогали теперь всеми силами Временному правительству. Служите ему, как мне служили и Родине. Помните только одно: никогда еще в России не нужна была такая твердая и крепкая власть, как сейчас. Я об этом уже говорил, предупреждал и просил князя Львова... Помните это!»². Но долгие годы завет Государя о сильной власти не будет услышан и исполнен.

Несладко жилось пленникам в Тобольске. Но их утешало и обнадеживало знание о том, что существуют силы, пытающиеся их освободить для восстановления в правах Венценосцев. Однако эти попытки по ряду известных и поныне неизвестных причин не увенчались успехом: не хватало средств, не было централизации освободительного движения, в монархической среде предположительно действовали предатели, большевистские и немецкие осведомители и т. п. По официальной версии (но вероятно по соображениям подготовки ритуального убийства), большевистские комиссары по решению Центра и во избежание непредвиденного развития событий, спекулируя на

¹ Марков С. Покинутая Царская Семья. Вена: Amalthea-Verlag, 1928. С. 155.

² Руднев С. Царский завет // Император Николай II и революция / ред. С. Фомин. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 661.

ложной информации о возможности скорого вызволения Царской Семьи, решили ужесточить содержание пленников, для чего переправили их в Екатеринбург, где незадолго до этих событий известный предприниматель, наживший состояние на торговле черными металлами, капитан горного корпуса, инженер Ипатьев *по распоряжению Войкова (Пинхуса Лазаревича Вайнера)* купил бывший публичный дом для размещения и казни Императора. «То есть получается, что дом *сделали* “домом Ипатьева”. Найдя человека с подходящей фамилией, обеспечивая “роковое совпадение” и замкнув таким образом каббалистический круг между Ипатьевским монастырем и местом убийства»¹. Активное участие в подготовке этого очередного символического акта в свое время принял временщик Керенский, который, убегаая из революционной России, передал власть своему другу детства Ленину.

Хотя в следственном деле нет подтверждения, что убийство Царя было заранее продуманным и загодя подготовлен его ритуал, нельзя отрицать, что ритуальный компонент там не присутствовал. Символика играла заметную роль в деятельности первых большевиков. Например, момент восшествия их в историю России как новых правителей ознаменовался выстрелом крейсера «Аврора». Но, как известно из мифологии, сын утренней звезды Авроры — Люцифер — падший ангел, сатана. Убийство Царской Семьи произошло 17 июля за день до «плача по Иерусалиму». «Это был канун 18 июля 1918 года. По иудейскому календарю эта дата соответствовала 9 ава 5678 года. В этот день иудеи отмечают “День памяти и скорби”, так как в этот день были разрушены два иерусалимских храма — первый и второй»².

Символичен и выбор места убиения Царской Семьи. Царь Михаил Федорович, ставший основоположником династии Романовых, был провозглашен правителем Руси в марте 1613 г. после обряда, проведенного в Ипатьевском монастыре вблизи города Костромы. Согласно наиболее общепринятой версии монастырь основан около 1330 г. татарским мурзою Четом, родоначальником рода Годуновых и Сабуровых. Он бежал из Золотой Орды к Ивану Калите и принял в Москве крещение под именем Захарий. В благодарность за исцеление от болезни Захарий на этом месте основал монастырь, ставший колыбелью Династии Романовых. В этом же месте ему было видение Божьей Матери с предстоящими апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием Гангрским, прославившимся подвигом змеборчества в царствование императора Констанция, во дворце которого возле царской сокровищницы поселился огромный змей, умерщвленный святым епископом Ипатием.

В отступление от темы можно провести образную аналогию. В тысячелетней борьбе добра со злом русский Царь (sar, shar, щит, удерживающий) является щитом, защитником. По Святым Отцам, генетический противник русского Царя, еврей из колена Данова, согласно Божественному откровению изображается в виде змея, угрызающего конскую пятау: «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад» (Быт. 49:17). Несколько столетий мы наблюдаем эту схватку, глядя на знаменитого Медного Всадника, являющегося символом Санкт-Пе-

¹ Шамбаров В. Е. Окультизм корни Октябрьской революции. М.: Алгоритм, 2006. С. 318.

² Мультатули П. В. Свидетельства о Христе до смерти. СПб., 2006. С. 620.

тербурга. Конь Петра I по правде жизни и по замыслу мудрого Фальконе топчет змея, шипящего и извивающегося под железным копытом. Русский Царь из династии Романовых побеждает змея-антихриста так же промыслительно, как в древние времена это делал святой Ипатий Гангрский. В обители, посвященной ему, принял Помазание на Царство родоначальник рода Романовых Михаил Федорович, давший клятву за весь свой будущий род на служение народу и Отечеству и противостоянию антихристу.

Торжественно именно здесь отмечали празднование 300-летия Дома Романовых. У всех в России имя монастыря было на слуху. Слышал его, вероятно, и Войков, бывший комиссаром Уральского совета большевиков. Он находился в приятельских отношениях с инженером Ипатьевым и, вероятно, сообразил, что будет символично, если именно здесь, в доме с одноименным названием, совершится убийство. Убийцы, подчеркивая династическую преемственность ненавистных им русских царей, надеялись, что этот символизм начала и конца поможет им исторически оправдать кровавое беззаконие.

Казалось бы, ничто не мешало большевикам расправиться с Помазанниками в Тобольске, но зачем-то предпринимается длительное и рискованное перемещение пленников в Екатеринбург. Вероятно, для усиления символичности, затем, что именно там находился этот жуткий «Дом особого назначения», имевший не только подходящее для кровавой мистерии название, но и мистическую историю. Как известно, в Екатеринбурге существует немало мистических мест, где происходили весьма трагические события, дом Ипатьева — одно из них.

Дом был построен в конце 1880 г. горным чиновником статским советником И. И. Редикорцевым и представлял собой каменный двухэтажный особняк.

Дома инженера Ипатьева в Екатеринбурге

Личность господина статского советника Редикорцева была неоднозначна. Он являлся владельцем двух публичных домов, где кроме всего прочего предоставлялись и гомосексуальные услуги, которыми не прочь был попользоваться и сам владелец. Одним из этих «увеселительных домов» прежде был и дом Ипатьева. В дальнейшем Редикорцеву, чтобы расплатиться по векселям, пришлось продать дом известному золотопромышленнику купцу И. Г. Шаравьеву (Саравьеву). Однако тот был обвинен в мошенничестве, потратился на судебные тяжбы и был также вынужден продать строение. Военный инженер-строитель Николай Николаевич Ипатьев купил дом в январе 1918 года¹. До революции в нижнем этаже здания, по официальным сведениям, помещалась контора по операциям с черным металлом «Макшеев и Голландский». П. В. Мультатули отмечает, что Ф. Ф. Макшеев был инженером путей сообщения и состоял в масонских ложах. Точных данных о Голландском на сегодняшний день не имеется, но по всей вероятности он был русским евреем. И это обстоятельство позволяет предположить, что в подвальной комнате, где была убита Царская Семья, размещалась хасидская синагога (точных доказательств нет)².

Белый, оштукатуренный, в псевдорусском стиле, с тесовой зеленой крышей дом находился на спуске с косогора, поэтому первый этаж, в котором Ипатьев разместил конторские помещения, получился полуподвальным, а на площадь выходил лишь второй этаж, отведенный под жилые помещения, где и жила семья Ипатьева. Большое влияние на Николая Николаевича оказал его дядя, Д. А. Ипатьев, который не верил в Бога и не ходил в церковь, а также брат Владимир, он неприязненно относился к Императору Николаю II. Н. Н. Ипатьев был видным екатеринбургским кадетом, после Февральской революции входил в Комитет общественной безопасности, в котором состоял будущий комендант «Дома особого назначения» (так стали называть дом Ипатьева после заключения в нем Царской Семьи) большевик Яков Юровский, а также и другие деятели Уралсовета. Так что с организаторами расстрела Царской Семьи Ипатьев был лично знаком. Жена инженера Ипатьева была родственницей московской актрисы М. Ф. Гельцер³.

О том, что дом заранее готовился к приему особых гостей, говорит изменение его облика. Один из современных свидетелей пребывания Царственных узников в Екатеринбурге так передает свое впечатление от места их заключения. «Проходя мимо дома Ипатьева, я лично всегда получал тяжелые переживания: как тюрьма древнего характера — скверный частокол с неровными концами. Трудно было представить, что им хорошо живется»⁴. Сопоставление некоторых фактов опять наводит на мысль, что все, что делалось с Романовыми, имело символический характер. Этот страшный забор вокруг дома Ипатьева напоминал ограду не только острога, но и зверинца, загон для диких животных. Известно, что русского Царя нередко изображали в виде медведя с короной на голове. Кстати, нечто похожее можно было видеть в Ленинграде в 1927 г., когда вокруг памятника Александру III

¹ Козлов Николай (Щедрин А. А.). Царская жертва. М., 2010. С. 218 [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/176260/dom-ipatevyih-v-ekaterinburge-rasstrel-tsarskoy-semi-v-dome-ipatevyih>.

² Мультатули П. В. Свидетельствуя о Христе до смерти. СПб., 2006. С. 613.

³ Козлов Николай (Щедрин А. А.) Царская жертва. М., 2010. С. 194.

⁴ Там же. С. 223.

на площади у Московского вокзала поставили по проекту И. Фомина ограду, имитирующую зверинец — «пугало в клетке». А аббревиатура ДОН (дом особого назначения), которую большевики придумали для дома Ипатьева, имеет смысловое значение «зверинец».

Об отношении большевиков к привилегированным представителям русского общества как к зверям, которых надо травить, сдирать с них кожу, свидетельствуют, например, факты расправы с элитой г. Пятигорска в октябре 1918 г. «Взгляд матросов-большевиков, приходивших в “концентрационный лагерь”, на заложников в достаточной мере характеризуется словами одного из матросов, сказанными в их присутствии: “Здесь сидят не люди, а медведи и волки, которых нужно повести на гору Машук и поступить с ними так же, как с Николаем II, рассеяв их прах”»¹.

Вызывает восхищение высокое самообладание, благородство, воодушевление, верность клятве, присущие Помазанникам в эти зловещие дни. Когда, будучи еще в Tobольске, Император узнал о необходимости нового переезда, он с детской доверчивостью, связанной с врожденной правдивостью его личности, подумал, что его хотят отправить в Москву, и с самоотверженностью, считая, что он еще послужит России, воскликнул: «В таком случае, это значит, что они хотят заставить Меня подписать Брест-Литовский договор. Скорее, я дам отрубить себе руку». Императрица в сильном волнении говорила: «Я не могу покинуть Государя в такие минуты. Я чувствую, что его хотят заставить подписать что-то под угрозой опасности для Его близких... Наверное, они хотят заставить Его подписать мир... Немцы должны это требовать, доверяя только Его подписи... Мой долг этого не допустить...»². Во дни, приближающие их к смерти, эти святые люди думали не о себе, не о спасении своих детей, а о России, верными которой оставались до последнего вздоха. Благородному, доверчивому Семейству и в голову не могло прийти, какое кощунство готовят новые хозяева России.

Екатеринбург стал конечной точкой Царского Голгофского пути. Во время приезда туда Царской Семьи Екатеринбургский уезд управлялся Уральским совдепом. Главари его не упустили случая расправиться с Главой России и совершили преступление, подобное преступлению Библейского царя Ирода, отсекавшего главу Иоанна Предтечи.

Ярким свидетельством участия в этом преступлении безблагодатных сил могут быть портреты его идеологов и исполнителей, приведенные в книге русского эмигранта И. П. Якоби, составленной на основе редких воспоминаний современников. Книга эта впервые была опубликована в 1931 г. во Франции, а на русском языке — в 1938 году. Позволю выборочно процитировать эти выразительные психологические портреты.

«Председатель совета и его исполнительного комитета Белобородов (Вайбарт /?/. — *авт. ст. М. К.*), молодой, худой, бледный рабочий, был типичнейший большевицкий хулиган, для которого вся идея социализма сводилась к словам, брошенным Лениным низким инстинктам толпы: “грабь награбленное!” — награбленное, конечно, буржуями, объявленными вне закона советским законодательством...

¹ Козлов Николай (Шедрин А. А.). Царская жертва. М., 2010. С. 226.

² Слова эти приведены наставником Цесаревича П. Жильяром в показаниях следователю Соколову и в его книге “Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille” P. 218–219.

Сафаров, один из “надежд партии”, принадлежал сам к той буржуазии, о разгроме которой он мечтал. Впрочем, под этой маской, сморщенной и порочной, никогда не таилось высокой, хотя бы и ошибочной, идеи, никакого порыва политического фанатизма. Толкнула Сафарова в лагерь бунтарей простая трусость: он дезертировал во время мобилизации, перешел границу и в один прекрасный день очутился в Швейцарии, где Ленин и завербовал его. И, таким образом, после революции 1917 г. попал он в ту банду, которую будущий большевистский диктатор триумфально привез с собой в Россию в знаменитых запломбированных вагонах.

Настоящим главарем черной екатеринбургской шайки был Шая Голощекин... Мелкий невеликий мещанин, этот будущий революционер начал свою карьеру крайне мирно: по получении аттестата зрелости он обучался в рижской зубоврачебной школе и, казалось, был предназначен судьбою безболезненно извлекать зубы своих сограждан. Каким образом обратился он в жестокого большевика? Все, что мы знаем об этом инкубационном периоде деятельности Голощекина, он же “Филипп”, он же “Борис Иванов” — это ряд арестов... Во время одного из своих сидений Голощекин сдружился с единоверцем Янкелем Свердловым; после октябрьского переворота Свердлов, ставший председателем центрального исполкома, послал Голощекина в Екатеринбург в качестве военного комиссара... Голощекин принадлежал всей патологии; ничего человеческого не оставалось в этой темной душе, охваченной садистскими инстинктами крови и убийства и паническим страхом за свою жизнь... Содрогаясь в садистских конвульсиях, пугавших самих палачей, он выслушивал донесения о пытках, совершенных по его приказу, выпрашивал их ужасные подробности. Этот поставщик ЧеКа обладал лицом иуды-предателя, каким его изображали великие итальянские мастера Чиквеченто: окаймленное клочьями курчавых рыжих волос искаженное лицо с клиновидной мефистофелевской бородкой, бегающие фальшивые глаза, рот, искривленный злобной усмешкой.

И, наконец, сам цареубийца, тот, чье имя будет произноситься с ужасом в последней избе самой затерянной деревни России: Янкель Юровский... В какое время этот часовщик примкнул к революционной партии, мы не знаем. Известно только, что в 1905 г. он съездил в Берлин и вернулся оттуда лютеранином, снабженный деньгами и говорящий по-немецки... Янкель Юровский жаден, жесток, сластолюбив, он терроризирует своих братьев, вытягивая от них деньги, в которых они не смеют ему отказать. “Янкель был характера вспыльчивого и упрямого. Он любил угнетать людей”, — говорит о нем его брат Лейба, а его невестка прибавляет: “Это был эксплуататор. Он эксплуатировал моего мужа, своего брата”. Как только первые известия о Февральской революции достигли Екатеринбурга, Юровский, очертя голову, бросился в самую необузданную демагогию; он повел пропаганду среди солдат, подстрекая их на убийство офицеров... После бегства Временного правительства Юровский сразу сделался видным лицом в Екатеринбурге, был избран членом местного Совета, потом комиссаром юстиции.

Наружность этого человека ничем не изобличала его расу; в молодости у него резкие черты лица, тяжелая нижняя челюсть, глубоко посаженные глаза, густые сросшиеся на переносице брови, широкий круглый нос, как у русского мужика, закрученные усы и черные, подстриженные бобриком волосы; носит сюртук, крахмальный воротничок и галстук, как почтенный

купец. Но потом, сделавшись видным большевиком, Юровский, как истинный актер, превращает себя в сибирского разбойника: густая нестриженная борода, всклокоченные волосы. Красная русская рубаха. Настоящий Стенька Разин с его воспетыми народной поэзией кровавыми подвигами...

Из этих четырех действующих лиц: Белобородов — ленивый, гулящий краснобай-рабочий; Сафаров — мещанин, трусливый и озлобленный; Голощекин и Юровский — человеконенавистники, беспощадные исполнители кровавых заветов талмуда. Этот большевицкий мир в миниатюре не был бы вполне завершен без пятого типа революционера: выродившегося, безнравственного, заносчивого и дерзкого интеллигента. Таким был Петр Войков, комиссар по продовольствию Уральской области. Фигура жуткая, вся в глубоких тенях и пламенных красках, хвостун, игрок, карманщик; убийца, если нужно; писатель в моменты досуга, сластолюбец, грубый Дон Жуан, резкий, злобный, глухой к чувству жалости, чести, патриотизма, дружбы — таков был человек, карьера которого, рожденная в убийстве, погибла в крови¹. Эти люди казнили Помазанников Божиих и попытались скрыть для истории свои преступления. На какое-то время с помощью лжи русофобских властей это удавалось.

Путь Царский

*...ибо кто, подняв руку на помазанника Господня,
останется ненаказанным?*

(1 Цар. 26:9)

Долгие годы русские люди не знали о том, что произошло с Венценосной Семей. Не знали об убийстве, и убийц Царя не знали ни в лицо, ни по фамилиям. Но это только казалось, что не знали. Конечно, знали! Ведь еще в школе каждый читал поэму Блока «Двенадцать», в которой все сказано про убийц Царя и России. Поэтам, особенно таким, как великий Блок, дано видеть невидимое, находить образы точные и обобщающие, предостерегающие и предвещающие. Задолго до трагедии он предчувствовал убийство Царя. Как говорит литературовед О. Б. Сокурова, «И слух, и зрение Блока уже тогда были, в некоторых отношениях, поистине пророческими. Так, в том же 1903 г. — времени пока еще вполне благополучном — он пишет поразительное стихотворение, не только предвосхитившее последующие трагические события русской истории, но и вскрывающие их духовный первоисточник.

Поскольку это стихотворение мало известно, приведем его полностью.

*— Все ли спокойно в народе?
— Нет, император убит.
Кто-то о темной свободе
На площадях говорит.
— Все ли готовы подняться?
— Нет. Каменеют и ждут.
Кто-то велел дожидаться:*

¹ *Якоби И. П.* Император Николай II и революция / под ред. С. В. Фомина. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 313–316.

Бродят и песни поют.
 — Кто же поставлен у власти?
 — Власти не хочет народ.
 Дремлют гражданские страсти:
 Слышно, что кто-то идет.
 — Кто ж он, народный смиритель?
 — Темен, и зол, и свиреп:
 Инок у входа в обитель
 Видел его — и ослеп...
 Он к неизведанным безднам
 Гонит людей, как стада...
 Посохом гонит железным...
 — Боже! Бежим от Суда!

Точная дата создания этого произведения — 3 марта 1903 года. Март — трагический месяц для династии Романовых. В марте 1801 г. был убит император Павел I, в марте 1881 — Александр II. А через 14 лет после написания блоковского стихотворения, в марте 1917 г., русский Император Николай II был принужден подписать отречение от престола (легитимность этого документа до сих пор ставится под сомнение). Это событие неотвратимо повлекло за собой гибель Царской Семьи и крушение Российской империи»¹.

Хоть и восклицали радостно блоковские (и реальные) герои революции: «Бежим от Суда!», Суда Божиего и суда истории избежать не удастся никому, даже тогда, когда кажется, что «игро легкое» Христа сброшено окончательно, и пьянящая вольница освобожденной стихии завоевана в полной мере. Как у тех, двенадцати: «Свобода, свобода, эх, эх, без креста!» Понятно, что Христос и христианская совесть, проявителем которой были Православная Церковь и православный Царь, мешали революционному грабежу и «свободе» греха. Потому возникает естественное решение: из души, из жизни — долой их, пусть исчезнут хотя бы на время самоубийственного греховного разгула.

Удивительно, что Николай II воспринимал этот «разгул» сдержанно, даже можно сказать — понимающе, что позволяет провести еще одну евангельскую аналогию, о которой так говорит О. Сокурова: «Сверхлогичная парадоксальность ситуации состоит в том, что красноармейцы *преследуют* Христа и в то же время *следуют* за Ним. Они — на тот момент Его враги и одновременно Его блудные дети»². Кто знает, может быть уже прозревался в истории 1941 год... Да и в самом Блоке с переменным успехом боролись противоположные духовные силы. Вероятно, и Государь Император относился к своим преследователям по-отцовски, милосердно надеялся, что одумаются заблудшие его дети. «Но ведь они, ...идут “без имени святого”, у них сниженные, пародийные по отношению к апостольским, имена-клички. Может, это лжеапостолы? Не мешает вспомнить их коллективный портрет:

¹ Сокурова О. Б. Поэма А. Блока «Двенадцать» и пути России // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века — начала XXI века. 1917–2017: в 3 т. / сост., вступ. ст. А. Л. Казина. СПб.: Алетейя, 2016. Т. I. 1917–1934. С. 36–37.

² Там же. С. 59.

*В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!*

Портрет не оставляет сомнений: это уголовники-разбойники. С одной стороны, их обобщенный образ соответствует историческим реалиям (из таких вот, подчас выпущенных из тюрем, нередко формировались отряды “стражей и защитников революции”), а с другой стороны, в плане метаисторическом, напоминает евангельские события: разбойника Варавву, мятежника, бунтовщика, требовала отпустить на свободу беснующаяся народная толпа — и распять Иисуса. В России 1918 г. тоже был выпущен на свободу разбойник и вновь распинался Христос»¹.

Поэма «Двенадцать» была написана Блоком в январе 1918 г., то есть за полгода до большевистской расправы с Царем. Но в этом поэтическом откровении тема грядущего распятия звучит в нарастающей динамике, будущее, которое не пощадит и поэта, уже зачато и развивается в его поэтических строках. Мистическая поэтизация вообще присуща судьбе и кончине святого Царя Николая II. Очевидно магическое содержание цитаты из Гейне, написанной на стене подвала Ипатьевского дома. Кто-то зашифровал послание потомкам, стремясь подвести исторические аналогии под убийство русского монарха и тем оправдать этот вопиющий акт. Другими словами — «умыть руки».

Исследователи установили, что надпись представляет собой слегка измененную 21-ю строфу поэмы «Валтасар». На стене было написано Belsatzar (Бельзатцар), то есть белый царь. В исконной транскрипции имя вавилонского царя Baltahasar (baltas — лит., «белый», hasar — по Фасмеру, «красный»), может читаться как красно-белый — символика, восходящая к Пророку Иезекиилю, означающая — князь великий, главный, в данном случае — Царь Русский. Державное историческое предание производит Великокняжескую династию потомков варяжского князя Рюрика — Рюриковичей — от родственников римского кесаря Августа. Кровнородственные связи русских великих князей и царей с византийским императорским домом, историческое преемство и православное помазание на Царство легитимизировали Российскому Императорскому Престолу наследование Древнего Рима, а русским Царям — корону вселенских Императоров.

Генерал-лейтенант М. К. Дитерихс, возглавлявший расследование убийства Царской Семьи, заметил по поводу этой надписи: «Как смерть халдейского царя определила собой одну из крупнейших эр истории — переход политического господства в Передней Азии из рук семитов в руки арийцев, так смерть бывшего российского Царя намечает другую грозную историческую эру — переход духовного господства Великой России из области духовных догматов Православной веры в область материализованных догматов социалистической секты»².

¹ Сокурова О. Б. Поэма А. Блока «Двенадцать» и пути России // Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX века — начала XXI века. 1917–2017: в 3 т. / сост., вступ. ст. А. Л. Казина. СПб.: Алетей, 2016. Т. I. 1917–1934. С. 52.

² Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 1991. С. 206.

Мистический смысл перефразированного двестишья состоит еще и в том, чтобы переложить вину за кровь русского Царя на его русских подданных, которые должны были присутствовать при совершении ритуального царевубийства как обязательные в таком случае свидетели и соучастники. Для этого позже устраивается инсценировка. В Перми на сфальсифицированном судебном процессе под председательством главного идеолога и организатора убийства Янкеля Свердлова был вынесен смертный приговор группе русских по национальности эсеров из Екатеринбургского совета за якобы «самовольную расправу» над Царской Семьей, на самом деле не имеющих к этой трагедии никакого отношения. «Около года спустя, 17 сентября 1919 был организован в Перми в здании городского суда фарс-суд по делу убийства Императора Николая II, на котором истинные убийцы осудили на смерть свои новые жертвы: Яхонтова, Грузинова и Милютина, членов Екатеринбургского совета. И двух женщин: Марию Апраксину и Елизавету Мионову. В “Правде” за сентябрь 1919 г. появилось “сенсационное” сообщение о том, что “самовольная” расправа над царем и его семьей была наказана, и виновные (русские. — *автор цитаты*) понесли заслуженные наказания. В газете сообщалось, что “Следственный комитет об убийстве императора Николая Второго” (так мировые изобретатели лжи называли свой фарс) состоял из Янкеля Свердлова как председателя, Сосновского, Теодоровича, Смидовича, Розенгольца, Розина и Гришфельда (евреев), Аванесова (армянина) и (двух русских) Митрофанова и Максимова. Янкель Мовшевич Свердлов председательствовал на суде, на котором разбиралось его собственное преступление. До этого нужно было додуматься»¹.

Нет сомнения, что до этого додумался сам Свердлов — человек беспринципный, коварный и жестокий, знающий о жизни в местах лишения свободы не понаслышке, связанный смолоду со структурами ОПГ (организованная преступная группировка). Именно он создал в партии Ленина аппарат с жесткой структурой бандитской власти, действующей под фальшивыми лозунгами якобы в интересах рабочих и крестьян. Свердлов выстроил партийный аппарат на принципах жесточайшей субординации и ответственности. За невыполнение приказа — расстрел. Все повязаны кровью. Именно беспощадные действия Свердлова помогли большевикам удержаться у власти (например, геноцид казачества). Хотя, может, того не осознавая, поспособствовали большевикам и белогвардейцы, подтверждая слова, сказанные Николаем II, — «езде измена, трусость и обман».

В Екатеринбурге все знали, что в застенке «Дома особого назначения» томится отстраненный от власти Император Николай II. Поверим, что простые жители не могли одолеть небольшой большевистский отряд, охранявший Семью. Но именно в Екатеринбург в это же время была эвакуирована Николаевская академия генерального штаба, переименованная Лениным в Военную академию РККА. В июле 1918 г. основная масса преподавателей и учащихся отказалась выступить против наступавших на Казань частей Чехословацкого корпуса и Русской армии и перешла на их сторону. В связи с этим в августе 1918 г. приказом Реввоенсовета республики академия формально была расформирована. Но многие ее слушатели продолжили службу в рядах белого движения. Осилить охранников Царской Семьи уча-

¹ Козлов Николай (Щедрин А. А.). Царская жертва. М., 2010. С. 259.

ствовавшие в боях офицеры могли бы даже голыми руками, без оружия. Но никому из них это не пришло в голову. Почему? Вряд ли вследствие трусости. Изменили своему Государю лучшие офицеры его армии вследствие чудовищного обмана, связанного с тем, что все русские люди поверили в мистификацию с отречением и в добровольный отказ Государя от власти и России: тогда еще верили слову, ведь ни телевидения, ни Интернета, ни пропагандистских передач еще не было.

Вызывает недоумение и еще один факт. Менее чем через десять дней после убийства Царской Семьи в Екатеринбург вошли передовые белые части. Еще 26 мая чешская бригада заняла Челябинск. От Челябинска до Екатеринбурга — несколько часов езды по железной дороге. О боеспособности формирующихся в Челябинске белогвардейских частей говорят их успехи. За июнь-июль 1918 г. ими были взяты многие города: Кыштым, Миасс, Троицк, Верхнеуральск, Магнитогорск, Златоуст, Шадринск, Курган, Петропавловск и др. «Создается впечатление, — пишет Дмитрий Суворов в работе “Все против всех”, — будто белогвардейцы предлагают красным своего рода чудовищную “игру в поддавки”: мы даем вам время и шанс сделать ответный ход в отношении Царской Семьи; мы на вас наступаем, но не так, чтобы отрезать все концы, — нет, мы вас обкладываем, как волка флажками, но при этом ниточку Транссибирской магистрали не перерезаем: пожалуйста, драпайте, как вашей душе угодно! И Царя вывозите, куда хотите! Ведь если вспомнить, что Голощекин умудрился в этой ситуации съездить в Москву за инструкциями и вернуться — вернуться в полуокруженный Екатеринбург — для того, чтобы ликвидировать Семью, и отнюдь не сразу, а еще как минимум через неделю (в условиях гражданской войны это чудовищно много). И то после телеграфного сигнала, который дал ему из Перми командующий фронтом Р. Берзин. Как понимать такие действия “рвущихся на спасение” белых? И простым совпадением фактов все сие не объяснишь»¹.

Все это похоже на «договорную» войну. Вокруг Екатеринбурга нагнеталась военная напряженность как будто специально, чтоб ускорить и оправдать попыткой освобождения убийство Царской Семьи, чтобы замаскировать ритуальные элементы «охоты на Царя». Это предположение подтверждается тем фактом, что возглавлявший чехословацкие формирования генерал Гайда впоследствии у себя на родине был осужден за шпионаж в пользу Советов.

Настораживают и факты из истории первого правительственного расследования цареубийства. Начал его член Окружного суда выкrest И. Сергеев. Для надзора за следствием в составе французской военной миссии, возглавляемой генералом Жаненом, в штаб Колчака прибыл майор французской армии Зиновий Пешков, родной брат Янкеля Свердлова, крещенный и усыновленный писателем Максимом Горьким (Пешковым). Белогвардейская пресса позже отмечала факт, что во врангелевском Крыму, под командованием Жанена вместе с майором Зиновием Пешковым находился граф дю Мартель, женатый на свояченице Ротшильда².

Решительные действия большевистских убийц были, если не лично санкционированы, то спровоцированы и поддержаны новыми руководи-

¹ Коняев Н. М. Гибель красных Моисеев. М.: Вече, 2004. С. 343–344.

² Козлов Николай (Щедрин А. А.). Царская жертва. М., 2010. С. 253.

лями страны и определялись нетерпимой к России позицией Ленина, который говорил: «То, что вынужден терпеть Керенский, того не потерпит власть рабочих и крестьян. Наше государство народное, а народ требует законности и справедливости»¹.

Следует отметить, что и современные исследователи достоверных данных о причастности Ленина к убийству Царской Семьи не обнаружили. Лишь в мемуарах Троцкого приводится такой диалог со Свердловым. Когда Троцкий, вернувшийся из командировки и удививший свершившемуся убийству, спросил Свердлова: «А кто решил?», Свердлов ответил: «Мы здесь решили» и упомянул Ленина. Есть еще мемуары бывшего комиссара Яна Свикке «Ясные дали великого пути», написанные в 1960 г. и неизданные, в которых он утверждает, что по всем вопросам, вплоть до содержания Романовых, охранники консультировались с Лениным. Но ряд историков, и в частности историк Валерий Шамбаров, убеждены, что Свикке попросту врет, повышая цену своим воспоминаниям.

Одно точно известно, что, прикрываясь «законностью и справедливостью» (Ленин), происходил тотальный геноцид всех слоев населения России. Основываясь на материалах следствия Н. А. Соколова, исследованиях историков О. Платонова, Д. Меркулова, В. Бобровника и др., сегодня можно достаточно полно представить жуткую картину происходящего. Убийства членов Императорской фамилии начались с Великого князя Михаила Александровича. 12 июня 1918 г. в Перми его вместе с секретарем Джонсоном вывезли за город, расстреляли и тайно закопали. Это убийство было политическим и совершено было с пониманием того, что Михаил Александрович юридически еще оставался претендентом на Российский Престол. Поэтому его было необходимо убрать прежде Николая II, которому уже был подписан приговор, чтобы Великий князь не смог по закону заместить убитого Императора.

Потом началась подготовка к мистерии в Ипатьевском доме. Историки, основываясь на том, что Ипатьев был хорошим знакомым Войкова, предполагают, что Войков не только потребовал от своего друга освободить роковой дом, но незадолго до трагедии помог Ипатьеву его приобрести. Покупка дома в январе 1918 г. выглядит странно. Когда начались экспроприации, когда национализировались банки и промышленные предприятия, зачем, а главное, на какие средства этот дом был приобретен инженером? Не для того ли, что дом заранее рассматривался как символический элемент подготавливаемой ритуальной мистерии? Не для того ли, что был нужен именно «Дом Ипатьева»?

Была заранее просчитана и примерная дата ритуального убийства. В донесении Белобородова в Москву о цареубийстве в предложении «В ночь с 16 на 17 июля приговор этот приведен в исполнение», как заметили исследователи этого документа, приобретенного на аукционе «Сотби» в 1990 г., были проставлены только единицы, а цифры 6 и 7 вписаны позже другими чернилами. Вероятно, этот текст Голощекин возил в Москву для согласования со Свердловым. Дата была утверждена ориентировочно и уточнена после убийства. Известно, что Юровский загодя обследовал район вблизи Ганиной Ямы, где было много старых шахт и штолен, искал под-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 26.

ходящее место для сокрытия трупов. Все его усилия были вознаграждены, он первым выстрелил в Царя Николая II и навеки оставил черный след в истории России.

В тот же день 17 июля произошло еще одно символическое убийство. В Алапаевске в старую глубокую шахту были сброшены настоятельница обители Великая княгиня Елисавета Федоровна, состоявшая при ней монахиня Варвара, Великий князь Сергей Михайлович, князья Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович, князь Владимир Палей и Ф. Ремеза. Второе групповое убийство, жертвы которого были сброшены живьем, наводит на мысль об известном иудейском ритуале с двумя козлами, заключавшемся в принесении жертвы во искупление грехов иудейского народа. В традиции жертвоприношения один козел предназначался Яхве, убивался в качестве искупительной жертвы, и кровь его помещалась в храм. На второго козла (козла отпущения) возлагались грехи иудейского народа, и он «отпускался», то есть изгонялся живым в пустыню, предназначался в жертву Азazelю, демону пустыни. Вспомним предостережение сестрицы Аленушки братцу Иванушке — «Не пей из копытца, козленочком станешь!» Царская Семья была убита с пролитием крови. В Алапаевске люди были сброшены (изгнаны во тьму, в глубь шахты) живыми.

Очевидно — это символическая расправа с русской аристократией, правящей верхушкой тысячелетней России. Хотя в обоих случаях убийства были выполнены не так, как требовали «СВЫШЕ». В Алапаевске мученики не погибли сразу, долго из шахты доносились стоны и молитвы, поэтому палачи решили добить несчастных, бросили в шахту бомбу, потом кинули для удушения горящую серу. И с телами расстрелянных в Екатеринбурге не получилось управиться сразу. Шабаш в Ганиной Яме с раздеванием и ликвидацией тел затянулся, особенно, когда палачи нашли бриллианты Царевен, зашитые в платья. 18 июля пришлось все переделывать, перепрыгивать, расчленять, сжигать, обливать керосином и кислотой, припрятывать по болотам и штольням. Но, как говорится в Библии, «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным» (Марк 4:22; Лука 8:17).

Следствием свершившегося государственного переворота под знаменем классовой борьбы и социальной справедливости стал планомерный геноцид в отношении коренного русского населения, для чего был создан карательный орган — ВЧК. Антирусский характер карательных операций скрыть было невозможно, поэтому для придания геноциду законности и была создана эта организация. От ВЧК в прессу посыпались всевозможные распоряжения и предупреждения по борьбе с контрреволюцией. Трудящиеся массы натравливались друг на друга под надуманными предлогами. Династический геноцид, уничтожение аристократии, духовенства сначала осуществлялся в формах более тонких, чем поголовное истребление. Тех, кто не отважился служить новой власти, убивали незаметно, с постановлениями, сфабрикованными уже после расправы.

Накануне 100-летия Октябрьской революции появилось много книг, авторы которых пытаются обелить, оправдать высшую большевистскую власть, придать видимость законности совершенного злодеяния. Например, в книге известного историка Г. З. Иоффе «Революция и семья Романовых» говорится, что расстрел Романовых впоследствии обернулся многочисленными антисоветскими спекуляциями, возникновением и циркулиро-

ванием мифов и легенд. Историк такой, например, ссылкой подтверждает законность казни: «20 июля Я. М. Свердлов в разговоре с Екатеринбургом по прямому проводу сообщил о постановлении Президиума ВЦИК, признавшем решение о расстреле Николая Романова правильным, и ответил согласием уральцев санкционировать переданный ими текст. 21 июля он был опубликован в Екатеринбурге»¹. А заканчивает свое историческое исследование уважаемый автор, проживающий в США, такой, сообразной его мнению, цитатой из «великого» революционера Герцена: «Какая бы кровь ни текла, где-нибудь текут слезы, и если иногда следует перешагнуть их, то без кроважного глумления, а с печальным трепетным чувством страшного долга и трагической необходимости»².

Члены Царской Семьи были убиты не как конкретные люди, в этом качестве они не представляли реальной угрозы никому, Белая армия воевала не под монархическими знаменами. Их, как живые символы Православной России, нужно было уничтожить для полного разрыва с великим прошлым непобедимой страны, пред народом которой палачи хотели опорочить их Царя-батюшку. Отчасти это удалось, но история из своих богатых тайных недр понемногу выносит на поверхность жизни правду. Молитва Царя не о себе, идущем на казнь, а о России, его слова из дневника «Боже, как тяжело за бедную Россию!» многое проясняют сегодня. Постепенно на наших глазах обновляется картина тех страшных времен. Взять хотя бы такой пример. Известное стихотворение «Молитва»: «Пошли нам, Господи, терпенье...», посвященное Великим князьям и приписываемое Царевне Ольге, не так давно обрело своего истинного автора. Эти строки принадлежат талантливейшему русскому православному поэту Сергею Бехтееву. Сегодня мы знаем, что он написал его в Ельце в октябре 1917 г. и через графиню Анастасию Васильевну Гендрикову передал в Тобольск. Читая эти строки, нетрудно представить, как святые молитвы звучали из уст Государя Николая II и его Семьи, приемлющих один путь: «Да будет воля Твоя».

*Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час...
И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!*

Сегодня мы знаем и возвышенные слова наставника Цесаревича Алексея Николаевича, верного слуги Монарха П. Жильяра о смысле Царского подвига: «Государь и Государыня верили, что умирают мучениками за свою родину — они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие не проистекало от их царственного сана, а от удивительной нравственной высоты, до которой они постепенно поднялись. Они сделали идеальной си-

¹ Иоффе Г. З. Революция и семья Романовых. М.: Алгоритм, 2012. С. 346–347.

² Там же. С. 347.

лой. И в самом своем уничтожении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость, и которая торжествует в самой смерти»¹.

Этот Царский подвиг — событие объективного, вселенского содержания, поэтому невозможно не верить провидческим видениям святителя митрополита Московского Макария, постигшим его вскоре после революции 1917 г., когда еще в России никто и представить не мог такого страшного ее продолжения и кровавого укоренения. Так духоносный старец рассказывает о своих снах: «...Заснувши вскоре, я вижу себя стоящим в той же арке, а за нею со Спасителем стоит Государь Николай Александрович. Спаситель говорит Государю: “Видишь, в моих руках две чаши. Вот эта — горькая, для твоего народа, а другая, сладкая, для тебя”. Государь падает на колени и долго молит Господа дать ему выпить горькую чашу вместо своего народа. Господь долго не соглашается, а Государь все неотступно молил... Тогда Спаситель вынул из горькой чаши большой раскаленный уголь и положил его Государю на ладонь. Государь начал перекладывать уголь с ладони на ладонь и в то же время телом стал просветляться, пока не стал весь пресветлый, как светлый дух. На этом я опять проснулся. Заснул вторично, я вижу громадное поле, покрытое цветами. Стоит среди поля Государь, окруженный множеством народа, и своими руками раздает им манну. Незримый голос в это время говорит: “Государь взял вину русского народа на себя, и русский народ прощен”»².

С юности Государь Николай II предчувствовал свою жертвенную судьбу и помышлял об искупительном жертвоприношении русскому народу и России. Господь послал ему и жену, которая была объединена с ним единым духом. Царица Александра понимала и озаряла Царский, жертвенный путь супруга, сопровождала его во всю жизнь и не отступила с этого пути ни на шаг. Промыслительным было ее духовное прозрение в последние месяцы жизни, когда она в письме из тобольского заключения от 20 марта 1918 г. писала такие слова: «Как будто все святые угодники Божии особенно близки и незримо готовят душу ко встрече Спасителя Мира. Жених грядет, приготовимся Его встречать: отбросим грязные одежды и мирскую пыль, очистим тело и душу. Подальше от суеты — все суета в мире. Откроем двери души для принятия Жениха. Попросим помощи у святых угодников. Не в силах мы одни вымыть наши одежды. Поторопимся Ему навстречу! Он за нас, грешных, страдает, принесем Ему нашу любовь, веру, надежду, души наши. Упадем ниц перед Его пречистым образом: поклонимся Ему и попросим за нас и за весь мир прощение, за тех, кто забывает молиться, и за всех, да услышит и помилует. И да согреем мы Его нашей любовью и доверием. Облекшись в белые ризы, побежим Ему навстречу, радостно откроем наши души»³.

¹ Жильяр Пьер. Император Николай II и его семья. (Цит. по: Анна Танеева — фрейлина Государыни / под ред. И. Вихерюри. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2012. С. 358.)

² Видение митрополиту Московскому Макарию вскоре после революции 1917 года [Электронный ресурс]. URL: <http://nikolai2.ru/son-moskovskogo-mitropolita-makariya-vskore-posle-revoljutsii-1917-g.html>.

³ Цит. по: Анна Танеева — фрейлина Государыни / под ред. И. Вихерюри. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2012. С. 393.

Сегодня мы знаем не только о том, что произошло в Екатеринбурге, не только подробности страшной расправы с Царской Семьей, но и другие кровавые преступления большевиков. Вслед за екатеринбургской резней начались другие убийства. Полгода спустя большевики провели новую расправу над ненавистными им Романовыми. 14 января 1919 г. во дворе Петропавловской крепости были из наганов расстреляны чекистами узники — Великие князья Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович и Георгий Михайлович.

Однако не со всеми Великими князьями большевики обращались как с классовыми врагами. Они оказались милостивыми к Великому князю Николаю Николаевичу, который был посвящен в замыслы заговорщиков, проводивших тайное совещание в декабре 1916 г. в Москве под председательством кн. Львова. На этом совещании было решено, что Николай II будет свергнут. С молчаливого согласия Николая Николаевича свершился государственный переворот, в результате которого Великий князь надеялся занять должность Верховного Главнокомандующего. Однако, получив письмо главы Временного правительства князя Г. Е. Львова с решением Временного правительства о невозможности для него быть Верховным Главнокомандующим, после совещания с генералом М. Алексеевым отказался от этого поста, вышел в отставку и уехал в крымское имение Дюльбер.

Позже, в эмиграции, Великий князь Александр Михайлович вспоминал, какие доводы приводил ему свергнутый Царь Николай II в пояснении своего шага: «...Он показал мне пачку телеграмм, полученных от главнокомандующих разными фронтами в ответ на его запрос. За исключением генерала Гурко, все они, и между ними генералы Брусилов, Алексеев и Рузский, советовали Государю немедленно отречься от престола. Он никогда не был высокого мнения об этих военачальниках и оставил без внимания их предательство. Но вот в глубине пакета он нашел еще одну телеграмму, с советом немедленно отречься, и она была подписана Великим князем Николаем Николаевичем.

— Даже он! — сказал Ники и впервые голос его дрогнул»¹.

В Крыму Великий князь Николай Николаевич во время октябрьского переворота и после него жил вместе с Императрицей Марией Федоровной достаточно свободно. От крымских большевиков, которые стремились всех Романовых расстрелять или повесить, их охраняли матросы-большевики во главе с комиссаром Севастопольского совета Задорожным, который подчинялся напрямую Ленину. Такова была благодарность за участие в свержении монарха. Вот как это описывает в своих воспоминаниях Великий князь Александр Михайлович: «Тяжелые подводы, нагруженные солдатами и пулеметами, останавливались у стен Дюльбера. Прибывшие требовали, чтобы к ним вышел комиссар Севастопольского совета товарищ Задорожный. Товарищ Задорожный, здоровенный парень двух метров росту, приближался к воротам и расспрашивал новоприбывших о целях их визита. Мы же, которым в таких случаях было предложено не выходить из дома, слышали через открытые окна обычно следующий диалог:

¹ *Романов Александр Михайлович, Великий князь. Книга воспоминаний // Глава XVII «Война и революция». Париж, 1933. С. 185.*

— Задорожный, довольно разговаривать! Надоело! Ялтинский совет предъявляет свои права на Романовых, которых Севастопольский совет держит за собою незаконно. Мы даем пять минут на размышление.

— Пошлите Ялтинский совет к черту! Вы мне надоели. Убирайтесь, а не то я дам отвесть севастопольского свинцу!

— Они вам дорого заплатили, товарищ Задорожный?

— Достаточно, чтобы хватило на ваши похороны.

— Председатель Ялтинского совета донесет о вашей контрреволюционной деятельности товарищу Ленину. Мы вам не советуем шутить с правительством рабочего класса.

— Покажите мне ордер товарища Ленина, и я выдам вам заключенных. И не говорите мне ничего о рабочем классе. Я старый большевик. Я принадлежал к партии еще в то время, когда вы сидели в тюрьме за кражу.

— Товарищ Задорожный, вы об этом пожалеете!

— Убирайтесь к черту!

Молодой человек в кожаной куртке и таких же галифе, бывший представителем Ялтинского совдепа, пытался нередко обратиться с речью к севастопольским пулеметчикам, которых хотя и не было видно, но чье присутствие где-то на вершине стен он чувствовал. Он говорил об исторической необходимости бороться против контрреволюции, призывал их к чувству “пролетарской справедливости” и упоминал о неизбежности виселицы для всех изменников. Те молчали. Иногда они бросали в него камушками или же даже окурками»¹.

С угрозой вступления в Крым красных войск в конце марта 1919 г. Великий князь Николай Николаевич покинул Родину на английском дредноуте «Мальборо». Михаил Назаров в книге «Миссия русской эмиграции» так говорит о дальнейших политических настроениях этого Великого князя: «...Русские и немецкие правые круги одинаково ощущали несправедливым решения Версальской конференции и считали, что их пересмотр возможен только в сотрудничестве Германии и России (которая в конференции вообще не участвовала). В этом и заключалось тогдашнее “германофильство” русских правых, которые именно поэтому сконцентрировались тогда в Германии. (В отличие от “франкофилов”, которые не могли простить немцам финансирование Ленина и все еще надеялись на поддержку Антанты: так-то была и ориентация Вел. кн. Николая Николаевича...)»².

С ненавистью к новой власти относились русские эмигранты, оставившие драгоценные свидетельства и воспоминания. С болью о потерянной России пишет И. П. Якоби: «Палачи праздновали победу в Кремле. Послы их являются желанными гостями в европейских столицах; монархи и президенты жмут руки, на которых видна несмываемая кровь их Верного Союзника. Еврей Валлах-Литвинов председательствует в Женеве над представителями сорока четырех государств. Убийца и преступник Троцкий... спокойно живет в Мексике в то время, как его сторонники продолжают вести по всему миру революционную пропаганду; так же беспечно проживает во Франции чекист Мясников, убийца Великого князя Михаила Александровича.

¹ Романов Александр Михайлович, Великий князь. Книга воспоминаний // Глава XVII «Война и революция». Париж, 1933. С. 196–197.

² Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. М.: Родник, 1994. Т. 1. С. 107.

Некоторые из царевичей уже понесли возмездие за свое преступление: Свердлов, душа заговора, умер от побоев, нанесенных ему рабочими фабрики Морозова в Москве в 1919 г.; Ваганов, узнанный на улице Екатеринбурга после бегства красных, был тут же разорван толпой; Медведев умер в тюрьме, говорят, от тифа; Якимова постигла та же участь; Войков, назначенный советским посланником в Варшаве, был сражен пулей молодого русского эмигранта-героя Бориса Коверды. Юровский умер или погиб при неизвестных обстоятельствах. Надо сказать, что после убийства Царя судьба “верного свердловца” Юровского не была уж такой трагичной. Он возглавлял Гохран, активно занимался перепродажей русских сокровищ на запад, понятно, под прикрытием “СВЫШЕ”. Юровский попытался вывезти за границу царскую корону, державу и скипетр, но был пойман и отделался лишь увольнением с доходной должности. Ермаков, снова ударившийся в уголовный бандитизм, был пойман в 1929 г., судим революционным трибуналом и приговорен к расстрелу, что было заменено ему десятилетним лишением свободы; Белобородов, арестованный недавно как троцкист, падет, быть может, как Зиновьев и Каменев, от наганов чекистов»¹. Сегодня мы знаем больше, знаем, что не только рок, а чаще сами большевистские палачи уничтожали своих единомышленников, чтобы скрыть в истории следы кровавых преступлений.

Всероссийский батюшка святой праведный Иоанн Кронштадтский за долго до кровавых событий предчувствовал богоборческие времена и неоднократно прямо и решительно предупреждал, что до тех пор антихрист не придет, пока существует в России Самодержавная Царская власть, которая «сдерживает бесчинное шатание безбожников». «...Царь, как получивший царскую державу от Самого Бога, есть и должен быть Самодержавен... Держись же, Россия, твердо веры твоей и Церкви, и Царя Православного, если хочешь быть непоколебимой людьми неверия, безначалия и не хочешь лишиться Царства и Царя Православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга... И чем бы мы стали, россияне, без Царя? Враги наши скоро постарались бы уничтожить и самое имя России, так как Носитель и Хранитель России, после Бога, есть Государь России, Царь Самодержавный, без Него Россия — не Россия» (1907).

Эти слова св. прав. Иоанна Кронштадтского русские люди осознали много-много позже, когда уже ничего поправить было нельзя. В отличие от тех, кто остался в большевистской России, русская эмиграция могла более свободно осмыслить произошедшее и понять, что причиной русской катастрофы является Богоотступничество. Общество могло быть крепким, действенным, стойким перед внешней угрозой только при Православии и Православном Монархе. В эмиграции, как Георгий Иванов, многие русские люди, оглядываясь назад, видели щемящую в своей невозвратности картину:

*Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...*

¹ Якоби И. П. Император Николай II и революция / под ред. С. В. Фомина. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 353.

*Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...*

1949 г.

Историк, русский духовный писатель Н. Д. Тальберг, чая воскресения любви и гармоничных отношений в русском обществе, очень точно и кратко пояснил безусловный смысл Царского пути, который осилил Император Николай II и его Святая Семья. «Жила она, эта Богохранимая Семья, полной жизнью семейного счастья, неся бремя Царской власти. ...О, если бы покаянно могла склониться перед духовной красотой умученной Царской Семьи вся Россия! Это означало бы воскресение России к новой, светлой жизни, это означало бы наступление конца того страшного кошмара, который висит над миром, застилая Солнце Правды. Об этом можно молиться. Но за себя отвечает каждый. И едва ли есть вопрос личной совести, имеющий такое неизмеримо великое значение общественное, как вопрос отношения каждого из нас к Царской Семье, как оценка каждым из нас высоты ее духовно-нравственного подвига»¹.

Русский народ, обжегшийся дыханием антихриста, заглянувший в ад — вы бездны, сегодня, глядя на икону Царя-мученика, начинает понемногу выздоравливать духовно, понимать отличие свободы-вседозволенности от воли Божией. Как впоследствии писал архиепископ Иоанн (Максимович), «Царь Николай II является образцом благочестия и полной преданности воле Божией. Восприняв благодатную Печать дара Духа Святого в Таинстве Миропомазания, Император Николай II был до конца жизни верен своему высокому званию и осознавал свою ответственность перед Богом. Император Николай II в каждом поступке отдавал отчет перед своей совестью, вечно ходил перед Господом Богом. Благочестивейший во дни своего земного благополучия, он во дни своих испытаний проявил терпение, подобное терпению праведного Иова... Пред униженным, оклеветанным и умученным должна склониться Русь»².

Да, именно вся Россия-Русь, потому что как бы велика ни была роль западной «закулисы», русский народ оказался соучастником преступления не только против своего Царя, но против своей страны, ее истории, ее будущего.

Точна оценка этого преступления, данная схимонахом Никодимом Сятогорцем: «Отвергли царскую власть, отдали убить царя, освободили себя от Божественной власти — и попали под сатанинскую власть. Ох, какой это тяжкий грех!.. И согрешили в нем все русские люди, кто делом, кто словом, а кто помыслом, желанием, согласием. За этот великий грех весь мир страдает, а русский народ — больше всех...

Ради благодати помазания в Русских Царях Бог щадил весь мир, даже противников Своих, язычников и еретиков.

¹ *Тальберг Н. Д.* Светлой памяти возлюбленного Государя [Электронный ресурс]. URL: www.russportal.ru/index.php?id=church_writing.talberg_nd1960_00_011.

² Благодатный Царь над Россией. СПб., 2000. С. 21.

Николай II в Тобольске. 1918 г.

Ленин в Горках. 1923 г.

И вот русские люди отвергли — не удержали эту благодать, потому и страдают они больше всех, **не сознают глубоко своей вины**, греха перед Помазанником Божиим, не сознают, что наказываются именно за этот грех, и не каются...».

Да, грех страшный, но Бог не отступился от России, не свершил Свой Страшный Суд. По утверждению Григория Нисского, Бог Отец предоставит это судопроизводство Сыну. «Если бы Бог Отец производил всеобщий суд самолично, то Он в данном случае, при оценке человеческих поступков, руководился бы Своей абсолютной правдой, и тогда — так как перед абсолютной Божией правдой все люди являются неизменно виновными — никто из людей не мог бы достигнуть спасения. Но Бог Отец... предоставляет производство всеобщего суда Своему Сыну, Который, будучи на земле, жил человеческой жизнью, испытал на себе все трудности и страдания, Который хотя сам и не согрешил, однако знает, что человеку очень трудно сохранить себя чистым от грехов. Это последнее обстоятельство собственно и побудило Его поступиться требованиями абсолютной Божьей правды в пользу требований неизмеримой любви Божией»¹.

Неизмерима Христова любовь к России, на защиту которой в боготворческие времена встала Богоматерь Державная, взяв в Свои руки российские Державу и Скипетр. Подобно матери, любящей больше детей слабых, неразумных, чем преуспевающих, Христос более расположен к «нищим

духом», к кающимся, чем к гордым победителям, безупречным исполнителям закона. Показательным примером этой антиномии могут быть две фотографии. Обе они сделаны в последние дни жизни двух непримиримых противников: «Николай II в Тобольске. 1918 год» и «Ленин в Горках. 1923 год». Глубокое духовное содержание личности, несломленность воли, веру

¹ Макарий (Оксиюк), митрополит. Эсхатология св. Григория Нисского. М., 1999. С. 473.

в свое предназначение являет светonosный образ Царя, подчиняющегося воле Божией, закону христианскому. Образ Ленина страшен. Безумный его взор изливает неистощимую злобу, глаза беспросветны как бездна, все отталкивающие черты личности проявились в облике этого человека, недавно бывшего рьяным исполнителем кровавого нечеловеческого закона. Эти фотографии при сопоставлении показывают образы силы горней и мерзости дьявольской.

Один — спаситель России в веках, другой — временщик, разоритель своей Родины.

«Мыслящая гильотина», как называл П. Струве вождя мирового пролетариата Ленина, не стесняясь, провозгласил: «...а на Россию мне наплевать!» и любил повторять «русские — “говнюки”». Он являл собой духовную и мировоззренческую антитезу святому Царю. Вот что писал И. А. Бунин об Ульянове-Ленине: «...Выродок, нравственный идиот от рождения. Он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек... И все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорит, благодетель он человечества или нет?»¹

Поныне актуален этот вопрос, относящийся к одной из самых кровавых личностей русской истории, к тому, кто и сегодня «живее всех живых» (!?). Трудно этот тезис опровергнуть, трудно с ним согласиться. Ведь В. И. Ленин или ВИЛ находится по-прежнему в центре столицы в телесной целостности, но не потому, что свят, а благодаря искусству бальзамирования. Это искусство имеет древнюю практику, оно развивалось под покровительством Ваала (или Вила — беса полуденного). В эпоху Возрождения практика мумифицирования, достигшая расцвета, совпала по времени с распространением в Европе практической каббалы, представляющей собой осуществляемую при помощи человека «попытку дьявола выкарабкаться из преисподней». Были попытки проникновения культа Ваала из апостасийной Европы на Русь. «При Иване Грозном брестские евреи привезли в Москву с разными товарами продавать и мумию. Эта-то мумия и накликala на них беду; товары их были сожжены, а сами они выгнаны из Москвы... В Московской Руси хорошо умели различать козни дьявола»². В сегодняшней России существуют секретные практики, позволяющие современным жрецам Вила подпитывать и сохранять мумию идеолога и вершителя «русской», а точнее, русофобской революции. Хотя перспектива этих усилий известна. В книге пророка Даниила содержится исторический рассказ о существовании в Вавилоне культа Вила и о его сокрушении силою Божественной Премудрости (Дан. 14:3–22). Кажется, что эта история повторится и в наше время, явно озаглавленное Божиим промыслом. Большевизм сокрушен неведомой силой, Россия возвращается к своим корням. Но во искупление страшного греха мало надеяться на Божие милосердие, каждому надо взыскать с себя.

На протяжении почти всего XX в. этот духовный закон проявился в страшных последствиях отказа человека от Бога, от Церкви. Страна погрязшего Православия потерпела сокрушительное поражение в Первой

¹ Из речи «Миссия русской эмиграции». Париж, 29 марта 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inpearls.ru/>

² Козлов Николай (Щедрин А. А.). Царская жертва. М., 2010. С. 129–130.

мировой войне, уменьшилась в размерах, покрылась сетью концлагерей. На духовно обессиленную советскую Россию напала, в полной уверенности своего превосходства, фашистская тьма. Только тогда Сталин начал понимать, что в этой адской войне русский народ не сможет победить без помощи Божией, и стал потихоньку, опасаясь большевистских соратников-богоборцев, которым на Россию было по-прежнему «наплевать», открывать церковные врата. Взял в помощники священство. И Господь услышал их молитвы, принял жертвы русского воинства и народа, и ада тьма была побеждена. А в Сарове, в местах, одухотворенных молитвенным подвигом великого заступника земли Русской Серафима Саровского, свершилось чудо обретения Россией атомной бомбы, наличие которой поныне является залогом нашего мирного существования. Но дело не только в оружии. Н. Стариков в своей книге «Ликвидация России» делает следующий вывод: «Социальный взрыв будет там, где его готовят, где на него выделяют огромные средства. Крах государства будет там, где его противникам путем **ежедневной** пропаганды удастся внушить населению антигосударственные воззрения. Словно мыльный пузырь лопнет та империя, чья элита решит себе за благо “сдать” Родину в обмен на материальные блага. Так погиб Советский Союз, так погибла Российская Империя»¹.

И сегодня Россия держит оборону. Весь мир, введенный в заблуждение горсткой алчных приспешников золотого тельца и Мамоны, ополчился на наше Отечество. Немыслимая ложь и клевета льются на великую победную историю нашей страны, на руководителей государства, осуществляются попытки расшатать устои Православной веры. Но Президент России В. В. Путин неколебим в своих духовных устоях. Его невероятные, непостижимые успехи являются не только следствием его мудрой политической воли, но имеют метафизические основы. Кажется невероятным бескровное возвращение в Россию Севастополя и Крыма, где Херсонес является духовно-территориальным истоком русского Православия. Очевидно, что это мистическое событие, произошедшее на глазах всего мира, не произошло бы без помощи Божией. Зримым доказательством духовной крепости нашего Отечества и залогом его благополучного будущего является образ нашего воцерковленного Президента, молящегося перед ликами святых заступников Отечества, среди которых и Святые Страстотерпцы — Семья Николая II.

Конечно, кровь Венценосцев, пролитая в Екатеринбурге, не может быть просто искуплена кровью тех, кто совершил кощунство. Это преступление требует всенародного осознания и покаяния, которое стало возможно в наше время пред иконой святого Царя-Мученика и его Семьи. 14 августа 2000 г. Русская Православная Церковь причислила Царя Николая II и членов его Семьи к лику святых как страстотерпцев. И Русь в Крестных ходах и молебнах склонилась пред тем, кто осенил ее новой славой, и прославила своего нового Небесного Заступника и его Семью. Но темные силы не унимаются, продолжают глумиться над Святыми Венценосцами средствами лживой медиапропаганды, фальсифицированной истории, либерально-русофобского искусства. Мало знать о подробностях Святого подвига Царя,

¹ *Стариков Н. В. Ликвидация России. СПб., 2010. С. 59.*

*Спасо-Преображенский Валаамский монастырь.
Молебен у мощей преподобных Сергия и Германа Валаамских. 11.07.2016*

необходимо размышлять об истоках духовного превосходства, о непоколебимой глубокой вере страстотерпца. От нас требуются искренние духовные усилия. Как говорил в одном из своих выступлений Патриарх Алексий II, «Ныне, отрекаясь от грехов прошлого, мы должны понять: благие цели должны достигаться достойными средствами. Созидая и обновляя жизнь народа, нельзя идти по пути беззакония и безнравственности. Совершая любое дело, даже самое доброе и полезное, нельзя приносить в жертву человеческую жизнь и свободу, чье-либо доброе имя, нравственные нормы и нормы закона»¹.

Для понимания этого — требуется от народа укрепление в вере, собственное воцерковление, осознание того, что русский Царь представлял не режим, не сословие, не класс. Он представлял Россию, был от нее неотделим и не оставил Отечество на его крестном пути, повторив Путь Христа — Путь Царский. Надо проникнуться страхом Божиим, ощутить собственную ответственность за день нынешний и воспринять как личную — трагедию столетней давности, о которой в 1942 г. выдающийся поэт, участник Белого движения Арсений Несмелов написал эти, не имеющие срока давности строки.

¹ Слово Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской Православной Церкви к 75-летию убийства Императора Николая II и его Семьи.

Цареубийцы

*Мы теперь панихиды правим,
С пышной щедростью ладан жжем,
Рядом с образом лики ставим,
На поминки Царя идем.
Бережем мы к убийцам злобу,
Чтобы собственный грех загас,
Но послали Царя в трущобу
Не при всех ли, увы, при нас?
Сколько было убийц? Двенадцать,
Восемнадцать иль тридцать пять?
Как же это могло так случиться, —
Государя не отстоять?
Только горсточка этот враг,
Как пыльцу бы его смело:
Верноподданными — сто сорок
Миллионов себя звало.
Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни, —
Не за всех ли отраву возлил
Некий яд, отравлявший дни.
И один ли, одно ли имя,
Жертва страшных нетопырей?
Нет, давно мы ночами злыми
Убивали своих Царей.
И над всеми легло проклятье,
Всем нам давит тревога грудь:
Замыкаешь ты, дом Ипатьев,
Некий давний кровавый путь!*

Чтобы «дом Ипатьева» действительно стал последней вехой «давнего кровавого пути», чтобы не допустить убийственного поспешия Царя-страстотерпца в наше время, необходимо строже относиться к своим словам и поступкам, пресекать клевету на святую Церковь и Отечество, не потакать глумливой культуре, знать свою настоящую историю. Нужно вспомнить слова российского генерал-фельдмаршала Бурхарда Кристофа фон Мюнниха: «Русское государство обладает тем преимуществом перед другими, что оно управляется непосредственно Самим Богом, иначе невозможно понять, как оно существует». Нужно проникнуться переживаниями старца Николая Гурьянова, которому Господь открыл истину о Царе-страстотерпце, когда имя Венценосца было под запретом богоборческих властей. Батюшка повторял и плакал: «Как их мучили! Помните об этом и не забывайте: царственный мученик своими страданиями спас нас. Если бы не муки Царя, России бы не было! Царь очень жалел и любил Россию и спас ее своими мучениями. Он отдал на заклятие наследника Алексея, отраду и утешение своего сердца».

Поскольку Россия верна себе и следует за Христом, она призвана идти вслед за Ним Крестным путем. Силами мирового зла Россия определена

на заклятие, и «клеветники, враги России» неистово кричат: «Распни ее!». Но Христос — Повелитель смерти и ада, указал путь через покаяние. Необходимо в покаянное сердце вместить правду о нашем Отечестве, правду о царствовании и судьбе Николая II. Тогда будет искуплен страшный грех цареубийства и осознано значение царского мученичества, совершенного за наши жизни и за наше духовное прозрение. Только тогда сполна будет взыскана правда об эпохе великого царствования, когда весь русский народ вернется в свой исконный духовный Дом — Русскую Православную Церковь.

*Икона Царственных Страстотерпцев.
Художник Филипп Москвитин*

Александр КАЗИН

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕН- НОСТЬ

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. И. о. директора Российского института истории искусств, заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». Живет в Санкт-Петербурге.

1. Метафизика войны

Первая мировая война — ключевое событие XX века. Нет сомнения, что Первая и Вторая мировые войны суть одна и та же война, разделенная двадцатилетним Версальским перемирием. Маленькая деталь: по настоянию Гитлера капитуляция Франции в 1940 году была подписана в том же железнодорожном вагоне на том же самом месте, где в 1918 году была подписана капитуляция Германии. Более того, мы и сейчас, в начале XXI века, живем в мире, обусловленном Первой мировой и ее результатами. Распад Российской империи, образование СССР, возвышение США, гитлеровский оккультный рейх, красное знамя над Берлином, последующий крах Советского Союза, нынешнее противостояние России с Западом — начало этой цепочки восходит именно к августу 1914-го. Разумеется, роковую цепь породил не выстрел в Сараево (школьный пример различия повода и причины). Тогда что же?

Самый простой ответ лежит на поверхности: борьба за рынки. Для капитала начала XX века это важнейшая тема. Она лишний раз подчеркивает враждебность капитализма самой жизни человека (около 20 млн жертв первой войны и около 50 млн второй). Однако в новых рынках и колониях была заинтересована прежде всего Германия. Российская империя могла вообще не вступать в эту войну. Однако вступила.

Германия, как известно, объявила России войну после того, как та заступилась за православную Сербию. (Не лишним будет упомянуть здесь, что и в две предыдущие войны — Балканскую и Крымскую — Россия оказывалась втянутой по причинам религиозно-национального характера: освобождение святынь

и братьев-славян). Первая мировая война отличается для России в этом плане только масштабами. Не случайно президент В. В. Путин при открытии памятника героям этой войны в Москве на Поклонной горе 1 августа 2014 года подчеркнул духовно справедливый ее характер. Однако тут возникает вопрос: не слишком ли велика цена? Одним из итогов той войны явилось большое сербское монархическое государство, приютившее после революции многих русских эмигрантов. Но ведь погибла православная Российская империя. Или не совсем погибла?

Русская национальная мысль основательно поработала над осмыслением войны вообще, и Великой войны 1914–1917 годов в особенности. В феномене войны для русского сознания сплетены два антиномических тезиса, совместить которые рационально практически невозможно. Война есть основное явление нашего мирового эона, — повторял Н. А. Бердяев в ряде своих работ, имея в виду как социально-антропологическое, так и духовно-религиозное состояние бытия, история которого началась грехопадением первых людей под влиянием Змея, продолжилась убийством Каином своего брата и закончится, как известно, апокалипсической войной небесных сил накануне Страшного суда. С другой стороны, война есть пространство проявления высшей христианской силы — самопожертвования, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13).

За несколько лет до начала Первой мировой войны Л. Н. Толстой и В. С. Соловьев сформулировали две полярно противоположные позиции относительно войны — абсолютно пацифистскую и христианскую, восходящую в отечественной традиции к известной формуле свт. Филарета Московского: «Прощай врагов своих, сокрушай врагов Отечества, гнушайся врагами Божиими». В дальнейшем большинство отечественных мыслителей примыкало ко второму направлению, за исключением, разумеется, социалистов-марксистов, для которых война есть революционное продолжение классовой борьбы. Наиболее фундаментальную концепцию Великой войны предложил В. Ф. Эрн, согласно которому на ее полях происходит сражение между православным Логосом и агрессивным духом германского феноменализма («От Канта к Крупну»). Впоследствии, в 1925 году, эту линию по-своему продолжил И. А. Ильин применительно к «белой идее» — национальной борьбе против интернационал-коммунизма («О сопротивлении злу силою»), за что удостоился определений вроде «небесного ЧК» и «кошмара злого добра».

Так или иначе, явление войны осмыслялось в русской мысли на религиозно-метафизическом уровне, связывая эту трагическую тему с противоборством основных действующих лиц мироздания. Новым здесь было установление связи Великой войны XX века с состоянием модернистской европейской цивилизации, которая под лозунгами гуманизма и прогресса готовила столкновение наиболее цивилизованных народов в истории. *Выражаясь категорично, Первая мировая явилась саморазоблачением модерна и переходом в постмодерн, то есть началом конца евро-американского мира.*

2. Война против государства

Нравится нам это или нет, мы должны признать нисходящий, инволюционный характер исторического процесса на Западе и отчасти в России —

в той мере, в какой она разделяет судьбу Запада. Однозначно прогрессируют только технологии — все остальное, по меньшей мере, спорно. В частности, государственность становится воспоминанием, полицейской надстройкой, «ночным сторожем» — кем угодно, только не волей к властвующей истине. В свое время идеальную природу государства отразил в своих «Законах» и «Государстве» Платон, для которого порядок социума являлся прямым продолжением божественной гармонии космоса (космос, как известно, и означает «порядок»). Правда, уже в позднем Риме статуя кесаря нашла себе место в храме рядом со статуей Юпитера, иногда даже отождествляясь с ней (император Август в образе «царя богов и людей»). Указанное отождествление явилось символом дальнейших преобразований власти в Европе, где католическая церковь оказалась во многом продолжением языческой римской державы — во всяком случае, в плане ее институционального устройства (князь-папа), борьбы за светскую власть с королями (папоцезаризм) и т. п.

Начиная с Ренессанса, в Европе развивается процесс постепенного слома классической западно-христианской парадигмы Средневековья с его четким разделением на «град земной и град небесный», с его феодально-монастырским общественным устройством. Возрождение означало инициацию нового — модернистского проекта для Запада. Точка сборки власти с этого времени медленно, но верно смещалась от сакрального к светскому, от теоцентрического к антропоцентрическому. Реформация в Германии сама отделила королевскую власть от церкви, в Англии король создал собственную церковь. Во Франции XVII–XVIII века стали временем абсолютизма в Старом свете, от «короля-солнца» Людовика XIV до Наполеона, осуществлявших именно антропоцентрический (модернистский) принцип в политике. Точкой приложения власти здесь оказывается государственность как таковая, уже не сакральная (за которую отдала жизнь, например, Жанна д'Арк), а именно светская (даже революционная, как в случае с Бонапартом). Собственно, наполеоновская (а до него кромвелевская) диктатура, несмотря на весь свой грозный военно-политический арсенал, отодвинула сектор власти в Европе еще дальше от центра — от государственности к экономике, материально-хозяйственной жизни вообще. Буржуазные революции сделали свое дело. Государственность превратилась в корпорацию по производству обывательского блага. Ее центром стал ницшеанский моргающий «последний человек», который, наконец, обрел свое счастье: «у нас есть свое маленькое удовольствие для дня и свое маленькое удовольствие для ночи».

Духовно-политический смысл Первой мировой войны и заключался в том, что она ликвидировала остатки христианской государственности в Европе. Были уничтожены крупнейшие континентальные империи — Российская, Германская, Австро-Венгерская, а заодно и мусульманская Османская. По сути, их спровоцировали убить друг друга. Иудео-кальвинистский англосаксонский мир взял верх над «страной святых чудес», как называл Европу А. С. Хомяков. К власти в старой Европе пришли в основном масонские ложи — «буржуазные республиканцы, рядящиеся в мистические одежды» (Т. Манн). Официальный масонский титул г. Керенского, например, звучал как «Генеральный секретарь Верховного совета» ложи. Даже младотурки руководились теми же идеями. Остались, конечно, декоратив-

ные монархии вроде голландской или шведской, но реальной сверхдержавой в результате Первой мировой явился глобальный финансовый интернационал в псевдогосударственной оболочке США.

В России, однако, дело обстояло несколько иначе.

3. Война за государство

Вопреки всему сказанному относительно старой Европы, *Россия — и прежде всего русская власть — не проделала (во всяком случае, не проделала до конца) подобного нисходящего движения от классики к модерну*. Вплоть до февраля 1917 года у власти в России находился самодержавный (а не декоративный) православный государь — случай для Европы немыслимый. Со времен старца Филофея с его Третьим Римом и Иоанна Грозного с его образом священного Царства русская мысль все более утверждалась в том, что Россия — страна не европейская, существующая по другому принципу. «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; ее история требует другой мысли, другой формулы» (А. С. Пушкин). В основе отечественной цивилизации лежит устойчивая духовно-онтологическая структура, которая воспроизводит себя под разными именами и знаменами на протяжении вот уже тысячи лет. Внешне она напоминает знаменитую матрешку, в сердцевине которой находится религиозно-языковое ядро — православная вера и славяно-русский язык. Вокруг этого ядра с течением времени наращиваются культурные оболочки — культура, государственность, технологии. Отсюда и наше национальное отношение к войне, власти, собственности и свободе. Почти все понимали — а многие понимают до сих пор — что державная вертикаль в России — не чья-то выдумка или «отсталость», а естественная и даже единственно возможная форма социальной организации народа, который хочет жить *по правде*. Государство на Руси (а государство вообще — это организованная воля к власти) успешно действует лишь в той мере, в какой оно несет на себе священную харизму. Коль скоро оно эту харизму утрачивает, в стране начинаются войны, смуты и революции.

Война 1914 года была направлена прежде всего против классического христианского государства в России.

4. Война и либералы

Русский XX век начался, как известно, с Японской войны и революции 1905 года. «Свободолюбцы» и японцы действовали в одном направлении — воевали против православной империи. Именно тогда многолетняя либерально-революционная пропаганда — от Радищева до анархистов — дала свои плоды: забастовки, убийства жандармов, восстания на флоте, бунты инородцев. Модернисты были последовательны: журнал «Золотое руно» вышел в 1905 году в стилизованной японской обложке. Революцию 1905 года не дал довести до конца простой русский народ, благословленный на это св. Иоанном Кронштадтским. В то же время «прогрессивное общество» рукоплескало террористам и посылало поздравления с победой в войне японскому императору...

Конечно, в тогдашней России были и другие интеллектуальные силы, которые предупреждали либеральную (от кадетов до социалистов) интел-

лигенцию, что добром дело не кончится. В 1909 году в Петербурге вышел знаменитый сборник «Вехи», где лучшие русские умы (кстати, сами бывшие марксисты и либералы) призывали отечественных «демократов» одуматься и не доводить дело до нового взрыва. Однако на них дружно накинута объединенный фронт «борцов за народное счастье», от Милюкова и Мережковского до Ленина. Мудрые предостережения веховцев были искусно замолчаны или дискредитированы, все «порядочные люди» с ума сходили от ненависти к «царизму», и 2/15 марта 1917 года, надев красные банты, поздравляли друг друга с освобождением.

5. Война и императорская власть

Февраль 1917 года — это главная русская трагедия XX века. В сущности, Февральская революция была хорошо срежиссированным «информационным» переворотом, которому был нужен только повод. На это и рассчитывали те, кто войну провоцировал. Прав был Лермонтов: «Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет». На протяжении всех 304 лет своего существования династия Романовых вела борьбу за православленное царство на Руси.

Конечно, не надо Романовых идеализировать. Один Бог без греха. Наиболее серьезным упреком монархии Романовых является, во-первых, «синодальный плен» церкви, и, во-вторых, крепостное право. Однако во времена Синода петербургские императоры оставались такими же благословленными на царство христианскими государями, как и до Петра. Что касается зависимости крестьян от помещиков, то, вопреки либеральным преувеличениям, крепостное право осуществлялось на Руси во многом как родовая, семейная организация жизни. Точно сказал об этом в 1918 году С. А. Аскольдов в статье «Религиозный смысл русской революции»: «Русь была до отмены крепостного, а отчасти и после него страной рабов и рабовладельцев, но это не мешало ей быть Святой Русью, поскольку крест, несомый одними, был носим со светлой душой и в общем и целом с прощением тех, от кого он зависел, поскольку и те и другие с верою подходили к одной и той же святой чаше. Так праведность десятков миллионов очищала и просветляла в единстве народного сознания грех немногих тысяч поработителей, к тому же грех, часто ясно не признаваемый в качестве такового ни той, ни другой стороной»¹.

Об опасности большой войны как «спусковом крючке» революции говорили Императору Николаю Александровичу такие разные люди, как, например, бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново или Григорий Распутин. Но вошедший в силу российский атеистический либерализм жаждал своей социальной войны не меньше, чем тевтонский милитаризм — войны национальной. Внутренние и внешние противники русской монархии нашли друг друга в лице левых западников — интернационал-коммунистов, желавших поражения собственному правительству (совсем как издатели «Золотого руна» девять лет назад).

Если бы царская Россия сохранила набранную в начале XX века экономическую динамику, она, как подсчитано специалистами, к 40-м годам

¹ Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины. М., 1991. С. 233–237.

XX века вышла бы на первое место в Европе (или даже в мире) по уровню своего хозяйственного и технологического развития. И до Москвы и Волги немцы в Первую мировую не дошли — бои шли в Галиции и Польше. До победы над Германией в марте семнадцатого оставалось совсем немного. Но Бог судил иначе, и мученик Николай причислен теперь к лику святых вместе со всем своим зверски убитым семейством.

6. Война и революция

Как и следовало ожидать, за девять месяцев «демократической» власти, к октябрю 1917 года Россия была доведена до полного развала. После падения монархии, Милюков, Керенский и К° попытались слепить умеренную парламентскую республику из распадающейся Евразии — но их власть на глазах сужалась, как шагреновая кожа. Уж на что ненавидел большевиков Иван Бунин, доходя в «Окаянных днях» до социального расизма («белая» русофобия), однако даже он указал настоящих виновников русской трагедии февраля 1917 года — тех самых деятелей «прогрессивного блока» в широком смысле слова, которые много лет раскачивали в разные стороны корабль Российской империи. Начали эту «раскачку» планировавшие царевбийство декабристы, продолжили «шестидесятники», поклонявшиеся дарвиновской обезьяне, а закончили респектабельные думцы — либералы и националисты. Принимать отречение Царя отправились октябрист Гучков и националист Шульгин — в высшей степени символическая пара.

Разрушив традиционную и успешную для России монархическую государственность, интеллигентская власть оказалась полностью несостоятельной — одинаково в военном, экономическом и особенно в идейном плане. Либеральные утопии о правовом государстве в стиле Французской республики в стране, привыкшей жить по вере и присяге, свидетельствовали прежде всего о непреходимой пропасти между «белой» и «черной» костью в России, между ее «мозгом» (во многом, к сожалению, импортированном из европейских университетов) и всем остальным составом нации. Вот характерные слова бывшего царского генерала — персонажа философского полилога С. Н. Булгакова «На пиру богов»: «Россия есть царство или же ее вообще нет. Этому достаточно научило нас Смутное время. Этого не понимали только самодовольные “вожди” (интеллигенты-либералы. — А. К.), которые самоуверенно расположились после февраля в министерских креслах, как у себя дома. Но пришли другие люди, менее хитроумные (большевики. — А. К.), и без церемонии сказали: позвольте вам выйти вон. Ну, иных и помяли при этом — без этого перевороты не обходятся. А я вам скажу — и отлично сделали. Уж очень отвратительна одна эта мысль об “окадеченной”, конституционно-демократической России. Нет, уж лучше большевики “style russe”, сарынь на кичку! Да из этого еще может и толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник поставить надо. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живого не выбраться б!»¹. Что верно, то верно.

¹ Булгаков С. Н. На пиру богов // Из глубины. М., 1918. С. 159.

7. Война и советская власть

Конечно, интернационал-коммунистическая «ленинско-троцкистская гвардия» — это настоящие демоны революции («красная» русофобия). В конце 1930-х меч братоубийственной войны, который они подняли, обрушился на них самих. Вместе с тем, нравится это кому-либо или нет, именно большевики собрали рухнувшую Россию почти в прежних имперских границах. Вопреки собственному презрению к исторической России, Ленин и Троцкий ввели «отчалившую» Русь в жесткие дисциплинарные берега, выиграв Гражданскую войну. Кстати, за красных царских офицеров и генералов воевало немногим меньше, чем за белых. Однако подлинным создателем СССР был, конечно, Иосиф Сталин, построивший на основе национал-большевизма фактически новую сверхдержаву, взявшую в 1945 году Берлин, овладевшую ядерным оружием и первой вышедшую в космос. Причем у него не было колоний и волшебных источников нефти, все приходилось делать на энтузиазме, страхе и рабском труде. Если бы этого не произошло, сейчас уже не было бы не только русского народа, но и многих других, примкнувших к нему племен. Стоило ли спасение Руси такой цены? Тут каждый выбирает свое. В мае и августе сорок пятого Россия в лице СССР взяла реванш за «похабный» Брестский мир и за Цусиму. Не случайно антикоммунист Бунин вскакивал в 1945 году с места при появлении советского полковника в парижском театре.

8. Война и современная Россия

Возможно, Россия сегодня — это единственная в мире страна, сохранившая христианский потенциал жизни и культуры, в отличие от нехристианского (языческого) Востока или от постхристианского Запада, практически расставшегося с верой уже в эпоху Просвещения. На протяжении последних 300 лет Запад ведет перманентную войну против православной Руси. Первая мировая — только одно из ее сражений. Сегодня, ровно через сто лет после 1914 года, мы имеем очередное обострение указанного — религиозно-мировоззренческого, по сути — противостояния. В качестве тарана для России ныне используется Украина. Будем надеяться на успешный для нас исход этой цивилизационной войны.

Русский народ не любит юриспруденции и не поклоняется правам человека — он любит своего избранника, за которым чувствует Божью руку. Только харизматику — «отцу нации» — по силам объединение российского населения (христиан, националистов и атеистов, белых, красных и «желтых», радикалов и либералов) в способное на осмысленное действие социальное целое. Не компрадорская буржуазия или продажная бюрократия (им Россия чужда), а именно союз общенационального лидера с большинством народа нужен сегодня нашей стране. Оптимальной духовно-культурной и политической фигурой такого рода для России был бы законный государь, однако царя, по точному слову Ильина, надо заслужить. Нужна переходная форма от псевдодемократии к действительной народной монархии. Такой формой на Руси XXI века могла бы стать авторитетная президентская власть, реализующая себя одновременно «сверху вниз» — от народного идеала, и «снизу вверх» — от повседневной социальной практики и мест-

ной инициативы. Прав политолог А. С. Панарин: «В русской истории действуют два тайных принципа — союз грозного царя с народом против изменников-бояр и союз пророчествующей церкви с “нищими духом” против сильных и наглых»¹. Самые демократические законы и самые либеральные избирательные правила всегда оставались (и останутся) в России только на бумаге потому, что русский народ неизменно перерабатывает навязываемые ему извне принципы «под себя», под свою коренную духовно-онтологическую структуру. Фигура царя, императора, национального лидера — это ключевая фигура России, и лучше, если это будет царь законный и православный. Чтобы изменить это положение, необходимо «отменить» сам русский народ.

Завершая статью, замечу, что Октябрьский переворот 1917 года может рассматриваться как искупление антимонархического греха Февраля, а Великая Отечественная война — как искупление Октября. Нам, живущим в современной России, необходимо взять в XXI век все лучшее, что было создано предками в истории — и царской, и императорской, и советской. Войны на грешной земле всегда были, есть и будут. Важно извлекать из них уроки для мира.

¹ Панарин А. С. Испытание глобализмом. М., 2000. С. 22.

ВЫШЛА КНИГА

Хомутов С. А.

Некуда сердцу причалить. — Рыбинск:
Рыбинское подворье, 2017. — 56 с.

«Некуда сердцу причалить» — новая книга члена Союза писателей России Сергея Хомутова. Она завершает серию, задуманную десять лет назад, в которую вошли сборники: «Уходит эпоха», «В бреду реальности», «Года нулевые» и «От слов до междометий». В отличие от предыдущих эта книга построена на переключке прошлого и настоящего, того, что дорого сердцу поэта, и того, что автор, прошедший полувековой путь в литературе, не может принять, как ущербное и чуждое для него.

Сергей Хомутов

**НЕКУДА
СЕРДЦУ ПРИЧАЛИТЬ**

**Наталья
ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА**

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

*Статья II: Русский
язык и революция*

Наталья Ивановна Голубева-Монаткина — доктор филологических наук, профессор, автор около двухсот научных публикаций. Профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова. **Живет в Москве.**

Желая оставаться русскими и в течение долгого времени надеясь на скорое возвращение в Россию, эмигранты первой волны стремились «сохранить в чистоте» как свой собственный русский язык, так и язык следующих поколений, и все новое рассматривалось ими как извращение великого русского языка, наследия XIX века. Проблемы чистоты языка активно обсуждаются в среде эмигрантов, статьи и брошюры на эту тему публикуются в разных странах. Прежде, в России, теперешние эмигранты не проявляли такого интереса к языку, и на это вскоре обращает внимание ироничная Н. А. Тэффи: «Очень много писалось о том, что надо беречь русский язык, обращаться с ним осторожно, не портить, не искажать, не вводить новшества. Призыв этот действует. Все стараются. Многие теперь только и делают, что берегут русский язык. Прислушиваются, исправляют и учат. Думал ли кто-нибудь в России, правильно ли он говорит? Приходило ли кому-нибудь в голову сомневаться в законности своего произношения или оборота фразы?»¹.

Каковы симптомы «опасной болезни» русского языка, по мнению эмигрантов? Во-первых, это «ошибки против ударения», неправильность которого хотя и «не искажает смысла, но <...> придает некую классовость, известный провинциализм, который несовместим с настоящей безотносительной правильностью речи». Например, в словах *возбудить, ходатайство...* Во-вторых, имеется много «искажений смысла» (*одеть* вместо *надеть*; *он упорно не хочет*; *он определенно не знает*), особо неприятны «гнусный пара-

¹ Тэффи Н. 1926. О русском языке // Возрождение. 19 дек. 1923. № 565 (Русская речь, 1988, № 5. Москва).

зит» *обязательно* и «уродливое слово» *подвезло*¹. Кроме того, существуют «ужаснейшее слово *извиняюсь* и ужаснейшее с ним вместе поведение» и «маленькая пилюля советской обходительности *пока*», а «прекрасное, священное слово *товарищ* <...> превратилось в совершенно бессодержательное обращение, выдуманное, выпотрошенное слово». В-третьих, есть «вопрос об иностранных словах», важный «не только с точки зрения засорения языка, но и с точки зрения искажения мыслительного аппарата и <...> слуховой чувствительности к речевой правильности»². Зачем слово *пресса*, когда есть *печать*? Зачем *детальный*, когда есть *подробный*? Зачем *ориентироваться*, когда есть *разобраться*, *осмотреться*? Зачем *аргумент*, *депрессия*, *монумент*, *эксперимент*, когда есть соответственно *довод*, *подавленность*, *памятник*, *опыт*? Ведь «неприемлемо иногда слово, имеющее уже в русском языке соответствующее ему и тождественное слово». Такие слова, как *анкета*, *аромат*, *аспект*, *варьировать*, *доминировать*, *конфликт*, *опубликовать*, *режим*, *реконструкция*, *скрупулезный*, *солидный*, *суммарный*, *фронт*, *шевелюра* и ряд других являются «оскорблением русскому языку», поскольку не имеют «одного равнозначного по-русски», а выражаются «в каждом данном случае одним из целого ряда слов». Правда, что касается тех понятий, «до коих русский народ сам не додумался», кроме искусственного создания нового слова, можно заимствовать и чужое (но все же это слово должно употребляться лишь в данной области, как, например, *ситуация* в философском языке)³...

Однако, вплоть до периода после Второй мировой войны, язык, на котором говорило «рассеяние», и язык России представляется эмигрантам единым русским языком. И вот этот общий для всех русских язык находится в опасности, его необходимо спасать. Кто же, по мнению эмигрантов, может это сделать? Только образованные слои населения, то есть после 1917 года сами эмигранты. Это является их «ежечасной миссией», «долгом перед народом»: «Если бы вся зарубежная Россия сознательно встала в вопросе языка на сторону охранительных начал <...>, она смогла бы удержать его от скольжения в пропасть. Ведь когда-нибудь да мы вернемся, и тогда наш русский язык будет языком высшей культуры и потому неизбежно будет влиять на язык после-большевицкой России»⁴.

Но среди эмигрантов были образованные филологи, которые в своем отношении к современному им языку старались подняться над политическими и бытовыми эмоциями пуристов-обывателей и сделать научный анализ изменений в русском языке послереволюционного периода. Так, С. И. Карцевский, признавая, что он работает «вдали от родины по устаревшим личным воспоминаниям, а еще на основании чужих работ или же отражений языковых новшеств в литературном языке», пишет, что так резко отвергаемые «широкой русской публикой» (имеющей, впрочем, «чрезвычайно смутные представления о языке») так называемые новые слова представляют собой (за исключением заимствований) «виоизме-

¹ Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка. Сб. статей. Берлин, 1928. С. 17–18.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 50–52.

⁴ Там же. С. 90.

нение уже существующих»¹. Анализ языковых фактов дал Карцевскому возможность утверждать, что серьезно говорить о какой-то «революции» в языке России не приходится, «ибо все процессы, наблюдающиеся в русском языке, являются обыденными, нормальными процессами, но с ускоренным темпом»².

По мнению Карцевского, революция и гражданская война оказали большое влияние на русский язык и «именно в событиях социально-политических последних лет нужно искать причину всех новшеств, проникших в русский словарь за период 1905—1922 гг.. Каких новшеств? А вот каких. В 1905 году в жаргоне партий появилось слово *товарищ*, *летчик* вытеснило *авиатор*; родилось много сокращений (в частности, *ЦК*). В 1914—1922 годах начинают свою жизнь слова *командарм*, *главковерх* (верховный главнокомандующий), *земгор* (союз земств и городов), *угробиться* (разбиться), *наркомпоморде* (народный комиссар по морских делам). Появляются сокращения (*М.В.Д.*; *Вр.и.о.*) по начальным буквам (они использовались в 1905 году), сокращения звуковые (*НЭП*, *ГПУ*) (до войны этот тип был редок), слоговые (редко отдельные слова — *зам*, *спец*; чаще целые выражения — *Коминтерн*, *Донбасс*), смешанные (*губчека*) (этот тип появился во время войны, но «проявился слабо»), сложные (*продналог*, *компартия*)»³.

Столь же взвешенной была точка зрения Карцевского на другой «больной» для русских эмигрантов вопрос — введение в России новой орфографии. Эта «вечная» тема для обсуждения (и осуждения) возникает с первых лет существования зарубежья, которое протестует против «упрощенного письма» и делом, используя старую орфографию, и словом: «<...> правильное правописание является результатом мышления правильного, неправильное правописание становится причиной мышления, и мышления неправильного... Однообразное письмо таких слов, как “ее” и “ея”, приводит к тому, что сглаживается в нас сознание тех различных двух грамматических категорий, к которым эти слова принадлежат. Происходит своего рода оскудение запаса логических понятий. Ум беднеет, когда пересекаются пути его разветвления. <...> русское мышление в опасности»⁴.

С. И. Карцевский подчеркивал, что «орфография не есть язык, и как бы “революционна” она ни была, к языку революции она не имеет никакого отношения»⁵. Он рассказывает историю самой реформы, раскрывает причины отрицательного отношения к новой орфографии со стороны эмигрантов: «Публика попроще до сих убеждена, что новая орфография есть одно из дьявольских изобретений большевизма, почему и заслуживает всяческого осуждения. Люди более сведущие знают, конечно, что это не так и что новое правописание является правописанием академическим, но их огорчает то обстоятельство, что большевики тоже пользуются новой орфографией»⁶. Сделав достаточно подробный научный анализ, лингвист пишет: «<...> но-

¹ Карцевский С. И. Язык, война и революция. Берлин, 1923. С. 12.

² Там же. С. 69—70.

³ Там же. С. 46.

⁴ Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка. Сб. статей. Берлин, 1928. С. 8—9.

⁵ Карцевский С. И. Язык, война и революция. Берлин, 1923. С. 71.

⁶ Карцевский С. И. Новая орфография // Русская школа за рубежом. № 1, 1923. С. 2.

вая орфография не затронула ничуть ни одной из важнейших основ русского правописания; русский алфавит, как система, ничуть не пострадал <...>. О “ненаучности” и “безграмотности” новой орфографии говорить могут только люди в этих вещах некомпетентные. Считать реформированное правописание “безобразным”, “неэстетичным” — дело вкуса и привычки»¹.

Но все же в Русском зарубежье возобладали взгляды, декларированные С. и А. Волконскими, причем их влияние было столь сильно, что его отголоски были слышны во Франции в начале 1990-х годов. Итак, за русский язык надо «держаться» как держатся за свой язык другие народы «с остервенением, руками, ногами и зубами»². Необходимо бороться не только «словесными излияниями», но и «активной объединенной деятельностью». Для этого в середине 1930-х годов в Югославии, например, создается «Союз ревнителей чистоты русского языка»... К середине 1940-х годов, по-видимому, у эмигрантов нарастает понимание того, что за рубежом по-русски говорят иначе, чем в России.

Однако, прежде чем обратиться к периоду 1940–1960-х годов, вспомним, как отнеслись к послереволюционному языку в самой России, и это поможет лучше понять взгляды эмигрантов. Оказывается, здесь также раздаются достаточно резкие голоса, предупреждающие об опасности языковой разрухи. Вот что писал В. И. Ленин в статье «Об очистке русского языка (Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)»: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить *дефекты*, когда можно сказать *недочеты* или *недостатки* или *пробелы*? Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности? ... Перенимать французски-нижегородское словоупотребление, значит, перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык. Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?»³. В 1925 году в известной дискуссии по культуре речи в журнале «Журналист» очень осторожно, но вполне недвусмысленно высказались виднейшие советские лингвисты, среди которых были Л. В. Щерба и Л. П. Якубинский.

Любопытно, что обсуждение языковых проблем в России 1920-х годов и в среде эмиграции имеет сходные черты. И здесь и там это обсуждение происходит публично. Например, в своей известной книге А. Селищев цитирует заметку из газеты «Известия» за 1923 год «Борьба за русский язык»: «Русский язык жестоко пострадал за время революции. Ничто не подверглось у нас такому безжалостному изуродованию, такому беспощадному исковерканию, как язык. Сокращение слов носит исступлённо-стихийный характер и угрожает в недалеком будущем сделать нашу речь нечленораздельной»⁴.

И здесь и там в ответ на «вопли обличителей» раздаются трезвые, разумные голоса: «Возмущаются люди, никогда не думавшие о том, что такое

¹ Карцевский С. И. Новая орфография // Русская школа за рубежом. № 1, 1923. С. 7.

² Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка. Сб. статей. Берлин, 1928. С. 59.

³ Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. II. С. 492–493.

⁴ Селищев А. 1928. Язык революционной эпохи. М., 1928. С. 71.

язык и почему и для чего его надо беречь, и с этой стороны хлынувшие столь неудержимым потоком на русскую речь; новшества, неправильности, уродства, нелепости, в известном смысле, даже полезны: они заставляют людей думать о языке <...>¹. И здесь и там споры о языке имеют политическую подоплеку: «Вслушайтесь <...> как обличают новые названия новых учреждений, разные райпрофобры и политкомы, цектраны и губземотделы и т. д. Слова эти представляются ревнителям истинно русской литературной речи неоспоримо, органически связанными с новым строем. “Это не язык, это большевицкий воляпюк, на западе нет ничего подобного”, — вопят обличители»; «Нов не принцип образования этих слов — нова их масса, разом хлынувшая в обиход, нова их обязательность»².

Сходство воззрений эмигрантов и россиян на русский язык в 1920-х годах объясняется теми общими и для России, и для русской диаспоры особенностями восприятия изменения литературной нормы, которые характерны для периода резких социальных потрясений. Эта норма, обладая, в принципе, устойчивостью, категоричностью и большой притягательной силой, изменчива, часто противоречива и причудливо отражается в сознании говорящих: «История языка в обществе, переживающем острые социальные изменения, это в значительной степени история литературной нормы, история ее устойчивости, категоричности, ее притягательной силы. В революционную эпоху история языковой нормы особенно драматична. При отмирании старых норм и столкновении новых сталкиваются, очень остро и напряженно, мнения различных групп населения: социальных, возрастных, территориальных»³.

В начале 1950-х годов за рубежом уже пишут о существовании «двух» языковых ветвей — языков «эмигрантского» и «советского», причем последний определяется как «язык в СССР, особенно язык государственно-партийных деятелей и учреждений»⁴. Этому «расподоблению» двух русских языков в сознании эмигрантов, несомненно, способствовало появление второй, послевоенной, эмигрантской волны.

Что же представляет собой «советский язык»? Это — «всего лишь язык революции, который очень ярко и полно отразил духовную нищету большевизма», «внутренне убогий, надуманный, худосочный, бескровный, лживый, трескучий, пошлый и технически неряшливый советский жаргон». Его искусственное создание «происходило в полном противоречии с подлинным народным словотворчеством и нашей многовековой языковой традицией». Это — ужасное образование, «чужеродный и злокачественный нарост на русском языке», который «засоряет и подтачивает его, захватывая и словарь, и грамматику во всем ее объеме. Он опошляет и разлагает»⁵. В «советском языке» плохо все: и «строй речи — <...> грамматически неправильный и противоречащий духу русского языка, и его характерная особенность — сокращения (все эти “совдеп, комсомол, совхоз, компартия, киноактер и

¹ Горнфельд А. Г. 1922. Новые словечки и старые слова. Петербург, 1922. С. 6.

² Там же. С. 11, 13.

³ Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистические исследования. Лексика современного русского языка. М., 1968. С. 37.

⁴ Федоров Н. Советизация эмигрантского языка. Буэнос-Айрес, 1952. С. 3.

⁵ Там же. С. 5.

т. д.», правда, не большевиками в принципе изобретенные, но доведенные ими до крайности)», и переосмысление «ряда старых русских слов» — из-за «отсутствия у большевиков языкового чутья, вкуса и даже, часто, простого знания русского языка» (речь идет о таких словах, как *проработать* ‘изучить, обсудить’, *оснащать* ‘снабжать’, *освоить* ‘усвоить, овладеть’, *домохозяйка* ‘домашняя хозяйка’, а не ‘домовладелица’)¹.

Но это еще не все грехи «советского языка». Он портит тот язык, на котором говорят сами эмигранты. Это — вторая большая опасность для эмигрантского языка наряду с его денационализацией. «Денационализация» и «советизация» русского языка рассеяния объясняются «слишком затянувшимся пребыванием в чужих краях», «расшатанным психику» и «подорванным весь душевный строй» эмигрантов, и это «в самой основе поколебало все устои языка». «Советизация» началась с самого начала «беженства», «когда полные неостывших впечатлений недавно пережитого эмигранты стали в свой язык вводить наиболее характерные советские словечки и выражения». В начале 1940-х годов многие эмигранты, руководствуясь «соображениями сентиментально-национальными», стали советское считать русским и употреблять «советские словечки», а в 1950-е годы эмигранты второй волны, активно участвуя в эмигрантской журналистике, поддерживая дружеские контакты с эмигрантами первой волны (которые «все приносимое с родной земли часто принимали за подлинно русское, народное»), принесли «советский язык»². «Эмигрантский язык» берет из «советского» сокращения и «по советскому образу» создает свои (*атомбомба, соцзубры, партдворяне, совпатриоты, НТС...*), заимствует много переосмысленных слов (*окружение, строительство, боец* в значении ‘солдат’, *командир* в значении ‘офицер’...), «пошлых советских словечек» (*агитка, фальшив-ка, радиопередача, автотранспорт, торговая точка, частный сектор...*) и неуместно их употребляет. Например, эмигранты пишут об *исполкоме* той или иной эмигрантской организации или о *классово-сознательном комсомоле дворянского союза*³.

Итак, возникла угроза самому существованию эмигрантского языка «как достойного ответвления русского языка». Но самая большая опасность состоит в том, что «говоря советизированным языком», эмигранты высказывают и «советизированные мысли». И это «языковое советофильство легко может превратиться в политическое примирение и даже сближение с большевизмом, что многими из увлекающихся советскими словечками и беспечно вносящими их в свой язык даже и не подозревается». Правда, хотя какого-то насильственного влияния «советского языка» на эмигрантский нет и, напротив, налицо «добровольное подражание эмигрантского языка языку советскому», все же таким образом «большевики стремятся разложить национальную противосоветскую эмиграцию». Здесь необходимо «хирургическое вмешательство»: «словесные ублюдки, попавшие в наш язык из языка советского, должны быть безжалостно и решительно выброшены»⁴.

¹ Федоров Н. Советизация эмигрантского языка. Буэнос-Айрес, 1952. С. 7–12.

² Там же. С. 13–14.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 19–21.

Конечно, в эмигрантской среде того времени были и менее политизированные высказывания о русском языке, хотя антисоветские вкрапления встречаются и в них...

В конце 1940-х — начале 1950-х годов представители эмиграции вновь обсуждают свои «орфографические раны» — проблемы орфографии старой (это — русское правописание) и новой (или «нового кривописания», «революционного кривописания», которое «погубило драгоценную работу целых поколений»). В конце 1950-х годов за пределами России продолжается «борьба за русский язык». По призыву газеты «Русское Воскресение» во Франции создается «Союз для защиты чистоты русского языка». Союз издает небольшой, в несколько страниц, журнал «Русская речь», выходящий четыре раза в год. Его постоянным эпиграфом становятся такие слова (орфография в цитате нами изменена. — *Н. Г.-М.*): «Защита чистоты русского языка не реакция, не проповедь неизменяемости однажды принятых форм, не противодействие органическому развитию русского слова. Она противодействует внедрению в русскую речь большевицкого жаргона, эмигрантских заимствований и ничем не обоснованных претенциозных искажений»¹. В «Русской речи», руководимой Н. Майером, печатаются, в частности, материалы «В защиту русского языка». Журнал следил за публикациями о культуре речи в России и нередко иронически на них откликался. Как реакция на одну из статей К. Паустовского в журнале напечатана заметка под названием «Защита русского языка в ... СССР», где, в частности, говорится о том, что «на поверхности советских текущих дней стали появляться темы, о которых советские граждане и русские эмигранты говорят одним и тем же языком, высказывают одни и те же мысли».

В этом парижском журнале довольно много места уделяется проблемам старой и новой орфографии — для эмигрантов 1950–1960-х годов старая орфография есть «подлинное русское правописание», «кусочек прежней русской культуры». «Новая орфография — явление политическое». Сама «Русская речь» использовала только «русское правописание», принимала к рассмотрению и рецензировала только те труды и печатала только те объявления, которые «написаны по русскому правописанию». Также журнал публиковал список эмигрантских изданий, «печатающихся по правилам русского правописания», а эмигрантские журналы и газеты, перешедшие на новую орфографию, осуждались...

В начале 1990-х годов русская диаспора была лучше, чем в прошлые десятилетия, знакома с тем, как говорят в России, жив был и интерес к языковым проблемам².

Некоторые представители старшего поколения первой волны активно возмущались русским языком России: «Это какой-то говор, уж не знаю, как вам объяснить, простецкий, что ли»; «это ужасный язык, засорили его в современной России»; «в нем раздражает невероятное количество слов, переделанных на русский лад»; из впечатлений информанта о языке Москвы 1956 года: «Это был какой-то воляпук с predominанием (с преобладани-

¹ Русская речь. 1958. № 1. Париж. С. 1.

² Приводимые далее примеры заимствованы из двух книг автора статьи: «Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии» (М., 2004) и «Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии» (М., 2004).

ем. — Н. Г.-М.) Юга». Последняя оценка вызывает в памяти высказывания 1920-х годов...

Что же конкретно плохо в этом языке? То, например, что параллельно употребляются слова «одного значения» — *положение* и *ситуация*, *выставка* и *экспозиция*, *область* и *регион*, что используются *мэр* («Ведь есть прекрасное русское *городской голова*!»), *основоположник*, выражение *в адрес кого-то* или *чего-то*, *кроссворд* (тогда как существует «очень русская» *крестословица*). Общий же вывод-оценка самых пожилых «русских французов»: «Настоящий русский язык сохранился в нашем поколении». В связи с этим можно вспомнить такое высказывание 1920-х годов: слово *ситуация* употребляется в философском языке, но «если вы в жизни попали в трудное, опасное или глупое положение, то и пишете “положение”, а не “ситуация”»¹.

Другие представители старшего поколения старались выйти за пределы традиционного эмигрантского пуризма: «<...> мы сразу узнавали, откуда эти люди приехали, то есть они не эмигранты. Потому что они говорят на совершенно особом языке <...>, произношение совершенно другое»; «<...> мы сразу слышим, что они оттуда, из России». Третьи считали, что эмигранты говорят так же, как русские из России. Иногда в разговоре русский язык России называли «советским».

Некоторые представители среднего поколения и часть тех представителей младшего поколения, которые еще говорили по-русски, утверждали, что различают жителей Москвы и Петербурга, отмечали «сильно выраженное» аканье первых, упоминали «советскую манеру говорить». Один преподаватель русского языка, ежегодно, хотя и недолго, бывающий в нашей стране, признавал, что в России, как и во Франции, есть различия в языке в зависимости от социального происхождения говорящего: «<...> мы нашли много людей, которые говорят, как мы». Он не согласен с выражением «советский акцент»: «Это не то, что “советский”. Это просто акцент простых людей». Некоторые отмечали, что в России «была эволюция в языке, пока нас не было».

В среднем поколении еще проявлялись пуристические тенденции: «Мы в какой-то степени вычистили его (язык, загрязненный “четырёхэтажной бранью”, который “привезли офицеры”. — Н. Г.-М.) и нашим детям не передали уже. Потому что нам надо было сохранять (чистоту русского языка. — Н. Г.-М.), мы являемся консерваторией чего-то наиболее лучшего. Мы постепенно старались его очистить, он загрязняется теперь Западом, выражениями местными и т. д., мы стараемся из поколения в поколение передавать то, что мы получили. Мы стараемся очистить от того, что было неблагоприятно». Вообще «у москвичей акцент какой-то жуткий, говор какой-то жуткий в произношении». Те, кто вырос в семьях «очень русских», отмечали иногда свой русский акцент во французском языке («Мне очень часто говорят, что по-французски у меня русские интонации») и с грустью констатировали: «Наше поколение почти не говорит» (по-русски. — Н. Г.-М.).

Иногда представители среднего поколения высказывались о русском языке современной России более детально: (записано в марте 1992 года) <...>

¹ Волконский С., Волконский А. В защиту русского языка. Сб. статей. Берлин, 1928. С. 55.

несколько месяцев тому назад / начались появляться / по télévision ... новые руководители России / которые / очевидно / либо они из другого общества / или же ... не знаю как это можно объяснить но они ... говорят теперь / на русском / который мне более фамилльярный / более понятлив / то есть я всегда понимал но как-то более близкий / ближе // . Этот же информант так рассказывал о своей первой поездке в Петербург: Несмотря конечно / на... некоторые слова / мне показалось / что... в Петербурге говорят ... на русском языке который я уже слышал от бабушки // Бабушка родилась в Гатчине / в общем / прабабушка тоже жила в Петербурге // <...> но... конечно / некоторые выражения / кажутся иногда странными / чтобы не говорить гумористичными // (орфография сохранена. — Н. Г.-М.).

В начале 1990-х годов многие потомки первой волны считали, что представители этой эмиграции говорят «все хуже и хуже», а «по-французски отлично говорят». Они отмечали, что «языки (русский в России и во Франции. — Н. Г.-М.) очень разошлись», что они не понимают, когда речь «о политике по русскому телевидению», что «langue morte (мертвый язык. — Н. Г.-М.) для нас можно сказать русский язык». Что касается представителей младших поколений, то они языковые проблемы не обсуждают — ведь русский язык является для них практически выученным языком, языком иностранным...

В конце XX века самые старшие «русские канадцы» обсуждали проблемы русского языка с таким же интересом, как и самые старшие «русские французы». Вот ответ семидесятитрехлетнего информанта на вопрос о его впечатлении о русском языке России, где он недавно впервые побывал: *Ну что вообще конечно язык ... больше... не совсем наш // Заметьте что у меня было... довольно много сношений с советскими представителями в Вене / уже (после 1945 года. — Н. Г.-М.) // Так что там я видно и почувствовал вся... все что произошло в общем-то / вся разница которая / как сказать? образовалась между ... нашим способом говорить и... и ну всякие н[эоло]гизмы и я не знаю что // <...> и потом были такие которые / в общем не слишком по-русски говорили // Как например / там... какой-то был полковник... украинский... который говорил что «Решение комитета неза'конно» (смеется) // (орфография сохранена. — Н. Г.-М.).*

Русские СУДЬБЫ

Юрий ШУРУПОВ

ТЕЛЬНЯШКА ПОД РЯСОЮ

Юрий Александрович Шурупов — родился в 1952 г. на Урале, в Усть-Катаве Челябинской области. Член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР, более тридцати лет сотрудничал с центральными и региональными СМИ. Автор многих книг и публикаций в известных российских журналах. Лауреат Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского, финалист VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» и Всероссийского литературного конкурса им. В. И. Белова «Все впереди». **Живет в Башкирии, г. Агидели.**

Немало имен героев хранит история нашего Отечества. Есть среди них прославленные полководцы высоких званий — генералы, адмиралы, фельдмаршалы. Есть бесстрашные рядовые — солдаты и матросы, вместе со своими командирами грудью защищавшие Россию от врагов. Но мало кто знает сегодня о том, что в одном строю с кадровыми военными на суше и на море находились православные священники, крестом и молитвой, личным примером мужества и отваги укреплявшие дух однополчан, вселявшие в них веру в победу. Вот об одном таком священнике, который вместе с экипажем легендарного крейсера «Рюрик» участвовал в сражении с превосходящими силами японского флота в августе 1904 года, и пойдет наш рассказ. А имя этого героя — иеромонах **Алексий (Оконешников)**.

1. В Якутск, за знаниями

В тот зимний день 1887 года Тимофея Оконешникова вместе с женой Аксиньей, коренной православной якуткой, с раннего утра захлестнули хлопоты перед отправкой старшего сына Василия на учебу в Якутск. Сам Василий тоже не сидел без дела. В мешок из оленьей шкуры он складывал книжки, подаренные ему ссыльнопоселенцем Сергеем, аккуратно свернутые трубочкой и перевязанные ниткой листы чистой бумаги, которые за мешок муксуна, специально заготовленного для строганины, отец выменял у почтаря Андрона, два химических карандаша и главные ценности — Библию и Молитвослов, врученные ему как самому грамотному человеку третьего Мэтьюжского наслега Колымского улуса приезжавшими из Якутска в прошлом году православными мис-

сионерами. Подумав, не забыл ли чего, Василий подбежал к отцу, выбиравшему в коробе с обувью запасные унты для сына — что поновее да потеплее, и дернул его за рукав рубахи:

— Тятенька, а можно я возьму с собой «Охотника»? Уж больно люблю мне эта фигура. Будет память о доме, о тебе с матушкой.

Тимофей накрыл своей большой натруженной ладонью вихрастую голову Василия и, ласково заглянув в его глаза, пробасил:

— А чего не взять-то, ежели нравится? Забирай, я на досуге себе еще вырежу. Кость в запасе есть, для баловства хватит. Я же не на продажу эти безделушки творю, сам знаешь, а так, для души...

— Спаси тебя Бог, тятенька, — обрадовался Василий. Он аккуратно завернул в тряпицу любимую костяную фигурку охотника с луком в руках и уложил ее на дно мешка.

Готовя какой ни на есть дорожный провиант, Аксиныя с грустью поглядывала на Василия, украдкой смахивая непрошенную слезу. Ей жалко было расставаться с Васьком, как она с материнской нежностью называла сына. Как-никак, а подмога стареющему отцу и по хозяйству, и на промыслах. Вон в прошлом году какую нельму сам выловил! Все только ахнули... Э-эх, да что там говорить, хороший хозяин вырос бы из Васька, настоящий якут. Да ничего не поделаешь, если даже кинээс, староста наслега, просит родителей отпустить парня на учебу. Как знать, может, оно и к лучшему. На все воля Божия!

Слегка скрипнув, открылась дверь, впустив в тепло избы-юрты вместе с колючими клубами мороза высокого бородатого человека. Сдернув с головы меховую шапку и обжав рукой заиндеветшую бороду, человек почтительно поздоровался с хозяевами. Минуту постояв под строгим взглядом Тимофея, мелко перекрестился ему в угоду на икону Богородицы в «красном углу» и без приглашения сел на грубо сколоченный, но прочный табурет, почему-то всегда стоявший у порога.

— Ну что, малец, собрался в дорогу? — заговорил человек хрипловатым голосом, дружески пожимая руку подскочившему к нему Василию. — Я вот попрощаться с тобой пришел. Свидимся ли когда еще?

— Свидимся, дядя Сережа. Конечно, свидимся! Я же только подучусь маленько, да снова домой вернусь.

— Как знать, Васька? Парень ты до грамоты хваткий, мне в удовольствие было заниматься с тобой. Наберешься учености, глядишь — большим человеком станешь, с умными людьми познаешься...

— Не доведи Господь! — недовольно пробурчал Тимофей. — Сам-то уж который год вымораживаешь свою ученость на Колыме. И сыну моему того же возжелать надумал? Ух, окаянная твоя душа! — взволнованный словами гостя Тимофей вплотную подошел к нему. — Василий за образованием по духовной части едет. Ему и бумагу рекомендательную на этот счет староста составил. Да ты же, поди, и выправлял ее?

— Правильно, Тимофей Платоныч, рекомендательное письмо Василию в Якутское миссионерское училище мы со старостой написали. Это верно. Но духовное образование, как бы вам объяснить... Его недостаточно, чтобы в полной мере понять происходящие в нашем обществе изменения, стать активным участником...

Тимофей недолюбливал ссыльнопоселенца Сергея Плетнева. Сознание бывшего студента одного из столичных университетов было безнадежно отравлено революционными идеями. Даже пятилетняя ссылка на Колыму не подействовала на него отрезвляюще. Верой и правдой отслужив положенный срок Царю и Отечеству в 42-м Якутском пехотном полку, получив тяжелое ранение под Плевной, Тимофей Оконешников не понимал политических бунтарей и относился к ним с нескрываемым презрением. «С жиру бесятся барчуки, — решительно обрывал он всякие разговоры о сочувствии ссыльным, которых, сменяя одного другим, приписывали к их наслегу на содержание. — Чего им не хватает за отцовскими спинами? Живи честно, да трудом на жизнь добывай — тогда всего будет в достатке». Сергея он терпел только за то, что тот обучал грамоте сына Василия. А к умению читать и писать безграмотный Тимофей относился с большим почтением.

— Замолчь, шельма! Тоже нашелся мне активист. Мало вас учит Колыма-то уму-разуму.

— Да не волнуйтесь вы так, Тимофей Потапыч. Это я ведь к слову. Василий сам разберется, что к чему. Он парень толковый, — примирительно улыбнулся Плетнев.

— Вот-вот, разберется без твоей политики... Садись лучше за стол, сейчас обедать будем.

— С превеликим удовольствием, — подмигнул Василию сразу повеселевший Сергей. — Спасибо!

...Обоз, с которым Василий Оконешников отправился на учебу в Якутск, ушел на следующий день. Полторы тысячи верст — путь немалый. Мороз, пурга, волчьи стаи неотступно сопровождали колымчан, пробивавшихся через снежные заносы в известном лишь проводнику Ивачану направлении. Как этот старый якут ориентировался в безбрежной, застывшей тайге — никто в обозе не ведал, полностью полагаясь на его опытность. Но добрались! Как-то на рассвете слух измученных, голодных, промерзших до костей путников уловил благовест с колокольной Спасского монастыря, приглашающий жителей Якутска к утреннему богослужению.

— Слава Богу, православные! Конец нашим мучениям, — старший в обозе Григорий Свешников снял с головы песцовый малахай и размашисто перекрестился. Его примеру последовали остальные мужчины, а Василий встал на колени в снег и стал читать краткую благодарственную молитву, которую он выучил по подаренному ему якутскими миссионерами Молитвослову.

— Вставай, Васька, вставай! Ехать надо. В городе намолишься...

— Не мешай парню, — одернул нетерпеливого товарища Григорий Свешников. — Успеет, версты три осталось, не более.

2. Начало новой жизни

В Якутске Василий сразу направился в Спасский мужской монастырь, к наместнику которого и было у него рекомендательное письмо старшины родного наслега. Встретили в обители юного якута приветливо. Первым делом отвели в жарко натопленную баню. Василий долго и с удовольствием выгонял из себя березовым веником холод, который за долгий путь с Ко-

лымы до Якутска проник, казалось, в каждую клеточку его исхудавшего тела. Не старый еще монах по имени Амвросий дал чистую рубаху и панталоны, сытно накормил Василия, потом налил в большую глиняную кружку горячего чая, заваренного какой-то душистой травой, и поставил на стол деревянные плоские с клюквенным вареньем и медом.

— Вкушай, родимый, не стесняйся, — заботливо подбадривал монах Василия. — Умаялся в дороге, оголодал... Вон ведь из какой дали пришел в обитель Божию. Учиться, говоришь, есть желание? Это хорошо. У нас твоих ровесников много. Не заскучаешь. А сколько тебе годов, говоришь?

— С четырнадцати на пятнадцатый.

— О! В самый раз начинать грамоты набираться. Да ты, похоже, в ней уже разумеешь? Писать-считать научен?

— Как же, умею, — смущенно признался Василий, не желая показаться хвастливым.

Поблагодарив монаха за угощение, Василий вышел из-за стола и усердно помолился, чем очень обрадовал Амвросия.

— Молодец, родимый! Молодец! А теперь я отведу тебя в келию, где ты будешь жить со товарищами... И ложись отдыхать. Тебе надо хорошенько выспаться с дороги.

— А когда же меня запишут в училище? — озабоченно спросил Василий.

— Завтра и запишут. После утренней молитвы пойдем к отцу Стефану, он у нас главный по учебе, у него и запишешься в училище.

— Отец Амвросий, а вы тоже учитель?

— Да, родимый. Я веду уроки истории христианства, а еще несу послушание старшего воспитателя. За вашим братом присматриваю, чтобы не шалили лишнего, — улыбнулся монах. — А при нужде помогаю, чем могу. Так что, если будут какие вопросы, — обращайся.

Учеба Василию давалась легко, преподаватели были им довольны. О его способностях и прилежании узнал Владыка Мелетий. Пригласив Василия после окончания училища к себе, он предложил ему место псаломщика в Вилуйском Николаевском соборе. Для юноши, только-только ступающего на путь служения людям и Богу, это было большой честью. А как обрадовался настоятель храма отец Иоанн Винокуров, давно испрашивающий у Владыки помощника.

В Вилуйске Василий познакомился с мисс Кэт Марсден, приехавшей из Лондона в далекую Якутию обустроить лепрозорий — специальное поселение для больных проказой. Этой страшной болезнью в те годы страдали десятки местных жителей. В свободное от обследования больных время мисс Марсден охотно занималась с Василием изучением английского языка, к которому сразу полюболившийся ей смысленный псаломщик проявил редкое дарование. По ее предложению Владыка Мелетий направил Василия Оконешникова в Казань для продолжения учебы в учительской семинарии и на миссионерских курсах при Казанской Духовной академии.

— Будем ждать тебя, отрок, образованным священником, — напутствовал Василия Владыка Мелетий. — Якуты добродушный, бесхитростный народ, не отрицающий нашу православную веру. Им только надо помочь, поддержать их духовное стремление. А пастырей у нас мало. Очень мало!

— Я обязательно вернусь, Владыка, — Василий в пояс поклонился архиерею и подошел под благословение.

Годы учебы в Казани пролетели незаметно. Василий усиленно изучал не только богословскую науку, но и старался обрести как можно больше светских знаний, чтобы расширить свой кругозор, научиться отвечать на самые неожиданные вопросы. Кроме того, он продолжал совершенствовать свой английский язык, которым вскоре овладел в совершенстве. А еще Василий усердствовал в переводе на якутский язык церковных книг, понимая, что на родном наречии их смысл быстрее дойдет до сознания земляков.

Вернулся Василий в Якутск осенью 1898 года двадцатипятилетним православным священником, окрепшим физически и духовно. Епископ Якутский и Вилуйский Никанор охотно выполнил его просьбу о постриге в монашеское звание. Новонареченный иеромонах Алексей получает послушание миссионерствовать в городской второклассной церковно-приходской школе. Как и в прежние годы, он продолжает заниматься переводом на якутский язык богослужебных и душеполезных книг, поддерживает письменную связь с родителями. Через три года отец Алексей заслужил свою первую священническую награду — набедренник. Видя воспитанность, ответственность и порядочность молодого священника, Владыка Никанор назначает его директором церковно-приходской школы и возлагает одновременное исполнение обязанностей казначея Спасского монастыря и эконома архиерейского дома.

Доверие, уважение, почет! Казалось бы, чего еще желать? Служи людям и Богу, будь этим счастлив. Но нет, довольствоваться теплым местечком было не по душе иеромонаху Алексею. Не такие они, Оконешниковы! Узнав из газет, что Императорский военно-морской флот объявил о наборе священников, знающих английский язык, отец Алексей загорелся желанием попасть на корабль. Испросив у Владыки Никанора позволение посетить родной наслег, он с первым купеческим обозом отправился на Колыму.

— Решил — так поезжай, — одобрил желание сына стать корабельным священником Тимофей. — Нелегко, конечно, будет, но ты, как я погляжу, легкой жизни не ищешь. Похвально, сын! Это по-нашему. Храни тебя Господь! И нас с матерью не забывай...

— Васенька, да как же так? — запричитала Аксинья, бросившись на шею сына. — Мы моря отродясь не видали, а страху-то про него наслышаны. Мало ли кораблей ушло в его пучину... Может, передумаешь, голубь мой?

— Нет, матушка, передумывать не стану. А вот беспокоиться обо мне нет нужды. Все мы под Господом ходим, как Ему угодно, так и будет. А с нас грешных что взять? Сгинуть и на суше можно. Знать, где упадешь, там бы соломку постелил. На все воля Божия, матушка. Не печалься, не пропаду.

3. Верность священному долгу

В то же лето отец Алексей уехал из Якутска. С большим трудом добравшись до Петербурга, он подал прошение в Морское ведомство, прошел положенные испытания и был зачислен корабельным священником в команду крейсера «Рюрик», входившего в состав отряда крейсеров эскадры Тихого океана. И снова в путь, через всю Россию...

К месту службы отец Алексей прибыл в конце 1903 года. Познакомившись с экипажем крейсера, который принял его очень радушно, он, как всегда усерд-

но, приступил к выполнению своих повседневных церковных обязанностей. Слухи о возможной войне с Японией оставались пока лишь слухами, которым особого внимания не придавал никто. Более того, и офицеры, и матросы были уверены в превосходстве русского флота над японцами и в разговорах между собой со смехом представляли, как они будут топить самураев, если только они посмеют объявить войну России.

Но случилось непредвиденное. В ночь на 27 января 1904 года без объявления войны восемь японских миноносцев атаковали эскадру русских кораблей в морской крепости Порт-Артуре. В результате два наших лучших броненосца «Цесаревич» и «Ретвизан», а вместе с ними бронепалубный крейсер «Паллада», получили серьезные повреждения и вынуждены были встать на продолжительный ремонт. Командование флота приняло решение вывести оставшиеся корабли из Порт-Артура во Владивосток. Но неоднократные попытки сделать это к успеху не привели. Тогда из Владивостока на помощь погибающей эскадре поспешил отдельный отряд крейсеров «Россия», «Рюрик» и «Громобой». Но дойти до Порт-Артура им оказалось не суждено. На рассвете 14 августа 1904 года в Корейском заливе крейсера столкнулись с японской эскадрой, которая превосходила их и в численности, и скорости, и вооружении.

День 14 августа 1904 года занимался ясный, безветренный. Вахтенный офицер на крейсере «Рюрик» лейтенант Постельников привычно всматривался через бинокль в горизонт, как вдруг на северо-западе заметил четыре корабля. Они были очень далеко, и определить по флагам на мачтах их государственную принадлежность было невозможно.

— Может, наши, а может, японцы, — засомневался лейтенант, докладывая о замеченной эскадре командиру корабля капитану первого ранга Трусову.

— Поднимайте на всякий случай команду и прикажите поднять сигналы для «России» и «Громобоя», — распорядился капитан, не отнимая бинокля от глаз.

Не прошло и часа, как всем стало ясно, что наперерез крейсерам идет японская эскадра. Уклониться от сражения уже было невозможно. На «Россию», «Рюрике» и «Громобое» затрубили боевые рожки, матросы быстро заняли свои места у орудий. Японцы приближались.

Вдруг с корабля «Идзума» раздался первый выстрел. Недолет! Наши крейсера тут же ответили ураганным огнем. Завязался жаркий бой. Последним в колонне шел «Рюрик», ему-то и доставалось больше других. Враг вцепился в могучий корабль мертвой хваткой. Снаряды решетили его борта, разрывались на палубе, уничтожая все вокруг, попадали даже в трюм. Появились первые убитые, то в одном, то в другом месте вспыхивали пожары. Но, несмотря ни на что, «Рюрик» и сам разил врага беспощадно. Это особенно раздражало японцев, и они направили на героически сражавшийся корабль всю огневую мощь своей эскадры, решив, видимо, заставить его сдаться на милость победителя. Но не знал враг характер наших моряков, не представлял силу их духа, укрепляемую корабельным священником. Не обращая внимания на свист осколков рвущихся снарядов, перехватывающий дыхание едкий дым пожаров, отец Алексей помогал санитарам убирать с палубы раненых, утешал добрым словом умирающих... А то, высоко подняв над головой наперсный крест, неожиданно

появлялся у орудий, одним своим видом вселяя в моряков бесстрашие и волю к победе.

— Батюшка!.. Батюшка!.. — метался по заваленной ранеными кают-компания обезумевший лейтенант Зенилов. Он стискивал руками пробитую осколком снаряда голову и страшно вращал невидящими, залитыми кровью глазами.

— Ваше благородие, успокойтесь, — пытался удержать лейтенанта на месте отец Алексей. — Да что же это за беда такая? Прилягте на диван, вам и полегчает...

Взрывной волной от разорвавшегося где-то совсем рядом снаряда отца Алексея отбросило к переборке. Сильно ударившись головой, он потерял сознание. Едва придя в себя, он сквозь адский шум неутихающего сражения услышал голос корабельного доктора:

— Батюшка, отец Алексей! Где вы запропастились? Бегите скорее сюда, командир умирает!

На корабле, давно уже потерявшем управление, происходило что-то ужасное. Окутанный паром из пробитых паропроводов, с развороченными снарядами бортами, горящей палубой, тут и там изуродованными телами убитых и раненых, которых не успевали убирать измученные санитары, «Рюрик» из последнего оставшегося действующим орудия изредка отстреливался от наседавших японских крейсеров.

К пятому часу непрерывного, невиданного по стойкости и мужеству моряков «Рюрика» сражения место командира корабля по старшинству занял уже трижды раненный лейтенант Константин Петрович Иванов. Здравомыслие оценив обстановку, он понял, что крейсер спасти не удастся. Оставалось два выхода из создавшегося положения: сдаться в плен японцам или затопить корабль. Но мог ли офицер Российского флота помыслить о сдаче на милость врагу? Конечно, нет!

Оставшимся в живых членам экипажа было приказано собраться на верхней палубе. Тяжелораненых вынесли из лазарета, кают-компания и других помещений, где им оказывалась медицинская помощь. Лейтенант Иванов объявил о своем решении затопить крейсер. Никто не возражал, наоборот, со всех сторон слышались слова поддержки и одобрения.

— Исповедаться бы перед смертью, батюшка, — сначала робко, а потом все громче и громче стали раздаваться просьбы моряков.

Отец Алексей, тяжело раненный в руку, преодолевая боль, начал общую исповедь. Среди крови и стонов это была страшная картина. Кто-то крестился, кто-то тянул к священнику руки, кто-то, не имея возможности двигаться, смотрел на него полными слез глазами, уцелевшие от осколков матросы опустились на колени и молча слушали...

— Всем за борт! — срывающимся голосом выкрикнул лейтенант Иванов. — Спасайся, кто может! Открыть кингстоны!

Океанская вода хлынула в трюм и без того уже глубоко осевшего крейсера. Медленно и уже неотвратно «Рюрик» стал погружаться в морскую пучину, все выше задирая свою носовую часть. Привязывая друг друга к деревянным обломкам, матросы бросались за борт, стараясь подальше отплыть от тонущего корабля, чтобы не оказаться затынутыми под него. Кто был еще в силах, поддерживали доски с ранеными.

Отец Алексей хотел до последнего момента вместе с командиром оставаться на корабле, но лейтенант Иванов, не слушая возражений бесстрашного священника, под рясой которого недаром была надета тельняшка как символ храбрости и стойкости души моряка, привязал его к обломку бруса и толкнул за борт. Сам лейтенант, подняв к развевающемуся на чудом уцелевшей мачте Андреевскому флагу сигнал «Погибаю, но не сдаюсь!», последним оставил с честью ушедший от врага геройский крейсер «Рюрик».

4. Возвращение в Россию

Получив в том неравном бою серьезные повреждения, крейсера «Россия» и «Громобой» с трудом дошли до Владивостока, где были поставлены на продолжительный ремонт, а уцелевших моряков с крейсера «Рюрик» с большими почестями из уважения к их героизму, проявленному во время сражения, крейсер «Идзума» доставил в японский порт Сасебо. Это был плен, но не для всех. Согласно морским традициям, священников и врачей в плен не брали ни на море, ни на суше. Зная об этом, лейтенант Константин Петрович Иванов, оказавшийся в одном лагерном помещении с отцом Алексием, решил передать с ним в Санкт-Петербург докладную записку для Государя Императора о причинах поражения Владивостокского отдельного отряда крейсеров и гибели «Рюрика».

Воспользовавшись относительной свободой передвижения и благожелательным отношением японцев к пленным морякам, лейтенант сумел добыть чистую бумагу и карандаш. Написать записку много времени не потребовалось.

— Отец Алексей, у меня к вам будет большая просьба, — поздно вечером, когда все уже уснули, прошептал на ухо священнику Константин Петрович.

— Слушаю, ваше благородие, — охотно отозвался не спящий еще священник. — Чем могу быть полезным для вас?

Поняв, что от него требуется, отец Алексей размотал повязку на раненой руке и спрятал под нее принесенные лейтенантом бумаги. Японцам и в голову не пришло, что вместе с корабельным священником они выпустили в Россию важные военные сведения, которые вскоре были переданы по назначению.

В Санкт-Петербурге иеромонаха Алексея (Оконешникова) встретили как героя. По ходатайству Синода Русской Православной Церкви он торжественно был награжден золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, а Великий князь Константин Константинович и его сестра Великая княжна Ольга Константиновна рекомендовали отца Алексея в настоятели начавшего строиться в российской столице на Николаевской набережной Храма-на-Водах в память о моряках, погибших в Русско-японскую войну.

Казалось, все в жизни отца Алексея складывается как нельзя лучше. Он честно служил Богу и людям, совершенно не замечая окружающих его славы и почта. Но нашлись злые завистники. По своему характеру отец Алексей никогда и ни с кем не ссорился. Он был умным, добросердечным человеком, умеющим спокойно прощать своих врагов, как заповедовал всем нам Иисус Христос. Уехав в далекий азиатский городок Зайсан, он стал священником войсковой церкви, чем и был очень доволен. К тому времени

родители его умерли, из старых знакомых в Якутии никого не осталось, а потому и возвращаться туда он не решился. Последние годы жизни иеромонах Алексей (Оконешников) провел в городе Томске, где преподавал Закон Божий в Духовной семинарии.

Нередко погожими вечерами отец Алексей выходил к воротам своего небольшого домика на окраине города, садился на скамейку и вспоминал давно минувшие дни. А в ушах нет-нет да и зазвучит щемящий душу напев известной всем морякам песни:

*Плещут холодные волны,
Бьются о берег морской.
Носятся чайки над морем,
Крики их полны тоской...*

*Миру всему передайте,
Чайки, печальную весть:
В битве врагу не сдались мы,
Пали за русскую честь!*

Вот и весь рассказ о славном якуте-герое — иеромонахе Алексии (Оконешникове). Остается только добавить, что место гибели крейсера «Рюрик» включено сегодня в число памятных мест славных побед и героической гибели кораблей русского и советского флота. В точке с координатами 35°11' с.ш. и 130°8' в.д. все российские корабли в память доблестного боя 14 августа 1904 года отдают воинские почести, предусмотренные Корабельным уставом.

ВЫШЛА КНИГА

Фролов А.

Посох. Избранные стихотворения. 2-изд., дополн. — Орел: Орловская областная организация Союза писателей России. — 2018. — 252 с., илл.

В книгу избранных стихотворений вошли стихи, написанные в разные годы 20-летней творческой деятельности автора, как уже знакомые читателю по другим книгам, так и ранее не публиковавшиеся. Андрей Фролов, как всегда, ироничен и внимателен к человеку, который собственно и является центральной фигурой творчества поэта.

История и современность

Владимир КАЗМИН

МЫ ИЗ КРОНШТАДАТА, МЫ ИЗ ДОНБАССА

Владимир Казмин (Прокопенко Владимир Афанасьевич) — родился в шахтерском поселке Михайловка, что на Луганщине. Работал в шахте. Воевал в Афганистане. Окончил Луганский гос. педагогический университет им. Т. Г. Шевченко. Учился на Высших литературных курсах Московского литературного института им. А. М. Горького (семинар Ю. П. Кузнецова). Член СП России. Председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля СП России. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Лауреат Международной литературной премии им. Юрия Долгорукого, «Щит и меч Отечества» ВПК России и др. **Живет в Луганске.**

В этом очерке пойдет рассказ об удивительном случае, который произошел в Донбассе весной 2015 года под Горловкой. Несмотря на так называемые «Минские соглашения» по мирному урегулированию военного конфликта на юго-востоке Украины, Донбасс полыхает в братоубийственной войне до сих пор. Не проходит и дня, чтобы не рвались мины и снаряды на линии соприкосновения Луганской и Донецкой Народных Республик с украинскими войсками и нацбатальонами в так называемой украинской стороной зоне АТО («антитеррористическая операция»), а по сути — в зоне гражданской войны. ДРГ (диверсионно-разведывательные группы), как с одной, так и с другой стороны, заходят на подконтрольные территории, ведут поиск и устраивают засады, минируют подходы к своим позициям, порой вступая в огневой бой друг с другом.

Речь пойдет о советском военно-морском флаге с большого противолодочного корабля «Кронштадт», о флаге, вызволенном из вражеских рук украинских националистов.

* * *

Флаг — это символ, олицетворение принадлежности к определенной стране или организации. В историческом контексте течения времени флаг становится реликвией и даже святыней, которым дорожат и оберегают, — так было во все времена. Под флагами и знаменами шли в бой; знаменосцы, как правило, шли в первых шеренгах; если знаменосец падал, сраженный на поле брани, флаг подхватывали другие воины, и знамя снова развевалось над боевыми порядками. Мы знаем

множество случаев, когда знамена частей или соединений во время Великой Отечественной войны наши воины, рискуя собственной жизнью, выносили на собственном теле из ада сражений. Если сохранилось знамя — значит, несмотря на то, сколько человек осталось в живых, сохранилась и воинская часть, но коль знамя было утеряно, такая часть расформировывалась.

Из исторических источников известно, что первые флаги появились тысячи лет тому назад, они изготавливались из звериных шкур или из птичьих перьев. В Древнем Египте воины носили шест, на верхушке которого было изображение птицы, животного или какого-нибудь предмета. Первые флаги, сделанные из ткани, появились у китайцев. Считается, что флаги из ткани были у китайцев уже примерно в 1100 году до н. э. Римские солдаты тоже поначалу носили изображения различных животных на шестах. А потом и у них появились флаги из ткани.

В течение Средних веков флаги получили распространение в Европе. Свои флаги были у крестоносцев во время религиозных войн. Были свои флаги и в королевских семьях, и у знати. На этих флагах помещались отличительные знаки рода.

Реяли знамена и над русскими дружинами Древней Руси, развевались полотнища над ратью Дмитрия Донского на Куликовом поле и над полками армии Михаила Кутузова под Бородином.

Одним из самых знаменитых флагов XX века стало Знамя Победы, которое водрузили над Рейхстагом Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Так было общепринято считать в советское время, но были имена и других героев — военных разведчиков из отряда Семена Сорокина — они стали известны не так давно, в 90-е годы. Почти полвека историческая правда замалчивалась «по идеологическим причинам».

Живой свидетель тех событий — брянец Иван Лысенко, легендарный разведчик, только в 2000-х годах открыл тайну Знамени Победы. Судьба этого человека поистине удивительна: в его жизни были и Соловки, и штрафная рота, и Золотая Звезда Героя Советского Союза...

В группе Семена Сорокина были разведчики Иван Лысенко, Виктор Провоторов, Григорий Булатов, Степан Орешко, Михаил Пачковский, Павел Брюховецкий и Михаил Габидуллин.

Отважная восьмерка поднялась на крышу Рейхстага и установила знамя.

Из книги «Триумф и трагедия знаменосцев Победы» брянского краеведа, историка военной разведки Сергея Шестакова, который провел собственное расследование: изучал архивы, воспоминания свидетелей:

«Григорий Булатов закрепил на статуе крыши Рейхстага штурмовое полковое знамя. В бинокль с противоположной стороны улицы это видел командир полка Александр Плеходанов. Это было примерно в 14.25 30 апреля 1945 года.

Обстрел продолжался, разведчики спустилась вниз. За одной из закрытых дверей Лысенко услышал немецкую речь... Иван распахнул ее и увидел двух немецких генералов и их адъютантов. Это были генералы медицинской службы, один из них — главный медик Берлина, Иван Лысенко взял их в плен. В этом бою он отличился дважды: первым вместе со своими товарищами установил флаг на Рейхстаге и добыл двух важных «языков». Тогда за пленение генералов сразу давали Звезду Героя. Когда об этом докладывали

командиру полка Александру Плеходанову, он сказал: “Разведчиков наградить, а Лысенко особо”.

Позже в наградном листе Ивана Лысенко напишут: “...30 апреля тов. Лысенко первым ворвался в здание Рейхстага, гранатным огнем истребил больше 20 немецких солдат, достиг второго этажа и водрузил Знамя Победы”.

Примерно в 22.10 группа артиллерийских разведчиков капитана Макова тоже установила на крыше Рейхстага свое знамя. После войны они с Лысенко дружили, часто приезжали в гости друг к другу. Егоров и Кантария установили знамя Военного совета уже 1 мая, утром, между четырьмя и пятью часами...»

Это несколько не умоляет их подвига — все они герои! Хотя судьбы разведчиков группы Сорокина — первых знаменосцев Победы, после войны сложились трагично. Их как будто преследовал злой рок... Историк Сергей Шестаков считает: череда несчастий вовсе не была случайностью.

Григорий Булатов, по официальной версии, в 1973-м повесился в туалете на заводе, где работал. Михаил Пачковский, который работал снабженцем, в 1974-м внезапно умер в Бресте. Степана Орешко, лесника, в 1990-м убило упавшее на него дерево. Командира группы Семена Сорокина нашли повешенным на даче в 1994 году. А следы Михаила Габидуллина и вовсе теряются в середине 60-х. Ничего неизвестно и о судьбе Павла Брюховецкого...

Виктор Провоторов жил на Донбассе в Макеевке, в конце 40-х трудился в редакции местной газеты и написал статью о том, как было водружено Знамя Победы над Рейхстагом, но тираж этой газеты был изъят и уничтожен. Компетентные органы провели с Героем разъяснительную беседу, после этого разведчик больше никогда не надевал свои боевые ордена, даже на праздник Победы. Он ушел из журналистики, работал электриком, а в 1962 году произошел странный несчастный случай — опытный электрик вдруг взялся за оголенный провод... Его убило током.

Трагическая история, но наша история о другом, речь пойдет о совсем другом флаге, о флаге БПК «Кронштадт», который был вырван из рук неонацистов разведчиками ДНР.

* * *

Разведгруппа отдельной бригады Армейского корпуса вооруженных сил ДНР во главе капитаном с позывным «Волк» ранним мартовским утром пятнадцатого года вышла в боевой поиск в районе Долomitное под Горловкой и обнаружила группу морских пехотинцев 73 Очаковской бригады ВСУ, которые вторглись на территорию ДНР. Завязался бой. В результате неожиданной атаки донецких разведчиков морпехи были частично уничтожены и развеяны. Вот что рассказывает непосредственный участник этих событий Андрей С. «Волк» (фамилию командира разведгруппы по понятным причинам я не буду называть).

— Это было в районе Гольмовский — Долomitное. Ранним утром, когда еще не взошло солнышко, наша группа, скрытно обойдя по балке небольшой ставок, у лесополосы обнаружила передвижение БРТ противника, на котором было около пятнадцати «укропов». Они шли по нашей территории, с какой целью неизвестно. Я дал команду: рассредоточится и занять огневые позиции. У меня было четверо бойцов и еще трое разведчиков и водитель

«Урала», на котором мы приехали в этот район, были в группе прикрытия. Они стояли на дороге у пруда. Учитывая фактор внезапности, мы открыли огонь на поражение, как оказалось потом — это были разведчики морской пехоты 73 Очаковской бригады ВСУ, вояки ехали устанавливать минные ловушки на окраине Горловки.

«Панихан» ударил из «Шмеля». Вакуумный заряд разорвался в нескольких метрах от вражеского бронетранспортера, взрывом порвало колеса БТР и, разбросав «укропов» в разные стороны, машина перевернулась. Если бы заряд «Шмеля» попал непосредственно в БТР, шансов выжить у них бы не было. Мы открыли огонь из пулеметов. Уложили снайпера и еще несколько врагов. Остальные, контуженные, отстреливаясь, скрылись в лесополосе, оставив на поле боя трупы своих товарищей и раненого бойца, которого, как потом оказалось, вояки хотели добить, он был ранен в ноги. Под нашим огнем они забрали его оружие и бежали в «зеленку». Моя группа разделилась, и мы с двух сторон вышли к горящему БТР. Простреливая лесополосу, «Панихан», «Боря» и «ВДВ» заняли позицию на дороге за посадкой, но я приказал им вернуться, потому что эта дорога была под перекрестным огнем огневых точек ВСУ, которые были за полем на укрепленных позициях. Я и «Нохча» подхватили раненого морпеха и стали отходить к группе прикрытия, теперь уже «Панихан», «Боря» и «ВДВ» прикрывали нас. Трупы «укропов» мы не стали собирать, так как по нам уже начали «свидомые» набрасывать из минометов. Мы быстро ушли из зоны обстрела, сели на свой «Урал» и уехали в безопасное место без потерь.

При первом допросе раненый пленный морпех рассказал, с какой целью они шли, а именно: устанавливать мины-ловушки на окраинах Гольмовского и Доломитного, хотя здесь по балочкам и полям ходят в основном мирные жители со своими коровами и козами... Когда мы сняли с раненого бронезилят и сделали обезболивающий укол, из-за пазухи у него выпал советский военно-морской флаг. Я спросил у него:

— Откуда ты взял этот флаг и зачем он тебе?

— Я пидмотав цю тряпку, шоб броник краше сыдив...

После этих слов желание было прибить этого вояку, но я сдержался.

— Ты знаешь, урод, что под таким флагом наши отцы и деды кровь проливали, с фашистами бились насмерть, а ты — «цю тряпку»! Говори, где взял! А еще называешься морским пехотинцем!

— Хлопци, я на память собі узив цэй флаг у краеведческом музее, ще в прошлом роци в Краматорске...

Вот она — вся суть этих укровоаяк, для них нет ничего святого, даже музеи грабят, для них все, что связано с советским прошлым, — это оккупантская москальская история, для них, фашиствующих, герои только вояки УПА «бандеры», «шухевичи» и вся остальная предательская шушера, которую давили наши отцы и деды, и не давили... Вот теперь и на нашу долю выпало, простите за резкие слова, но я не могу говорить иначе о них — убийцах наших детей, сестер и матерей. Я сам родом из Краматорска, мой город, я считаю, оккупирован вот такими негодями, которые пришли на мою землю устанавливать свои нацистские порядки. Я не пришел в их дом, а они пришли ко мне с огнем и мечом, поэтому я буду с ними сражаться до последнего...

Мы отправили раненого вояку в Донецк, потом по моим сведениям его вместе с другими «укропами» обменяли на наших пленных ребят — этот морпех оказался родственником какого-то крупного военного моряка, дальше не знаю, что с ним было, но мы его практически спасли, оказав первую медицинскую помощь, а так бы он с перебитыми ногами истек кровью. И пусть молит Бога, что его не прибили свои, когда бежали под нашим огнем!..

— И что было дальше с этим флагом?

— Больше года я его хранил у себя, выяснял, как этот флаг попал в музей и с какого корабля. Потом я узнал, что этот флаг с большого противолодочного корабля «Кронштадт» и его в музей передал один из служивых этого корабля, после того как судно было выведено из строя флота. Этот моряк был жителем Донбасса и служил в 70-х на «Кронштадте», ходил под этим флагом в боевые морские походы. Я думал, что делать дальше с реликвией, не хотелось, чтобы флаг где-то затерялся, тем более что он был добыт, освобожден из вражеских лап, в бою...

Справка:

БОЛЬШИЕ ПРОТИВОЛОДОЧНЫЕ КОРАБЛИ ТИПА «КРОНШТАДТ» ПРОЕКТА 1134А

История создания

К середине 1960-х годов обозначилось новое направление развития флота — поиск и уничтожение атомных подводных лодок с баллистическими ракетами. Именно стремительное нарастание угрозы ракетно-ядерных ударов с морских направлений требовало скорейшего количественного и качественного увеличения мощи сил противолодочной обороны ВМФ СССР. Создание дальней зоны ПЛО стало важнейшей задачей для флота. 10 августа 1964 года Совет Министров СССР принял постановление о строительстве противолодочных надводных кораблей с усиленным вооружением. В январе 1965 года было принято решение о строительстве кораблей по новому проекту, и за его основу Северным ПКБ был взят «Беркут» с модификацией в сторону увеличения его противолодочных возможностей. Соответствующим постановлением ЦК КПСС и СМ СССР была поставлена точка в строительстве «Беркутов» и определена постройка кораблей нового проекта, получившего название пр. 1134А шифр «Беркут-А». Это был уже совершенно другой корабль, с существенными изменениями не только в составе вооружения, но и конструкции.

Всего за одиннадцать лет (с 1966 по 1977 год) было построено 10 кораблей, хотя различными вариантами кораблестроительных программ предполагалось построить для флота 32 корабля проектов 1134 и 1134-А.

* * *

«Кронштадт» — большой противолодочный корабль (БПК) проекта 1134-А, головной корабль серии. Находился на службе Военно-Морского Флота СССР. Заводской номер С-721. 12 декабря 1966 года «Кронштадт» был зачислен в списки кораблей ВМФ СССР.

Заложен 30 ноября 1966 года в закрытом эллинге судостроительного завода имени А. А. Жданова в Ленинграде, спущен на воду 10 февраля 1968 года.

24 августа 1969 года на корабле был поднят Военно-морской флаг СССР (войсковая часть 45717), а 17 октября корабль был представлен к государственным испытаниям. 29 декабря 1969 года принят флотом.

Экипаж 379—385 человек (в том числе 42—46 офицеров).

История службы корабля

9 марта 1970 года директивой ГШ ВМФ корабль был включен в состав 120-й бригады ракетных кораблей Краснознаменного Северного флота. После завершения испытаний перешел с Балтийского флота на Черное море в главную базу Краснознаменного Черноморского флота — Севастополь. Корабль проходил испытания на полигоне в г. Феодосия.

В период с 15 мая по 22 июля 1971 года БПК был совершен переход из Севастополя в главную базу Северного флота — Североморск с одновременным несением боевой службы в Средиземном море.

С 17 сентября по 13 октября 1971 года «Кронштадт» выполнил задачи разведки и слежения в период учений Объединенных военно-морских сил НАТО «Iron Knight».

Начиная с 28 февраля и вплоть до 2 апреля 1972 года БПК в составе аварийно-спасательного отряда (ПКР «Ленинград», КРЛ «Александр Невский», БПК «Вице-адмирал Дрозд», ПБПЛ «Магомет Гаджиев», СБ-38, СС «Карпаты») принял участие в спасательной операции в Северной Атлантике по оказанию помощи терпящей бедствие атомной подводной лодке «К-19». В процессе выполнения операции отличилась авиагруппа корабля во главе с В. Г. Семкиным.

25 июля 1972 года «Кронштадт» был награжден памятным красным знаменем Горисполкома и Горкома КПСС города Сочи. 13 декабря 1972 года Постановлением Президиума Вооруженных Сил СССР № 845 в связи с 50-летием СССР корабль был награжден «Юбилейным почетным знаком». На следующий день комсомольская организация корабля была награждена памятным красным знаменем ЦК ВЛКСМ, а корабль был занесен в Книгу почета Военного совета КСФ.

В период с 11 по 31 мая 1973 года корабль в составе КПУГ (совместно с БПК «Адмирал Нахимов») участвовал в поисковой операции «Лагуна» по обнаружению и слежению за ПЛ противника в заданном районе Северной Атлантики. 14 мая в Норвежском море в 11.30 корабли КПУГ получили контакт с подводной лодкой вероятного противника, которая активно уклонялась с применением средств ГПД.

Слежение за подводной лодкой осуществлялось до ее ухода в территориальные воды Норвегии. За 19 ходовых суток кораблем было пройдено 6670 морских миль.

22 июня 1973 года БПК «Кронштадт» впервые на Северном флоте выполнил стрельбу комплексом УРПК-3 «Метель», получена оценка «хорошо». По итогам года БПК был объявлен лучшим кораблем 120-й бригады ракетных кораблей.

В период с 10 по 30 сентября 1974 года БПК выполнил задачи боевой службы в Северной Атлантике. По итогам года объявлен лучшим кораблем

бригады. С 16 по 24 апреля 1975 года корабль принимал участие в оперативно-стратегическом учении с обозначенными силами «Океан-75» под руководством Маршала СССР А. А. Гречко.

Вместе с ТАРКР «Киров» и большими противолодочными кораблями «Адмирал Исаков», «Стройный» и «Смышленный» «Кронштадт» участвовал в июле 1981 года в учениях «Север-81» под руководством главнокомандующего ВМФ. Учения проходили в Баренцевом и Норвежском морях.

В период с 24 по 28 марта 1987 года БПК принимал участие в командно-штабном учении с силами обозначения под руководством командующего флотом адмирала И. М. Капитанца (ТАРКР «Киров», РКР «Вице-адмирал Дрозд», «Маршал Устинов», БПК «Адмирал Нахимов», «Адмирал Макаров», «Адмирал Юмашев», «Сообразительный», эскадренные миноносцы «Отличный», «Современный», «Отчаянный»).

В сентябре 1992 года на корабле был спущен военно-морской флаг. 29 октября 1992 года экипаж «Кронштадта» был расформирован. В 1993 году корпус корабля был продан частной индийской компании для разделки на металл.

Как мы видим, судьба корабля, как и судьба великой страны, которую преступно разорвали на части национальных квартир, глубоко трагична — разделан на металл... Но словно фантомная боль умершего корабля врывается в нашу новейшую историю — это история с его военно-морским флагом, он и по сей день реет над праведными воинами, которые ведут непримиримую борьбу с врагами русского мира.

— И вот судьба меня свела с прекрасным человеком, Владимиром Васильевичем Березовским, руководителем Международного центра развития социально значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной», — рассказывает Андрей С., командир разведроты ДНР с позывным «Волк», — кстати, Владимир Васильевич тоже родом из Донецкой области. Центр «Святые Лавры Руси Православной» находится в Москве, Владимир Васильевич продвигает в жизнь один из грандиозных проектов по установке кладных камней на местах будущих памятников Великому князю Александру Невскому, как символа непоколебимого русского духа. Эти памятники должны стать духовным поясом на страже веры Православной и символом единства нашего народа по периметру земли русской. По задумке организаторов проекта памятники Александру Невскому будут устанавливаться в местах боевой славы вдоль границ Руси Православной, и завершится эта акция в 2021 году, к 800-летию юбилею Великого русского князя.

Гранитные природные многовековые камни с родины Александра Невского из Переславль-Залесского, где Великий святой Александр принял княжеский постриг. Там они освящаются и Крестным ходом направляются в места их установки.

Один из таких камней был заложен в знаменитом на весь мир Звездном Городке космонавтов России, стоят такие камни в Матвеевом Кургане Ростовской области, Луганске и в Донецке.

Когда я познакомился с Владимиром Васильевичем и рассказал ему об истории с флагом корабля «Кронштадт», он был потрясен моим рассказом. Оказывается, что в Попечительский совет Центра входят круп-

ные флотоводцы, адмиралы, и я понял, что отдам этот флаг только в его руки...

Дальнейшая судьба флага с большого противолодочного корабля «Кронштадт» такова: директор Центра «Святые Лавры Руси Православной» Владимир Васильевич Березовский связался с Сопредседателем Попечительского совета, депутатом Государственной Думы России, Председателем комитета по обороне, адмиралом Владимиром Петровичем Комоедовым, и реликвия была торжественно отправлена в Петербург, в музей Кронштадта на вечное хранение.

Война в Донбассе не закончилась, тлеющий конфликт гражданской войны, которую развязала преступная киевская власть в результате государственного переворота в феврале 2014 года, может в любое время перейти в активную фазу. Все уже устали от этой ненужной войны, все хотят мира. Но есть уверенность в том, что если война вспыхнет с новой силой, все равно победа будет за такими людьми, как Андрей С. и его боевыми товарищами. Потому что для них наше героическое прошлое не пустой звук и такие вещи как этот флаг с боевого корабля «Кронштадт» — не «тряпка», а настоящая реликвия и святыня.

ВЫШЛА КНИГА

Балашов М.

Караван. Стихотворения. Издание Муниципального совета г. Сестрорецка.

Книга «Караван» — сборник стихов активного зрелого человека, в недавнем прошлом ставшего пенсионером, флотского офицера и гражданского моряка, сына, отца и деда — философское осмысление себя, природы, общества, человеческих отношений, жизни и смерти, смысла прихода и необходимости ухода. Это не оценка, это — взгляд и попытка формулировки своей рефлексии.

БЛАЖЕННЫЙ ИНОК*

*Жизнеописание блаженного
инока Владимира,
Важеозерского чудотворца*

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея
Руси Кирилла*

*Составлено по воспоминаниям
современников и их потомков.*

Составитель А. Е. Селезнев

*Продолжение. Начало
в №№ 1, 2, 3, 4 за 2016 г.,
№№ 1, 2, 3, 4 за 2017 г., № 1,
2 за 2018 г.

Обитель потихоньку возрождается, растет число братии, восстанавливаются постройки, и даже в родном здании бывшего подворья монастыря в Санкт-Петербурге городские власти обещают выделить уголок для организации там иконной лавки. Заметно активизировалась монастырская жизнь после упокоения здесь мощей инокa Владимира. Наместник и братия уверены, что происходит это по его молитвам, и ведет запись свидетельств его чудесной помощи. Приводим отсюда выдержки.

Рассказ трудника монастыря, раба Божия Алексия. Во время трапезы он подавился рыбьей костью, и положение его было настолько критическим, что потребовалась срочная медицинская помощь, но...

Боль была нестерпимой, — рассказывал он. — В изнеможении я присел на стоящую у могилы блаженного инокa скамейку и с надеждой стал молиться ему, прося помощи. Прошло не более получаса, как почувствовал я вдруг облегчение. Хотя горло и саднило по-прежнему, но застрявшей кости я уже не ощущал, ее там больше не было. Впрочем, и проглотить ее я тоже не мог. Я понял, что помощь от Бога пришла ко мне по святым молитвам блаженного инокa Владимира, и возблагодарил его от всего сердца.

Рассказ матушки Надежды. Года два тому назад в монастырь приезжала женщина из Пскова, приезжала специально к блаженному инокy Владимиру. Она была в обители совсем недолго, почти ничего не рассказывала о себе и даже на одну ночь в монастыре не осталась, сказала только, что дома ждут муж и дети. Помолилась у могилки инокa Владимира и объяснила, что в столь удаленный мона-

стырь приехала по благословению известного старца с острова Залит, отца Николая Гурьянова. Поскольку благословение прозорливого старца на паломничество было дано, значит для того была веская причина, всем известно, что просто так старцы на такие поездки не благословляют. Чувствовалось, что домой женщина уезжала успокоенная и довольная тем, что удалось исполнить благословение отца Николая и помолиться иноку Владимиру. «По вере вашей да будет вам».

Рассказ благочестивой мирянки Веры. Вместе с детьми мы несколько лет подряд ездили трудничать в Важеозерский монастырь. По благословению отца наместника работали на монастырском огороде. Занимались прополкой и поливали грядки с овощами. В 2000 году мы приехали в обитель в начале августа и узнали, что совсем недавно сюда из Санкт-Петербурга были перенесены мощи инока Владимира. Они еще не были погребены и находились в храме св. прп. Иоанна Рыльского. Отец наместник благословил сходить и приложиться к мощам. Мы увидели ковчег, в котором хранились честная глава и кости скелета блаженного. Череп и кости были желтоватого цвета, местами на них были заметны следы земли. После того как о. Иларион отслужил панихиду, все присутствующие приложились к мощам. В то время мы мало что знали о блаженном иноке Владимире, и отец игумен рассказал, что он был подвижник Православной веры, постриженник Важеозерской пустыни, совершил паломничество на Святую землю, а почитание его как чудотворца началось еще при жизни. Особенно его почитали жители г. Санкт-Петербурга и Тосно. После преставления инока Владимира люди стали ходить на его могилку и обращаться к нему с просьбами о помощи в различных делах. Мы также помолились иноку Владимиру, в том же году моя дочь поступила в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию на регентское отделение. Учебу она окончила успешно и вернулась домой, теперь работает вторым регентом в одном из православных храмов города Петрозаводска. Жизнь сына тоже постепенно устроилась, он женился и живет в другом городе, трудится в монастыре, занимается восстановлением монастырского храма.

Рассказ Веры Григорьевны. Я узнала об иноке Владимире во время паломнической поездки в Важеозерский монастырь. После службы паломники вышли из храма, затем вышел на крыльцо отец игумен Иларион. Он показал нам могилку блаженного инока Владимира и коротко рассказал о нем. Он сказал, что инок был постриженником Важеозерской пустыни и духовным чадом св. прав. Иоанна Кронштадтского, мощи недавно перенесены в обитель из Санкт-Петербурга, где он почитается как скорый помощник верующим. Мне посоветовали читать семнадцатую кафизму из Псалтыри пророка Давида, поминать инока Владимира и уже после этого обращаться к нему с прошением о помощи в делах. Я стала молиться так, как мне сказали, и просить помощи у блаженного. Часто по благословению священника я собираю группу паломников для поездки по святым местам. Нужно позвонить всем, кто собирается в паломническую поездку, заказать автобус, договориться с водителем и туристическим агентством об оплате, одним словом, решить массу организационных вопросов. Иногда бывает так, что люди отказываются от поездки не только в день отъезда, но буквально за час, тогда

срочно нужно найти им замену, т.к. каждое место в автобусе должно быть занято, иначе для тех, кто поехал, поездка становится дороже. Теперь я всегда обращаюсь к иноку Владимиру, прошу его, чтобы помог мне собрать группу, и чтоб в поездке все было хорошо, и он всегда помогает. Еще я молюсь блаженному и прошу, чтобы он помог моим детям, и эта помощь ощутима. Раньше дочь не ходила в храм, а с тех пор, как я стала молиться иноку Владимиру, начала ходить и очень изменилась, дружит с православной молодежью, принимает активное участие в жизни Православного центра при кафедральном соборе Александра Невского. Считаю, что такие изменения произошли благодаря молитвенной помощи инока Владимира.

Рассказ прихожанки Крестовоздвиженского храма Ирины. В моей семье было горе. Муж, человек уважаемый, занимающий хорошую должность на работе, стал выпивать. Трудно стало всем домашним, мы очень за него переживали, но изменить ситуацию не могли. Общими усилиями удалось уговорить мужа съездить в Важеозерский монастырь. Побывали на службе в монастырском храме, написали записочки. Господь устроил так, что я смогла поговорить с наместником монастыря игуменом Иларионом, он посоветовал послужить панихиду на могилке блаженного инока Владимира. Обычно нетерпеливый супруг мой согласился задержаться. Мы отправились к месту погребения святых останков угодника Божия, пришел батюшка, и панихида началась. Как прошло время, не заметила, молилась и очень просила инока Владимира о молитвенной помощи. По окончании службы отец игумен нас благословил, и мы отправились домой, тихие, примирившиеся друг с другом. Я стала постоянно обращаться к иноку Владимиру за помощью, молилась как умела, а чаще разговаривала с ним как с близким человеком, рассказывала о всех своих горестях. Помощь пришла неожиданным образом: муж стал болеть и уже не мог пить так, как раньше, когда был здоров. Одно время состояние здоровья было совсем тяжелым, но опять же по молитвам инока Владимира, к которому я продолжала обращаться, мужу стало лучше. Теперь обстановка в семье стала более спокойной. Мой супруг полюбил святую обитель, в которой покоятся мощи инока Владимира, несколько раз в месяц он посещает монастырь самостоятельно, иногда приглашает в поездку друзей. Нам был явлен наглядный пример милости Божией, когда по молитвам праведника Господь дарует избавление от пагубной страсти.

...На этом монастырская хроника у могилы блаженного инока временно прерывается, но не прекращается к нему паломничество, а значит, и чудесная помощь по его молитвам.

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей КОНДРАТЕНКО ХРАНИТЕЛЬ ЗАВЕТНОГО СЛОВА

*Памяти профессора
А. И. Кирпичникова*

Алексей Иванович Кондратенко — родился в 1964 г. в Воронеже, окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета, работал в средствах массовой информации Орловской области. Кандидат политических наук, член Союза писателей России с 1999 г. Автор нескольких книг исторической прозы, главный редактор альманаха «Орел литературный». Лауреат премии журнала «Наш современник». Живет в Орле.

За минувшие сто лет книги выдающегося литературоведа и историка Александра Ивановича Кирпичникова не издавались, а имя его лишь упоминалось в энциклопедиях и справочниках. В 2015 г. исполняется 170 лет со дня рождения этого незаурядного человека: член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, заслуженный профессор Московского университета Кирпичников оставил богатейшее научное наследие.

Характерно, что на протяжении многих лет усилия А. И. Кирпичникова как исследователя были сосредоточены на изучении сказаний о Богородице и ее иконографии. Как отмечал один из его учеников, выдающийся представитель искусствоведческой науки, профессор Е. К. Редин (1863—1908), «труды свои Александр Иванович посвящал, главным образом, циклу сюжетов, связанных с жизнью Богородицы; им подготовлялся капитальный труд, посвященный специально жизни Богородицы, как она известна в памятниках словесности народной и книжной и в памятниках искусства»¹.

К этой теме он пришел постепенно, от изучения средневековой литературы: первая статья — «Сказания о житии Девы Марии и их выражение в средневековом искусстве» — появилась в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1883 году. В одном из последующих трудов Кирпичников писал: «При молодости науки единственно верный путь — от частного к общему, как бы ни были с виду мелки и ничтож-

¹ Памяти профессора Александра Ивановича Кирпичникова. Сб. статей, некрологов, воспоминаний, изданный Историко-филологическим обществом при Императорском Харьковском университете. Харьков, 1905. С. 66. Далее цитаты из этого сборника приводятся без указания источника.

Профессор Александр Иванович Кирпичников

ны специальные задачи, избираемые иконографами и археологами, они непременно приведут к общим и в высшей степени интересным вопросам и будут более способны к выяснению истины <...> Для таких задач мы, русские, имеем под руками превосходный, почти неисчерпаемый материал в наших иконах и миниатюрах, которые чуть не до наших дней сохранили предания византийского искусства лучшей его поры. Жатва обширна, но, к сожалению, жателей еще мало».

Представляя участникам VI Археологического съезда в Одессе (1884) свои очерки «Иконография Вознесения Христова» и «Успение Богородицы

в легенде и искусстве», в предисловии к «Успению Богородицы...» автор писал: «Предлагаемый реферат есть одна глава из давно задуманной работы “Житие Богородицы в поэзии и искусстве”, для которой я собираю материал уже около пяти лет. На недостаток последнего я никак не могу пожаловаться: напротив того, его богатство и разнообразие грозит подавить исследователя, который после нескольких лет работы может оказаться не в состоянии свести концы с концами»¹.

Примечательно, что на 45 страницах «реферата» имелось 136 ссылок, автор сделал подробнейший обзор по теме и поместил в приложении тексты на древних латинских языках. А. И. Кирпичников завершил свое исследование таким выводом: «Весь самостоятельный труд по выработке основных типов сказания о конце земной жизни Богоматери и иконография этого сюжета выпали на долю восточной, греческой церкви. Западное искусство, как и западная письменность, оказывается в этом, как и во многих других случаях, под непосредственным влиянием Востока, точнее сказать: только повторяет его уроки <...> Отправляясь от тех же данных, Восток и Запад впоследствии (около времени крестовых походов) существенно расходятся в самых принципах: в то время, как Запад стремится к большей определенности, внутренней и поэтической полноте, но при этом вдается в сентиментальность и свободу вымысла, которая рано или поздно должна потрясти самые основы предания, Восток с примкнувшей к нему Россией остается

¹ Кирпичников А. Успение Богородицы в легенде и в искусстве. Одесса, 1888. С. 1.

верен простейшей из архаических форм. Живопись светская — одна для всего образованного мира; живопись церковная согласуется с преданиями, верованиями и убеждениями народных масс; она по преимуществу живопись национальная. Та и другая область искусства не должны быть между собою смешиваемы. Единственное средство спасти русскую церковную жизнь от всего пошлого, бессмысленного, расслабленного, смешного — это основательное изучение иконописи в ее лучших источниках»¹.

В числе других работ А. И. Кирпичникова по этой теме назовем очерк «Деисус на востоке и западе и его литературные параллели», статьи «К иконографии Сошествия Св. Духа», «Этюды по иконографии Рождества Христова», «Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной». По мнению Е. К. Редина, «прекрасным обобщением всех предыдущих статей А. И. Кирпичникова, посвященных иконографии Богородицы, является живо, увлекательно написанная статья, полная, можно сказать, захватывающего интереса — это публичная лекция «Исторический обзор иконописных изображений Богородицы», читанная в Москве в 1897 г. на выставке “Изображения Богоматери” в Обществе поощрения художеств». Заметим, что это направление в деятельности профессора А.И. Кирпичникова является весомым аргументом в пользу тезиса о совместимости науки и религии.

Родина профессора — город Мценск Орловской губернии, где он родился 18 августа 1845 г. в купеческой семье. Отец торговал хлебом, имел мельницу. Однако вскоре после смерти мужа мать малолетнего Александра была вынуждена продать «дело» Кирпичникова-старшего и переселилась в Москву в дом на Никитском бульваре. Понимая важность образования, она отдала сына в Первую московскую гимназию. Александр Кирпичников был одним из лучших учеников — в 16 лет закончил учебу с золотой медалью и поступил на историко-филологический факультет Московского университета, по его собственному признанию, «с очень плохой подготовкой по всем филологическим предметам, с полным неумением взяться за науку, но с горячим желанием проникнуть в тайники ее»².

Одноклассникам по университету (а среди них были и такие будущие знаменитости, как Василий Ключевский) Александр Кирпичников запомнился как стройный блондин с чрезвычайно добрым и симпатичным лицом, с румянцем во всю щеку. Уже в юные годы он искал точку приложения недюжинных сил. В своих воспоминаниях его соученик, тамбовский уроженец и будущий писатель И. В. Захарьин (Якунин) (1839—1906) рассказал об одном важном эпизоде. В 1863 г. студентам стало известно, что славест и издатель произведений народного творчества Петр Алексеевич Бессонов (1828—1898), занимавший должность секретаря Общества любителей российской словесности, принял на себя обязанность закончить обширный сборник песен П. Киреевского, который вначале редактировал П. Якушкин. Бессонов обещал добровольным помощникам гонорар за каждую песню, вошедшую в сборник.

Кирпичников с энтузиазмом взялся за дело, впрочем, рассчитывая и на помощь матушки, которая знала великое множество народных песен, совер-

¹ Кирпичников А. Успение Богородицы в легенде и в искусстве. Одесса, 1888. С. 43—45.

² Цит. по: Лазурский В. Ф. Научная деятельность профессора А. И. Кирпичникова. Одесса, 1903. С. 2.

шенно неизвестных столичной публике. Да к тому же она написала письма к знакомым в Орловской губернии с просьбой прислать тексты песен. Захарьин вспоминал, что «особой поэзией и прелестью отличались песни лирические и бытовые, сообщенные госпожой Кирпичниковой».

Работали «фольклористы» несколько месяцев. Но когда они представили свой труд Бессонову (более 150 песен), тот признался, что у него нет средств на выплату обещанного гонорара. А спустя несколько лет рукопись погибла во время пожара.

Но не только этой «неудачей» были отмечены студенческие годы, еще сравнительно недалеко отстоявшие от «вечно памятной эпохи Грановского» (выражение самого Кирпичникова). Ему несказанно повезло слушать в университете лекции таких корифеев науки, как Н. С. Тихонравов, С. М. Соловьев, С. В. Ешевский и др. Высшим благодеянием судьбы он называл встречу с академиком Ф. И. Буслаевым, известным трудами в области славяно-русского языкознания, древнерусской литературы, устного народного творчества и древнерусского изобразительного искусства. Буслаев выступал сторонником сравнительно-исторического метода, стремился установить связь истории языка с жизнью народа, с его нравами и верованиями. И это влияние Учителя (юный Кирпичников не только слушал его лекции, но и давал уроки сыну Буслаева, бывал у него на даче, пользовался его советами и библиотекой) сказывалось на методах исследований будущего знатока литературы многие годы — в конце XIX в. Кирпичников назовет своего наставника идеальным профессором 1860-х гг.¹ и богатырем науки.

Окончив университет и будучи преподавателем истории и русского языка в Первой и Пятой московских гимназиях, Кирпичников взялся за осуществление масштабного замысла. На этот раз его сотоварищем стал одноклассник по университету Федор Александрович Гиляров (1841–1895) — тот прежде учился в Духовной семинарии, откуда был исключен за статью «Материалы для физиологии общества»². Два молодых преподавателя решили написать учебник по этимологии. Чтобы издать его на свои средства, они год уроками и немислимой экономией собирали нужную сумму. Книга вышла в издательстве братьев Салаевых в 1868 г. и сразу получила признание. Учебник «Этимология русского языка для низших классов гимназий (применительно к правописанию)» многократно переиздавался, а имена его авторов обрели первую известность. Успех открыл им, уже вскоре были составлены и напечатаны «Русская хрестоматия для низших классов гимназий»³, «Сборник для чтения и письменных упражнений. Вып. I»⁴.

В эти годы в летнее время Александр Кирпичников слушал лекции в Гейдельберге и Берлине, работал в библиотеках и учился в Праге и Вене. Он подготовил и защитил магистерскую диссертацию «Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса. Поэмы ломбардийского цикла» (М., 1873). С 1875 г. Кирпичников преподавал в Харьковском универси-

¹ Кирпичников А. И. Ф. И. Буслаев как идеальный профессор 60-х годов: Лекция, читанная в Одессе 26 ноября 1897 г. в пользу основания Буслаевского фонда. М., 1898.

² Московские ведомости, 1859, № 62.

³ М.: типография «Современных известий», 1869, книга выдержала несколько изданий.

⁴ М.: бр. Салаевы, 1871.

тете. Тогда же им была представлена на защиту докторская диссертация «I. Греческие романы в новой литературе. II. Повесть о Варлааме и Иосафе» (Харьков, 1876). Однако молодого ученого ждала неудача. Академик А. Н. Веселовский раскритиковал этот труд в «Вестнике Европы» и «Журнале Министерства народного просвещения», указав на явные недоработки и упущения.

Кирпичников не сложил руки, он был верен своему кредо: «Не сдаваться и не поддаваться отчаянию: стать скромнее и сдержаннее — скорее будешь впереди других». Началась усиленная работа над новой докторской диссертацией — «Святой Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды» (СПб., 1879). Как подчеркивал будущий декан философско-литературного факультета Одесского университета В. Ф. Лазурский (1869—1947), Кирпичников «задался целью установить соотношение между греческими, славянскими, латинскими и иными редакциями сказаний. Просмотрел сотни рукописей, которыми еще никто не пользовался». Провел сопоставление с восточными сказаниями (сирийской, эфиопской, мусульманской и другими редакциями), изучил народные обряды, сопровождающие празднование Юрьева дня, пословицы, песни. В итоге недавний критик А. Н. Веселовский дал положительный отзыв на диссертацию: «Он первый охватил вопрос во всей органической целостности». По мнению И. В. Захарьина, «солидное ученое изыскание о “Егории Храбром” и о знаменитом “Английском Милорде” дали ему почетное имя среди русских ученых-филологов».

В Харькове, как уже упоминалось, Кирпичников работал с 1875 года. Как вспоминал его младший коллега тех лет, фольклорист и литературовед, будущий член-корреспондент Академии наук Н. Ф. Сумцов (1854—1922), Кирпичников «не только учил, как профессор, но и сам учился, как студент». Вместе со студентами ходил на лекции А. А. Потебни и других профессоров-филологов. Выучил итальянский язык и читал Данте. Кирпичников был инициатором создания в Харькове историко-филологического общества, хлопотал об открытии музея изящных искусств. Именно здесь пытливому уму исследователя открылись изначальные основы славянской общности. Кирпичников писал: «Русский народ, как и всякий народ, играющий видную роль в истории, сложился из многих элементов, из многих племен. Но главных составных частей в нем две, главным образом, его составили два племени, одинаково способные и одинаково исторические, взаимно дополняющие друг друга: это деловитые, энергичные, закаленные в борьбе со своей суровой природой великороссы и мечтательные, певучие, более мягкие и впечатлительные малороссы»¹.

В Харькове профессор пережил большое горе — в 1884 г. умерла его первая супруга Софья Богдановна. После этого он на год уехал в Петербург, но и здесь несчастья преследовали его — умер младший сын. В 1885 г. Кирпичников уехал в Одессу, где занял должность ординарного профессора Новороссийского университета.

Начав жизнь с нуля, Александр Иванович многого добился в этом южном городе. Один из современников признавал: «Он стал в Одессе центром,

¹ Кирпичников А. Очерки по истории новой русской литературы. Т. I. М., 1885. С. 219.

вокруг которого группировались все одесские интеллигентные силы. Период его пребывания в нашем городе будет историком Одессы отмечен как один из блестящих периодов ее жизни».

Ученик Кирпичникова в Новороссийском университете, будущий филолог-славист, заслуженный профессор этого университета и академик Болгарской Академии наук М. Г. Попруженко (1866—1944) вспоминал лекцию своего учителя о В. Г. Белинском: «Разговор в аудитории не окончился (помешал звонок), и мы толпой пошли провожать профессора по коридору, но все-таки всех вопросов не выяснили... “Знаете ли, господа, сегодня суббота, — приходите-ка все, кто пожелает, ко мне в шесть часов, и мы тогда потолкуем по этому поводу, а теперь мы все заняты... Я буду ждать”. Отказаться от столь лестного приглашения — устоять перед соблазном побывать на дому у профессора, да еще такого известного ученого, могли немногие; мы потолковали, а вечером целой толпой (все студенты-филологи) явились в кабинет Александра Ивановича <...> Естественное смущение наше продолжалось недолго: простота обращения, ласковость и мягкость хозяина сделали свое дело». Тогда же решено было собираться раз в неделю. Собрания «пошли так живо, а главное, с громадной для всех нас пользой, так как только во время этих собраний мы увидели, как мало все мы знаем, как неумело все мы читаем, как много нужно работать».

И еще отрывок из воспоминаний М. Г. Попруженко: «Мне известен факт (и не один), когда Александр Иванович своим влиянием спас юношу от большой беды, грозившей ему за необдуманный поступок... Юноша этот был незнаком Александру Ивановичу: он помогал человеку, который нуждался в поддержке... Я помню случай, когда Александр Иванович добился восстановления прав целой группы студентов, которые в противном случае навсегда бы погибли. Тогдашний одесский генерал-губернатор Х. Х. Рооп не мог не согласиться со справедливостью доводов гуманного профессора-идеалиста».

В Одессе А. И. Кирпичников был председателем Общества пособия нуждающимся литераторам и ученым, товарищем председателя обществ: грамотности, историко-филологического, славянского. Также он был попечителем Одесской городской публичной библиотеки (1888—1897). Именно Кирпичников добился открытия аудитории для народных чтений на тысячу(!) человек: здесь публика собиралась на литературно-музыкальные вечера, циклы лекций и спектакли. И здесь, спустя годы, прозвучат горькие слова поминального прощания с ним: «Александр Иванович успел сделать для просвещения темной массы в Одессе столько, сколько не сделали за это время сотни других общественных деятелей на этом поприще».

В Одессе Кирпичников занялся византологией. Несколько раз бывал в Константинополе, совершил поездку в Грецию. В своей работе «Очерк Херсонеса и его участие в крещении Руси» (1888) он писал о ключевом значении византологии для будущей России: «История есть наша общая наставница, изучение прошлого есть единственное средство догадаться о будущем, направлять его к благу родины и человечества. Исследования Византии, откуда мы получили нашу веру, нашу литературу, наше искусство, вообще нашу духовную жизнь, — такая важная область истории, что ее значение нельзя и определять немногими словами. К чести русского самосознания византология внушает теперь живейший интерес не только скромным ученым, но и более дальновидным из наших госу-

дарственных деятелей, которые ясно сознают великие исторические задачи России»¹. Здесь можно было бы поставить точку в цитате, но у нее есть удивительно значимое продолжение. Кирпичников завершает свой очерк провидческими словами: «Уже и теперь всякому понятно, что славное прошлое Херсонеса, оторванного от Византийской империи, частью которой считался он, одиноко стоявшего среди племен варварских, на краю цивилизованного мира, подает благие надежды молодому, но уже созревшему в страданиях и борьбе Севастополю, тесно сплоченному с могучей морской державой русской. Мы твердо верим: его грядущее будет достойно той священной земли, на которой стоит он»².

В это время Кирпичников становится признанным ученым — его избирают членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, в печати появляются обширные очерки о западноевропейской литературе, в словаре Брокгауза и Ефрона — его статьи «Гофман», «Достоевский», «Карамзин», «Крылов», «Легенды», «Немецкая литература», «Пушкин» и множество других. В 1880 г. в Петербурге начала выходить «Всеобщая история литературы» под редакцией В. Ф. Корша. Со 2-го тома, в связи со смертью Корша, редактирование взял на себя Кирпичников (4-й том вышел в 1892 г.). Всего в издании 4552 страницы, из которых 1539 написаны Кирпичниковым (а всего работало над четырехтомником 19 человек).

Наследие А. И. Кирпичникова велико и многообразно. В библиографическом обзоре его трудов по состоянию на октябрь 1904 г. — около 180 названий. Обозначим хотя бы некоторые: «Очерки из истории средневековой литературы» (1869), «История русской литературы для учащихся» (1869), «Греческий роман в новой литературе» (1876), «Теория словесности» (1878), «Очерки по истории новой русской литературы» (1896, сюда вошли статьи о Л. Толстом, Ф. Достоевском, А. Писемском и других писателях).

Необходимо привести несколько выдержек из работ А. И. Кирпичникова, чтобы показать особенности его авторского стиля. Возьмем, например, очерк «Последние годы и дни Жуковского» (СПб., 1902). Автор с глубоким знанием пишет об обстоятельствах жизни этого неординарного человека. Живя в Баден-Бадене, Жуковский собирался в Россию, но внезапная болезнь глаз сделала отъезд невозможным. С огромным сочувствием Кирпичников рассказывает читателям о том, как Жуковский изобрел машинку, чтобы писать с закрытыми глазами, снова взялся за поэму, первые стихи которой были написаны десять лет назад, — «Странствующий жид». По-человечески близок Кирпичникову тихий уход Жуковского из жизни — в кругу семьи, с исповедью³. И над этой житейской обыденностью патетически возвышаются финальные слова Кирпичникова: «В чем угодно другом, но в забвении своих великих писателей русские люди не грешны. Слава Пушкина, Гоголя, Жуковского не меркнет от времени; напротив, она все ярче и ярче сияет со светом грамоты, народных школ и народных книжек»⁴.

¹ Кирпичников А. Очерк Херсонеса и его участие в крещении Руси // Исторический вестник, 1888. Т. 33. № 9. С. 614.

² Там же.

³ Кирпичников А. Последние годы и дни Жуковского. СПб., 1902.

⁴ Там же. С. 23.

Блистательный образец ораторского искусства — речь Кирпичникова о Пушкине на публичном собрании Новороссийского университета 11 февраля 1887 г., текст которой впоследствии был издан отдельной брошюрой¹. Отмечая полувековой срок со дня гибели поэта, профессор-филолог говорит: «Изучение живой народной поэзии Пушкин с тактом опытного ученого ведет рядом с изучением родной старины: он серьезно работает над русской историей, пишет комментарии на “Слово о полку Игореве”, интересуется “Изборником” Святослава <...> Плодотворны были последствия этого обращения Пушкина к народности: именно в это время выработались его художественные взгляды, ставшие теперь общим убеждением <...> с этого времени начинается период полной силы его творчества, в котором эту струю животворной народности замечает и сам поэт, и умнейшие его современники <...> в это время стих Пушкина достигает своей вечно неувядаемой классической красоты и силы. Как ни странно может это показаться с первого взгляда, но я твердо убежден, что Пушкин стал вполне европейским писателем именно с той поры, как сделался русским народным поэтом. Наши поэты, копировавшие французов, не были европейскими, потому что не могли сказать Европе ничего нового. Теперь, когда имена Тургенева, Достоевского, Льва Толстого гремят по всей Европе и их произведения читаются во всех углах ее, мы можем откинуть излишнюю скромность и сказать с уверенностью, что и русская литература двигает вперед мысль человечества, а первым влиятельным проводником русской народности в Европе был Пушкин»².

Заслуживает внимания современников наследие Кирпичникова-педагога. Он верил в будущее русского народа, призывал интеллигенцию не только учить, но и самой учиться здоровой правде народной. Кирпичников как преподаватель отличался незлобливостью и благодушием, был чужд какой бы то ни было нетерпимости. Служившая под его началом Л. Воронцова вспоминала: «Сам идеально-честный, Александр Иванович не допускал лжи и в других <...> Снисходительный и мягкий к другим, Александр Иванович был строг и педантичен к самому себе. Все его время было распределено и занято работой, оставлять которую он не позволял себе ни при каких обстоятельствах. Здесь в работе, в достижении намеченных целей он обладал неутомимой энергией и железной волей. Производительность и быстрота труда Александра Ивановича меня всегда изумляли. Неустанно работая сам, он с величайшим интересом следил за каждым вновь выходящим трудом по занимавшим его вопросам, ждал его появления в свет и затем рассматривал его с чисто юношеской любознательностью».

Эпиграфом к своей книге «Педагогические очерки (1867–1888)»³, обобщившей многолетний богатый опыт, Кирпичников взял слова первого русского теоретика-экономиста Ивана Посошкова: «Много немцев нас умнее наукою, а наши острою, по благодати Божией, не хуже их, и они ругают нас напрасно». Понимая, что разбор книги — тема отдельной публикации, просто назовем ее главы: «О домашнем надзоре» (для родителей), «Внеклассное чтение», «О разборе образцов иностранной литературы в наших гимназиях», «Обучение орфографии», «Педагогические письма

¹ Кирпичников А. Пушкин как европейский поэт. Одесса, 1887.

² Там же. С. 24–25.

³ Кирпичников А. Педагогические очерки (1867–1888). М., 1890.

из-за границы», «Диккенс как педагог», «О женском образовании». Щедро делясь в книге опытом, Кирпичников старался передать читателю свою убежденность в том, что сфера просвещения имеет важнейшее значение для будущего развития общества, требует максимальной ответственности и отдачи людей, которые решили посвятить ей жизнь.

Судьбе было угодно, чтобы уже в зрелые годы Александр Иванович Кирпичников вернулся в Московский университет — в 1897 г. он стал ординарным профессором по кафедре истории западноевропейских литератур. Однако не проходило буквально ни года, чтобы его статус в университете не менялся. Когда в 1898 г. исполнилось 30 лет службы, Кирпичников перешел на должность сверхштатного профессора по кафедре русской литературы, спустя год стал деканом историко-филологического факультета, затем помощником ректора. Читал курсы «Пушкинский период русской литературы», «История русской литературы от Петра Великого», «История русской литературы XIX в.». Давние знакомцы профессора встречали все тот же ласковый и умный взгляд его добрых голубых глаз, слышали тот же веселый, добродушный смех. Как и в студенческие годы, ему была присуща чрезвычайная скромность, и так же он был худ и тонок. Только седина, морщины на лице, заметная сутулость выдавали груз прошедших десятилетий...

Помимо работы в университете, Кирпичников одновременно трудится на должности хранителя Отделения доисторических, христианских и русских древностей Московского публичного и Румянцевского музеев. С его приходом началась новая эра — научная разработка обширных коллекций, предпринимается полная каталогизация предметов и систематическое их описание. Им была закончена опись собраний, изданы путеводители. Кроме того, предприняты разбор и описание иконографической части знаменитой коллекции археолога П. И. Севастьянова (1811–1867) А. И. Кирпичников основал при отделении библиотеку, к 1903 г. насчитывавшую около 400 томов, — почти все они были пожертвованы им же.

Добавим, что Кирпичников был товарищем председателя Общества любителей российской словесности, в первые годы XX в. участвовал в работе комиссии Министерства народного просвещения по реформе средней школы, был председателем Русского библиографического общества. К этому времени его «Этимология» выдержала 38 изданий, «Синтаксис» — 33 издания. Один из современников, бегло подсчитав объем научных и учебно-педагогических работ профессора, восклицал: «Когда сообразишь, сколько тысяч страниц все это занимает, сколько для этого нужно было труда, невольно удивляешься, откуда он брал время еще для общественной деятельности».

Кирпичников на протяжении всей жизни верил в науку и жаждал знаний, а это придавало ему молодости духа как залог нравственной силы и влияния на окружающих людей. Он всегда радовался чужому успеху, не завидуя ему. Е. Барков вспоминал: «Не развлекалась душа его явлениями текучей общественной жизни, а всегда была чужда политической партийности: задачи строгой науки и ученая часть — вот те интересы, коими билось его сердце, и тот воздух, коим дышал он в своей ученой келье. Это была выдающаяся ученая сила, создавшая много трудов первостепенной научной важности».

Бесконечные заботы пагубно сказывались на здоровье Александра Ивановича. По совету врачей он уехал в Крым отдохнуть, но вернулся в еще

худшем состоянии, потому что вместо отдыха по поручению Академии наук дни и ночи проводил за написанием рецензии на двухтомное собрание сочинений Хомякова.

26 апреля 1903 г. в три часа дня в Румянцевском музее А. И. Кирпичников упал в обморок. 30 апреля в пять часов дня он умер.

Смерть профессора вызвала широкий отклик в научных и общественных кругах России. На нее отозвались журналы и газеты столиц, Харькова и Одессы, в последующем вышли несколько брошюр и сборник с воспоминаниями. Подводя итог его жизни и деятельности, В. Ф. Лазурский писал: «А. И. Кирпичников вместе с академиком А. Н. Веселовским, профессором Н. И. Стороженко и профессором Н. П. Дашкевичем могут быть названы основателями кафедры западных литератур в русских университетах. Чем Веселовский был для университета Петербургского, Стороженко для Московского, Дашкевич для Киевского, тем Кирпичников был сначала для Харьковского, потом для Одесского».

Конечно же, вкладом в изучение мировой литературы не исчерпываются заслуги Александра Ивановича Кирпичникова на ниве просвещения и науки. Он многое сделал для культурного развития регионов современной Украины (помнят ли об этом апологеты «самостийности?»), вывел на нелегкий путь литературоведения и педагогики достойную плеяду учеников, положил краеугольный камень в формирование в России представления о том, каким должен быть человек науки.

ВЫШЛА КНИГА

Гречухин В. А.

Великие Сицкари. — Мышкин, ООО «Версты», 2017.

Эта книга рассказывает о малом уголке ярославской земли, «стране сицкарей». Ее люди — это группа населения, весьма отличавшаяся от всех остальных ярославцев. Сицкари — единственный субэтнос Ярославии. Он создал свою оригинальную культуру, всего ярче запечатлевшуюся в их народной архитектуре. Спонсор издания — депутат Государственной Думы России А. Н. Грешневиков.

ПРОЗА

Павел КРЕНЕВ

МУЖСКОЙ ПОСТУПОК

Павел Григорьевич Кренев (Поздеев) — родился в д. Лопшеньга. Окончил Ленинградское Суворовское училище, затем факультет журналистики ЛГУ. Служил в ленинградских властных структурах. Долгое время состоял на военной и государственной службе России на высших должностях, являлся сотрудником Администрации Президента РФ, был Полномочным представителем Президента России в Архангельской области. Секретарь Союза писателей России. Печатался в журналах: «Нева», «Ленинград», «Наш современник», «Москва», «Родная Ладога», «Север», «Вертикаль» и др. Является лауреатом Всероссийских литературных премий. Кандидат юридических наук. **Живет в Москве.**

Мне было десять лет. Я только что закончил многотрудный третий класс Лопшеньгской начальной школы и все никак не мог дожждаться, когда же стану взрослым.

На то были веские причины. Дело в том, что в деревне терпеть не могут, когда какой-нибудь подросток засиживается в этих самых подростках.

— Не-е, — говорят, — он не в деда своего пошел. Тот-то кудамышленной был.

Да еще какая-нибудь глупая кличка привяжется. Хуже некуда.

Мне тоже батя мой уже поговаривал:

— Вот Ленька-то Петров батьку помогают как! Рюжи уж сам ставит, навагу ловит. А ты-то и не умеешь!

Я таких разговоров боялся страшно. Самое плохое дело, когда не уважают твою самостоятельность и достигнутый возраст.

И решил я на отчаянный шаг — сходить на озеро. Одному. На ночь. Это дело авторитетное.

Стал собираться.

Мать и внимания-то сразу не обратила: подумаешь, парень на рыбалку идет, какие тут проблемы, хоть окуней на уху принесет. Тем более воды для обредни наносил, дров охапку принес. Но я спросил:

— Мам, мне бы еды с собой.

Никогда такого не спрашивал. Подумаешь, на Белую реку или Лопшеньгское озеро сбегать — краюху в карман сунул и вперед!

— Зачем это тебе? Куды ише собрался?

И побежала куда-то по своим домашним делам.

С матерью разговаривать — бедовое дело. Санкции не даст, значит — конец розовым мечтам, разрушит все планы. С другой стороны — как уйдешь без материнского

разрешения. Лучше потом там и оставаться, в лесу. Значит, надо подойти с другого боку, с отца.

Еле дождался его на обед. Отец пришел как всегда сосредоточенный со своего рыбзавода, пахнувший пряным посолом, бензином и морским берегом.

Сполоснул руки, сел за стол. Ел отец медленно, с пониманием. Стрательно нарезал хлеб, вкусно обсасывая кости, немилосердно при этом фыркал.

Я был как на иголках. Мне не терпелось обсудить с отцом свой стратегический план. Но лезть с разными суетными делами за столом не полагалось. Можно было и ложкой по лбу схлопотать.

И вот когда, попив чаю, отец вынул из печного проема пачку «звездочки», выколотил из нее папиросину и пошел на крылечко, я степенно последовал за ним для мужского разговора.

Когда батя сладко вдохнул в широкую свою грудь табачный дым, я спросил его как о чем-то обыденном, само собой разумеющемся:

— Мне можно взять маленький топорик?

Эта фраза отца насторожила. Он посмотрел на меня как на человека, посягнувшего на ценную в доме вещь. Маленький топорик отец любил и всегда брал его с собой, когда шел куда-нибудь по хозяйственным делам. Даже если топорик был не очень-то и нужен. Беда же заключалась в том, что если его кто-то брал другой, то топорик обязательно где-то терялся. Потом снаряжались целые экспедиции, чтобы разыскать столь нужную вещь. Топор всегда разыскивали: под кустом, в бане, в траве. Но отца это возмущало до крайности.

Отказывать мне у него, впрочем, не было оснований: я еще ни разу топора не терял. Он шумно выдохнул дым и посмотрел на меня подозрительно:

— Куда ише вырядился?

Я сделал торжественную и максимально важную физиономию и объявил о своем решении:

— Хочу на ночь в лес сходить!

Отец виду особенного не подал, но изумился крепко, перестал палить папиросу и втянул голову в плечи.

— Куда ишше... Зачем?

— Да я тут... порыбачить... Сороги на зорьке поудить.

Про сорогу я ввернул почти наобум. Витька Шамбаров, сосед наш, говорил как-то, что она здорово клюет в зорях.

— Может, ремня давно не получал, удебщик? — сурово поинтересовался батя и сдвинул брови.

Я в другой раз обязательно бы смалодушничал от такой перспективы, но сейчас проявил подлинный мужской характер:

— Да я недалеко, пап, на Заднее.

Озеро это и впрямь располагалось недалеко от деревни — в трех километрах, сразу за Лопшеньгским озером. Заблудиться на пути к нему, даже если очень захочешь, трудно.

Отец задумался. Он хорошо понимал, что сыну-малолетке совсем ни к чему одному шляться ночью по лесам. Но он смекнул главное: меня надо отпустить, потому что сын созрел до самостоятельного в жизни шага.

— Не боисся? — спросил он едко и блеснул глазами. — Медведя ведь полно в лесу.

Я заулыбался и качнул головой.

— Ладно... Папиросы-спички-черви-удочки. Все взял?

Я и впрямь уже несколько дней как собирал в дальний поход старый пестерек. Делал это тайком и держал пестерь под крыльцом.

— Собрался уж небось? — спросил отец.

Пришлось вытаскивать пестерь из тайника.

— Выкладывай амуницию. Проверять будем, все ли правильно.

И я выложил на деревянный настил теплую рубашку, шерстяные носки, две жерлицы, крючки в железной коробке, запасную пробку, грузило, леску, смотанную на мотовило готовую удочку, свечку, два коробка спичек, кепку и рогатку.

Отец отнесся ко всему серьезно, даже к рогатке. Как же парню в лесу без оружия...

— Ладно! Еды не хватат, ножика и топора.

Он посидел, поразмышлял, потом пошел на чердак, зазвенел там ключами, заскрипела дверь. Я знал, за какой вещью пошел отец на чердак. Он пошел за охотничьим ножиком.

Это была моя мечта. Папин ножик был предметом зависти всех деревенских мужиков. Ему этот ножик привез из Ленинграда дальний родственник — Филипп Павлович. Был он выкован из какого-то клапана и практически не тупился. Когда в деревне свеживали скотину, у отца ножик просили. Он давал, но не всем, боялся, что потеряют.

Отец действительно вынес ножик, и я не поверил своему счастью. Вот удача, так удача. В моих руках оказалась эта красота — настоящий охотничий нож с ручкой из цветного стекла и дерева, в кожаных ножнах с лохматым пучком резаной кожи на конце.

Отец снял с себя узкий ремешок, приладил к нему ножны и опоясал меня, проткнув там, где нужно, дырочку.

Это был знак доверия и уважения. Чтобы носить такой ножик, надо быть настоящим рыбаком.

— Та-ак, теперь топорик. Где же он у нас?

Отец открыл скрипящую дверку чулана и взял с полки топорик. Потрогал большим пальцем лезвие, закатив при этом глаза.

— Ну, с таким топором чаю не согрешь! Давай-ко, Паша, поднаточим.

На повети стояло точило — корытце, выдолбленное из чурки. Поперек нее располагалась в пазах металлическая палка, на которой закреплен был и крутился, касаясь воды, круглый толстый диск из шершавого камня.

Отец плеснул в корытце воды из ковшика, я стал крутить точило, и мы наточили топор и нож. Потом отец взял брусок с мелким зерном и окончательно направил оба лезвия. Каждый раз, проверяя остроту, он закатывал глаза, высовывал язык, перебирал по лезвию большой палец.

— Оружие к бою готово, — подытожил весело батя.

Топорик он сунул в брезентовую рукавицу — верхоньку и сам осторожно уложил в пестерек.

— Давай-ко пойдем теперь к матери, может, еды какой даст.

Мама, пока меня собирала, вся приохалась:

— Батько, ты посмотри, что с парнем-то случилось. Один в лес собрался! Тоже герой выискался. Ошалел совсем.

Родители помогли собрать провиант. Мать налила через воронку в бутылку молока, заткнула пробку, отсыпала сахарного песку, чаю, завернула в газету две картофельных шаньги, выставила на стол банку консервных килек в томатном соусе — моих любимых. Отец отрезал полбуханки хлеба, дал большую алюминиевую кружку, с которой сам всегда ходил в лес...

Минут через сорок я был полностью экипирован. Отец проверил обертку портянок, снаряжение удочки, одежду, четыре картошины...

Мне хотелось поймать крупную рыбу, и я спросил:

— Пап, жерлицы бы надо поставить. Без карбаска не обойтись. Поговорить бы с Николаем Ивановичем насчет карбаска.

Отец, словно ягоду кислую проглотил, скривился. С соседом Николаем Ивановичем, у которого единственного держалась исправная лодка на Заднем озере, отец недавно повздорил из-за нашей козы, которая, как назло, все время пехалась в травянистый садик соседа сквозь его вечно незакрытую калитку. Но карбас был всегда примкнут на замке к толстому дереву... Просто беда. Надо идти! Отец махнул отчаянно рукой и направился к соседу.

Он поднялся на высокое соседское крыльцо, покачал головой и постучал. За дверью раздался бас Николая Ивановича, и отец скрылся за дверью.

А я сел на настил и стал ждать. Думал: «Ну, все! Не даст ключа сосед! Злыдня, та еще... Из-за козы шум поднял... А уже жена его Парфеновна... О той вообще говорить не стоит. Мегера-мегерой. Не дадут ключа, ясно, не дадут».

Шли минуты, отец не выходил. Ругань там идет, наверно, лютая, — думал я горестно. Зачем сказал про карбас? Обошелся бы и без него. Щуки захотелось... Так ее и с берега поймать можно. Сейчас батя выйдет расстроенный, вообще в лес не пустит, раздумает.

Меня с дороги окликнул Борька Пунанцев:

— Привет рыбакам! — Он подошел к калитке, остановился. Внимательно посмотрел на меня, на пестерь.

— Далеко?

— Тебя не спросил, — ответил я хмуро.

Борьку я терпеть не мог. Он недавно маленько меня поколотил, так как был старше на два года. Борька был меня сильнее, и пока я ничего не мог с ним поделать. Но думал: «Вот подрасту маленько, брат ты мой, что же я с тобой сделаю...»

— А в лоб схлопотать не хочешь? — деловито спросил Борька.

Я промолчал, только сплюнул в сторону. Я шел один в ночь, поэтому был выше всякого там трепача Пунанцева. Кроме того, не стал бы он лупить меня на крыльце моего же дома.

Но Борька, видимо, и не собирался со мной скандалить.

— Че, на озеро идешь? — спросил он вполне миролюбиво.

— Угу.

— Я тоже с дядей Витей на Островистое завтра двину — лещ должен пойти.

— Не-е, я ближе, на Заднее.

— Че, на ночь идешь?

— Угу.

— Один?

Я кивнул. А Борька помолчал. Лицо и тон его переменялись.

Он попереминался. Вполне одобрительно на меня глянул и пошел дальше. Было видно, что Борька меня зауважал.

А отца все не было. Мне нестерпимо хотелось отправиться в путь.

«Крепко же они там схватились, — думал я горестно. — Все кости друг другу перемоют, и надо же, все из-за моей рыбалки».

Прибежал откуда-то наш пес Канис. Он в доме привечал только отца и только с ним держал компанию. Канис дружелюбно меня обнюхал, помахал хвостом, потом подошел к пестерю, обнюхал и его и вдруг лег рядом.

Я понял: Канис пойдет со мной! Это было признаком серьезного ко мне отношения, и это поведение бывшего домашнего пса порадовало ничуть не меньше, чем, допустим, расположение Борьки Пунанцева.

Ну вот, наконец-то заскрипела соседская дверь, и на свет Божий появился отец. Почему-то необычно шумный, раскрасневший и довольно веселый. Понятное дело — уже дерябнул бражки. Только с чего бы это? Картина так картина.

За спиной отца в распахнутой двери уже гудит бас Николая Ивановича. Он стоит вместе с отцом, обнимает его за плечи. Физиономия соседа лоснится, щеки рдеют краснотой закатного солнца.

Он выговаривает отцу:

— Да шоб из-за какой-то там скотины мужики ругались! Не в жись... Верно, Гриша? Гриш, а это, как ее... а твоя Кланька (наша коза) пусть она в мою калитку как домой к себе заходит. Не жалко травы для соседки.

— Ну, а как иначе промеж соседями! — радостно поддакивает отец.

А позади, в дверях, подхихивает Парфеновна, машет рукой и что-то мелко-мелко говорит. Тоже розовенькая.

Ключ от карбаса отец, конечно, не приносит.

— Забыл! — он сокрушенно машет рукой и заметно конфузится.

Тут уж я делаю обиженную физиономию и демонстративно надеваю пестерь. Надо же, сколько времени ждать, и вот объяснение: забыл.

Буду рыбачить без карбаса.

Отцу не хочется возвращаться к соседу, с которым установлены теперь мирные отношения, но деваться некуда — надо! Он качает головой и скрывается за соседской дверью. Николай Иванович со своей красной мордой, выскакивает опять на крыльцо и, как Ленин с балкона, машет рукой и кричит мне:

— Да не надо никакого ключа! Там замок-то висит для близиру. Ты, Павлушка, отогни дужку, да и все!

А я уже выхожу за калитку. Не сваришь каши с этой веселой бестолковой компанией. Столько времени потерять...

Отец кричит вдогонку:

— Все ли взял? Папиросы-спички-черви-удочки...

— Взял-взял, — отвечаю я важно и уже шагаю, шагаю по деревенской улице, поворачиваю в проулок.

Впереди уже бежит Канис. И мне уже не до пустых разговоров.

Но к Ваське Федотову я все же заглянул. К однокласснику и соседу по парте. Решил потравить ему душу, хотя и знал, что его все равно не отпустят.

— Может, вместе, Вась, а то одному страшновато.

Васька глядел на меня алчными глазами, ему невыносимо хотелось вырваться из надоевшего дома, но на нем висела обуза — полутораговая сестренка Рита. Девочка ковырялась в песочке, без умолку что-то плаксиво выговаривала, а Васька вынужден был с ней нянчиться.

Рос Васька без отца, а мать-доярка все время пропадала на работе...

Я ушел, неся на своей спине тоскливый взгляд приятеля.

Эх ты! Какое море новой жизни, неиспытанных доселе впечатлений, распахнулось передо мной, как только я вышел за околицу!

Я спустился с отлогого зеленого холма и пошел вдоль озера.

В лицо наискосок дул теплый шелонник — юго-западный ветер, самый лучший ветер для рыбалки, гнал мелкую острую волну. Над озером висело полуденное белое солнце, и солнечная дорожка бежала ко мне от противоположного темного берега через всю водную ширь, расплескивая, разбрызгивая по сторонам разноцветные капли света. Я поглядывал на небо, на ту часть горизонта, откуда выплывали облака, и маленько тревожился — не покажутся ли грозные тучи? Кому понравится рыбачить в дождь! Но облаков, слава Богу, не было совсем. Только высоко-высоко в синем-синем небе висели серебряные перья — предвестники хорошей погоды.

Душа моя и радовалась, и тревожилась одновременно.

Я был чрезвычайно горд от сознания того, что становлюсь взрослым, что родители доверили мне самостоятельный поход с ночевкой в лесу, что теперь никто не сможет сказать ненароком, мол, у Пашки Поздеева кишка тонка быть самостоятельным. Мою самостоятельность признал даже боевой, испытанный охотничий пес Канис, который уж точно не пойдет в лес со всякой шантрапой, и который, — нате вам, — бежит вон впереди и уже ищет дичь.

Но, в общем-то, чего там говорить, я ведь был совсем еще мальчишкой, и мне впрямь было маленько страшновато.

Канис вдруг залился остервенелым лаем и рванул вправо, на угор. Там, метрах в сотне, в кустах мелькнуло что-то серое и метнулось в мою сторону. Я от неожиданности присел: волк! Волков я, честно говоря, побаивался очень. Зимой от них бывало много беды. Эти серые ребята ходили стаями и по ночам терроризировали наши деревни. Прошлой зимой двух собак разорвали прямо напротив сельсовета.

Волк оказался зайцем. Он пулей пролетел мимо меня. Я вскочил на пригорок, сунул в рот пальцы и с восторгом засвистел ему вослед.

Боевой пес Канис видно быстро разобрался, что меряться скоростью с косоглазой бестией ему будет трудно, и резко остановился, пару раз взлаяв в след для острастки. И опять побежал впереди меня, выискивая следующую дичь.

Озеро неистово манило рыбалкой. Я вышагивал вдоль воды, в глубине которой жили окуни, ерши и сорожки. Сколько я уже выловил их в озере Лопшеньгском! Но сейчас не мог тратить время на всякую толстопузую мелочь. Это удел деревенской пацанвы, а не меня — человека, идущего в ночь.

В озеро с противоположного конца впадала речка Верхотина. Мне нужно было пересечь ее вброд: недалеко от озера есть мелкое, перекастное место. Туда и пошел, вверх от устья.

Настоящий рыбак поймет: просто так идти вдоль реки, в которой есть рыба, невозможно. Нестерпимо хочется забросить удочку.

Не смог и я. В одном месте, метрах в сотне от озера, речка делала небольшой изгиб, в нее с моей стороны как бы вклинивался песчаный мысок, а на той стороне берег был вполне высокий, там вода обмывала травянистый бугор, и место явно было глубокое. Самое место для гарныша — пятнистой форели.

Надо было подниматься к броду, но я не смог пройти мимо.

Опять же беда — нет удилища. Его надо вырубить.

Я остановился напротив мыска и снял пестерек. Достал топорик и пошел в угор, что возвышался вдоль реки и озера. Там была рощица молодого березняка.

На подходе к угору напали вдруг вороны. Налетали сзади и каркали над самой головой. Честно говоря, струхнул я здорово. Деревенские вороны меня всегда боялись — я метко кидался в них камнями и стрелял из рогатки. А тут эти обнаглевшие твари прямо гвалт устроили надо мной.

Покидал в них сучья и вроде отстали, но все равно — расселись по деревьям и каркали, что есть мочи. Я понял: наверно, у них тут гнезда, я зашел на чужую территорию.

Среди множества молодых березок я нашел приглянувшийся ствол и топориком срубил. Потом сел на бугорок и обтесал сучья, ножом обстругал кору почти до самой вершинки, чтобы удилище стало более легким — этому меня научил сосед Витька Шамбаров.

На конце оставил маленькую рогатинку — развилку последних сучков, чтобы не слетала с кончика леска.

К ней я привязал удочку.

Уже на песчаном мыске насадил жирного червяка, забрел, сколько мог, в воду и забросил удочку под самый тот берег.

Течение равнодушно пронесло поплавок, пока не натянулась леска.

Раз заброс, другой, третий. Нет поклевки. Поменял глубину, поправил червя и старательно на него поплевал. Примета есть такая — на червя обязательно надо поплевать, иначе клева не дождешься.

И на тебе — рраз! Поплавок будто зацепился за дно и плавно пошел вниз. Резко шмыганул удилище вверх...

Пусто. Только червяк маленько объеден. Мыслей азартных сразу веер! Может, крупная рыбина клюнула, но слабо зацепилась... Не мелочь же, в таком-то месте. Эх ты, шельма...

От волнения не мог точно забросить удочку. Недоброс — мель. Потом сиганул удилищем и зацепил крючком траву, что свисала к воде с противоположенного берега. Подергал и стянул червя. Ругань про себя страшная. Кое-как насадил нового, кое-как все же забросил удочку куда надо.

И вот тебе счастье! Опять поклевка такая же, как будто с зацепом. На этот раз постарался не рвать удилище, потянул не резко...

Но рывка крупной рыбы не почувствовал, хотя на крюке явно кто-то был. Это был ерш.

В другой раз я бы ему порадовался. Для отца нет вкусней ухи, чем из ерша.

Но сейчас это была не добыча, а так, разминка, ведь я шел на промысел.

Ерш болтался на крючке, ошестинившись всеми колючками. Пока отцеплял, пару раз укололся, запихал его в противогазную сумку.

— Ну, ты и гад! — сказал я ершу весело и передвинулся немного вверх по течению.

Как-никак, а начало положено. Следующее место было маленько поглубже и тоже со спокойным течением.

Я встал на песчаном плесе. Речка напротив меня делала легкую дугу. Глубина была у противоположного берега. Туда и забросил удочку.

Поклевка произошла сразу же, классическая, с резким утаскиванием поплавка на дно. И я с трудом, волоком вытянул на плотный песок крупного подъязка. Он запрыгал на песке: большой, серебристый, с черно-красными плавниками. Руки мои тряслись, когда я освобождал его от крючка, сполоснул в воде и положил в сумку. В сумке начался форменный шумный балет.

Потом начался сумасшедший клев.

Подряд я выволок из воды восемнадцать язей и подъязков. Конечно, поклевки были разные — было много пустых, было много срывов, но восемнадцать крупных рыбин — это был восторг, это был результат не только для меня — третьеклассника, но и для любого деревенского мужика.

Клев потом кончился. Я долго кидал еще удочку в разных местах, но рыба больше не ловилась.

Канис извелся: он облазил все кусты, погонял всех мышей, пошнырял во круг, он не мог быть столько времени на одном месте — вокруг огромное пространство со множеством живности, с которой надо разобраться... Он изныл.

Я уложил рыбу в пестерь и понял: мне будет тяжело носить его туда-сюда. Рыба заняла половину объема пестеря, ноша оказалась тяжелой. Я понял: рыбу надо спрятать, а на обратном пути забрать.

Около можжевельового куста на берегу я уложил в ямку язей, набросал поверх травы, внимательно оглядел спрятанную рыбу и осознал — спрятано все надежно.

Если бы я знал, что за мной из леса внимательно следили вороны...

Я двинулся к озеру Заднему. Канис, радостно взлаивая, сделал вокруг меня несколько веселых пируэтов и умчался вперед.

Тропинка шла вдоль реки посреди пахучего летнего разнотравья. Слева в синей вышине висело огромное серебряно-золотое, уходящее к закату солнышко, проливало на меня свою теплоту и словно улыбалось мне веснушчатым своим лицом. Солнышко будто мне говорило:

— Славный ты мой рыбачок.

А душа моя рвалась вперед, к неизведанному миру самостоятельной рыбалки с ночевкой у озера.

Когда я дошел до места, солнышко уже склонилось над высоким западным угором, над темными вершинами далеких елей, похожих на неровные, но острые зубы неведомого огромного животного.

Лодку в кустах нашел почти сразу: с отцом и без отца — с ребятами, такими же, как и я, рыбачками, бывал в этих местах неоднократно.

Однажды нам с отцом в сеть на этом озере попала гагара, сильная и большая птица с острым длинным клювом. Она намертво запутала тонкую сетку, и отец долго возился с ней, выпутывая крылья и лапы из затянутых узлов.

Высвободив гагару, крепко при этом поругав ее за спутанную и порванную сеть, отец хотел птицу отпустить. Но я упрямил: «Давай покажем маме». Отец махнул рукой, и после проверки сетей мы понесли гагару домой. Отец шел впереди и нес ее на плече, держа за лапы. Голова гагары торчала сзади.

В одном месте я споткнулся и по инерции вплотную подскочил к отцу. В ту же секунду в лоб, чуть повыше правого глаза, меня словно ткнули острой палкой — это гагара долбанула меня острым своим клювом. Хорошо еще, глаз не проколола...

Лодка и в самом деле не была на замке. Он так висел, для проформы. На дне было много воды, пришлось долго вычерпывать ее большой жестяной банкой.

Потом я размотал удочку, торопливо насадил червяка и уже с кормы лодки, привязанной к дереву, стал делать забросы. Есть поклевка — окунек, опять поклевка — обман, еще поклевка — опять обман. Наверно, плотва. Потом, в самом деле, поймалась плотва. Вот уже и первый десяток рыбешек плескается в лужицах на дне карбаска.

Наконец появилось осознание, что я сильно проголодался. Я сел на банку карбаска и огляделся.

Шелонник во второй половине дня подослаб и сейчас дул мне в лицо слабыми, теплыми порывами. Ветер выкатывался из-за высокого, стоящего в километре впереди угора и падал на озерную воду, создавал мелкую волну, которая часто била о мой берег, шурша в траве и кустах. Вода, как и небо, была ярко-ярко-синей. Такая вода, наверное, бывает только в детстве. На воде плавали в огромном количестве кувшинки, увенчанные раскрывшимися белыми цветами — лилиями. Верхушки деревьев от падающего на них солнца были в зелено-золотистых нарядах, как и вся прибрежная трава. И только нижние кроны да стволы деревьев на том берегу были темно-зелеными, темно-коричневыми, да березово-белыми. Вся природа, весь распахнутый мир озера был удивительно контрастным.

Красновато-серебристая дорожка солнца, разбитая на волнах ветром-шелонником, бежала по воде почти что с запада. Она стреляла по глазам радужными искрами, и цветные лучики бежали по мне, по лодке, по ветвям.

Я вышел из карбаса, взял пестерек и на пригорке достал бутылку с молоком, шаньгу, алюминиевую кружку. Подкрепился. Греть чай решил ближе к ночи.

А сейчас надо было ставить жерлицы на щуку. Раньше я их уже ставил с отцом. Но это было с отцом, сейчас надо было делать все одному. Благо, что мальки были уже наловлены.

Топориком вырубил в прибрежном ивняке легкие колья — десять штук и поехал расставлять крючки.

Там, где в воде начинается глубина — метра полтора-два, втыкал внаклонку кол, к концу привязывал жерлицу. Потом на щучий крючок насаживал малька, вымерял глубину, чтобы малек плавал над дном, а не лежал в иле. Поставил десять жерлиц.

Потом долго удил с лодки. Вскоре я понял, что при таком клеве, а рыба клевала активно, особенно в вечернюю зарю, мне ее не унести будет домой. Поэтому пузатую мелочь — окуньков-шпингалетов, ершей, да небольших сорожек — я стал выбрасывать обратно в воду.

А кобель Канис в это время все кого-то гонял и гонял на берегу, с шумом хлопаясь о кусты, изредка взлаивал.

К концу вечерней рыбалки на дне лодки хлопалось около пятидесяти приличных окуней да плотиц. А среди них: подъязок, подлещик и небольшая форель, клонувшая мне на впадении в озеро ручья Гремяки.

Я дрожал от возбуждения и вечерней прохлады. Пора возвращаться к берегу, разводить костер, греть чай.

Вот и берег, где у ствола елки прислонен мой пестерек. Из лодки выходил с опаской — на воде не так страшно — вдруг из-за куста выйдут волк или медведь, которых сей год, в самом деле, много.

Постоянно озираясь, я насобирав сухих кореньев, наломал сушняка на деревьях, надрал бересты и, наконец, запалил костер. Воткнул сырой еловый кол над костром и подвесил на него чайник с озерной водой.

Потом я долго пил чай, заедал его хлебом и глядел на небо и воду.

Стояла северная белая ночь.

Солнце, уйдя за горизонт, оставило на северо-западе огромную, вишащую над землей серебряно-золотую сиреневую полосу, в конце концов превращающую в фиолетовое, а затем белесое небо, просвеченное стреловидными лучами.

И хотя рядом под елкой мирно спал Канис, поскуливая и твякая во сне, мне было страшновато. Ведь я был совсем еще мальчиком, только что закончившим третий класс. Все мне казалось, что из леса вот-вот покажется какой-нибудь мужик с лукавой физиономией, который потом окажется лешаком, и утащит силком в дремучие дебри. Или вдруг из воды вылезет водяной с зеленой мордой и рыжей бородой, да и потянет за ногу в воду. И Канис не поможет. Сколько мы таких жутких историй слышали от старших ребят да деревенских старушек...

Я долго озирался по сторонам и слушал разные звуки.

В высоком-высоком небе, в белесом мареве кувыркался невидимый бекас и блял как ягненок, трепеща перьями своих крыльев, где-то сзади в лесной чаще без усталости куковала кукушка, сулила мне длинный век. Квакали и чмокали под берегами лягушки, изредка в разных концах озера хлопали хвостами по воде щуки. Да еще ухал где-то филин. Изредка спросонок кричали в лахах утки.

Долго я так сидел, слушая белую ночь, пока, наконец, сон меня не сморил. Я растянулся на траве и под треск костра уснул.

Посреди ночи разбудил остервенелый лай Каниса. Я ошалело вскочил. Канис с лаем умчался куда-то вдоль берега. Лай его удалялся, и я услышал далекий топот тяжелых ног.

«Медведь, что ли, — подумалось со страхом. — А ну сюда сейчас прибежит ошкуй, куда же Канис-то улетел, гад. Без него совсем страшно».

Но вот на луговину, там, где впадает в озеро ручей Гремяка, вывалил из леса и мелкой рысью пострелял среди высокой травы громадный лосяра. Его голова, увенчанная шапкой густых рогов, и темный бок плыли в росистом мареве над луговыми цветами. Там же звенел и лай Каниса. Лось его не очень-то и боялся. Он останавливался и прыгал на собаку, потом опять лениво рысил в сторону леса. Наконец, он скрылся в зарослях за краем пожни.

Отойдя маленько от страха, я ощутил прохладу. Была середка ночи. Над водой плавали облака белого пара, и в воздухе стояла сырость.

Костер давно погас, а это совсем уже не дело, ведь огонь отпугивает всяких там волков и медведей. Мне говорили деревенские ребята, что если подходят волки, то в них надо кидаться головешками. И волки обязательно струсят. Я накидал в костер сучьев и поджег их берестой. Костер снова запылал, и стало теплее.

Но где же Канис? Без него казалось, что из-за каждой елки выглядывает волчья морда.

Я крутил головой, и, хоть пытался бороться со страхом, мало что у меня получилось. По маленькому моему телу пробежал озноб, ведь мне было только десять лет, и среди ночи я в лесу был один.

В прибрежных кустах послышалось шуршанье, а затем и легкий топот какого-то зверя.

«Канис, наверное, а может — волк?» На всякий случай я взял в правую руку за необгорелый конец головешку, приготовился.

И вот уже выбегает ко мне на пригорок домашний пес Канис. Родная псина! Я хотел его обнять, но он — весь мокрый — растопырил по земле лапы и шумно стал отряхиваться. Обдал меня сыростью.

Страх стал быстро проходить, и я, приободрившись, сказал собаке:

— Гад ты, гад! Где ты был, гад?

Канис мне улыбнулся простой и широкой улыбкой деревенского кобеля. Он был преисполнен гордости за то, что отогнал от нас огромную страшную зверюгу — лося. Канис помахал мне хвостом и подождал, не отломится ли ему краюха хлеба. Краюха не отломилась, и Канис убрел к себе под елку досматривать собачьи сны.

А я от пережитого долго не мог уснуть, ворочался у костра, пока белая ночь, усыпившая всех в лесу, не сморила и меня. Какое-то время я, лежа на спине, глядел, как в небо улетают отблески костра, потом глаза сами собой закрылись ...

Разбудил опять Канис. Он бегал по берегу, забредал в воду и лаял на утиный выводок, который неосмотрительно заплыл на охраняемую им территорию. Утята, посвистывая, удирали от злой собаки. Впереди плыла мама-кряква и важно крякала.

Я оторопело озирался. Это сколько же времени я спал? Солнце вон, поднялось уже над лесом. А я мечтал порыбачить на зорьке. Какая тут зорька. На дворе — день-деньской. Проспал все Царствие небесное. Хорошо еще никто не видит, а то засмеяли бы рыбакка хренова.

У воды я сполоснул физиономию и тут же забросил удочку. Долго ничего не клевало. Поймался только мелкий окунишка.

Конечно, какой может быть клев, если столько спать.

Нет, надо попить чаю. В деревне любая работа начинается с перекуса. Я вскипятил чайник, насыпал в него заварку и выпил целую кружку крепкого, сладкого чая. Ничего вкуснее никогда не пил. На природе все кажется вкусным. Когда я доставал из пестерьки хлеб и картофельную шаньгу, Канис, неведь где до этого болтавшийся, тут же оказался рядом. Его лохматая, ошалевшая от раздолья морда была у самого моего носа, когда я стал откусывать кусочки от шаньги. Для убедительности Канис даже маленько поскулил. Пришлось по-братски с ним поделиться и половину шаньги отдать. Все же он всю ночь спасал меня от дикого зверя.

Невтерпеж хотелось проверить поставленные с вечера жерлицы.

Карбасок изрядно протекал. Я долго вычерпывал воду. С великим волнением подгребал к первым жерлицам. Первые три, поставленные вдоль берега, висели нетронутыми. Капроновую нить слегка покачивал ветерок. Побелевшие за ночь, давно уснувшие мальки, неподвижно висели над дном.

Решил пока жерлицы не снимать, вдруг да клонет щука или крупный окунь, пока рыбаку на удочку.

В следующей бухточке леска с жерлицы оказалась стянутой. Рогатинка болталась почти пустой, и нитка уходила в бок, в кувшинки.

Рыбаки знают, какое это волнение — видеть размотанную жерлицу. Значит, щука схватила малька, проглотила его, теперь сидит на крючке где-то в траве. Эх, вытянуть бы ее, хватило бы сил — здоровенная, наверняка! Сейчас начнет колотить, рвать из рук капрон!

Сдерживая дыхание, подтабанил к колышку, глядя на дальний конец нитки, нащупал рогатину, тронул капроновую нить, потянул ее.

Ну, бывает так, щука забилась в траве, сидит крепко, ослабив тетиву. Надо нащупать, как ее пасть воспротивится натягу, и вся скользкая рыба начнет необузданное свое сопротивление тому, кто тянет за противоположный конец снасти. И начнется битва!

Я потянул капроновую нить... Сердце чуть не разорвалось, когда нитка вначале тяжело потянулась, а потом другой конец вообще перестал двигаться. Потянул — никакого движения. Это что, рыба такая висит на крючке? Сейчас ка-а-ак дернет! Удержать бы только леску... Потянул еще.

Сообразил не сразу, что это простой зацеп. Вдоль лески дотянулся до другого конца и с трудом вырвал крючок из кувшинок, выдернув из воды целый пук водорослей. Живца не было, значит, щука заглотила мальца, долго билась, и все же выплюнула крючок в густой траве.

— Эх, жалко.

Долго сидел я понурый в лодке и горевал, наматывал обратно леску на жерлицу.

Щука попалась только на последней жерлице.

Небольшая, но упрямая и упругая, она выскальзывала из рук, пока я норовил ухватить в воде ее скользкое тело. Отец говорил: нельзя поднимать щуку из воды за леску. Плохо сидит — обязательно оторвется. Поэтому я все же подтащил еще из-под лодки, куда она убарахталась, и поймал пальцами поперек тела пониже головы. Жуть как приятно было глядеть, как она прыгает возле ног в лодке.

Когда щука затихала, я с большим трудом вытащил крючок из ее пасти. Маленько порезал при этом два пальца об ее зубы и крючкастые жабры. Но боли в пылу азарта даже не почувствовал. А кровь быстро перестала течь, когда сунул руки в озерную воду.

Солнышко стояло уже в зените, когда я подплыл к своему становищу. Южный ветерок разбивал водную поверхность, шелушил воду, и солнечная дорожка слепила глаза. В берег колотился легкий, теплый накат, и я, пока возился с карбасом, веслами, да с рыбой, замочил по колени штанины и босыми ногами вышел на берег.

Пора варить уху. Какая рыбацкая, какой поход на ночь в лес без рыбацкой доброй ухи! Ребята в деревне засмеют, если ты в лесу пожил, рыбы наловил, а ухи не попробовал. Надо ведь рассказать: навариста ли получилась, жирная ли рыба в озере сей год, да вкусна ли? В каждом озере рыба разная.

В деревне перед походом я интересовался, кто и как варит уху. Оказалось, все варят по-разному: кто сначала рыбу кладет, кто картошку, а кто и вместе. Опять же в какую воду кладут — в кипяток или пока вода еще холодная?

Сомнения рассеял отец, и я сделал все, как он сказал. Сначала я сварил в воде две помытых и разрезанных на части картошины. В кипящую воду выложил пять очищенных окуней и одну плотицу — для запаха, добавил четверть столовой ложки соли и немного молотого перца.

Когда у рыбы побелели глаза, аккуратно ложкой сгреб с поверхности ухи темную пену, выбросил ее и снял котелок с таганка. Отрезал два ломтя хлеба — себе и Канису. Тот прямо извертелся, глядя на мои приготовления.

Пока я хлебал из котелка уху и ел рыбу, вскипел чайник. Остатки ухи и рыбы вывалил в большую консервную банку, накрошил туда хлеба и поставил перед мордой семейного пса Каниса. Тот, страшно виляя хвостом, углубился мордой в банку и сожрал ее содержимое секунд этак за пятнадцать, и опять подошел ко мне, облизываясь и улыбаясь во всю собачью пасть.

— Сукин ты сын, — сказал я, улыбаясь ему в ответ и отхлебывая сладкий чай из кружки.

Потом мы с Канисом после сытного обеда, как и полагается солидным людям, развалились на траве и маленько подремали. Канис крепко похрапывал, а я лежал на спине и глядел в небо.

По небу, широко распахнутому надо мной, синему-синему небу плыли белые-белые облака, особенно прозрачные со стороны солнца, с легкими фиолетовыми подпалинами снизу. Между облаками, то ли снизу, то ли сверху их, парила и парила кругами большая неведомая коричневая птица.

А гораздо выше облаков синеву неба пересекала рваная полоска недавно пролетевшего реактивного самолета.

Я знал, что буду летчиком. Знал это еще до школы. Поэтому все, что связано с самолетами, воспринималось как что-то свое, почти родное. Когда-то и я с поднебесной выси буду глядеть на далекую землю и пролетать над такими, как я, рыбачками.

Уходить домой было жалко.

Озеро, этот карбасок, утята, ветер, солнце и рыбалка стали за прошедшие сутки совсем родными.

Но надо возвращаться домой. Поставленная задача выполнена. Поход на ночь в лес одному с собакой завершился.

Надо собираться. Столкнул опять карбасок, снял с кольев жерлицы, намотал леску, закрепил крючки. Напоследок не выдержал и позабрасывал удочку. Кроме окуней ничего не клевало, да и то, какая рыбалка при высоком солнце! Когда с десятков окуней булькалось на дне лодки, смотал удочку.

Я подошел к раскиданному по берегу ивовому кусту, к северной его стороне, и осторожно разгреб крапиву, под которой лежала пойманная вчера рыба. В крапиве, да на холодке рыба сохраняется лучше всего. Всю рыбу сегодняшнюю и вчерашнюю уложил на дне пестерька: все сырое должно быть на дне, чтобы не замочить другие вещи.

Обратная дорога всегда легче, потому что ты по ней уже проходил.

Канис, бывалый пес, смекнувший сразу, что путь лежит к дому, уже шарил по придорожным зарослям, все время кого-то гонял, деловито на кого-то взлаивал.

Выйдя на тропу, я пересек лесок и вышел на огромный луг, тянувшийся до Лопшеньгского озера. Далеко-далеко, километрах в трех отсюда, за

синевой озера на угоре серело здание конюшни — это край деревни, а за угором темно-синей полосой распласталось к горизонту море.

Ветерок дул почти в спину, и я шел быстро, разметая босыми ногами легкую пыль полевой тропинки. На правом плече лежало удилище, левой рукой я размахивал и во весь голос горланил песню, которая мне нравилась, и которую я, как запедала класса, пел и в школе:

*Вьется белая, тонкая нитка
По ковру зеленых полей,
Это тропка до школьной калитки,
Каждый день я шагаю по ней.*

Наверно, я так выражал детское свое счастье от всего пережитого, от того, что я не струсил и один провел ночь в лесу, а теперь возвращался домой с добычей, и мне не стыдно за себя перед родителями и перед деревенскими ребятами.

Конечно, не забыл я и своих язей, наловленных вчера, вначале похода. Они лежат там впереди на впадении реки Верхотины в озеро, под приметным можжевельным кустом... Восемнадцать штук.

Эх, батя удивится, сколько же я рыбы принесу. «Замена, — скажет, — растет».

Метров за двести до цели меня насторожила и крепко взволновала следующая картина: рядом с кустом сидели две вороны и чем-то занимались прямо над местом, где должны быть язи. Стрельнула мысль: они же жрут моих язей.

Тогда я побежал.

Метров за сто вороны поднялись и полетели.

Одна из них летела с трудом: в когтях она несла большую серебряного цвета рыбу — моего язя.

— Ну, воровки!

Я скинул пестерь и побежал, как мог быстро. Напоследок метнул удилище как копье в утекающих стервятников. Но рыбу вороны не бросили и полетели к лесу, что рос на горе, примыкающей к лугу.

Чувствуя недоброе, побрел к тому месту, где оставлены были язи.

Да, тут потрудились, наверное, целая воронья стая — валялись расклеванные рыбы тушки, потроха, ворохи рыбьей чешуи.

Бросился смотреть, что же осталось?

Осталось немного — всего четыре язя. Четыре из восемнадцати!

Я сел на берег речки и стал горевать.

Жалко мне было потерянной рыбы, жалко украденной рыбацкой удачи, а главное — жалко того, что мало рыбы теперь принесу домой.

Лучше бы мама соседским бабушкам по паре хвостов разнесла. Скачала бы:

— Пашка много уловил, дак отведайте.

А те бы в ответ радовались:

— Вишь, Ольга, парень-то у тебя какой растет ладный! Форменный рыбак!

Да, не получилась такая вот радость...

А воронам надо отомстить. И что же это они так распоясались, воровки проклятые.

Я уложил оставшихся язей в пестерь, прислонил его к пригорку, а сам, взяв удилище, пошел к горе, куда улетели вороны.

Я понял, что там должны быть вороньи гнезда, и рыбу они таскают для того, чтобы кормить своих птенцов.

Решил я поразорять все эти гнезда, потому что крепко обозлился на воронье разбойничье отродье.

Удилище взял для того, чтобы отбиваться от вредных этих птиц. Они крепко защищают свои гнезда. В прошлом году чуть не заклевали Сашку Тюкова, моего одноклассника, когда тот разорял воронье гнездо на Ржисней горе.

Куда улетели птицы, я заметил и пошел прямо туда.

Примерно полгоры пришлось подниматься. Я шел и внимательно разглядывал кроны деревьев. Где-то среди ветвей, около ствола прячется воронье гнездо. Вороны всегда делают гнезда на развилках ветвей, прямо у ствола.

Но особенно искать и не пришлось. Как только я приблизился к нужной елке и стал ее разглядывать, налетела куча ворон, стала кружить над мной и оглашено каркать. Некоторые вороны налетали сзади и каркали над самой головой.

Вот тогда и пригодилось удилище. Я стал махать им вокруг себя, и налетчики разлетелись по сторонам.

А вон и гнездо — густая кладка сучьев выше середины ствола.

Лезть вверх было страшновато: и высоко, и вороны могут поклевать. Но не отступить же...

Удилище я отставил — с ним залезать на дерево тяжело, я нашел на земле крючковатый сук и засунул его за ремень у себя на спине. — Так не будет мешать, а отмахиваться от крепких вороньих клювов пригодится.

Когда я полез на елку, вороны как обезумели. Летали совсем рядом, пикировали как немецкие самолеты и страшно гаддели. Раза три я останавливался, левой рукой обхватывал ствол, а правой — доставал из-за спины сук и отмахивался от ворон. Одна ворона пикировала и подлетела слишком близко, и я, хоть и мешали ветки, маленько ее огрел. Она растопырила когти и заорала, будто я ей выдернул хвост.

Вот и гнездо.

Подползая к нему, я боялся смотреть вниз, потому что высота и впрямь была приличной, и беспрерывно отмахивался от прилетающих со всех сторон ворон.

В гнезде сидели четыре серо-черных вполне уже подросших вороненка и моргали блестящими бусинами черных своих глаз. Пол гнезда был усыпан чешуей и костями моих язей.

Я глядел на них и не знал, что делать. Жаль было украденных язей, но стало жаль и этих, ни в чем не виноватых птенцов. Воинственный пыл мой пропал.

Но я знал из деревенских рассказов, что вороны легко приручаются к людям. И сам давно мечтал иметь в доме что-нибудь вроде ручной вороны или ястреба.

Кого бы из них забрать? Я протянул руку, и один из птенцов крепко долбанул меня в палец маленьким своим клювом.

«Какой сноровистый!» — подумал я и сгреб этого птенца, прижал крылья и сунул себе за пазуху.

Спустился уже быстрее, и вороны почему-то на обратном пути меньше меня атаковали.

...Солнышко падало уже к западу, когда я поднялся на пригорок, под которым лежала деревня.

Наверно, я маленько возмужал за прошедшие сутки, потому что выполнил поставленную перед собой задачу и провел самостоятельно ночь в лесу, не смалодушничал и не струсил, я наловил много рыбы и тем самым помог своей семье. В маленькой душе моей появилась уверенность, что я и дальше смогу преодолевать и другие трудности, что они мне по плечу.

На груди за пазухой шевелился теплый вороненок, который скоро станет моим другом.

А впереди за деревней распахнулось огромное, бескрайнее синее море, за которое мне когда-то придется уехать в неведомую новую, взрослую жизнь.

Как давно все это было, как давно... Скрылось за лесами, болотами и синевой прожитых лет. И вот я, седой человек, с вершины своего возраста гляжу в бинокль воспоминаний на свое поморское детство, на окружавших меня людей, и душа моя тихо плачет и тихо радуется. Мне хорошо от сознания того, что все это со мной было.

Уже тогда я стал понимать, как сильно я люблю свою природу, своих земляков и свою Родину.

Эдуард АНАШКИН

ЗОЛОТИСТЫЙ ЗОЛОТОЙ!

Эдуард Константинович Анашкин — родился в 1946 г. в Читинской обл. Окончил сельскохозяйственный техникум, затем учился в Ульяновском педагогическом институте. Работал столяром и плотником, слесарем по ремонту вагонов и рабочим кирпичного завода, секретарем сельского Совета, учителем истории в школе и заведующим отделом сельского хозяйства районной газеты. Двадцать пять лет проработал чабаном в совхозе «Майский» Самарской области. Сейчас работает кочегаром. Печатался в центральных газетах и журналах. Автор многих книг прозы. Член СП России. Лауреат многих литературных премий. Живет в селе Майское Самарской области.

Есть писатели, чья биография захватывает читателя не меньше, чем произведения. Потому что эти их произведения есть не только предмет литературы, но — продолжение авторской судьбы. Таких писателей немного: из зарубежных прозаиков можно назвать Джека Лондона и Эрнеста Хемингуэя, а из русских писателей XX века — того же Владимира Карпова, автора уникальной военной, и не только, прозы. Таким писателям не надо искать своего героя, потому что герои произведений живут в них и сами находят писателей в процессе их насыщенной жизни.

Современный замечательный прозаик Николай Федорович Иванов из этой категории редких писателей, заложников и создателей своей уникальной судьбы. И дело даже не в боевых наградах Иванова, среди которых такие почетные, как орден «За службу Родине» и медаль «За отвагу», не говоря уж о множестве других военных и литературных наград. Дело в судьбе, в которой отразилась непростая наша эпоха. И судьба этого писателя, этого человека сложилась так, что вполне может стать сюжетом отдельного романа о нем. Она, судьба, благоволила Николаю Иванову настолько, что ставила его в такие безвыходные и трагичные ситуации, что, видимо, Николаю Федоровичу ничего не оставалось, как применить этот же метод к своим литературным героям.

Любит, ой любит Николай Иванов ставить своих героев в поистине страшные безвыходные положения. Но это и делает его в прозе драматургом. Ведь именно такие ситуации и выявляют суть человека. У самого Иванова таких ситуаций в жизни было предостаточно, придумывать особо ничего не надо. Причем происходили они как на театре военных действий, так и в мирной жизни. На-

чать с того, что в предательские 90-е годы он, офицер, дававший присягу верности стране, не изменил данной присяге и не стал орудием исполнения указаний вредителей-прорабов перестройки и рынка. Отошел от зла, ибо служить ему — значило поставить под вопрос честь офицера. Он оказался единственным в центральном аппарате Министерства обороны, кто подал рапорт с просьбой об отставке. Вот, к примеру, два приказа: один издан в сентябре месяце, а другой — в ноябре, после кровавых событий в октябре 1993 года.

П Р И К А З

по редакции журнала „Честь имею“

№ _____

„31“ сентября 1993 г.

гор. Москва

Сегодняшние действия Президента, Верховного Главнокомандующего ЕЛЦИНА В.В. по устранению законных органов власти считаю антиконституционными и антинародными. Моя должность и честь офицера требуют незамедлительной реакции. Не вижу для себя возможным находиться на данном посту в период, когда в стране воцаряется единоличная власть человека, политику которого я не разделяю и не поддерживаю.

Исходя из этого, снимаю с себя полномочия главного редактора до полного восстановления конституционных норм.

Для обеспечения нормальной работы редакции исполнение обязанностей главного редактора возлагаю на своего заместителя подполковника Сосницкого В.А.

Честь имею!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА
„ЧЕСТЬ ИМЕЮ“

подполковник

Н. ИВАНОВ

П Р И К А З

по редакции журнала „Честь имею“

№ 210

„15“ сентября 1993 г.

гор. Москва

С 25 июня 1992 года по сегодняшний день имел счастье возглавлять коллектив редакции журнала „Советский воин“ – „Честь имею“.

Неизбежные для любого главного редактора трудности и сложности многократно перекрывались гордостью за принадлежность к лучшему журналу в Вооруженных Силах. Высшим своим долгом считал проводить в журнале линию патриотизма, любви к Отечеству, внимания к людям в погонах. Во главу угла ставил честь и достоинство человека. Боялся и не желал единственного: оскорбить и обидеть сотрудника, не заметить талант и не воздать ему должное.

По стечению обстоятельств вынужден прервать свое руководство журналом. Как офицер и человек считаю свой поступок единственно верным. Допускаю некоторую его уязвимость как руководителя, но, за все доброе, если что сделал для редакции, прошу простить и понять.

Прощаясь, благодарю всех без исключения за совместную службу. Верю в искренность отношений, существовавших между нами. Желаю творческого беспокойства и счастья в ваших домах.

Честь имею!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА
„ЧЕСТЬ ИМЕЮ“

подполковник Чести Н. ИВАНОВ

Всю жизнь, куда бы ни бросала Иванова его прихотливая и щедрая на перипетии судьба, он оставался верным воином России. Не случайно многие годы руководил журналом Министерства обороны РФ «Советский воин». А бывших воинов, как и воюющих атеистов, как известно, не бывает. Николай Иванов прошел «горячие точки» Афганистана и Чечни, был в Южной Осетии, Цхинвале. Перед референдумом в Крыму, в Севастополе собрали с известным поэтом Александром Бобровым писателей Крыма и на Сапун-горе подняли копию Знамени Победы, заявив: «Россия с Вами!». Много

раз Николай Федорович был на Донбассе, прорвался даже в Сирию. Иванов написал министру обороны России письмо: «К бойцам летают чечеточники, частушечники, балалаечники, и ни одного писателя не посылаете. А завтра будете на коленке сочинять историю нашего сирийского похода?...» В течение многих месяцев томился в чеченском плену, где боевики прозвали его «полковник Чехов». Знали, что Иванов по званию полковник, а по призванию писатель. От расстрела Николая Федоровича спасло только чудо и... успешная спецоперация по его освобождению... В общем, чем больше узнаешь биографию этого человека, тем больше складывается впечатление, что жизнь Николая Иванова сама, похоже, пишет роман, избрав его в главные герои.

Не прекословя жизни, Иванов-прозаик и героев своих книг ставит в безвыходные ситуации. И уже потом вместе с ними ищет выход, как правило, заранее сюжет не выстраивая и финал не планируя. Потому-то его проза оставляет впечатление того, что действие творится здесь и сейчас, и читатель сам является его сотворцом и участником.

Я всегда считал, что главная работа писателя — работа за письменным столом. И от слов своих не отказываюсь. Но Николай Иванов — редкое исключение из правила. Его основное рабочее место — сама жизнь. До того как садиться за произведение, Иванов словно проживает его. Известный в литературных кругах как автор суровой военной прозы, он в не меньшей степени и лирик, показывающий человека, который, познав тяготы войны, особенно ценит радости мирной жизни. Об этом свидетельствует новая книга прозы Николая Иванова «Спецназ. Офицеры. Тот, кто стреляет первым», подаренная мне автором в 2017 году с автографом «Моему собрату по творчеству — Эдуарду Анашкину, обладающему внутренним зрением и способным за строчками увидеть автора. С поклонением, Н. Иванов».

Когда я имел возможность, то частенько приезжал в Дом творчества «Переделкино» — поработать, встретиться с друзьями-коллегами по перу. Однажды здесь, в Переделкино, гуляя по аллеям, разговорились с Николаем Федоровичем о литературе, о радостях мирной жизни. И он мне сказал так:

— Эдуард Константинович, когда вы говорите о радостях мирной жизни, я бы здесь провел мысль о том, что, по моему мнению, военная литература, настоящая литература о войне, — самая жизнеутверждающая! Ненавижу километры стреляющих книг на сегодняшних книжных полках, где очередная стрельба, очередной бой — это стрелялки, обесценивающие жизнь солдата, а не показывающие его крутизну. Поэтому о войне надо писать без наркоза. Как только отстранился, «обезопасил себя, свои нервы, потратил время на строчки, но не создал произведения».

Иванов в это время проводил совещание с молодыми военными писателями. Большинство писало первые рассказы именно о стрельбе, выпячивая грязь, мат, дурачества командиров.

— Три дня не мог втолковать, — рассказал затем Николай Федорович, — что не надо надевать белые манишки и мантии судей, чтобы *так* свысока о своих боевых друзьях, столь пренебрежительно и унижающе. Твердят — это правда войны. Доказываю, что правда войны — это когда воробей прыгает по колючей проволоке. Когда по крыше бутылки бежит ручей... Не вникают. На третий день принес на семинар бутылку водки и одно яблоко. Молча разлил водку на всех, разделил по кусочку яблока. Пригласил всех к бильярдному столу, у которого вели семинар. И сказал: «Давайте поднимем сразу третий тост. За погибших наших друзей. И по-

думаем, как и что о них, находящихся на небесах, пишем и сочиняем мы, оставшиеся в живых. Будет ли им приятно, *что* их дети будут думать о своих погибших отцах. И хотели бы вы, чтобы о вас были написаны *такие* книги. Третий тост». Долго не выпивали. Стояли, погруженные в себя и свои строчки. И гробовая тишина. И всё словно перевернулось в сознании.

Я рад, что на семинаре Николая Федоровича Иванова были такие молодые писатели, потому что 11 человек ныне члены Союза писателей России.

Думаю, никакого особого внутреннего зрения не надо, чтобы увидеть то, что зримо любому! Очевидно, что военная проза Николая Иванова, помимо ее художественных достоинств, еще и документ эпохи. Ведь она существует в очень редком жанре — где за художественностью угадывается документальная конкретика. Прочитав, как мать русского солдата, обезглавленного в плену чеченскими боевиками, приезжает в Чечню, чтобы забрать тело сына, мгновенно понимаешь, что речь идет о вполне конкретном событии и вполне конкретных людях. О русском великомученике-солдате Евгении Родионове, который даже в чеченском плену не снял православного креста, за что был зверски обезглавлен. Солдате, под пером Иванова ставшем символом и образом одновременно. Как и его самоотверженная мать, которой циничные чеченские боевики предложили забрать тело сына, пройдя по минному полю... И мать, ни минуты не задумываясь, пошла по минному полю, словно ведомая свыше. И ни одна мина не посмела сдетонировать под ногами этой женщины, словно это шла святая, не касаясь земли ногами. Да, только такая женщина могла родить и воспитать такого героя-солдата! Этот эпизод в книге поражает одновременно трагизмом и эпическим лиризмом. Вот какие книги надо читать нашей молодежи, чтобы не возникало желание каяться за победы своего народа!

Конечно же, взгляд Иванова на войну — это взгляд того, кто воевал. Для всяческих миротворцев и предателей заведомо неприемлемый взгляд изнутри. Конечно, этот взгляд военного человека бывает жестким. Но взгляд писателя Иванова шире взгляда офицера Николая Иванова. А потому он, бывший пленный и настоящий офицер, показывает войну не только сплошной чередой ужасов и крови, какой она, конечно же, является. Николай Иванов является не только человеком дела, но и художником слова. И к чести его, офицерской и писательской, этим словом Иванов умеет владеть, как табельным боевым оружием.

И на войне — как показывает нам Иванов — жизнь, во имя которой война ведется, продолжается. И люди так же, а может, даже сильнее, чем в мирной жизни, хотят любить и быть любимыми, презирают приспособленцев, хотя таковых, приспособленцев, в местах, где свищут пули, много не наберется. И хотя смерть ходит в шаге от них, они сквозь вой пуль и стоны раненых думают о жизни мирной. Две молодые женщины санитарной части обсуждают свою непростую женскую судьбу. Молодые военные, понятное дело, не только ходят в атаку и бьются с противником. В редкие спокойные часы они не против того, чтобы улыбнуться женщинам, даром что санчасть называют «тридевятым царством», то есть заповедной зоной. Жизнь и тут оказывается сильнее смерти, что караулит всех.

А какие прекрасные речевые характеристики даны писателем своим персонажам. Они говорят каждый своим языком, они не унифицированы, несмотря на то, что военная форма и война — самый страшный унификатор. Они такие, словно мы их давно знаем. Да мы сами в каких-то жиз-

Николай Федорович Иванов

ненных ситуациях похожи на героев книг Николая Иванова. Потому так естественно примеряем на себя судьбы его героев, как бы ставя себя на их место. За эти читательские прозрения я и хочу поклониться автору книги.

Несмотря на свою человеческую и писательскую открытость, Николай Федорович очень неохотно рассказывает о своей семье. Жена Мария Алексеевна у Иванова первая и единственная, как Родина у офицера. Дружил с будущей супругой Николай Федорович еще со времен Суворовского училища. Такие семейные тандемы даже браком назвать язык не поворачивается. Это именно — союзы. Всю жизнь с мужем по гарнизонам — судьба жены офицера. Мария Алексеевна по профессии агроном-плодоовощевод. А вот благодаря скитаниям с мужем по военным гарнизонам освоила много других профессий: машинистки, секретаря секретного делопроизводства, воспитателя в детском садике. Воспитали они, Мария Алексеевна и Николай Федорович, двоих детей, которые подарили им уже троих внуков. Сын Александр — юрист. Дочь Надежда — возглавляет пресс-службу лесного хозяйства Московской области...

Если оглянуться назад, с творчеством Иванова я знаком с тех пор, как друзья прислали мне «Роман-газету» с повестью «Вход в плен бесплатный, или расстрелять в ноябре». Читая, я изумлялся мужеству автора и одновременно радовался, что открыл для себя нового талантливого писателя. Личным знакомством с Николаем Федоровичем Ивановым я обязан ответственному секретарю приемной комиссии Союза писателей России, прозаику Светлане Васильевне Вьюгиной. В мой очередной визит в Москву на Комсомольский проспект она привела меня в кабинет Иванова. Николай Федорович меня тогда угостил кофе, а вот книгу свою «Семь нот о любви» подарил позже, на Всемирном Русском Народном Соборе в 2012 году.

Спустя несколько лет моя домашняя библиотека пополнилась еще одной книгой Николая Иванова, изданной в Брянске: «Новеллы цвета хаки». Подарок случился в день Крещения Господня 19 января 2015 года: «Эдуарду Константиновичу — человеку Слова, Дела и Мысли. Искренне. Николай Иванов».

И вот новая книга, новая высота, новый виток судьбы... Непростой, но счастливой и насыщенной судьбы замечательного писателя Николая Иванова, вполне заслуживающей, чтобы стать книгой.

Александр КЕРДАН

«НЕТ КОРЫСТИ В СЛУЖЕНИИ СВЕТУ, ГДЕ КОРЫСТЬ, ТАМ — СЛУЖЕНИЯ НЕТ»

Александр Борисович Кердан — родился в 1957 г. в г. Коркине Челябинской обл., окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. Полковник запаса, доктор культурологии. Автор 59 книг стихов и прозы, вышедших в России, Азербайджане и США. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. **Живет в Екатеринбурге.**

* * *

Я был бы вправду одинок,
Когда б меня сочла обузой
Поэзии негромкой Муза
Или лишил терпенья Бог.

Когда б оставили меня
Сиротствовать на белом свете
Мои старинные друзья —
Березы, сосны, дождь и ветер.

Когда б на всей большой Земле
Моей бы не было России,
И очи мамыны во мгле
Мне б родину не осветили...

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ НОЯБРЯ

Александр Кононову

Словно в книге листаю страницы,
Проживая отпущенный срок...
То ли правда, а может, мне снится,
Что стою на скрещенье дорог.

Хоть налево иди, хоть направо,
Выбор может быть только один:
Лучше скорая смерть, но со славой,
Чем в бесславье дожить до седин.

Что тут звания, что эполеты,
Если сердцем ты принял обет:
Нет корысти в служении свету,
Где корысть, там — служения нет.

ПОГОНЯ

Зайчишкины следы,
А рядом — лисьи,
По краешку беды
Переплелись и
Идут, то в чащу, то
К дороге стылой...
И угадает, кто,
Как дело было?

Удрал ли тот косой,
И — не догонишь,
Иль съеден был лисой
В конце погони?
Что мне, казалось бы,

Великий Боже,
До заячьей судьбы
И лисьей тоже?

В окно гляжу, скорбя,
И все гадаю,
Как будто за себя
Переживаю.
Ушел ли, спасся ли
Зайчишка малый?
Рассветный луч вдали
Кроваво-алый...

Как будто это я —
Участник драмы.
По следу смерть моя
Бежит упрямо
И скалит лисью пасть —
Поджилки рвутся...
Ах, только б не упасть
И не споткнуться!

В РЯДАХ «БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА»

«Бессмертный полк» —
из края в край —
Во славу наших предков...
И ты, мой друг, в ряды вставай,
Твой дед служил в разведке.

Мой дядя тоже — боевой,
Брал в сорок пятом Прагу...
С войны пришел он чуть живой
С медалью «За Отвагу».

А вот знакомый депутат,
Гляди, слуга народа...
Его отец, хоть и солдат,
В РОА¹ служил два года.

А вместе с ним шагает чин,
Чей дед был полицаем...
Мы среди множества личин
Врагов не различаем.

Несем портреты дорогих
Родителей и дедов,
Уже не видя тех, других,
Кто отдалял Победу.

Их отпрыски теперь во власть
Прошли и, коли мода,
Спешат в ряды полка попасть,
Встать впереди народа.

Мол, тоже «свой» я человек
И есть мне, чем гордиться!
Но в генах каждого навек
Предательство таится.

И потому, мой друг, гляди
В рядах полка святого,
Кто там шагает впереди
И кто предаст нас снова.

* * *

Приснилась мама мне. Давно не снилась,
А тут приснилась — не пойму к чему...
Всё вещи собирала, суежилась,
Переезжать куда-то торопилась,
Как будто тесно ей в родном доме.

А я ей помогал, хотя и помнил,
Что мамы-то давно на свете нет:
Увязывал пожитки в тюк огромный
И книги — чей-то важный многотомник —
Старательно укладывал в пакет.

¹ Русская освободительная армия генерала Власова.

И спрашивал себя: куда мы едем?
Осознавая: ехать не хочу...
А мама говорила мне о деде,
Который ждет нас где-то на «Победе»
И обещает: «С ветром прокачу!»

У деда моего, насколько знаю,
Машины не бывало никакой,
Но для чего-то маме я киваю,
Как будто вовсе и не понимаю:
Она и дед приехали за мной!

А я ведь ничего еще не сделал
И даже вещи толком не собрал...
Проснулся. За окошком — сумрак белый,
Машина, проезжая, прогудела,
И ветерок по веткам пробежал.

И смотрит на меня с портрета мама,
И сон на явь похож, а явь — на сон...
«Я вещи не собрал...» — шепчу упрямо,
Хоть там, куда зовут, не нужно хлама,
Но торопиться — тоже не резон.

* * *

Родился мальчиком, а умер стариком —
Сюжет такой, как будто всем знаком.
И вроде бы не жалко старика:
Свое уж прожил он наверняка...

Но понимает тот, кто сам старик,
Как короток земной юдоли миг.
И наконец-то ясно старику,
Как мало понял на своем веку.

Когда б повертилось время вспять,
Чтоб мог опять мальчишкою он стать,
Он, может быть, не торопился б впредь,
Взрослея, приближать невольно смерть.

Мальчишкой был бы до конца пути —
Так легче в Царство Божие войти.

ПАМЯТИ В. Р.

«Отменили» Россию, прикрывшись названием,
Да и то скоро станет расхожим словцом...
Как, забывшие дедов святые преданья,
Мы предстанем пред нашим Небесным Отцом?

Оправдаться пред Ним мы сумеем едва ли,
Жизнь свою проплясав под чужую дуду...
Всё, что предки столетья для нас собирали,
Созидали, пройдя и войну, и нужду,
Мы профукали или профукать готовы,
И надежды у нас не осталось почти,
Кроме веры последней в высокое Слово —
То, что было вначале и может спасти...

* * *

Уж не мечтать о подвигах, о славе...

А. Блок

Мечтать о подвигах, о славе,
Как в юности, уже — смешно...
Я грезы прежние оставил,
Но ведь мечтаю, все равно

Не поминая словом горьким,
Простив за все, в чем был не прав...
Чтоб век детей был светлым, долгим,
И не зловредным был их нрав.

О том, чтоб жить своей судьбою,
Не став обузою родне,
И чтоб жена моя рукою
В свой час глаза закрыла мне,

И не найти мечты — дороже,
И славы не сыскать другой,
Чем — жизнь прожить
по воле Божьей,
В согласии с самим собой.

К НОВЫМ ЕВРОПЕЙЦАМ

Вы теперь говорите иное —
Позабыли, какую ценою
В сорок пятом, победной весною
Заплатили, чтоб жить в тишине...
И полезла вся нечисть из схронов,
Развернула нацистов знамена,
С факелами шагает колонной
Прямо к новой всемирной войне.

Ну, а мы? Изменились мы сами
И бессильно разводим руками,
Все талдычим про «совесть»,
про «память»...
«Толерантность»...
Господь, нас прости!
А случится подняться в атаку,
«Толерантные», сможем без страху,
На груди по-отцовски рубаху
Распластав, до Берлина дойти?..

РУКОПОЖАТИЕ

Мой Демиург —
Санкт-Петербург
(Далее можно не в рифму)...
Белый, как ночи, прибрежный гранит,
Балтики ветер — дыханье эпохи...
Где бы я ни был, навеки со мной
Город такой чужеродный и гордый,
Ставший родным, по неясной причине,
Или, вернее, совсем без нее...
Так вот становится близким Господь,
Не потому, что — Творец и Создатель,
А вопреки пониманию...

Здесь
Кровосмешение я ощущаю
Скифии с Западом, Правды и Лжи —
Всё во спасение дрогнувших истин,
Павших империй и новых надежд,
Толпы метафор теснятся в округе...
Вот лишь одна, что на ум мне пришла:
Каменным гостем явился Ты мне
И протянул для пожатия десницу...
Страшно и радостно — окаменеть:
Камень снаружи, а сердце — живое.
Я пожимаю десницу Твою
И становлюсь (*снова в рифму*) Тобой.

* * *

Хрустко яблоко жую,
Медом полнится округа.
Жизнь бедовую свою
Обнимаю, как подругу,

Будто это — рай земной,
Я стою в саду у древа,
И судьба моя со мной —
Целомудренна, как Ева,

Что любовью налита,
Точно чаша сладким хмелем...
Спас медовый, даль светла,
Ветер веет еле-еле...

До мгновения, пока
Мы себя не знаем сами,
И Отцовская рука
Простирается над нами...

* * *

Окна дома напротив — сусальное золото,
В них рассвет расплескал ощущение праздника,
И в душе, что тревогами вся перемолота,
Где так много мгновенного, праздного, разного,
Нарастает уверенность: всё перемелется,
Испечется кулич и разделится поровну...
Надо только любить, и жалеть, и надеяться,
Даже если не смотришь в ту самую сторону,
Где светило восходит, как будто не ведает
Тьмы, царившей всю ночь до мгновения ясного,
И еще никого в этом мире не предали,
И еще ничего не случилось ужасного...
И уже не случится!
Ведь золото плещется
В окнах дома напротив, в душе неприкаянной...
Всё, что нас не убило, наверное, лечится
Светом добрым, молитвой и взглядом нечаянным...

Владимир СИЛКИН

«РУССКИЙ ДУХ НЕ ЗНАЕТ СЛОВА «СТРАХ»»

Владимир Александрович Силкин — родился в г. Рязске, секретарь Правления и председатель Совета по военно-художественной литературе СП России, зам. председателя, статсекретарь МГО СП России, Заслуженный работник культуры РФ, лауреат Государственной премии России, начальник военно-художественной студии писателей ЦДРА им. М. В. Фрунзе Минобороны РФ, почетный гражданин Рязанской области. Ответственный редактор журнала «Московский Вестник», главный редактор военного литературного альманаха «Рать». Полковник запаса, ветеран боевых действий. **Живет в Москве.**

РУССКИЙ РУБЕЖ

*На присвоение городу Рязску
Рязанской области
почетного звания «Рубеж
воинской доблести»*

Салют в Москве

Берлин затеял рано,
Ведь надо было Рязск еще пройти.
Но танковый кулак Гудериана
Уперся в неприступные пути.

И в это время Сталин

вспомнил Бога,

И Кремль икону поднял в синеву —
Рязанская железная дорога
Не пропустила немцев на Москву.

Она тогда на них взглянула строго,
Отдав, что было лучшее, в горсти:
Как ураган бессмертные матросы
Сметали нечисть на своем пути.

Про этот бой страна тогда не знала,
Но вот отсюда начала она
Из крупшовского падшего металла
Ковать своим героям ордена.

А Рязск не пал, его железный узел
Врага за горло плотно взял тогда,
Чтобы мужик рязанский — косопузый,
Не знал господ на Хупте никогда.

Есть рубежи, наверное, и круче,
Есть города, где были пыль и прах.
Но Рязск мой жив,

и помнит он, и учит,

Что русский дух
не знает слова «страх».

И пусть враги не верят в эти сказки,
Мы в бой идем с Отчизной на устах,
И точно знаем,

в сорок первом в Рязске
Задолго до Победы пал Рейхстаг.

МУЗА МОЯ

Муза моя, неизменная странница,
Вновь собирается в дальний поход.
Будет война, ничего не останется,
И никого, кто с победой придет.

Мир содрогнется от вируса стронция,
Книжные строчки расплавит напалм.
Вот и взираю с испугом на солнце я,
Что каждый день улыбается нам.

Муза моя! Одолей расстояния,
В сердце войди, не встречайся с тоской.
Может быть, от твоего состояния
В мире безумном зависит покой.

Муза моя! Перессорились нации.
Ты очищай их слова ото лжи,
Чтоб на далекой космической станции
Не прервалась сумасшедшая жизнь.

Муза моя! Мне в плохое не верится,
Но наступает на пятки война.
Кто вам сказал, что Земля еще вертится,
Если не слышит мой голос она?!

ТЕЛЕФОННЫЕ НОМЕРА

Зачем за номерами гнаться,
Достопочтенный господин?
Служебный номер сто двенадцать,
Квартирный сто двадцать один¹.

Да, за столом товарищ Сталин,
Да, ночь безумно коротка.
Что, без него вы лучше стали,
Без старого большевика?

Гудят фронты, режут заводы,
Поля, как порох, горячи.
Эх, вы, любители свободы,
Где нынче ваши Ильичи?

Ушли они, болезнь не сбросив,
Но свет их до сих пор горит.
И снова слушает Иосиф
И что-то в рубку говорит.

СНЕЖНЫЕ СЛЕПНИ

Скоро мороз отощавший окрепнет,
Станет щипать всех подряд.
Снежные слепни, снежные слепни,
Снежные слепни летят.

Снежные слепни декабрьской порою,
Снег, прилетевший с дождем.
Выйду на улицу, розу накрою
Старым солдатским плащом.

Что леденеть ей от этой напасти,
Что замерзать на снегу?

Жизнь ей облегчу, хотя и отчасти,
Все-таки ей помогу.

Выживет роза и великолепней
Станут бутоны на ней.
Снежные слепни, снежные слепни
Кружат сильнее и сильнее...

Память моя, я прошу, не ослепни,
Дай оглянуться назад.
Снежные слепни, снежные слепни,
Снежные слепни летят.

¹ Служебный номер телефона Сталина — 112, квартирный — 121.

ПЕТУХ

Надежде Федоровой

...А в двадцать три пропел петух,
Петух пропел четыре раза.
Я думал, что подводит слух,
Но он пропел, пропел, зараза!

Он каждый вечер по часам
Поет, и нет ему покоя,
На смену птичьим голосам
Он выдает впотьмах такое!

Ну, что он путает рассвет
И звезды путает с рассветом?

По голосу — немало лет,
Но не пойму, при чем тут это?

Тем более, не молодой,
Пора уже уgomониться.
Но под Полярною звездой
И в двадцать три часа не спится.

Сижу и напрягаю слух,
Чего он там, сердешный, хочет?
Не спит петух, поет петух,
Неугомонный старый кочет.

МЕЧТА

Капают, капают, капают, капают
Светлые капли дождя.
Ель, как зонтом, прикрывается лапою,
К окнам моим подходя.

Ветер ее выгибает, что тросточку,
Бьет она лапой в стекло.

Я посажу этой осенью косточку
Вишни, чтоб было светло.

Чтоб не казалась под окнами лишнею
И улыбалась бы мне.
Буду беседовать с этою вишнею
И молодеть по весне.

РАСПЛАТА

Голуби с утра загулеванили,
Подают над крышей голоса.
Видимо, у неба счастья заняли,
Если улетают в небеса.

Небо возвращения не требует,
Отданное счастье ни к чему,

Только провожаю взглядом в небо я
Голубей своих по одному.

Ах, вы, мохноногие, хохлатые,
Столбовые, нежные чай!
Голуби торопятся с расплатою
За грехи грядущие мои.

МАЙСКАЯ ЗАРИСОВКА

Черемух майские духи
И птиц залиvistые трели.
Сиди себе, пиши стихи
О том, как сливы постарели,

И как ушами лопухи
С утра, не уставая, водят.

Сиди себе, пиши стихи
За чашкой чая на природе.

Что делать, если от сохи
И если ты дитя природы?
Сиди себе, пиши стихи,
О том, как дышат огороды.

ДЕНЬ

И дольше века длится день.

Чингиз Айтматов

От облаков ложится тень
На засыпающую воду,
И переплывший реку день
Поклоны дарит небосводу.

Какой сегодня долгий день!
Он уходит никак не хочет.
И облаков холодных тень —
Предвестница грядущей ночи.

Растают в сумраке веков
К реке спустившиеся ивы,
Но эта тень от облаков
Пока еще спешит к обрыву.

На воду ей спускаться лень,
Хотя не ведает испуга.
И нескончаем этот день,
Где повстречали мы друг друга.

МАМА ТАНЦУЕТ

Тамаре Мартиросян

Память частенько за горло берет,
Счастьем мальчишку лупцует:
Город Мегри, словно сказочный мед,
Мама танцует.

Только глаза прикрываю поспать,
Светлое время гарцует:
Мама Тамара танцует опять,
Мама танцует.

Мама танцует сейчас без меня,
Годы листает.

Как ее сказочных глаз и огня
Мне не хватает!

Не уезжайте надолго от мам,
Не поминайте их всуе.
Город медовый, и именно там
Мама танцует.

Вечно бы этот огонь не погас,
Был бы к лицу ей!
Как это здорово, если у вас
Мама танцует!

Пути ПОЗНАНИЯ

Игорь АНДРУШКЕВИЧ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ В ПРИРОДЕ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКЕ

*Теории четырех
русских ученых*

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ, отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская переписка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

В одной своей блестящей сентенции испанский философ Ортега-и-Гассет утверждает, что животные живут в природе, а человек в истории. Подтверждением этому является то обстоятельство, что человек обладает сознанием истории и что таковая для него является проблемой, считает Ортега.

В Древнем мире преобладали **циклические** концепции истории, в большинстве случаев понимаемые как циклическое **«вечное возвращение»** уже происшедшего раньше. Такие концепции были присущи шумерским, индусским и даже греческим традициям. Однако, как это отмечает Мирсеа Элиаде в своем известном труде «Вечное возвращение», эти исторические циклы или спирали имели в своих началах **архетипы**, которые затем повторялись в последующей серии имитаций.

В Ветхом Завете преподносится совсем иная концепция: история развивается **линейнообразно**, хотя не обязательно прямолинейно, исходя от сотворения мира и устремляясь к конечной развязке. Христианство подтверждает эту концепцию, повторяя полностью понятие творения мира и указывая на конец истории в момент Страшного Суда. Однако, несмотря на это, весьма важно обратить внимание на тот несомненный факт, что в Ветхом Завете ясно утверждается идея истории, **состоящей из циклов и периодов**, каковые включены в ее общее развитие, содержание каких-то, однако, **не повторяется**. Даже указываются два различных вида циклов: известных **семи лет** тучных и семи лет тощих коров, отмечаемых как конкретный случай, и постоянных периодов **«семи лет семь раз»**, даже учрежденных с характером общественного права.

Таким образом, утверждаются **пятидесятилетние** периоды, то есть

49 лет, увенчанные пятидесятью годами, называемые **юбилейными**, ибо они провозглашаются трубами левитов, по-еврейски называемых «юбель».

Было бы неуместно утверждать, что мерой этих исторических циклов является человеческая жизнь, имитируя в этом греческих софистов, для которых человек был мерой всех вещей. Цикл в семь лет никоим образом не связан с человеческой жизнью, хотя сумма двух циклов по семь лет весьма приближается к понятию «человеческого поколения» в 15 лет, о котором говорит Ортега-и-Гассет. Кроме того, в еврейской религии возрасту в 14 лет соответствует праздник «бар мицтва», отмечающий религиозное и общественное совершеннолетие. Также и юбилейный цикл в 50 лет не имеет никакого отношения к долголетию патриархов Ветхого Завета. Римляне праздновали периоды в 100 лет, но эти их столетние празднества тоже не могут быть прочно связаны с длительностью человеческой жизни. Правда, геральды приглашали граждан Рима выйти на улицы, чтобы отпраздновать эти столетние праздники, указывая, что ни один человек не сможет праздновать их два раза в своей жизни.

В современном мире, при несомненном ускорении человеческой истории, и особенно ее экономических аспектов, почти инстинктивно распространилась идея **циклического характера** экономической жизни. Эта всеобщая интуиция может быть легко подтверждена экономической историей последних времен, но почти всегда мы имеем дело с относительно короткими циклами, в несколько лет, каковые не очень отличаются от ветхозаветных семи лет. Однако в XX веке происходит одно важное научное открытие, которое почти чудесным образом подтверждает большой юбилейный цикл в 50 лет. Речь идет о **теории «длинных волн»**, которая относится не только к экономическому, но и к общественному развитию. Эта теория была впервые провозглашена в 1926 году ее открывателем, русским ученым Николаем Кондратьевым. Приблизительно через 50 лет после этого она получила почти всеобщее признание.

Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938) начал интересоваться конъюнктурными проблемами экономики во время Первой мировой войны. Между 1919 и 1921 годами он открыл, что кроме коротких циклов (около трех лет) и средних циклов (от 7 до 11 лет) в экономике существуют также **длинные конъюнктурные волны** длительностью от 40 до 60 лет. Несмотря на то, что он был директором «Института для исследования конъюнктуры», он не смог опубликовать свою новую научную теорию в России из-за идеологической цензуры коммунистического режима. Таким образом, его теория впервые была опубликована в 1926 году на немецком языке в одном важном немецком экономическом журнале под названием «**Длинные волны конъюнктуры**». Почти одновременно, два голландских ученых, Ван Гельдерен (1913) и Вольф (1921), опубликовали на голландском языке аналогичные выводы в голландских журналах, каковые, однако, не получили такого отклика, как статья Кондратьева, вышедшая в Германии во времена Веймарской республики. Позже **Кондратьев высказался против разрушения земледельческих структур свободного крестьянства в России**, что вызвало его арест и последующую депортацию в Сибирь в 1930 году. 17 сентября 1938 года этот великий русский ученый был осужден на смерть и расстрелян коммунистическим режимом.

Теория Кондратьева устанавливает, что экономика и общество тесно взаимосвязаны, как это ясно видно при анализе длинных волн. Посему эти

длинные волны, в настоящее время называемые в честь их исследователя «циклами Кондратьева», по сути являются чем-то гораздо большим, чем просто конъюнктурными циклами. Они являются **цепями создания ценностей**, развязываемых **базисными новациями**. Они являются **процессами реорганизации** всего общества, которые происходят, когда необходимо удовлетворить широкие поля потребностей, с помощью введения основных новшеств.

Первый цикл Кондратьева, начавшийся в конце XVIII века и окончившийся в середине XIX века, был переходным периодом от сельскохозяйственного к промышленному обществу. Этот цикл был вызван и поддержан открытием паровой машины и базисными новациями в текстильной промышленности, что затем привело к созданию первых современных фабрик. Это вызвало колоссальный рост текстильной продукции (за последние 20 лет XVIII века импорт хлопка британской текстильной промышленностью возрос от 4 до 35 миллионов фунтов стерлингов). Таким образом, возник новый социальный класс рабочих, сконцентрированных вокруг фабрик, что, в свою очередь, вызвало большой рост городов.

Предел этому первому циклу возник в середине XIX века, когда фабрики пресытили местные и региональные потребности, в то время как транспорт в другие места был еще слишком дорогим. Этот предел роста был преодолен во время **второго цикла** Кондратьева, благодаря открытию железных дорог и стальных кораблей. Таким образом, стоимость транспорта драстически снизилась, положив начало национальной и интернациональной торговле промышленными продуктами. Эти два первых цикла Кондратьева были использованы, в первую очередь, Великобританией, которая таким образом стала ведущей страной к концу XIX века.

Третий цикл Кондратьева возник вследствие базисных новаций в области электротехники и промышленной химии.

Четвертый цикл Кондратьева зарождается после Второй мировой войны с взрывообразным распространением употребления автомобилей и нефтепродуктов.

Пятый цикл является циклом информатики (компьютеры, Интернет) и ее приложений к уже существующим процессам и продуктам, развитым в предыдущих циклах. Например, цикл продуктов автомобильной промышленности, чей изначальный рост относится к предыдущему периоду, не только интегрируется с циклом информатики, но также продолжается его развитие с помощью включения в его продукты до 30 процентов элементов последующего цикла.

Таким образом, циклы не являются изолированными отсеками, а волнами, которые сплетаются между собой и даже наслаиваются друг на друга. Кроме того, эти циклы Кондратьева, длительностью приблизительно от 40 до 60 лет, включают в себя короткие и средние волны.

Истощение каждого из циклов Кондратьева вызывается кульминацией прохождения конкретных путей развития, каковые всегда эволюционируют в определенном направлении. Когда возможности этого направления оказываются исчерпанными, благодаря достижению его пределов человеческое общество ищет новых путей, с новыми горизонтами, в иных направлениях, но при этом оно не всегда обязательно забрасывает достигнутое в предыдущих направлениях. Такие процессы исторической действительности напо-

минают теории Гегеля об **исторических синтезах**, путем интеграции противоположных процессов и их преодоления и одновременного сохранения в таком преодолении. Именно в этом месте теория Кондратьева соприкасается с теорией культурных и исторических периодов другого русского ученого, Николая Яковлевича Данилевского.

Н. Я. Данилевский (1822–1885) учился в известном Царскосельском лицее. Затем он поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, где он в 1849 году представил свою диссертацию на ботаническую тему: флора его родной Орловской губернии. Его первые научные работы были связаны с экономической статистикой рыбного богатства России, главным образом на Волге и в Каспийском море. Затем он возглавлял научные экспедиции для исследования охотничьих и рыбных богатств в бассейнах Белого и Арктического морей, а затем и Черного и Азовского морей. В общей сложности он совершил восемь научных экспедиций по всем речным и морским бассейнам европейской России. Он также участвовал в подготовке законодательства для сохранения ихтиологического богатства России. После 1860-х годов научные интересы Данилевского переходят в общественные, политические и общественно-культурные области. Кульминацией его научной жизни является труд **«Россия и Европа»**.

В своем начальном тезисе Данилевский **отрицает исключительную монополию Западной Европы над культурной жизнью человечества**. Согласно Данилевскому, в истории человечества было по крайней мере **12 самобытных** культурно-исторических **типов**, как он их называет: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонофиникийский, халдейский или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский. Кроме того, он специально упоминает две доколумбийские культуры Америки — мексиканскую и перуанскую.

Данилевский особенно критикует идеологическую (не научную) тенденцию западноевропейской историографии подразделять всю историю человечества, в согласии со своей собственной местной историей, на древнюю, средневековую и современную. Он различает два типа культур: связанные между собой и, по-видимому, независимые. Интересно отметить, что таким различением Данилевский разрешает состоявшийся почти через один век диспут между Тойнби и Ортегой на эту тему. Можно предполагать, что если бы оба были знакомы с научным трудом Данилевского, то эта их дискуссия была бы иной. Данилевский приходит к заключению, что творческие фазы самобытных культурно-исторических типов иссякают, когда иссякают возможности дальнейшего специфического исторического продвижения каждой из них. Каждый культурный тип развивается, исходя из некоторых ему присущих принципов, которые он должен попытаться довести до их полного **цветения**. В этом отношении культурные типы аналогичны «многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу»¹.

Таким образом, история человечества тоже подвержена закону периодичности, ибо каждый культурный тип в действительности представляет

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 92.

собой один неповторимый исторический период. Кульминация или, вернее, **период цветения** каждого культурного типа является **апогеем** соответствующего цикла.

Предыдущая и последующая фазы, по отношению к культурному цветению любой культуры, могут пересекаться и совпадать с фазами других культур, аналогично тому, как это происходит с экономическими циклами Кондратьева, однако отличительный частный характер каждой культуры определяется ее апогеем («цветением»), каковой не совпадает и не может быть спутан с апогеями других культур. Кроме того, временное совпадение некоторых сегментов различных культурно-исторических типов не должно быть истолковано как поглощение одной культуры другой, аналогично тому, как это происходит и с экономическими циклами Кондратьева. Еще меньше можно проводить насильственную классификацию отдельных этапов одной культуры в рамках этапов другой.

Данилевский отмечает, что в общем историческом развитии «столетний период... *имеет самым очевидным образом существенное значение... но преобладающий характер века обозначается ясно не ранее его половины, по хронологическому летосчислению...*»¹. Таким образом, каждый из этих столетних периодов на самом деле состоит из **двух пятидесятилетних периодов** периода подъема и периода истощения.

Из всего вышесказанного следует известная аналогия между периодичностью в экономике и периодичностью в истории, прежде всего в самом образе развития и завершения этих периодов в каждом из этих двух полей человеческой жизни. Оно и естественно, ибо экономика, без всякого сомнения, тоже является частью истории, и обе они являются функциями человеческой деятельности. Однако, если высшим видом жизни человека является человеческое общество, обладающее своей историей, в рамках которого развивается экономическая деятельность человека, можно прийти к заключению, что человеческое общество с этими, ему присущими, характеристиками является природой самого человека, *homo faber*. В этом кроется преодоление вышеотмеченного афоризма Ортеги, ибо человек тоже живет в природе, только что частью его природы является история. Посему, если вся природа обладает аналогичными структурами, для того, чтобы подтвердить **природный** характер периодичности в различных полях человеческой жизни, было бы необходимо найти какую-нибудь из форм этого закона периодичности также и в неорганической природе.

Классическим примером, подтверждающим вышесказанное, является периодический закон химических элементов, открытый другим великим русским ученым, Дмитрием Ивановичем Менделеевым, который не только является основанием для современной физико-математической науки, но также позволяет нам увидеть фундаментальные структуры космоса, в котором тоже действителен закон периодичности.

Интересно отметить, что Менделеев, как и большинство русских ученых и мыслителей, является верным выразителем **эллинистического характера русской культуры**, ибо их интересы и знания имеют **универсальный и синтетический** характер. На западе мало кто знает, что Менделеев не только занимался точными науками, но также обращал свое внимание на

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 247.

демографические и экономические проблемы, широко пользуясь при своих исследованиях статистическими данными. В 1905 году он опубликовал книгу с анализом результатов имперской переписи России 1897 года. В этом труде он утверждал, что к 2000 году Россия должна будет иметь население в 600 миллионов жителей. Однако в 2–3 местах он пояснял, что такое нормальное развитие будет возможно только в случае, **если к власти не придут некоторые нежизненные идеологии, как, например, коммунизм.**

В связи со всем этим небезынтересно отметить, помимо других совпадений, что вышеназванных трех русских мыслителей также объединяла тенденция к систематическому употреблению статистики в своих научных трудах.

Для закругления этой темы также необходимо отметить еще одного русского мыслителя, Илью Пригожина. Он родился в 1917 году в Москве. В 1921 году его семья, принадлежавшая к русской эмиграции, обосновалась в Бельгии. В этой стране Илья Пригожин закончил университет по специальности физико-химических наук. В 1977 году он получил Нобелевскую премию по химии, и в этом же году опубликовал свой фундаментальный труд «Самоорганизация и системы неравновесия» («Self-organization and non-equilibrium Systems»). В 1991 году он опубликовал свой труд «Рождение времени», в котором он констатирует **необратимость времени** на всех уровнях действительности: микроскопическом, макроскопическом и космогоническом. Таким образом, отвергаются все циклические теории вечного возврата, ибо **во времени нет возвратов.**

В своей статье «**Метафизика времени Илья Пригожина**», в журнале «Antartica. Siglo XXI», аргентинская мыслительница и философ Аделина Кастекс резюмирует теорию Пригожина следующим образом:

«Необратимые процессы требуют своего времени, чтобы проявиться, они берут для себя известное время. В них время проникает таким образом, что получается история. Важность времени в этих процессах выявляется как “новый завет” между природой, по видимости нежизненной, самой жизнью и психикой. Все процессы бытия являются необратимыми, ибо они ассимилируют время, утверждает Пригожин, и эта ассимиляция двигает им в сторону новых творений, которые, как таковые, являются свободными. Но они оказываются направленными в сторону возможных путей (ответвлений), ибо то, что уже было сотворено или обладало жизнью, ограничивает будущие этапы в рамках известных границ»¹.

Очевидно, что эта общая теория утверждает и известным образом обосновывает теории Данилевского и Кондратьева о процессах развития в истории и экономике.

Нельзя закончить этот краткий обзор вышеуказанных научных теорий, не отметив возможности их употребления для предсказания и даже для программирования будущих развитий. В современное время в экономике их употребление применяется довольно широко, но в истории до сих пор они не были публичным образом использованы. Логично, что циклы большой человеческой истории являются бесконечно более сложными, чем экономические циклы. Однако если оказалось возможным подразделить экономиче-

¹ Castex A. La metafísica temporalista de Ilya Prigogine // Antartica. Siglo XXI. 1994. Buenos Aires.

ское развитие, хотя бы приблизительно, на периоды, **превышающие годовые циклы**, может быть, был бы уместен подобный же подход и к всеобщей человеческой истории.

Может быть, было бы возможно пользоваться пятидесятилетними периодами, то есть юбилейными пятидесятилетиями, в качестве единиц измерения исторических периодов, состоящих из солнечных или лунных годов, каковые в своих истоках были задуманы для измерения **земледельческих циклов** человечества.

В виде примера, таким образом, можно было бы сказать, что современная история человечества, отличавшаяся всемирной гегемонией разных европейских империй, продолжалась ровно 10 пятидесятилетий, начиная с открытия Америки в 1492 году (давшего толчок для зарождения испанской, английской, португальской и иных европейских империй) вплоть до 1991 года, когда пала последняя европейская империя, Советский Союз. В свою очередь, в рамках этого большого периода в 10 пятидесятилетий можно различить две неравные половины: 6 пятидесятилетий до Французской революции и 4 пятидесятилетия после нее. А затем стала проявляться попытка установления новой всемирной глобальной империи, но уже имеющей своей базой не европейский, а американский континент.

Другим примером такой периодизации, в данном случае по отношению к отдельной стране, могла бы быть история Русского Государства, каковое до сих пор просуществовало почти точно 21 пятидесятилетие, начиная со своего основания в 862 году, до своего падения и последующего превращения в иное государство, в чьем имени даже отсутствовало само слово Россия, в 1917 году, что в общей сложности дает ровно 1055 лет. Из этого 21 пятидесятилетия последних 6 относятся к царствованию второй русской династии Романовых (1613–1917).

Можно было бы продолжать приводить другие подобные примеры, к каковым нельзя относиться только лишь как к простым цифровым играм. Эта система может быть употреблена и как метод для более легкого и наглядного зрительного восприятия длинных и сложных исторических процессов¹.

¹ Примечания через пятнадцать лет.

Например, универсальную историю после Р. Х. можно разделить на два тысячелетия и, в свою очередь, каждое из них на две половины, состоящих каждая из пяти столетий. Так, пять первых веков христианской эпохи можно охарактеризовать как **римский период**, вплоть до императора Юстиниана (Flavius Petrus Sabbatius Iustinianus, 483–565), последнего латиноязычного императора всей Римской империи, родившегося на территории бывшей Югославии, как и многие императоры, начиная с середины III века.

Затем следуют пять веков **греческого периода** формально Римской империи, с общим мировоззрением и в рамках общей церковной принадлежности, вплоть до отлучения германским кардиналом Гумбертом в 1054 году всей восточной части до этого общей Церкви, формально от имени папы Льва IX, в то время уже скончавшегося в норманнском плену. Причиной такого отсечения всего христианского Востока от Римской Церкви было указано неприятие Восточными Церквами формального самозванного включения папой Бенедиктом VIII в общий Символ Веры Римской Церковью слова «Филиокве» во время коронации в Риме германского императора в 1014 году.

Еще через пять веков, ровно 500 лет тому назад, эта бывшая латинская половина античной цивилизации в свою очередь раскололась на две части, после публикации немецким монахом Лютером в 1517 году своих 95-и тезисов против церковных порядков тогдашней Римской Церкви. Так возник современный Западный мир,

Кроме того, нельзя с места в карьер сбрасывать со счетов возможность употребления такой системы и как методологии для программирования на долгий срок. Но это уже является предметом другого исследования.

Библиография:

1. *Leo A. Nefiodow*. Der sechste Kondratieff. Bonn, 2001.
2. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991.
3. *Castex A.* La metafísica temporalista de Ilya Prigogine // Antartica. Siglo XXI. 1994. Buenos Aires.

в котором вскоре начались жестокие междоусобные войны при сохранении общей вражды по отношению к Восточному Православию.

Еще через пять веков, 6 августа 2000 года Католической церковью была опубликована декларация «*Dominus Iesus*», подготовленная немецким кардиналом Йозефом Ратцингером, на латинском языке, с полным текстом Символа Веры, в котором вставленное в 1014 году слово «Филиокве» отсутствует. Таким образом, будущий папа Бенедикт XVI теоретически тоже подпал под тысячелетнее прещение другого немецкого кардинала.

В заключение можно также отметить, что в 2017 году одно из государств восточноправославной половины (по Тойнби) общей все-Европейской цивилизации через тысячу лет снова вернулась на древнюю территорию Христианского Востока.

Чеслав КИРВЕЛЬ КОНЦЕПТ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: ОТ УТОПИИ К АНТИУТОПИИ

Чеслав Станиславович Кирвель — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Окончил философский факультет ЛГУ. Автор более 300 научных работ, в том числе нескольких монографий, учебников и учебных пособий. Лауреат премии журнала «Наш современник», III Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь». Президентом Республики Беларусь награжден медалью «Франциска Скорины». Заслуженный деятель науки Республики Беларусь. **Живет в Гродно, Беларусь.**

Сегодня мы являемся свидетелями радикальных сдвигов, меняющих все основания мироустройства, роль и место локальных цивилизаций и национального государства, семьи и брака, системы ценностей и нравственности. Причем все эти изменения получают такое интенсивное распространение в мире, что можно в полный голос говорить о набравшей силу тенденции, угрожающей самим основам человеческого существования, о «точке бифуркации» глобального характера.

Вся совокупность этих новых явлений прямо или косвенно связана с характером и направленностью протекания на нашей планете глобализационных процессов.

Известно, что на рубеже 1980–1990-х годов центральным событием планетарного масштаба стало крушение системного антикапитализма в виде советского социализма, развал СССР, исчезновение одного из двух центров силы, формирование бесполюсного мира. Остался на нашей планете один центр силы во главе с США, олицетворяющий собой интересы и устремления так называемого «золотого миллиарда». Именно это событие открыло «врата» глобализации, погрузило человечество в «кладезь бездны» глобализационных процессов. Глобализация, в том виде, как она развернулась в конце XX в., была бы в принципе невозможна без падения бывшей второй сверхдержавы — СССР, без разрушения биполярного мира.

«Мир по-американски»

Соединенные Штаты не преминули воспользоваться своим положением победителей в «холодной войне» и попытались оседлать глобализационные процессы исключительно в своих интересах, взять под свой

контроль наш мир, то есть устремились на создание однополярного мира, управляемого из одного центра. С этой целью ими был выдвинут глобализационный проект, предусматривающий формирование на нашем земном шаре «нового миропорядка», в котором хозяевами были бы они, США. Не удивительно поэтому, что именно после падения СССР, на редкость дружно и активно, заговорили о глобализации как главном тренде современного мира, хотя раньше слово «глобализация» употреблялось очень редко и лишь в узкоспециальных исследованиях.

И поначалу у США и их союзников дело действительно пошло весьма успешно. Стали возводиться новые конструкты — транснациональные структуры и институты, концентрирующие в своих руках колоссальные ресурсы, международные финансовые рынки и коммуникативные сети. В результате этого новоявленные глобалистские структуры получили возможность с очевидно растущей легкостью подчинять себе национальные правительства, которые в силу этого переставали, по сути дела, быть национальными.

И что интересно, глобализационный проект, выдвинутый США после развала СССР, многим представлялся вполне адекватным и приемлемым, открывающим новые возможности более углубленной интеграции мира, решение реально назревших проблем взаимосвязанности и взаимозависимости его частей. Казалось, что реализация данного проекта позволит объединить усилия всех стран во имя прогрессивного развития человечества, оптимизирует систему управления общепланетарными процессами, смягчит остроту экологических проблем и т. п. Иначе говоря, проект глобализации нес отнюдь не слабый ценностный заряд, энтузиазм и даже реформаторское рвение. В целом среди его приверженцев господствовали вполне позитивные оценки относительно разворачивающихся глобализационных процессов и, соответственно, оптимистическое мироощущение.

По мере того как влияние США на международные процессы росло и все в большей степени воспринималось наблюдателями как беспрецедентное, немало исследователей перестало сомневаться в утверждении на нашей планете «момента однополярности» и развертывании нового тренда в развитии человечества, обусловленного этой, на то время единственной гипердержавой. Здесь даже, как это не раз бывало в человеческой истории, не обошлось без существенных элементов утопического сознания. В оборот был запущен целый ряд идеологем и концептов о «мире по-американски», об эпохе «*RexAmericana*», о XXI в. как эре доминирования мировой державы, о «веке США», об их исключительности и мессианской роли в формировании и развитии нового мироустройства и нового миропорядка. К концу XX в. Запад праздновал свою безоговорочную победу и был уверен в своей исторической миссии в такой степени непоколебимости, что даже один из его идеологов, Ф. Фукияма, выдвинул концепцию о «конце истории», согласно которой западноевропейская буржуазно-либеральная модель развития обретет вскоре универсальный, всепланетарный характер, безжалостно уничтожая и пресекая все иные варианты социокультурного развития человечества.

Вскоре, однако, по мере воплощения глобализационного проекта в жизнь стало обнаруживаться некое не замечаемое ранее коварство мировой элиты, скрытые от поверхностного наблюдения установки и конечные

цели глобалистских структур, которые явно не соответствовали первоначальным ожиданиям и упованиям не только нейтрально настроенных в отношении глобализации исследователей и политиков, но и последовательных ее апологетов. Стало очевидным, что на роль неконтролируемого субъекта глобализации претендует единственная оставшаяся после падения Советского Союза сверхдержава — США, которая вовсе не стремилась осуществлять подлинную интеграцию и действительное объединение человечества, решать стоящие перед ним животрепещущие проблемы, действовать во имя достижения высших целей, но, напротив, поставила перед собой цель превращения всех стран и народов в объекты своего подчинения и управления.

На мировой арене стал раскручиваться маховик произвола и вседозволенности, сопряженных с навязыванием народам мира с их уникальными культурами и традициями единой стратегии развития, что со всей очевидностью противоречило не только идее становления какого-либо варианта полицентризма, но и потребности объединения ресурсных возможностей и научно-технических потенциалов всех стран мира для решения реально стоящих перед человечеством общепланетарных проблем, имеющих тенденцию к нарастанию и обострению. Глобализация стала действовать в направлении деконструкции суверенных национальных государств и национальных обществ, открыла возможности вывода элит из сферы их служения национальным интересам и системы национального контроля. Глобализацию инициировали, направляли и проводили в жизнь вполне определенные силы, а точнее сказать, транснациональные круги США, Западной Европы и Японии, реализующие в этом процессе свои экономические и геополитические интересы, не совпадающие с национальными интересами других народов и государств. Причем глобализация вводилась с помощью механизма политического давления, посредством прямых действий правительства или через деятельность Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка, Всемирной торговой организации (ВТО) и целого ряда теневых структур. И все это осуществлялось в целях унификации всех национальных экономик вокруг набора одинаковых правил игры, обеспечивающих выгодные условия для стран — лидеров глобализации. Если же на международной арене появлялись лидеры, проводящие независимую национальную политику и выражающие глубинные интересы своих народов, то на них сразу же открывалась «охота», начинало оказываться беспрецедентное давление, принимающее самые разнообразные формы, вплоть до физического устранения (С. Милошевич, Саддам Хусейн, М. Каддафи и др.). Иначе говоря, проект глобализации, воспринимавшийся многим в начале 90-х годов XX в. как идеализированный образ должного и желаемого, как своего рода идеал, несущий в себе немалый заряд утопического вдохновения, начал трансформироваться в нечто противоположное, неприемлемое и неожиданное, грозящее новыми рисками и катаклизмами. Столкнувшись с реальностью, американский глобализационный проект стал быстро обнаруживать явные черты антиутопии¹. Произошла весьма интересная метаморфоза — превращение позитивной утопии в негативную, в антиутопию.

¹ Самохвалова В. И. Реальность глобализирующегося мира и образ человека / Философские науки. 2017. № 4. С. 7.

Метаморфозы и парадоксы глобализации

Глобализация, как многомерное и сложное явление, сочетающее в себе единство стихийно-спонтанного и целевого (рукотворного) начал, объективного и субъективного факторов социальной эволюции, оказалась дамой весьма строптивой, не так уж легко управляемой, как этого хотелось глобалистским структурам. Она, в ходе своего разворачивания, выявила целый ряд трудноразрешимых противоречий и парадоксов фундаментального характера. Вот, например, некоторые из них.

С одной стороны, в современном мире вектор развития экономической, политической, да и в целом социокультурной жизни направлен в сторону создания «больших пространств», налицо тенденция нарастания взаимосвязанности и взаимозависимости национальных государств, движение по пути интернационализации и интеграции. С другой стороны, неустранимая потребность каждого народа в сохранении своей национальной и культурной идентичности. В результате противоречия между универсализмом и партикулизмом оказались непреодолимыми: вместо открытости друг другу отдельных государств и локальных цивилизаций — изоляционизм, вместо диалога, взаимопонимания и сотрудничества — столкновение цивилизаций, «взрыв этничности», «схватка разнонаправленных развитий». И пока не ясно, как совместить эти несовпадающие и даже взаимоисключающие векторы эволюции социума.

В принципе, за фантомом единого «мирового сообщества» скрывалось острое противоречие и парадокс современного мира: чем сильнее воздействие глобализации (финансовой, информационно-технологической, социокультурной), направленной на унификацию национальных различий, тем интенсивнее подъем этнического самосознания, тем ощутимее ностальгия по своему, конкретному, местному. Иначе говоря, глобализационные процессы по мере своего разворачивания стимулируют, дают новые импульсы к нарастающей дезинтеграции и локализации человечества. «Взрыв этничности» стал выражением скрытой, глубинной антиномичности глобализации как феномена современности.

Разнонаправленные тенденции — интернационализации и регионализации, глобализации и локализации — формируют облик социального мира. «Глобальным парадоксом» назвал это явление американский социолог Дж. Несбит.

Сущность «глобального парадокса» состоит в том, что наш мир, становясь в ходе и по мере возникновения новых информационных, технологических, финансовых возможностей все более компактным, доступным, поддающимся охвату, вместе с тем до сих пор остается разьединенным, разорванным.

Похоже, человечество будет еще долго, если не всегда, оставаться «многополярным», полицентрическим, ибо сама идея установления моноцентрического мира противоречит «логике социального», базирующегося, как и все в мире живого, на законе разнообразия. Ни глобальный характер современных информационных технологий, ни Интернет, ни скоростной транспорт не в состоянии сами по себе обеспечить единство мира, преодолеть его разорванность и противоречивость. В реальной жизни процесс становления новой геоструктуры мира, нового миропорядка, нового мироустройства име-

ет тенденцию не только к интеграции, но и к дезинтеграции, к формированию новых и весьма жестких разделительных линий. Мир, структурируясь иначе, по-прежнему остается трагически не единым.

Теперь следующий парадокс. Глобализация существенно расширила возможности экспансии Запада, открыла ему возможность запустить в действие «дьявольский насос» (выражение академика Н. Моисеева), позволяющий странам с производительностью труда выше среднемирового уровня выкачивать из стран с производительностью труда ниже среднемирового уровня всякого рода ресурсы, включая человеческие, интеллектуальные и даже красивых женщин, что на практике обернулось интенсивным возрастанием на нашей планете количества «конченных», «несостоявшихся» государств, вконец обнищавших народов, утративших всякую перспективу своего дальнейшего развития.

Сегодня в разрыве жизненного уровня между богатыми и бедными странами обнаружилось беспрецедентные масштабы. В мире за последние 15 лет доход на душу населения существенно понизился более чем в 100 странах. Сейчас около 1,5 млрд людей живет менее чем на 1 доллар в день, а 2,8 млрд — менее чем на 2 доллара¹. По данным ООН, разрыв в доходах 20 % населения планеты, проживающих в самых богатых странах, и 20 % населения, проживающих в самых бедных странах, составил 30:1 в 1960 г., 60:1 в 1990 г., 74:1 в 1995 г. В 2000 г. децильный коэффициент неравенства в распределении мирового дохода превысил 100:1². На начало XXI в. богатство трех человек превышало доход 48 наименее развитых стран с населением 600 миллионов жителей³. Если жители стран центра, которые составляют 20 % населения планеты, потребляют 86 % всех материальных благ, создаваемых в мире, то 20 % землян, проживающих в наименее развитых обществах, довольствуется 1,3 %. К концу XX столетия глобальное неравенство достигло невероятного для коэффициента Джинни уровня 0,67. «В математическом отношении это эквивалентно ситуации, когда две трети беднейшего населения мира не имеет ничего, а богатейшая треть — все»⁴. При этом, что интересно, диспропорции в уровне доходов стали нарастать и в самих экономически развитых странах. Современная статистика доходов красноречиво свидетельствует: на протяжении последних десятилетий реальная заработная плата рабочих низшей и средней квалификации устойчиво снижалась, тогда как доходы высококвалифицированных работников, индивидуально занятых программистов, дизайнеров, ученых, а особенно управляющих, менеджеров постоянно росли. Например, в США средний заработок промышленного рабочего примерно в 300 (!) раз ниже, чем доходы высших менеджеров крупнейших компаний. В 1980 г. этот разрыв был почти вдвое меньше⁵. Вообще,

¹ Готного А. В. Прогнозирование истории: теория и методология. М.: Владос, 2007. С. 46.

² Dikhanov J. Trends in Global Income Distribution, 1970–2000, and Scenarios for 2015 [Electronic resource] // Human Development Report Office. URL: http://siteresources.worldbank.org/ICPINT/Resources/hdR2005_Dikhanov_Yuri_8.pdf (date of access: 17.03.2017).

³ Готного А. В. Прогнозирование истории: теория и методология. М.: Владос, 2007. С. 47.

⁴ Девис М. Планета трущоб // Логос. 2008. № 3. С. 118.

⁵ Пржевальская О. Н. Противоречия глобализации и интересы России // Власть. 2003. № 3. С. 51.

по экспертным оценкам, «в большинстве развитых капиталистических стран уровень и качество жизни основных слоев населения за последние кризисные годы снизились почти вдвое»¹. Освободившись от глобального конкурента, каким являлся Советский Союз, капитал развернул наступление на рабочие и средние классы непосредственно в самом ядре капиталистической системы.

Сегодня один миллиард людей в мире голодает, восемь миллионов ежегодно умирают от голода и недоедания, 22 тысячи детей в возрасте до 5 лет ежедневно умирают из-за бедности². Согласно докладу ООН «Глобальные тенденции занятости в 2013 году» количество безработных во всем мире в 2012 г. выросло до 197 млн человек. Если это количество пересчитать, добавив к указанному числу маргинализированных рабочих неформального сектора, не имеющих постоянной работы, то количество безработных в мире ментально увеличится в пять раз³. Экономист Всемирного банка Бранко Миланович провел тщательные измерения неравномерности распределения доходов по всему миру за период с 1988 по 1993 годы. Используя огромное количество данных по экономике домохозяйств, охватывающих весь мир, он обнаружил, что 5 % самых богатых людей мира получили в 1993 г. средний доход в 114 раз больший, чем 5 % самых бедных, тогда как в 1988 г. эти показатели различались лишь в 78 раз (!). За столь короткий временной отрезок 5 % самых бедных жителей нашей планеты стали еще беднее, потеряв 25 % реального дохода⁴. Все большее количество людей в мире, переселяющихся из сельской местности в города, оказываются запертыми в кольце пригородных трущоб, где они вынуждены существовать в условиях жуткой антисанитарии, отсутствия водопровода, канализации и прочих элементов инфраструктуры любого нормального города. Численность обитателей этих гетто в мире неуклонно растет⁵. Российский исследователь А. И. Фурсов в этой связи пишет: «Уже сейчас около 1 млрд людей живут в трущобах. Глобальный Трущобогород, или даже Трущобия (Slumland), расширяется. Рано или поздно этот нарыв вскрыется, и начнется битва за хлеб, воду и жизненное пространство, которого тоже становится все меньше. При нынешней численности населения в мире на человека приходится 1,7 га земли, а использует он ее так, будто это 2,6 га, то есть проедается будущее. Как только будут исчерпаны ресурсы бедных и проблемных зон мира, проблемы начнутся у их более богатых и благополучных соседей. Трущобные люди бросаются туда, где есть еда, вода и минимум комфорта. Сначала будут сметены анклавы в самом бедном мире — например, эмираты Персидского залива или города Марокко, ну а затем настанет очередь Севера — За-

¹ Черковец О. Современный капитализм: не кризис модели, а банкротство системы [Электронный ресурс] // Общество и экономика. 2013. № 5. С. 106. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_19544964_83694589.pdf (дата доступа: 17.03.2017).

² Struhl K. J. The Moral Necessity of Socialism [Electronic resource] // Value and Values: Economics and Justice in An Age of Global Interdependence. University of Hawai'i Press, 2015. P. 379. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt13x1k8c> (date of access: 17.03.2017).

³ Готнгоа А. В. Прогнозирование истории: теория и методология. М.: Владос, 2007. С. 119–123.

⁴ Йейтс М. Бедность и неравенство в глобальной экономике // Left.ru, 2004. № 4. URL: <http://left.ru/2004/4/yates103.html>.

⁵ Готнгоа А. В. Прогнозирование истории: теория и методология. М.: Владос, 2007. С. 109.

падной Европы. Не позднее 2030—2050-х годов, а возможно и раньше, эта волна докатится до России. И нужно готовиться встретить ее, а потому уже сегодня думать о мире не только наших детей, но и внуков»¹.

Вот последние данные, которые были объявлены в СМИ перед заседанием Всемирного экономического форума, который прошел в январе 2018 г. в г. Давос. Согласно этим данным, если взять всю совокупную прибыль, которую человечество получило в 2017 г., то 82 ее процента достались самому богатому 1 проценту населения нашей планеты. Это обстоятельство, наряду с прочим, свидетельствует об абсолютном безумии и патологичности глобального капитализма, о полной невозможности нормального развития человечества в его рамках. Все это безумие возникло на Западе и навязывается им всему остальному миру.

Однако следует особо подчеркнуть, что глобализация во всех этих процессах обрела и другое измерение, другую ипостась. Благодаря совокупному действию средств коммуникации (телевидение, радио, реактивная авиация, Интернет, мобильный телефон и т.д.) глобализация постепенно создала, как это ни странно, условия для экономического и технологического прорыва и стремительного восхождения наиболее продвинутых развивающихся стран. К сегодняшнему дню выявился целый ряд крупных стран, которые, несмотря на свое прошлое и даже нынешнее отставание от стран первого мира — лидеров глобализации, — быстро создают предпосылки для перехода на более высокую ступень мировой иерархии и начинают активно воздействовать на процесс формирования нового миропорядка, новой геоструктуры мира. В специальной литературе эти государства сейчас принято называть восходящими странами-гигантами. В эту группу государств чаще всего включают Китай, Индию, Бразилию, Россию, ЮАР. Появилась даже особая аббревиатура, состоящая из начальных букв названий данных государств: БРИКС — Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР. С различной степенью определенности также говорят о втором эшелоне восходящих стран-гигантов, к которому относят Мексику, Пакистан, Индонезию и др. Здесь все дело заключается в том, что новые информационные технологии и новые средства передвижения, увеличивающие проницаемость национально-государственных границ, позволили данным странам воспользоваться технологическими достижениями Запада и его опытом модернизации. «Запад фактически потерял контроль над новейшими высокими технологиями, которые весьма успешно используются развивающимися странами в собственных интересах. Более того, технологии, созданные Западом, могут быть использованы против него»². Иначе говоря, глобализация стала тем трамплином, с помощью которого целый ряд не западных стран «смогли не просто бросить вызов развитому миру, но и претендовать на первые роли в мировой экономике и, соответственно, мировой политике»³.

Некоторые авторы пишут о том, что сегодня обозначились контуры «мира без Запада». Этот новый мир покоится, с их точки зрения, «на углубляющихся быстрыми темпами взаимосвязях между развивающимися стра-

¹ *Фурсов А. И.* Киндафрика // *Завтра*. 2017. Дек. № 51 (1255).

² *Гаджиев К. С.* Об инверсии факторов и функций глобализации // *Международная экономика и международные отношения*. 2015. № 7. С. 17.

³ Там же.

нами (через потоки товаров, денег, людей, идей), которые на удивление неподконтрольны Западу. В результате формируется новая, параллельная, международная система с собственными нормами, институтами и общепринятыми структурами власти... Восходящие державы начали выстраивать альтернативную архитектуру институтов и особые модели государственного управления, которые составляют каркас их собственного — и очень реального — устойчивого и легитимного (в глазах большей части остального мира) политико-экономического порядка»¹. А английский исследователь Н. Фергюсон, рассуждая на данную тему, подчеркивает: «Если события будут и далее развиваться так, как они развивались в последние несколько десятилетий, двухвековому доминированию Европы, а затем и ее гигантскому североамериканскому отпрыску, придет конец. Япония была лишь провозвестником азиатского будущего. Она оказалась слишком мала и слишком интравертна, чтобы изменить мир. Но те, кто идет вслед за ней — и, прежде всего, Китай, — свободны от этих недостатков... Европа была прошлым, США являются настоящим, а Азия, с доминирующим в ней Китаем, станет будущим мировой экономики»². Даже небезызвестный З. Бжезинский признает, что «500-летнее глобальное доминирование атлантических держав подходит к концу»³.

И действительно, сегодня, например, в Китае, Вьетнаме и некоторых других странах Юго-Восточной Азии складывается новый, более эффективный, по сравнению с американско-центрическим неолиберальным, тип хозяйства, который органически сочетает в себе план и рынок. Сочетание стратегического планирования, имманентно присущего социализму и рыночной самоорганизации, в этих странах обеспечивает куда более высокие темпы экономического роста, чем в модели «глобального рынка», ориентированного на максимизацию прибыли финансовой олигархии. Иначе говоря, модель, получившаяся посредством сочетания реформированной и «осовремененной», существовавшей ранее советской модели с традиционно восточными принципами общественного и государственного строительства, стала существенно отличаться от того пути развития, который Запад уже более двухсот лет навязывает всему человечеству. В результате странам Юго-Восточной Азии удалось успешно соединить нерастратенный потенциал традиционного общества и возможности общества индустриального и постиндустриального. Опыт социализма, советское мышление, советские социальные технологии являются здесь абсолютно востребованными и незаменимыми.

Оказалось, что сегодня, чтобы достичь успехов в глобальной конкуренции, необходимо помимо «невидимой руки» рынка использовать и «видимую руку» государственного управления, устанавливать разумные пропорции между рыночными и административными отношениями, достигать оптимального баланса между наиболее позитивными элементами, присущими капитализму и социализму. Такая модель развития на данном историческом этапе явно смягчает негативные издержки экономического фундаментализма, характерного для западно-центрического мира. «Восточная Азия уже

¹ Барма Н., Вебер С., Ратнер Э. Мир без Запада // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. С. 21.

² Фергюсон Н. Мир без гегемона // Свободная мысль. XXI. 2005. № 1. С. 17.

³ International Herald Tribune. 2008. Dec. 17.

стала или, во всяком случае, становится равновеликой Западу несущей конструкцией мирового сообщества, и эта ее роль в обозримой перспективе будет неуклонно возрастать. Причем на самом Востоке фактически вызревают несколько центров (Китай, Япония, Индия и численно возрастающая группа более мелких, но весьма динамичных новых индустриальных стран), способных соперничать как между собой, так и с западными странами, в том числе и с США»¹.

Обратим внимание на процесс чрезвычайно быстрого изменения ситуации в современном мире. Кто бы раньше мог подумать, что Запад прямо на глазах начнет терять статус образца развития для незападных народов и стран? Но это сегодня происходит.

Глобократии не удалось реализовать свой глобализационный проект. Развитие современного мира пошло иным путем, а глобализационный проект, ориентированный на однополярность мира, оказался очередной эпихальной иллюзией, фантомом.

Но самая глубинная амбивалентность феномена глобализации проявилась в следующем. Глобализация, хотя и в немалой степени, поспособствовала экономически развитым странам Запада решить трудные краткосрочные и среднесрочные проблемы, но притом, как это ни парадоксально, она породила неразрешимые долгосрочные проблемы, толкающие капитализм как социальный строй к краю пропасти. Все дело в том, что капитализм, который ранее носил относительно локальный характер, теперь охватил всю планету, стал глобальным. И это сыграло с ним злую шутку. Пока капитализм носил относительно локальный характер, существовал наряду с огромной периферией и полупериферией, он мог быть успешным и восприниматься всей остальной частью человечества как воплощение прогресса и процветания. Но когда капитализм превратился в глобальный, он столкнулся с неразрешимыми противоречиями и трудностями. Вопрос здесь заключается в том, что капитализм не может обеспечивать свои долгосрочные интересы без экспансии капитала в пространстве. Став глобальным, он резко сузил возможности решать свои проблемы, вынося их вовне. И, тем самым, достиг предела своего развития по объективным, естественным и непреодолимым причинам. В ситуации невозможности роста и расширения ссудного процента капитализм лишается всякой исторической перспективы, превращается в тупиковую ветвь социальной эволюции. Развал Советского Союза и крах систем мирового социализма, позволившие открыть рынки с многочисленным населением, явились последней крупной подпиткой и факторами снижения трудностей и остроты противоречий глобального капитализма, отсрочив на некоторое время его неизбежное разложение.

Глобализация, обусловившая почти повсеместное распространение капиталистических практик и норм, обернулась стремительным сужением приемлемого пространства для эксплуатации и получения быстрой прибыли. Теперь, оказалось, грабить особо некого. Пределы достигнуты, почти все некапиталистические системы устранены. Соответственно, заканчиваются и характерные для капиталистической модели ресурсы ее функционирования и развития. При сокращении и, тем более, при остановке внешней

¹ Гаджиев К. С. Вестернизация или особый путь модернизации // Политические исследования. 2008. № 4. С. 135.

экспансии капитализм становится не эффективным. А это означает, что его кризис носит сегодня фундаментальный, необратимый характер. Отсюда, кстати сказать, масштабное наступление не только на рабочий класс и вообще работников массовых профессий, но и на средний класс, большая часть которого стала ныне превращаться в типичный пролетариат уже в самом ядре капиталистической системы.

Вообще, глобализация в том виде, как она реализовывалась до сих пор, выявила целый ряд неразрешимых противоречий и парадоксов принципиального характера. Можно даже говорить о том, что глобализация — это какой-то «ускользающий» феномен, не позволяющий исследователям дать ему строго определенную и однозначную характеристику. С какой стороны ни подойти к этому феномену, везде выпирают углы противоречий и нестыковок. Так, практически неразрешимые противоречия мы находим между интересами глобальных корпораций, глобальных монополий и глубинными интересами всего человечества в целом, всей нашей мировой цивилизации; между насаждаемым глобалистскими структурами принципа универсализма, базирующегося, в основном, на модели англо-саксонского капитализма и принципами национального суверенитета, т. е. между глобализацией и «вестфальской системой»; между двумя основными моделями, ориентированными на глобальную власть (мировая финансовая олигархия, мировые глобалистские структуры, глобальные экономические организации, стремящиеся выступать в роли субъекта мирового правления и США, претендующие на свое единоличное мировое господство); между целевыми установками финансового и реального секторов мировой экономики, а также, в целом (об этом уже шла речь): между глобализацией и регионализацией.

Так ведь все это — гремучая смесь, которая лихорадит и дестабилизирует наш мир. Интенсификация трансформационных процессов в капиталистической миросистеме привела, как никогда ранее, к гипертрофированной форме несправедливости в распределении средств существования и возможностей, предоставляемых людям современностью. Причем несправедливость эта вышла за рамки отдельных городов, государств, регионов и распространилась на все человечество в целом.

Оказалось, что та экономоцентрическая модель развития общества, которая утвердилась в Западной Европе в эпоху Нового времени, стала к сегодняшнему дню нежизнеспособной ни социально, ни экологически. Ядро этой парадигмы, ее главная пружина — предпринимательская экономика, основанная на принципе получения максимальной прибыли, закон самовозрастания капитала, который ни перед чем не останавливается, ни на что не реагирует, подминая под себя в своем движении народы, государства, континенты и даже тех субъектов, в личности которых он персонифицируется. Именно эта сила с нарастающей скоростью погружает наш мир в ситуацию глобальной нестабильности, грозящей трансформироваться в катастрофу вселенского масштаба.

Запад навязал человечеству ложный путь развития, вся ложность этого пути заключается в навязывании Британией и мировым ростовничеством монетаристской системы, ставшей безысходной драмой и чумой человечества. Российский исследователь Л. Г. Ивашов пишет: «Заглядывая в историю Западной цивилизации, трудно обнаружить в ней мессианские начала, бескорыстное служение прогрессу, всеобщему развитию. Интриги,

заговоры, инквизиция, беспредельная жестокость, тайные общества, войны, сплошная ложь и вселенская несправедливость. И все ради обогащения и власти. Бог и совесть, присущие в той или иной мере другим народам мира, западному обществу чужды. Само понятие Бог западное сообщество приспособило опять же для целей обогащения и власти»¹. А вот как характеризует отношения Запада с Востоком выдающийся английский историк А. Тойнби: «Агрессия является единственной формой общения Запада с внешним миром...». И это, к сожалению, продолжается по сей день. Интересно, кто-нибудь может сегодня, не погрешив против истины, высказать ту мысль о западном человеке, которую в свое время высказал о русском человеке выдающийся французский политик Шарль де Голль: «Русский человек не может быть счастливым, если где-то творится несправедливость».

«Смена веков»: от глобализации к деглобализации

Сегодня происходит «перезагрузка» глобализационных процессов со всеми вытекающими отсюда последствиями. То, что наблюдается в мире, ныне весьма далеко отстоит от того содержания, которое вкладывалось в понятие «глобализация» на рубеже 80–90-х гг. Сам факт, что сегодня геополитическая структура мира складывается в известной мере из автономных центров развития и силы, между которыми возникают разделительные линии, что человечество и сегодня остается разьединенным позволяет достаточно говорить о разворачивающемся на нашей планете «процессе совсем иной глобализации или даже деглобализации»². Понятие глобализации «как бы камуфлирует то важное обстоятельство, что процессы объединения, на которые обычно ссылаются ее идеологи и сторонники, пока охватывают не более 30 % стран мира, а значит, не являются истинно “глобальными”. Некоторые авторы, противники глобализации, на этом основании утверждают: хваленая глобализация лишь на одну треть реальна, а на две трети есть виртуальное изобретение ее адептов и идеологов»³. И действительно, несмотря на планетарное взаимодействие некоторых сфер жизни общества, в целом глобализация вовсе не глобальна, она лишена вселенского охвата.

В принципе, глобализация таит в себе много возможных линий своего движения, непредсказуемых поворотов и неожиданностей. Есть все основания предполагать, что уже в недалеком будущем, в силу действия все более явно обнаруживающих себя причин и факторов, может наступить слом утвердившихся ныне закономерностей интернационализации экономической жизни и характера международных отношений. Тщательный подход к исследуемой проблеме приводит к мысли о том, что зримо проявившим себя тенденциям глобализации противостоят мощные контртенденции, способные при определенных условиях остановить и даже повернуть вспять те процессы, которые обычно ассоциируются с глобализацией.

¹ *Ивашов Л. Г.* Опрокинутый мир. Тайны прошлого и загадки грядущего. М., 2017. С. 17.

² *Караганов С. А.* Евразийский выход из европейского кризиса // Россия в глобальной политике. 2015. № 4. С. 92.

³ *Степанянц М. Т.* Политкультурность: глобальный и российский аспекты // Диалог культур в глобальном мире: мировоззренческие аспекты. М. 2010. С. 243.

И в самом деле, сейчас по сравнению с 90-ми годами прошлого века в характере и направленности глобализационных процессов наблюдаются существенные изменения и подвижки, позволяющие немалому числу авторов весьма радикально пересматривать прежние точки зрения, вплоть до утверждений о «сумерках», «конце» и «смерти» глобализации, о формировании новых, трудно преодолимых разделительных линий и набирающей темпы регионализации мира.

Неудивительно, что сегодня такие выражения, как «Глобальный мир в тупике», «Кризис современной модели глобализации», «Инверсия глобализации», «Другая глобализация», «Откат глобализации», «Эрозия глобализации», «Глобализация замедляет свой ход», «Глобализация “сходит с рельс”», «Завершение глобализации», «Размытый концепт глобализации», «Постглобальный мир» и т. п., стали все чаще и чаще мелькать в оглавлениях специальной литературы, посвященной анализу современных трансформационных процессов.

Глобализация, которая началась как западный проект, постепенно изменяет свой вектор, предназначение, первоначальные цели и установки. Представляется, что история ставит точку как в вопросе о конце периода господства западно-центрической модели развития социума, так и глобализации по-американски, символом которой явился «Вашингтонский консенсус». Можно утверждать, что капитализм, пройдя ряд фаз своей эволюции, исчерпал все свои внутренние резервы и достиг своего предела, когда сама его природа, алгоритм и парадигма оказались на пороге глубинной трансформации.

Однополярный мир не состоялся. Не получилось и, похоже, уже не получится западно-центрического мироустройства. Западные стандарты жизни, его ценности, его установки на тотальное господство над природой и другими народами, его однополюй фашизм вызывают у человечества все большее отторжение. Происходит постепенно смена фаз доминирования в развитии человечества, вступление в свои права нового исторического мегацикла: Восток—Запад. Восток снова выходит на историческую арену в качестве мирового лидера, и это обнадеживает. Не будем забывать, что Восток — это колыбель человечества, что именно первичные восточные цивилизации заложили духовные основы развития человеческого рода, что Восток — это кладезь древних знаний. Запад же в силу ряда причин (в том числе и по причине комфортной укорененности в настоящем) истощил свои энергетические импульсы, утерял «пассионарность», столкнулся с небывалой порчей человека. Дефицит энергии — главная характеристика этого типа. Верно сказано, что народы выдерживают испытание бедностью, но ни одному народу не дано выдержать испытание богатством и роскошью. Или можно сказать иначе: «Цивилизация рождается стойком, а умирает эпикурейцем» (Уйм Дюрант).

Сегодня Запад, правивший миром в течение более трех столетий, стал быстро выказывать черты слабости. Народы мира пока еще завидуют материальному богатству Запада, но уже перестали его бояться. Если раньше Запад только наступал, то в нынешних условиях он уже вынужден занимать оборонительные позиции. Сегодня стало очевидным, что однополярный мир и глобализация по-американски уходят в прошлое, что инициаторы процессов глобализации уже не единственные вершители судеб современного мира.

Глобализация как форма подлинной интеграции и действительного объединения человечества может только в том случае стать возможностью и необходимостью, если она вместо унификации и нивелировки будет сориентирована на сохранение человеческого разнообразия, на реализацию принципа справедливого равенства между странами, народами, если в ее основу будет положен принцип полицентричной организации экономической, политической и культурной жизни людей. Глобализация как таковая вовсе не противопоказана человечеству, но возможна лишь в том случае, если она реализуется ради решения общих проблем для осуществления подлинного развития, если она происходит естественно, а не производится насильственно, с жестким формированием ее процессов посредством политического и экономического давления. В этом контексте можно было бы вести речь о качественно ином типе глобализации — «неоглобализации». Последнее, однако, возможно, на наш взгляд, только в результате изменений информационного характера, то есть перехода человечества к той или иной форме посткапитализма.

Представляется, что инициаторами нового цивилизационного поворота могут стать только те народы, которые еще не до конца развращены инструментально-потребительской, искусственно-технической цивилизацией, сохранившие элементы органической жизни, обладающие мощным ценностно-духовным потенциалом, устойчивыми и достаточно развитыми культурами. Именно эти народы могут оказаться способными на нынешней развилке исторических путей противостоять вирусу потребительства, ориентациям на изнеженно-комфортный, иждивенчески паразитарный образ жизни и мобилизоваться для творческой альтернативы негативным реальностям современной евроатлантической цивилизации. Этим народам есть что сказать миру, испытывающему настоятельную потребность в новом сознании и новых формах социального бытия. Их задача — отказаться от имитационного пути исторического движения, концепции «догоняющего» развития и предложить принципиально новую модель социокультурного развития.

Однако вся проблема в том, что коллективный Запад, который господствовал над миром в течение, по меньшей мере, трех столетий, столкнувшись с новыми реалиями, массой трудноразрешимых, а возможно, и вообще не разрешаемых проблем, не готов с этим согласиться и принять это. Напротив, современная глобократия, рожденная Западом, с завидной энергией устремилась повернуть обнаружившие себя объективные тенденции и реальное положение в современном мире в свою пользу, то есть взять реванш.

Устремление и интенция нынешнего олигархического интернационала, действующего под прикрытием штатовской государственности, его цель — обладание всей полнотой власти над человечеством, но никак не решение важных и неотложных проблем, стоящих перед мировым сообществом. Стремления к мировому господству столь глубоко укоренены в сознании транснациональных элит, что их вполне можно квалифицировать как своего рода эрзацрелигиозную идею. Как ни странным это может показаться, но для тех людей, которые стремятся управлять глобальными процессами, контролировать мировую политику и мировую экономику, сама глобализация, вся система глобального управления выступает как нечто сакральное, как своего рода священнодействие. Эти люди представляют собой определенную касту, рожденную в недрах западной цивилизации. Первоначально географическим

центром сосредоточия этой касты выступала Венеция, затем Амстердам, Лондон, а ныне она по преимуществу сконцентрирована в Северной Америке. Применительно к современности данная каста зачастую характеризуется как «глобократия» или «управляющий глобальный класс», «хозяева мировой игры», «хозяева истории» и т. д. Ее представители как бы находятся «над всем миром», они не привязаны к какой-либо отдельной стране, у них нет внешних обязательств, их никто не избирал, они формально никому не подчиняются. А вот желание доминировать во чтобы то ни стало и выкачивать всевозможного рода ресурсы из стран периферии и полупериферии для этого интернационального сообщества — навязчивая идея.

Сегодня, когда глобальный капитализм накопил огромный потенциал саморазрушения и внутренней нестабильности, когда мир стал полицентрическим, когда не получается объяснить в традиционных понятиях и категориях сложившееся положение, казалось бы, должны быть кардинально пересмотрены господствующие ныне установки, ориентиры и цели относительно будущего развития человечества. Но ничего подобного не происходит. Запад, одержимый убеждением в превосходстве своих ценностей, обнаруживает полную несостоятельность осознать должным образом эти новые реальности и осуществить необходимую переоценку ценностей, отказаться от идей и взглядов, уже не соответствующих окружающей действительности.

«На весах истории»

Ситуация глобального кризиса, с которым столкнулось современное общество, не может не открывать дорогу разного рода альтернативным и качественным сдвигам в развитии социума и, вместе с тем, ставит человечество перед необходимостью нового цивилизационного выбора.

Размышляя обо всех этих проблемах, мы вольно или невольно сталкиваемся с интересным и весьма своеобразным парадоксом нашего времени. Воистину, время кризисов — время парадоксов.

Природа парадоксов нашего времени в значительной степени обусловлена быстро изменяющейся диалектикой соотношения объективного и субъективного в развитии общества. Усложнившийся мир социума уже невозможно описать, исходя из детерминистской парадигмы, господствующей ранее в нашем общественном сознании. Социальная эволюция сегодня все в меньшей степени становится зависимой от объективных детерминант и все в большей мере демонстрирует способность к самоопределению и самопреобразованию на основе устремлений и деятельности тех или иных социальных субъектов. Мы уже не можем отрицать факт рельефно проявляющей себя тенденции возрастания роли субъективного фактора истории. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что удельный вес субъективно-волевого и целерационального факторов в комплексе очевидных причин и зависимостей исторически неуклонно возрастает. Важнейшей детерминантой в жизнеустройстве общества все в большей мере становятся процессы в сфере субъективной реальности.

Глобализационные процессы протекают не в мире мертвых тел, где действует механическая зависимость, а в человеческой истории, которая не запрограммирована, открыта для творчества. Вообще в истории наибольшая степень неопределенности связана именно с ролью субъективного факто-

ра, — человека, поступки которого в любых сферах социального бытия отнюдь не всегда могут быть осмыслены и поняты в категориях логики. Очень часто в жизнедеятельности людей необычные идеи и иллюзорные ожидания, или, просто, массовый психоз, могут кардинальным образом изменять всю систему целеполагания, повернуть вектор истории в какое-то другое, возможно, в совершенно неожиданное направление. Стало быть, говоря об основных тенденциях и перспективах современного мирового развития, не следует забывать о человеческой субъективности, о ее кардинально возросшей в наше время роли в движении социума. Механическая экстраполяция сегодняшних тенденций развития на завтрашний день, каким, казалось бы, высоким статусом объективности они ни обладали, не может выступать надежным основанием предвидения будущего. Поэтому, говоря о становлении нового мирового порядка, новой геоструктуры мира, нового мироустройства, нельзя ограничиваться лишь исследованием принципов и механизмов их стихийного формирования. Похоже, ныне мы также вправе ставить вопрос не просто о смене, но и о *замене* одного мирового порядка другим, то есть о процессе, осуществляемом определенными политическими силами и структурами в соответствии с заранее сформулированными целями, проектом, планом.

В результате всех этих тенденций и процессов вырисовывается парадоксального рода картина. С одной стороны, агония капитализма как общественного строя имеет под собой объективное начало. Его кризис носит фундаментальный и, в конечном счете, необратимый характер. Но, с другой стороны, современные глобалистские структуры и институты обладают не только отточенными инструментами и способами провоцирования и развязывания горячих локальных войн, но и новым информационно-смысловым оружием, позволяющим повсеместно вести успешные холодные войны. Поэтому борьба за утверждение новой модели развития социума будет продолжительной и тяжелой, не исключено, что она будет сопровождаться войнами и конфликтами межкультурного характера.

Наш мир сегодня настолько запутался в различного рода острых противоречиях, что весьма трудно предвидеть, каков будет характер их разрешения. Можно лишь предположить следующее: или глобократии удастся установить контроль над всей планетой, достигнуть абсолютной власти, создав глобальный электронный концлагерь, или же она будет сокрушена, и человечеству удастся осуществить слом господствующей ныне парадигмы развития общества, несмотря на все препятствия, сложности и трудности, освоить новую модель и форму своего бытия. Таким образом, будущее человечества находится пока на «весах истории».

Единственное, что можно сегодня определенно сказать, так это то, что мы вступаем в эпоху «смены вех», глубинного экзистенциального сдвига, равновеликого по своим последствиям, — переходу от средневековья к капиталистической цивилизации евроатлантического мира.

В случае успехов американизированных глобалистских структур, направляемых мировой финансовой олигархией, и их политики, ориентированной на безальтернативное управление миром, торжество планетарного тоталитаризма может оказаться в ближайшем, а тем более в отдаленном будущем, мрачной реальностью, то есть реализованной в чистом виде глобальной антиутопией оруэлловского типа, обществом, разделенным на расу господ

и расу рабов, обществом, в котором подавляющее большинство населения будет погружаться в «скотскую апатию смирения и безнадежности», как это показано в «Железной пяте» Дж. Лондона и многих других антиутопиях, с их ужасающими картинами грядущего общества, управляемого с помощью искусственных мер, генно-инженерных экспериментов и т. п.

Если данным тенденциям в развитии социума не будет активного противодействия, то все это, особенно если учесть манипулятивные возможности современных информационных технологий, может стать воплощенной действительностью. Отсюда задача грандиозной важности — направить трансформационные процессы в такое русло, в рамках которого откроются возможности для решения, а не умножения фундаментальных глобальных проблем, стоящих перед человечеством. А это в свою очередь означает, что перед человечеством остро стоит задача творческого поиска и утверждения новой модели развития общества.

Как представляется, будущее явится, прежде всего, результатом синергетического эффекта множества социальных выборов, столкновения проектов и моделей, проб и ошибок конкурирующих между собой решений и различного рода установок субъектов социального действия. Но какой, в конечном счете, вариант выбора будущего победит, станет реальностью — это зависит от самих людей. Можно утверждать, что противоречивость нынешней ситуации, ее неустойчивость, а также растерянность общества могут быть преодолены посредством той или иной формы подвижничества и интеллектуальной мобилизации. Будущее в значительной степени станет таким, каким мы его увидим сегодня, как мы поймем свою ситуацию, на что будем ориентироваться и за что будем бороться. В силу действия механизма «самоорганизующихся» и «самоосуществляющихся» пророчеств оно в значительной степени будет соответствовать тому, на достижение каких идеалов и целей мы будем устремлены.

Нам, восточным славянам, необходимо очень хорошо разобраться в том, что представляет собой современный мир, в каком направлении и как движется современная цивилизация. Это нам необходимо для того, чтобы в очередной раз не свершить тупиковый выбор, не попасть в историческую западню, чтобы верно определить надежную перспективу для своего дальнейшего развития.

Точка ЗРЕНИЯ

Леонид ИВАШОВ

КАКИМ БУДЕТ МИРОПОРЯДОК В XXI ВЕКЕ

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 г. в Киргизии. В 1964 г. окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником Министра обороны СССР. В первой половине 1990-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Генерал-полковник, Президент Клуба Министров обороны СНГ. **Живет в Москве.**

Коллективный Запад и коллективный Восток провели, можно сказать, смотр сил в начале июня 2018 года. Одновременно прошли саммиты «Большой семерки» и Шанхайской организации сотрудничества. В рамках этих мероприятий состоялся и ряд знаковых двусторонних встреч — например, встреча Президента России и Председателя КНР.

Но наиболее знаковым стало неожиданное заявление — информационная бомбочка — Дональда Трампа о том, что Россия могла бы возобновить свое участие во встречах «Большой семерки». Цитата Трампа: «Почему у нас встреча без России? Я бы рекомендовал вернуть Россию за стол переговоров». Понять это как-то неопределенно или двузачно невозможно. Что это было? Некое барское похлопывание по плечу в поощрение за шаги России в интересах Запада — или за те шаги России, которые могли быть восприняты Западом как предпринятые в его интересах? Например, формирование гиперлиберального правительства, ряд всяких бюджетно-налоговых маневров и правил, которые многими воспринимаются как усиление потока дани на Запад? Или Трамп всерьез поворачивается к нам лицом, или Запад в его лице послал сигнал о борьбе за Россию как союзника (вассала) с Востоком (Китаем), или это эпизод битвы кланов финансистов и производителей?

Сразу же подчеркну, что эти два глобальных саммита, по сути дела, обсуждают одну и ту же повестку дня — по крайней мере, один главный вопрос: каким будет в XXI веке миропорядок, какова будет структура этого миропорядка, и какие главные силы будут определять будущее

развитие человечества? И рядом стоит вопрос: какова будет модель мировой финансово-экономической системы? Эти вопросы являются общими и для одного, и для другого саммита.

О том, что происходит в G7. Там сегодня идет борьба в двух направлениях. Прежде всего со стороны Европы и со стороны Японии за то, чтобы ограничить влияние совокупной Америки и получить какую-то самостоятельность. Самостоятельность и во внешней политике, и в экономических процессах, самостоятельность в сфере безопасности и т. д. Итак, один процесс — попытка потеснить Америку с Олимпа.

Второй момент — борьба за доминирование в самой Америке, то есть во всей мировой финансовой системе (по крайней мере, в западной ее части). Кто будет рулить? Или это будет финансовая монополия, финансовая олигархия, которая сегодня работает только на производство виртуальных денег и через деньги осуществляет власть, вершит политику и т. д. Или же победит та программа, что задал Трамп в своей предвыборной кампании и в попытках действий уже на президентском уровне: заставить работать промышленность, запустить процесс производства на новом технологическом уровне и обнулить огромные американские многотриллионные долги. И эти процессы сегодня главные в G7.

Почему Трамп пригласил Россию «за стол»? Россия сегодня из-за своей слабости в экономике (особенно в новых технологиях) выступает как инструмент, который можно подтянуть к себе и использовать в своих интересах — прежде всего против Европы, против Японии, против Китая. И у Трампа появились шансы. Весь наш крупный чиновничий бомонд, имеющий миллиарды за рубежом, и наш олигархат сегодня находятся под контролем американской администрации. Американцы накрыли их счета, их активы, включая недвижимость. Условие Вашингтона, видимо, было таким: «Или вы сдаетесь, назначаете правительство Медведева и будете внедрять цифровую экономику вместо развития — и мы вас, возможно, пощадим. Или же мы вас прихлопнем». И то, что сегодня происходит в РФ, показывает, что Президент и его команда пребывают в надежде, что им что-то простят. Поэтому Трамп сегодня не всю Россию зовет «за стол», не народ российский зовет в «восьмерку», а российский олигархат и чиновничество, для того чтобы иметь их как ручной инструмент для давления на Европу, на другие страны. То есть пытается перетащить себе в подручные.

При этом внутри самого западного сообщества наблюдается довольно четкое расслоение, потому что Меркель выразила солидарное мнение остальных шести членов G7 о том, что пока Россия не уйдет во всех смыслах из Украины, ни о каком возвращении России в G7 и речи идти не может. Меркель не выражает даже общеевропейскую позицию — даже не общегерманскую, я бы сказал. На Меркель тоже есть серьезный компромат, и мы помним, что она совсем ручная была перед Обамой. Она выражает позицию, скорее всего, клана Ротшильдов, работает на то, чтобы не усиливать Трампа в его борьбе против Федеральной резервной системы, против мирового финансового олигархата. Она выражает влияние именно этих финансовых групп и финансового капитала в целом. А то, что за свои интересы и за прибыли сражаются сегодня и европейский бизнес, и американский — это естественный процесс, просто сейчас он несколько обострился. Особенно обострился из-за поставок газа. Какой газ пойдет в Европу: или

будет продолжать нарастать объем российского газа, или же американцы продадут туда свой сланцевый газ. Идет обычная конкурентная борьба.

Но Европа в целом начинает разворачиваться в сторону некоего нейтралитета. Не против России, но и не с Россией. Не против Америки в целом, но и не в подчинении американской администрации. Европа сейчас маневрирует. Мы видим, что и китайское присутствие в Европе мощно усиливается, ищут западноевропейцы партнеров и в лице Индии. Кстати, Германия очень сильно сотрудничает с Индией, пытается найти свои интересы и видит их на большом Ближнем Востоке, почему позиция в отношении Ирана у Европы несколько иная, чем у того же Трампа. Так что это внутризакладные игры.

Ну, а Россия нужна европейцам как поставщик дешевого сырья, не более того. Наше сырье более дешевое, чем американское углеводородное сырье. Плюс российский рынок можно насыщать сколько угодно. Я по Москве хожу, и кроме «Газелей» ничего отечественного не вижу. А это говорит о возможностях насыщать наш рынок всяким барахлом. Идет жесткая конкурентная борьба за прибыли и за какой-то элемент политической самостоятельности.

Еще про «Большую семерку». Уже 9 июня стал известен документ, который называется «Совместный план действий». В нем, несмотря на такое «ободряющее» заявление Трампа, звучит четкая антироссийская риторика: «Страны G7 согласились делиться информацией и работать с провайдерами и компаниями в соцсетях для того, чтобы предотвратить вмешательство других стран в выборы. Другие страны стремятся подорвать демократические общества и институты, наши электоральные процессы, нашу независимость и безопасность».

Приглашение Трампа России участвовать в качестве члена «семерки»-«восьмерки» — это пряник. Но, с другой стороны, процитированный документ — это рычаг давления, который те же американцы-англичане продавили. Понятно, что «другие страны» — это Россия: «Если, ребята, вы не пойдете в наше подчинение и не будете играть по американским правилам, то над вами будет продолжать висеть дамоклов меч, ваши счета, ваша недвижимость будут арестованы». Тут и пряник, тут же и кнут. Это такой метод давления Европы и США на Россию, чтобы Россия была сговорчивее.

Давайте обратимся на Восток. Что такое Шанхайская организация сотрудничества? Нужно иметь в виду, что она объединяет представителей огромного Евразийского континента, где две мощнейшие державы, более миллиарда населения в каждой из стран — Китай и Индия, — и две чрезвычайно мощные экономики, китайская и индийская. Это во-первых.

Во-вторых, ШОС имеет и стратегически-геополитический полюс. Это мы, военные, первыми задавали этот полюс, Евгений Максимович Примаков нас поддержал. Я вел с китайским военным руководством переговоры, и мы негласно, между строк, но четко обозначили некие две цели. Первая: мир должен быть биполярным, равновесным, чтобы не было диктатуры одного полюса. И вторая: нужно с Евразийского континента потеснить Соединенные Штаты и Запад в целом. Мы помним, что Бжезинский обозначил: «Евразия — это приз победителю в холодной войне». После 1991 года американцы сразу полезли со своими НАТОвскими союзниками сюда, обозначили Евразию как зону жизненно важных интересов, назначили здесь центральное военное командование ответственным за продвижение и защи-

ту американских интересов. Поэтому второй задачей было выдавить западное влияние именно с нашего континента.

По сути дела, эти две задачи решаются более-менее успешно. И обозначается некий полюс со своей особой экономической зоной и моделью экономики, со своей системой коллективной защиты, которая пока проявляется в виде борьбы с терроризмом. Но когда проводятся учения ШОС, в замысле, в легенде этих учений заложено, что некие террористы захватили одну из столиц государств ШОС (Пекин или Москву), и тогда начинаются совместные действия по освобождению городов. Есть общее заявление министров обороны стран ШОС по неодобрению американской противоракетной системы. То есть этот орган коллективной безопасности — модель будущей международной системы безопасности.

Но здесь опять же идет вопрос о лидерстве — и не просто в Шанхайской организации сотрудничества, а о будущем лидере мира. И здесь понятно, что Китай претендует на эти роли. Китайская мечта овладения миром без выстрелов реализуется, в том числе, и через ШОС.

И здесь опять встает вопрос о России. В экономическом плане, и я бы сказал даже, в морально-политическом плане, Россия сегодня не является привлекательной ни для Казахстана, ни для Узбекистана, ни даже для Кыргызстана. С этим составом правительства, с отсутствием какой-то стратегии собственного развития (и даже взгляда в будущее, какой будет наша страна через 10–20 лет) мы непривлекательны. Да, у Казахстана есть опасение, что его может поглотить Китай прежде всего через свои глобальные и региональные экономические и транспортные проекты. Такие же опасения есть и у Кыргызстана, и Таджикистана, и в меньшей степени у Узбекистана. И поэтому, с одной стороны, они хотели бы строить Евразийский союз во главе с Россией — но не с такой Россией, какой она является сегодня. Потому что Россия может являть сегодня в основном пример системной коррупции и огромного социального разрыва в обществе. И здесь Россия тоже находится в уязвимом положении. То, что у Путина хорошие встречи с Си Цзиньпином, то, что они обнимаются, катаются на скоростных поездах — это всего лишь говорит о том, что сегодня Россия поддерживает китайские устремления и является одновременно геополитическим, геостратегическим резервом Китайской Народной Республики в противостоянии с американцами. Много делается полезного в рамках Шанхайской организации в формате двустороннего сотрудничества, но мы всего лишь для Китая младший брат, которого сегодня по головке гладят, но завтра могут и взять за горлышко. Потому что экономика в России носит очаговый характер, а Китай развивается мощно, динамично, системно. На фоне этой динамики мы отстаем от Китая с каждым днем.

Плюс есть теневая сторона российско-китайских отношений — это освоение Китаем наших богатств Сибири и Дальнего Востока. Миллионы гектаров отдаем сегодня на 49 лет, и этот процесс расширяется. Китайцы не берут пустыри — они берут тайгу и плодородные земли. Свою технику запустили, леса вырубают, вывозят, непрерывным потоком идут эшелоны в Китай. Они и почву вывозят, но главное — они переселяют туда своих граждан, свои фирмы, компании, которые осваивают эту территорию. Мы же не можем их выдавить, потому что Китай своей мощью задавит или вообще откажется возвращать нам земли. А что будет через 49 лет — сказать сложно.

Резюмируя. С одной стороны, мы видим, что какие-то пряники нам пытаются сейчас протянуть Трамп. С другой стороны, мы являемся младшими партнерами уже Китая на другом направлении. Такая политика называется многовекторной. Пример многовекторной политики в новейшей истории нам хорошо известен — это Украина. К чему это привело — мы тоже знаем. Может быть, действительно мудрая политика сейчас — как раз такого рода балансирование, акробатика? Или следует забыть о роли «младших партнеров» либо на Востоке, либо на Западе — и включить внутренние резервы нашего народа, наших ресурсов, нашей политической воли, нашего народного, в конце концов, гнева по поводу того униженного положения, в котором последние 30 лет пребывает наша Родина?

Я хотел бы подчеркнуть, что собственного геополитического проекта мы не имеем. Мы мечемся. То Горбачев-Ельцин поперли на Запад, потащили нас, «встраивая в западное цивилизованное сообщество», как Ельцин по пьянке говорил. Потом развернулись, побежали на Восток. Но ни там, ни там у нас четкого места не будет, пока мы сами не начнем реализовывать собственный проект. Сейчас вроде великая дружба у нас с Китайской Народной Республикой. Но ведь Китай несет по всему миру не только экономику, и последний октябрьский съезд Компартии Китая подтвердил — Китай несет свой социализм. И капиталистический мир для него, по крайней мере, является соперником. А у нас идеологии нет, мы вообще где-то в идеологических потемках бредем. Капиталистической стране, тем более с таким диким капитализмом, против которого борется китайское руководство, не стоит надеяться, что Китай все время будет гладить нас по головке.

Также я полагаю, что Трамп все же победит и во главе национал-экономистов пойдет на второй срок. Борьба финансового, виртуального капитала против производительного капитала внутри Соединенных Штатов будет только усиливаться. И тут мы опять не определились. Как производственный капитал мы совершенно американцам не интересны, здесь нет предмета для взаимодействия, сотрудничества, торговли, совместных проектов — космических или еще каких-то. Наша доля в мировой инновационной продукции — 0,25 %. Но мы не можем и встать на сторону финансового капитала, что сейчас пытается продавить наш олигархат через Путина. Объявленного собственного проекта нет. А ведь он вырисовывается: нам нужно формировать четвертое геополитическое пространство. Есть пространства Северной Америки, Европы и Китая. И даже в рамках Шанхайской организации сотрудничества нам необходимо теснейшим образом работать с Индией. Индии пока нужны наши советские технологии, советские разработки, советские вооружения, совместные экономические проекты. И плюс Иран. Россия — Индия — Иран, Москва — Тегеран — Нью-Дели: вот наша связка, которая нас сделает более защищенными и более самостоятельными и в мире в целом, и в ШОС. Иран, надеюсь, скоро станет полноправным членом этой организации. Нужен свой проект и на Ближнем Востоке. Но главное — на постсоветском пространстве. Иначе у нас с Казахстаном, не дай Бог, может случиться так, как с Украиной. Так что главная проблема в том, что мы не имеем собственного государственного проекта. Мы являемся подручными в чужих проектах. Как в любом строительстве: если у тебя нет собственного подряда — что предложить? Ты будешь тачку то одному возить, то другому.

Точка ЗРЕНИЯ

Николай СТАРИКОВ

ВИДИМОЕ И НЕВИДИМОЕ

Актуальное мнение

Николай Викторович Стариков — родился в 1970 г. в Ленинграде, окончил Санкт-Петербургский инженерно-экономический институт им. Пальмиро Тольятти, общественный и политический деятель, писатель, историк, блогер, публицист. Основатель и идейный лидер общественной организации «Профсоюз граждан России» и партии «Великое Отечество». Один из лидеров движения «Антимайдан». Коммерческий директор ОАО «Первый канал — Санкт-Петербург». Автор 14 книг. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Дипломатия знаков и символов

Дипломатия — она как айсберг. У нее есть видимая и невидимая части. На поверхности находятся встречи, переговоры, конференции, обмен дипломатическими нотами и заявления руководителей стран. «Под водой» остаются неофициальные контакты, переговоры за кулисами и истинный смысл происходящего.

При этом нельзя забывать, что видимая и невидимая части айсберга — суть единое целое. Это не две никак не связанные между собой части, а одна огромная глыба льда. Так и в дипломатии. Видимая и невидимая ее части составляют одно целое.

На минувшей неделе мировая политика внимательно оценивала два события. Произошли они почти одновременно, что, конечно же, вряд ли может быть отнесено на счет случайности.

8 июня в Канаде в местечке Ла-Мальба собрались лидеры Великобритании, Германии, Италии, Канады, США, Франции и Японии, которые когда-то самопровозгласили себя так называемой «Большой семеркой».

А 9 июня в китайском Циндао собрались лидеры Шанхайской организации сотрудничества. Членами ШОС сегодня являются восемь государств: Россия, Казахстан, Китай, Индия, Пакистан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан. Уже один этот список говорит, что против «Большой семерки» Запада сформировалась вполне серьезная организация, куда входят наиболее стремительно развивающиеся и наиболее густонаселенные страны планеты, такие как Китай и Индия.

В одно время проходят две встречи двух мировых организаций, задачей одной из которых является

сохранение статус-кво, а задачей другой — превращение мира в действительно многополярный.

При этом время проведения переговоров — действительно, одно и то же. Президент России Владимир Путин прилетел в Китай за сутки до начала саммита ШОС, чтобы спокойно и обстоятельно провести переговоры с китайскими товарищами. Так что оба мероприятия фактически стартовали 8 июня.

Запад в Канаде обсуждал «плохое поведение России».

В Китае Путину устроили максимально теплый, можно даже сказать «горячий», прием.

Подробный разбор визита главы России в Китай остается за рамками нашей темы. Наша задача — следить за знаками и сигналами. Путину — первому из глав иностранных государств — была вручена высшая награда КНР: орден Дружбы Китайской Народной Республики. Напомню, год назад Владимир Путин подписал указ о награждении председателя КНР Си Цзиньпина высшим орденом России — орденом святого апостола Андрея Первозванного с девизом «За веру и верность».

Дипломатический этикет полностью соблюден — через год после награждения лидера Китая российским орденом китайский орден получил глава России. И все это сделано ровно в момент проведения встречи «Большой семерки», где говорят о санкциях против России, о ее изоляции и «наказании» за плохое поведение. Сигнал послан.

Но прежде чем отметить, как отреагировали на этот сигнал, обратим внимание еще на один знак. Место проведения встречи лидеров стран ШОС — Циндао. Место это непростое.

Построенный в 1891 году порт всего через шесть лет был превращен в немецкую колонию. Тогда растущая германская империя тоже «вырезала» себе куски мира, строя свою колониальную систему. Сделано это было в типичной для Запада манере — угрозами и шантажом. В Китае убили двух немецких миссионеров, в их гибели кайзер обвинил китайцев и, угрожая военной интервенцией, заставил китайского императора передать Берлину порт Циндао.

Во время Первой мировой войны Циндао при поддержке британцев осаждали японцы, чье участие в этой войне, собственно говоря, этим и ограничилось. После чего контроль над портом перешел к Японии, и только после длительной эпопеи суверенитет Китая над Циндао был восстановлен.

Так что выбор места встречи совсем не случаен. Сигнал ясный и понятный. Несмотря на угрозы и давление, суверенитет восстановлен.

И сигналы, посланные из Циндао, были услышаны и правильно поняты. Перед отлетом из Вашингтона американский президент Дональд Трамп заявил, что Россия должна вернуться в формат «Большой восьмерки».

Раз Китай и Россия так тесно сближаются, Соединенные Штаты готовы к контактам с Пекином и Москвой. При этом главной задачей Вашингтона по-прежнему будет «растить» в стороны русских и китайцев, создав между ними максимальное количество проблем и противоречий.

Ну а мы с вами будем внимательно следить за знаками и сигналами большой политики.

Ведь это так увлекательно.

Демократия и деньги

Один из основных постулатов, который активно навязывается западными политиками всему миру, звучит так: есть некое «пространство свободы», которое включается в себя США и другие англосаксонские страны, а также зону Евросоюза. Весь остальной мир якобы должен равняться на них, стремиться к ним и с благоговением внимать нравоучениям Брюсселя и Вашингтона.

В чем же подвох? А вот в чем. Процветание западного мира вызвано вовсе не «демократией», не «правами человека», не структурами НАТО или Евросоюза, а деньгами. Причем деньгами — не заработанными. Эстония, Латвия или Польша процветают только в той мере, в какой создающий деньги из воздуха Запад делится этими средствами с ними. Ни одна экономика не начинала процветать от вступления в западный мир, наоборот, в каждой из стран, перешедших под контроль глобалистских структур, выкашивали целые отрасли. Взамен деньги даются по различным программам Евросоюза. Это важно понять: подавляющее большинство «цивилизованных» стран Европы и мира живут не на средства, которые заработала их экономика, а на средства, что им дали в долг или просто подарили.

В Евросоюзе программу выдачи денег называли красивым термином «программа консолидации» или «программа сплочения». А суть ее проста: Брюссель просто дает деньги, что, видимо, и «сплачивает» Европу. Денег дают много: к примеру Польша получала около **85 млрд евро в год**. Просто так. **Для сравнения доходная часть бюджета России в 2017 году составила 13,5 трлн. рублей, что равняется примерно 185 млрд евро.**

Фактически Запад дарит Польше почти половину российского бюджета, дарит потому, что эти деньги создает из воздуха: госдолг стран Евросоюза растет пропорционально росту госдолга США, и одна цифра примерно равна другой.

Мы работаем и зарабатываем, им деньги дарят. В этом причина русофобии и «удивительной» сплоченности Запада. Это просто одна, хорошо оплачиваемая, команда, которая вынуждена внимательно прислушиваться к своему «тренеру» и владельцу.

Однако в этом красивом и безмятежном мире наступают тяжелые времена. Официальная версия Брюсселя звучит так: надо перераспределить средства, оказывая помощь Италии, Греции и Испании. Чтобы жить, как прежде, младевропейцам из Прибалтики и Польши либо придется работать, либо затягивать пояса. Ведь денег с 2020 года будут давать значительно меньше. Например, для Польши это, примерно, минус 20 «с хвостиком» миллиардов евро в год. Поскольку работать негде — повсеместно прошла деиндустриализация, то останется урезать социальные выплаты и жить все хуже. То есть жить по средствам.

О чем это нам говорит?

1. Создание денег из ничего зашло в тупик, дальнейшее безудержное производство долговых бумаг грозит обрушением мировой экономики, и лучше всех это понимают мировые банкиры и глобалисты.

2. Нарастивать долг больше нельзя, поэтому необходимо сокращать расходы. Начинают всегда экономить с самых малоценных и неважных частей некоего целого. Отсюда и сокращение дотаций Восточной Европе.

3. В тяжелейшей ситуации, которая маскируется витриной общества потребления, УЖЕ находятся вполне себе «демократические» и даже как бы развитые страны вроде Италии и Испании. Поэтому вместо экономии деньги приходится просто перераспределять в их пользу, оставляя общий итог прежним.

4. Без подпитки денежными подарками Италия, Испания и особенно Греция могут просто обанкротиться, что повлечет за собой развал Евросоюза.

5. Выход Великобритании из ЕЭС является не причиной еврокризиса, а его следствием. Лондон отстегнул от себя Европу, оставив себе деньги, а Европе оставив беженцев и проблемы финансирования поляков, прибалтов, греков, а теперь уже и итальянцев с испанцами.

6. Это значит, что Германия и Франция либо будут все больше финансировать других, либо будут вынуждены сокращать выдачу денег за красивые глаза. В первом случае это приведет к проблемам в экономике и социальной сфере Германии и Франции, во втором — к трещинам в Евросоюзе и его ослаблению. В любом варианте такое развитие событий на руку Вашингтону и не выгодно Евросоюзу.

7. Ни на какую Украину денег уже точно не хватит. Это прекрасно понимают все, отсюда и попытки Порошенко пристегнуть Киев к «Северному потоку-2», добившись от немцев обязательства гарантировать прокачку определенного объема российского газа в Европу через украинскую трубу. Что гарантировало бы Украине поступление в ее казну нескольких млрд евро.

Весьма показательно, что на этом фоне прозвучали предложения и оценки известного «рупора» глобалистов Джорджа Сороса.

Сорос также прогнозирует в будущем серьезный, даже ОЧЕНЬ серьезный кризис в экономике. «Главными причинами будущего кризиса Сорос назвал срыв иранской ядерной сделки и “разрушение” трансатлантического альянса ЕС и США. Оба этих события обязательно приведут к негативному эффекту для европейской экономики и другим проблемам — в том числе к девальвации валют развивающихся стран», — предупредил миллиардер.

Поскольку выход США из ядерной сделки с Ираном является рукотворным событием, наряду с введением Вашингтоном пошлин и ограничений на поставку металла из Европы в США, мы можем сказать, что кризис в европейской экономике сознательно создают Штаты.

Для американцев необходимо ослабление европейцев, чтобы гарантировать их лояльность и невозможность самостоятельной политики в Европе. Во Франции глобалисты привели к власти Макрона, которого Трамп водит за руку, одновременно демонстрируя, что Париж теперь «главный по европейским делам» и при этом полностью несамостоятельный. Сделать слабым, а значит сговорчивым, Берлин — вот основная задача американской политики. При этом снижение денежных субсидий (подачек) странам Европы со стороны Евросоюза (Германии) делает их недовольными и подтолкнет к еще большей зависимости от США.

Весьма показательно, что Сорос предлагает делать в складывающейся ситуации европейцам — вкачивать деньги в Африку! Миллиардер предложил Европе решить одну из проблем — миграционное давление из Африки, профинансировав для континента «план Маршалла» стоимостью около 35 млрд долларов в год.

То есть денег нет, но вы вложите еще средства в Африку, чтобы к вам не ехали беженцы. Тот факт, что беженцев надо останавливать на границе и для этого достаточно усилить пограничные силы, снова забывается. Если начать плановую и неуклонную депортацию мигрантов обратно на их родину, через год дураков кататься туда-сюда почти не будет. Вместо этого глобалист Сорос подсказывает тупиковый и бессмысленный путь. На всю Африку 35 млрд долларов — это крохи, ситуации они не изменят. Надо будет либо вбухать в Африку огромные деньги, не имея четкой цели, либо просто закопать там чуть меньше и отказаться в итоге от таких планов.

Зачем же Сорос предлагает это делать? Потому что приход европейцев в Африку и вложения их средств позволят достигнуть сразу двух целей:

1. Ослабить Евросоюз, что является промежуточной, но обязательной целью политики США.
2. Помешать осваивать Африку Китаю, который там постоянно укрепляет свои позиции.

Так что предложения Сороса полностью лежат в фарватере политики Вашингтона и полностью противоречат интересам Евросоюза. Ну, а глобалисты всегда были и будут ребятами прижимистыми и практичными — никого кормить просто так не будут. Сокращение «рациона» целого континента мы сейчас и наблюдаем.

ВЫША КНИГА

Страницы. К 40-летию Амурской областной общественной писательской организации (1977–2017). — Благовещенск: РИО, 2017. — 400 с.

В книге приведены сведения обо всех членах Союза писателей России, которые состояли раньше и состоят в настоящее время в Амурской областной общественной писательской организации, а также о членах Амурского отделения Союза российских писателей. Более шести десятков имен амурских литераторов — как ныне здравствующих, так и ушедших из жизни. О каждом из них дана краткая биографическая справка с приложением перечня основных публикаций и подборки стихотворений или небольшого прозаического произведения.

Книга предназначена для учителей русского языка и литературы, ведущих уроки литературного краеведения, а также для всех интересующихся творчеством поэтов и прозаиков Приамурья.

Точка ЗРЕНИЯ

**Светлана
ЗАМЛЕЛОВА**

ГЛАМУРНАЯ КЛЕВЕТА

Светлана Георгиевна Замле-
лова — родилась в Алма-Ате,
окончила Российский государ-
ственный гуманитарный универ-
ситет (Москва), член Союза пи-
сателей России, член-корреспон-
дент Петровской академии наук
и искусств, главный редактор
литературных сайтов КАМЕР-
ТОН <http://webkamerton.ru> и
ВЕЛИКОРОССЬ <http://www.velykoross.ru>. Печаталась в газе-
тах и журналах «Московский ли-
тератор», «Москвичка», «Наша
губерния», «Немига литератур-
ная» (Беларусь), «Наше поко-
ление» (Молдова) и др. Автор
нескольких книг прозы. **Живет
в Москве.**

Что такое пошлость? Это когда возвышенное низводится до низменного, когда никчемное объявляется значительным, когда главное подменяется неглавным, когда обывательское представление о жизни занимает место мудрости, а сентиментальность — место чувств и раздумий. Пошлость — это когда из серьезной книги о сломе эпох, об умирании старого мира и мучительном рождении нового, об исторической смуте, где люди не могут понять себя и совершающееся вокруг, делают гламурный боевичок с элементами семейной саги и мелодрамы. А потом представляют на одном из центральных телеканалов как «Проект года», а провалившую главную роль актрису награждают премией «Событие года» за достижения в области кино и телевидения.

Гламуре в сериале по роману А. Н. Толстого «Хождение по мукам» так много, что получилась пошлость в квадрате. Чего стоит приглашение от поэта Бессонова «на презентацию книги». А винтовка Мосина, стреляющая автоматной очередью, а лопаты, как будто вчера купленные в «Леруа Мерлен», а беженка, хоронящая своего младенца в аккуратненьком гробике...

Впрочем, чтобы понять происходящее в современном мире, нужно уяснить, на что происходящее нацелено. Рассуждения, например, на тему «Что было бы, если бы не большевики...», кажутся лишенными всякого смысла до тех пор, пока мы думаем, что цель этих рассуждений — разобраться в событиях столетней давности. Как только мы допускаем, что рассуждающие преследуют другую цель — например, манипуляции — все сразу встает на свои места и больше не кажется бессмысленным. То же самое и в отношении современного российского ис-

кусства — литературы или кино. С точки зрения искусства, трудно понять, зачем нужно тиражировать косноязыкие, лишенные смысла книги и прочую творческую беспомощность. Но если допустить, что все это делается с целью воспитания «квалифицированного потребителя», лишенного как вкуса, так и навыка рассуждать и воспринимать прекрасное; воспитания человека примитивного, не имеющего ни высоких запросов, ни привычки допытываться до сути вещей, тогда опять же все встает на свои места.

В эссе «О духовной жизни современной Америки» европеец К. Гамсун обозрел религию и литературу, театр и журналистику, философию и живопись Североамериканских Штатов и нашел их до смешного убогими. Не прошло и ста лет, как все это коснулось и самой Европы, а чуть позже пришло в Россию. Случайно ли это? Или Америка в очередной раз удачно экспортировала свой опыт, теперь по воспитанию «квалифицированного потребителя»?

Эти вопросы навеяны новым российским «киношедевром». В качестве потерпевшего оказался А. Н. Толстой, 135-летний юбилей которого отмечается в самом начале 2018 года. Так что время для показа «Хождения по мукам» было выбрано не случайно — аккуратно между столетием революции, началом Гражданской войны и юбилеем автора, посвятившего тем событиям роман-трилогию.

Сериал вызвал много нареканий. И действительно, с точки зрения искусства кино — сериал получился плохим. А главные роли в фильме откровенно провальными. У Толстого героини описаны ярко и недвусмысленно. Перед нами две красавицы. Мягкая, податливая, простодушная Катя и вспыльчивая, задумчивая, порой чрезмерно строгая к себе и окружающим Даша. Именно так и воспринимаются героини предыдущих экранизаций — Г. Рошаля (1957–1959) и В. Ордынского (1974–1977) — в исполнении Руфины Нифонтовой и Нины Веселовской, Светланы Пенкиной и Ирины Алферовой соответственно. Новый сериал решил, очевидно, сломать шаблоны красоты. Конечно, кто-то скажет, что красота — понятие субъективное. Пусть так. Но в отношении грации, манер, пластики, изящества двух мнений быть не может. И если актриса, играющая красавицу, ходит в кадре семимильными шагами, не держит спину и голову, растопыривает локти, то эстетическое чувство зрителя может и пострадать. В фильмах о современности Ю. Снигирь и А. Чиповская смотрелись бы и, вероятно, смотрятся вполне неплохо. Но красота начала XXI века — совсем не то, что красота начала века XX. Это же относится и к мужскому составу фильма. Например, поэт Бессонов описан у Толстого как человек «отталкивающе красивый». Такое впечатление могли передать и В. Давыдов в 1957 г., и М. Казаков в 1974 году. Но в 2017-м уже не получилось...

Кроме того, задача актера — создать на экране образ, чтобы зритель понимал, кто перед ним. И попадание в образ, то есть точная передача задумки экранизируемого автора, связано с мастерством и дарованием как актера, так и режиссера. В предыдущих экранизациях, решенных совершенно по-разному, ни в чем друг на друга не похожих, актеры прекрасно справлялись с поставленными задачами. Зритель не просто понимал характеры героев, но и наблюдал происходящую в каждом внутреннюю борьбу, бросающую мучившихся непониманием людей из огня да в полымя. В новом фильме все совершенно иначе. Старшая сестра Катя в исполнении Ю. Сни-

гирь — это отнюдь не томная, нежная красавица, никогда не повышающая голоса. Это — офисный работник, руководитель отдела продаж, замученная клиентами, нервной работой и порядком уставшая от мужчин и беспорядочных связей. Младшая сестра Даша в исполнении А. Чиповской — рядовая сотрудница той же фирмы, очень гордая тем, что получила ответственное задание от начальницы, но вообще-то слабо понимающая, что происходит вокруг и, как инфузория, реагирующая только на уколы.

Все драматические сцены сыграны непременно с надрывом — с каким-то вымученным, болезненным, преувеличенным, порой неуместным и неестественным страданием. Актерским мастерством даже не пахнет. Чуть что — и все истошно орут с интонациями рыночных торговек, многие сцены похожи на выяснение отношений обитателей Черкизона или братвы из 90-х. А встреча героев А. Мерзликина и Д. Дюжева — это вообще смычка «Бумера» с «Бригадой». Впору задуматься вот о чем: искусство, как известно, отражает свою эпоху. И российское кино в этом смысле — не исключение. В 90-е у нас снимали фильмы о бандитах и проститутках. В 2000-е темы изменились, а вот манера игры — нисколько. Не оттого ли, что и сами мы нисколько не изменились внутренне? Не оттого ли, что кругом не меньше бандитов и проституток? Пусть даже и закамуфлированных под приличных людей.

Новый сериал не стал чем-то особенным. Поверхностная игра, поверхностное прочтение книги... Акцент всегда делается на внешний эффект, переживания героев тоже поверхностны и даже примитивны. В романе Даша прогоняет Телегина вовсе не потому, что он якобы виновен в гибели ребенка. Ее чувства гораздо сложнее и глубже. Даша чувствует, что и сама как будто умерла вместе с маленьким сыном, и такая, мертвая, ненавистна самой себе, да еще мешает жить мужу. Но в сериале события подаются с гламурной простотой: муж не встретил, а значит, виноват. Вердикт: не нужен! С таким подходом не только трактуются сцены романа, но и дописываются новые линии. Много в романе упущено, зато еще больше навывдумывано отсебятины. Причем граница между авторским сюжетом и отсебятиной видна невооруженным глазом. Чего стоит хотя бы поэт Бессонов, отправленный Толстым в мир иной еще во время мировой войны. Но в фильме Бессонов прямо посреди театра военных действий живет, как Робинзон Крузо, в каком-то шалаше, потом милуется с гуцулкой, а потом, когда внезапно объявляется муж гуцулки и ее убивает, Бессонов убивает этого самого мужа. При этом лицо его покрывают кровавые брызги, но, не стирая крови с лица, он хоронит гуцулку с мужем в одной могиле глубиной до колена. А. Шагин, играющий Бессонова, загадочно щурится, криво ухмыляется — словом, вовсе изображает демоническую личность, вызывая у зрителя чувство какой-то неловкости.

А Жадов — однорукий бандит? Учитывая, что Жадов действует в компании супруги, получилось нечто среднее между Одноруким бандитом и Бонни с Клайдом. Видимо, создателям фильма понравились эти образы — такие понятные современному зрителю — и они решили развить линию. Так что нападения и ограбления продолжаются вплоть до последних кадров. Доходит до абсурда — ну зачем, к примеру, опытным налетчикам, привыкшим грабить ювелирные магазины, нападать средь бела дня на Пролеткульт? Что можно взять в этом заведении? Хлебные карточки? Реквизит?

Если уж создатели картины не могли обойтись без Однорукого бандита или русских Бонни и Клайда, то стоило бы ввести в сюжет Человека-паука, Женщину-кошку или, на худой конец, Железную маску — чтобы современному зрителю было понятнее и занимательнее.

А Савинков, лично отправивший Дашу убивать Ленина? Дашу, которая не умеет стрелять и которую приходится учить этому полезному навыку. Что, в «Союзе защиты родины и свободы» некому выстрелить? И вот эта дамочка — в шляпке, перчатках и с ридикулем является, почему-то не привлекая к себе внимания, на завод, где выступает Ленин. Потом на фоне какого-то мартена ручками в нитяных перчатках тащит из сумочки пистолет. Стрелять в вязаных перчатках — это все равно, что носить воду в решете. Из вязаных перчаток норовят выскользнуть даже легкие предметы. А у нашей героини не выскальзывает тяжелый, гладкий пистолет. Вокруг же никто ничего не замечает, как будто рабочие завода привыкли к посещению дамочек в шляпках. И если бы не развязавшийся шнурок на ботинке Ленина (какой психологизм!), быть бы Ленину убиту.

А разные мелочи вроде банды «попрыгунчиков», сигающих через здоровенные заборы, или поголовно краснокосыночные работницы с вязанием на поэтическом вечере Пролеткульта...

После фильма говорили о том, что актеры не виноваты в плохой игре, виноват режиссер. Может, и так. Но уж очень много появилось у нас виноватых режиссеров. А между тем актеров российского кино можно разбить на три условные группы:

1. Те, кто еще способен на создание яркого, правдоподобного образа.
2. Те, кто не создает образ, но чья игра при этом не вызывает у зрителя чувства неловкости.
3. Те, кто играет, вызывая чувство неловкости.

Актрисы, исполнившие в «Хождении по мукам» главные роли, могут быть смело отнесены к третьей группе. К первой можно причислить, пожалуй, А. Колгана (роль Н. И. Смоковникова) и С. Колтакова (роль Д. С. Булавина).

Вопросов после просмотра осталось много. Но вот о чем особенно хотелось бы спросить у создателей фильма: а почему место Крыма, где происходят важные встречи героев, за что полуостров назван в романе «Ноевым ковчегом», в сериале занял Ревель? Побоялись, что на Украину не пустят? Как же так! Такие filmy снимаете, про такое время отчаянное, а бандеровцев испугались?..

Но все ожидания превзошел финальный аккорд. Вдруг появились титры, оповестившие о дальнейшей судьбе героев: тот расстрелян, эта умерла в ссылке и т. д. Но последний кадр напомнил стихи Исаковского «Вдоль деревни»:

*...Загудели, заиграли провода, —
Мы такого не видали никогда...*

В самом деле, мы никогда не видали, чтобы фильм заканчивался белым экраном, на котором черными буквами написано: «Жива память о страшных страницах нашей истории». Спасибо, что напомнили, конечно. Только вот интересно: это вы под каждым фильмом, что ли, намереваетесь писать разные напоминания?

Вероятно, тут постмодернистская игра — смешение жанров и видов искусства, в данном случае кино и плаката. По-своему неплохая задумка: можно любой фильм начинать с призыва и призывом заканчивать. Например, «Улицы разбитых фонарей» вполне можно предварить словами: «Работник полиции, будь бдителен!», а после «Дня рождения Буржуя» написать на экране: «Культурно торговать — почетный труд!» И ведь сразу двух зайцев можно убить: тут тебе и кино, и социальная реклама. А если серьезно, то закончить фильм такой пошлостью — это надо уметь. Писать прописные истины с пафосом, прикрывать высокопарностью то, что не смогли передать средствами кино — не проще ли было показать на экране текст романа?

Еще до показа, благодаря рекламе, фильм успел вызвать раздражение. Мелькание эффектных, с точки зрения телевизионщиков, кадров, обещания невиданного зрелища и неизгладимых впечатлений — все это нисколько не привлекало, а, пожалуй, даже отталкивало. Но крику-то было, шуму! А что в результате?.. Раздражением и недоумением сопровождался просмотр фильма вплоть до самого финала. Как отметил в Интернете некий зритель: «это не художественный фильм, это издевательство над трагическими историческими событиями нашей страны». А еще это клевета на А. Н. Толстого, никогда ничего подобного не писавшего.

Если создатели фильма не считают зрителей придурковатыми простаками, которым можно скормить все что угодно, то значит, именно над этим они и работают, ради этого и снимают свои странные фильмы. И с этой точки зрения все вполне объяснимо. «Сейчас наша задача заключается в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя», — сказал в свое время министр образования А. Фурсенко. Вот и выращивают всеми доступными способами.

Осталось только, следуя новой моде, добавить: «Больше читай! Не позволяй буржуазному кино засорять мозги!»

Игорь ГУРЕВИЧ

«НАД ТОБОЮ, СЫНОК, ГОСПОДЬ. ЗА ТОБОЮ, БОЕЦ, МОСКВА»

Игорь Давидович Гуревич — родился в 1960 г. в Архангельске. Окончил Архангельский педагогический институт. Член СП России. Автор четырех сборников стихотворений, трех сборников прозы. Лауреат литературной премии «Наследие». Редактор-составитель сборника «Доброе небо», Антологии современной русской провинциальной литературы, удостоенной диплома премии Н. С. Лескова. **Живет в Архангельске.**

...И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Треть лета. Выселки. В зарницах
блестит вечерняя роса.
И дым Отечества стремится
опять куда-то в небеса.
Встречая ангела печали
с веселым ангелом любви,
уходит он в такие дали,
что нам не различить с земли.
Там, где свободный ветер веет,
куда не залетит листва,
наш дым становится светлее,
теряя горечь естества ...

И пишем мы о том, что сладок,
что нам приятен этот дым,
в гладь ученических тетрадок
вслед за учителем своим —
он нам диктует эти строки,
как будто хочет уберечь
от жизни на одном уроке:
и глупых нас, и нашу речь...

Треть лета. Гаснут на просторе
зарницы под ночной золой.
Вдохну с крыльца земную горечь
и вспомню тот диктант былой.
Не нами вырвана страница —
не с нами оборвется связь.
Все выше дым печной стремится,
тем самым дымом становясь.

ПОПУТЧИК

Со мной ни меча, ни кольчуги.
В чужую отправился даль.
Я еду к забытой подруге.
Мой путь освещает печаль,

поскольку рифмуется с далью,
поскольку луна за окном
с дорожной целуется сталью.
Стакан наполняя вином

слегка желтоватым и сладким.
(Мне вспомнились «Три топора» —
Портвейн «Три семерки» —
в достатке
и с самого, значит, утра,

едва открывались «Продукты»,
с восьми — покупай, коль горит).
Мы встали. Перрон. Репродуктор

какую-то хрень говорит.
И гулкое эхо гуляет,
как уханье хмурой совы.
И пробует тот, кто встречает,
вагоны считать с головы.

«Да вот они!» — машет рукою
и рядом с вагоном бежит.
Вокзальная бабка с клюкою,
напившись, у стенки лежит.

Ее здесь любая собака
и та за версту узнает.
Название станции «Враки».
Живет здесь хороший народ.

Об этом поведал сосед мой,
поскольку из этих краев
с фамилией в целом нередкой.
Представился с ходу — Царев.

Я тоже представился: Кружкин.
Не знаю, зачем и солгал.
Я ехал к забытой подружке.
Мне был горше редьки вокзал —

что тот, из которого ехал,
что тот, до которого мне.
Короче, глупейшая пьеса,
как сон в недосмотренном сне.

Поэтому, видимо, дерзость
и злоба душили меня.
А этот Царев больно резвый.
Кольчугу имел и коня,

и меч, и домину с машиной,
и двух дочерей, и зятьев.
Короче, такая скотина —
доволен, устойчив, здоров.

Не курит, пьет в меру, примерный
во всем семьянин — гражданин.
А я был как есть — полимерный:
из очень гулящих мужчин.

Без сна, без меча, без кольчуги,
с бутылкой дрянного вина

Я ехал к забытой подруге.
А дома осталась жена.

Мы выпили с громким Царевым
за родичей, жен и детей.
Открыли вторую и снова —
за братьев, сестер. «У моей

сеструхи такая домина!»
Достал меня этот Царев —
достойный надежный мужчина,
нигде не ломающий дров,

хозяйственный, ловкий и крепкий
со станции Враки, простой,
как Ленин в приевшейся кепке,
как крашеный столб верстовой.

И вот мы на станции встали.
Вдруг он перед тем, как сойти,
сказал мне с улыбкой печальной:
«Ты это, попутчик, прости.

наврал тут тебе не малехо:
Слова как дорожная пыль.
Зовут меня попросту — Леха.
И я, этот самый, бобыль.

Но что-то в пути размечталось.
Ведь ты ж мне, попутчик, никто».
И я вдруг почувствовал жалость,
как к клоуну из шапито.

Сошел он на станции Враки,
рукой на прощанье махнул.
Его окружили собаки.
Он к бабке лежащей шагнул.

Потряс за плечо осторожно,
помог старой на ноги стать.
Вошедший сосед односложно
сказал: «Это Лехина мать» —

как будто он знал про беседу,
что мы до него здесь вели.
К забытой подруге я еду.
Шумят за окном ковыли,

степные, чужие. Недолго
осталось — полсуток пути.
И вот она — матушка-Волга.
Конечная, как ни крути.

ДЕРЕВНЯ. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЕЛЫ

Деревня. Существительных пределы.
Вот — в небо дым. А вот — огонь в печи.
Здесь в каждом вздохе — истина и дело.
Здесь в доме каждом — хлеб и калачи.

Стена лесов расступится пред полем.
Печаль реки раздвинет берега.
И колокол звучит по Божьей воле.
И сердце гладит Господа рука.

РУССКАЯ ЗИМА

Снег опустился на дали мирские.
Изморозь прячет изломы ветвей.
Щедро в меха наряжает Россия
лес и дорогу, и пеших людей:

сын ты ее, или дочь, или странник —
все, кому выпало нынче идти,
будут ее охраняемы дланью,
оберегаемы в долгом пути.

Тех, кто замерз, обогреет, приветит
теплой избой, пирогами в печи.
К радости купол небесный осветит
солнцем поутру, звездою в ночи.

В баньке напарит до легкости легкой,
стопку подаст запотевшую — пей!
Посох, котомку, топор да веревку —
все, что несешь, оставляй у дверей.

Выдохни, выпусти злобу да зависть.
Чистому гостю пристало чайку —
он у России на травах заварен,
тех, что все лето росли на лугу.

Вот и постель пуховая готова:
спи, да придут к тебе светлые сны!

Но говорят, что Россия сурова:
поводы ищет для драк и войны.

Что тут ответить радетелям страхов?
Клеветники испокон не молчат.
Рвать на груди — не губите! — рубаху?
Или медведем угрюмым рычать?

Если ты сын, или дочь, или странник,
и у тебя не закрыта душа,

будешь осыпан серебряной данью,
будешь любовью согрет не спеша.

Если ты что-то другое — прости уж! —
выродок собственный, пришлый чужак:
будешь ты чувствовать зимнюю стужу,
будешь входить не в избу, а в барак.

Снег для тебя будет грязным и черным,
утренний свет — грозной тьмой ночной.
Ты не заметишь, как чистый, упорный
всходит подснежник здесь каждой весной.

Так что живи где-нибудь за буграми:
в сторону нашу зазря не ходи —
вдруг захлебнешься пургой да ветрами
и ненароком замерзнешь в пути?

МЫ НЕ ИЩЕМ ЛЕГКИХ ПУТЕЙ

Мы не ищем легких путей. Прорываясь сквозь тьму и пламя,
отпуская последний вздох, в жерло смерти кричим: «Ура!».
Потому что, как ни крути, но мы верим: Москва — за нами!
Хоть и нету в престольной той ни кола у нас, ни двора.

Даже если ее салют на окраине нам не слышен,
даже если ее наград нам не выдадут никогда,
добывая свой скучный хлеб среди елок своих и вишен,
мы надеемся: к ней ведут все дороги и провода.

Помню — славный то был старик — в День Победы, за чаркой чарку,
обязательно говорил тост за матушку, за Москву!
«Сам-то был там хотя б разок?»
«Нет, не выпало мне подарка,
только я за нее тогда выжил в смертью протухшем рву.

За нее в медсанбате был распластован врачихой-стервой,
матюгальщицей — видит Бог, среди нас таких днем с огнем».
«Без руки — но ты будешь жить. Не последний, сынок, не первый», —
и добавила пару слов на каком-то родном своем.

Я спросил ее: «Что ты, мать?» — было бабе уже за сорок.
«Помолилась я. Спи, солдат». Помолчала, вздохнув едва,
И промолвила сухо, как подожженный сгорает порох:
«Над тобою, сынок, Господь. За тобою, боец, Москва».

Нам не дарит судьба путей, не продутых насквозь ветрами.
Но от страха и от любви мы как прежде орем: «Ура!».
И мы верим, мы знаем, что будет вечно Москва за нами,
хоть и нету в престольной той ни кола у нас, ни двора.

МАКИ. ДЭН

Глава из поэмы «Степь»

Конец апреля. Степь чиста кругом.
Вдруг алый плат на выплывшем кургане.
«Но это ж... маки. Господи! Славяне!
Здесь маки, братцы! Маковый дурдом» —

посыпались горохом, на курган
помчались черноточием дороги.
Несите пацанов, дурные ноги!
Несите всех, нерусских и славян.

Весна. Какие маки дарит степь,
накидывая легким алым платом
на грудь свою, на каждый мертвый атом
Земли, на вековую цепь,

от гунна, что скакал, лелея месть,
от тех времен, от рода Кучук-беев
до нынешнего Даньки Кочубея.
(Он лепший кореш Вовчика-еврея.
А к ним обоим лучше и не лезть.)

«Мой дед — герой Гражданской — не робей! —
Ты фильм смотрел?» — кричит, глаза сверкают.
Эх, Данька! Где теперь тебя мogaет —
потомок графской крови, Кочубей.

Ты знал, срывая по степным полям
крылатые и трепетные маки,
о том, что предки, преданней собаки,
служили государству и царям,

а вспомнил лишь Гражданскую войну.
Такое можно каждому в вину

в те времена поставить с высоты
истории, которую нам снова
переписали заживо-здорово
приверженцы новейшей суеты,

скопцы пришедших рыночных времен,
без памяти, без собственных имен.
Но, реформаторы, вершители судеб,
вы тоже с нами ехали на хлеб,
тащились через маковый кордон
и собирались родине служить.

Вы тоже собирались просто жить,
вам девочки приветливо махали,

а вы для них все маки собирали,
не зная, как коробочки сушить.

Я помню, как один из нас в цветы
на склоне невысокого кургана
упал спиной. И прошептал: «Нирвана...
И вдруг добавил: «Царство красоты

и счастья — наша родина, братва!»
Высокопарно, вычурно. А все же
никто ему тогда не дал по роже
за эти идиомные слова.

Никто тогда его не упрекал
за близорукость, трусость, недалекость.
А он смотрел на небо синеоко.
И Вовка рядом на спину упал.

Я рухнул подле. Дэн сказал: «Ура!
Давайте пролежим так до утра —
все звезды сосчитаем до одной,
чтоб больше не пугали нас войной».

«Причем здесь это?»
«В общем, ни при чем.
Но звезды все над родиной, ребята.
По всем погибшим на войне солдатам.
Мы вспомним всех, когда их перечтем».

И ведь считали. Было нам не лень.
Полночи. Молча. Без дурного смеха.
А поезд ждал и никуда не ехал.
Ты помнишь, как зажег сердца нам, Дэн?

Ты помнишь, как спустя пятнадцать лет
Мы встретились. Ты бредил перестройкой.
и говорил: «СССР — помойка.
Америка — грядущей жизни свет».

Английским ты на зависть нам владел
крутого круче (мамой был научен).
Ты с тех времен был с книгой неразлучен,
когда на звезды из степи смотрел.

Ты лучше нас вписался в новый день.
Достиг высот: ты — младореформатор
и бизнесмен, партийных дел куратор...
Ты помнишь степь и наши звезды, Дэн?

МОЙ СПИСОК

Те письма, что давно порвал и выбросил,
перечеркнув сожженья ритуал,
останутся не памятью, а вымыслом,
который сам себе я рассказал.

Та женщина, что первая из начатых —
бокал вина, не выпитый до дна, —
останется забавой и удачею,
которая случайна и смешна.

Те странствия, что выпали по глобусу
в пределах бытия моих широт,
останутся непройденными пробами —
а вдруг на этой тропке повезет?

Та книга, что не будет мной написана —
страницы облетят календарем —
останется нетронутой и чистою,
как белый снег погожим зимним днем.

Все то, что было мне судьбой даровано,
останется мгновением пути —
иное порастет потом половою,
которую любому перейти.

И только то, что всею жизнью выстрадал,
отвоевал у собственных грехов
пребудет обретением и смыслами,
и строчками дописанных стихов.

В том списке ничего с приставкой «вроде бы»,
в нем однозначность и весомость слов.
Родители. Победа. Совесть. Родина.
И ты — моя последняя Любовь.

Пути ПОЗНАНИЯ

Явус АХМАДОВ

ВЕЛИКИЙ СТРАБОН И АМАЗОНКИ КAVKAZA: ЕЩЕ ОДНА ПОПЫТКА ПРОЧТЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О ДРЕВНИХ НАРОДАХ РОССИИ

Явус Зайндиевич Ахмадов — доктор исторических наук, профессор, академик АН Чеченской Республики. Заслуженный деятель науки Чеченской Республики. Автор 150 научных статей, более десятка монографий и учебников. Труды изданы в Турции, Швеции, США и странах СНГ. Последние годы работает над проблемами античного и раннесредневекового времени в истории народов России и Кавказа. **Живет в Москве.**

Великий географ античного времени, автор огромной «Географии» мира в 17 книгах (дошедших полностью) — Страбон (64/63 до н. э. — ок. 23/24 н. э.), был выходцем из знатной греческой семьи, жившей в Малой Азии в период римского владычества. Он подвел своеобразный итог историко-географическим знаниям о мире эпохи античности, при этом ставя на первое место данные непосредственных наблюдателей¹.

В период создания Страбоном обширной «Географии», пришедшийся на рубеж старой и новой эры, данные о сарматах-кочевниках, живших на территории Северного Причерноморья, Приазовья и степной зоны Северного Кавказа, были, видимо, распространены довольно широко. Так, Страбон отмечает меотийских «савроматов» и тех, кто живет между Каспийским и Черным морями «вплоть до Кавказа и области иберийцев и албанцев, а также скифы, ахейцы, зиги и гениохи»². Понятное дело, что «вплоть до» не означает на языке Страбона «рядом», тем более что иберы (грузины) и албаны (племена северокавказской семьи языков) располагались не собственно «на Кавказе» (как горная система), а на равнинах Закавказья (между Большим Кавказом и Малым Кавказом).

От Меотиды (в данном случае восточной части Азовского моря) и меотов (к которым «принадлежат» синды, дандарии, тореаты и др.) к югу расположены по Страбону ахей-

¹ См.: *Страбон. География* в 17 книгах: пер. и комм. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1964. С. 775–790; *Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах*. М., 1963. С. 148; *Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР*. 1986. М., 1988. С. 6–175; и др.

² Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / сост. В. Черноус, В. Патракова. Ростов н/Д, 1991. С. 172.

цы, зиги, гениохи (занимающиеся «морским разбоем»), керкеты, макропоны (это главным образом предки адыгов). В горной же части Кавказа над ними лежит «ущелье фтирофагов» — на первый взгляд подразумеваются предки сванов, но далее мы читаем: «живущих над ними (то есть причерноморскими народами. — Я. А.) фтирофагов и соанов и другие небольшие народности около Кавказа». Следовательно, это два народа, а не один. Далее фтирофаги, живущие «поблизости» соанов, охарактеризованы как добывающие золото в речках с помощью шкур и способные выставить войско в 200 тыс. человек, имеющие царя и некий «совет» из 300 человек¹. Такие огромные цифры, правда, никем более не подтверждаются, тем более что речь идет, судя по всему, о предках осетин, балкарцев и карачаевцев.

Страбон указывает, что в его время в г. Диоскуриада (в черте нынешнего Сухума), известного с VI в. до н. э., собираются в целях торговли представители 70 народов: «Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство их это сарматы, но все они кавказцы»².

Куда важнее, что Страбон (согласно контексту и данным исторической географии) первым рассказал о горском нахоязычном (близком по языку к современным чеченцам) этномассиве, расположенном к северу от иберов в горах на южных и северных склонах Главного Кавказского хребта. Важно также объективное свидетельство, что описываемые ими горцы имеют этнокультурный тип, сближающий их известным эллинам и римлянам варварами-сарматами Причерноморья и Приазовья.

Вместе с тем надо рассмотреть возможность того, что за 3–4 столетия, прошедших со времени разгрома сарматами Скифского царства (между 280–260 гг. до н. э.), маршруты традиционных кочевий каких-то кочевых племен или родов (тех самых «варваров») вышли на отдельных участках к предгорным равнинам Большого Кавказа (скажем, между течением Кубани и Лабы)³. Хотя этому противоречат достаточно ясные указания районов расселения собственно сарматских племен в «Азиатской Сарматии», данные Клавдием Птолемеем в знаменитой «Географии», написанной после 161 г. н. э.⁴.

Страбон также первый из античных авторов, который дает для своего времени информационно полное описание горного пути через Кавказский хребет, позже названный Дарьяльская (Дар-и-алан — «Ворота против алан») дорога (ныне Военно-Грузинская дорога): «Из области северных кочевников (хотя никаких кочевников на тот период непосредственно в центральной части Северного Кавказа нет. — Я. А.) идет трудный трехдневный подъем, после чего следует узкая речная долина вдоль Арага (Арагви — Я. А.), по которой проходит дорога, равная четырехдневному переходу для одного человека. Конечный участок дороги охраняется неприступным

¹ Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 177–185.

² Там же. С. 183. У Плиния Старшего во второй половине I в. н. э. число народов, сходящихся в Диоскуриаду и объяснявшихся с помощью «130 переводчиков», возросло до 300. См.: Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. С. 185.

³ См.: Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 116.

⁴ Птолемей Клавдий. Руководство по географии // Античная география. Книга для чтения / сост. М. С. Боднарский. М., 1953. С. 281–323 (см. кн. III, гл. 5).

укреплением»¹. Следовательно, речь идет о горном маршруте длиной в 7 дневных переходов по верхнему течению Терека, справа и слева от которого исторически располагались нахоязычные общества, в том числе те, которые в эпоху Средневековья составят основной субстрат ряда этнографических групп современной Горной Грузии, Осетии и Ингушетии.

Весьма важно, что Страбон пытается детализировать народы, обитающие в северо-восточных от Причерноморья (Диоскуриада) предгорьях Кавказского хребта — самой западной зоны непосредственного расселения нахоязычных племен кобанской археологической культуры. Он пишет: «Спускаясь к предгорьям, попадаем в область, расположенную севернее, но с более мягким климатом. Дело в том, что эта область прилегает к равнинам сираков. Здесь живут также некоторые троглодиты (букв. “пещерники”), из-за холодов обитающие в звериных берлогах; но даже у них много ячменного хлеба. За троглодитами на [восток?] следуют хамекеты (букв. “спящие на земле”) и так называемые полифаги (букв. “всеядные”) и селения исадики, которые еще в состоянии заниматься земледелием, так как живут не на самом севере»².

Указанные сообщения Страбона об обитателях Кавказских гор послужили бы для ряда археологов и лингвистов указанием на поиски расположения троглодитов, хамекетов, полифагов и исадики непосредственно на территории современной Чечни и Ингушетии, причем для хамекетов и исадики искали даже соответствующие параллели в названиях конкретных исторических обществ³. На наш взгляд расположение носителей этнонимов Страбона надо искать в несколько широком географическом диапазоне: от современного Горного Карачая до Дагестана (где конкретизированы античные «леги»), причем с непременным учетом того, что мы имеем дело с ироничными прозвищами, данными горцам их более развитыми равнинными соседями и внешними наблюдателями, а не реальными этнонимами и топонимами.

Описав население северных склонов Кавказского хребта и Причерноморья, Страбон переходит к равнинам и степям Северного Кавказа и Азово-Каспийского междуморья: «Далее следуют уже кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы и панксаны, а также племена сираков и аорсов. Эти аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше (в античной географической литературе “выше” означает севернее. — Я. А.), а аорсы обитают севернее сираков». Причем «верхние аорсы занимают обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря»⁴. Эти народы сарматской группы не дошли до наших дней.

Набианы и панксаны, указанные автором между сарматами и горскими народами Кавказа после Страбона, писавшего на рубеже старой и новой

¹ См.: *Страбон*. Указ. соч. С. 474 (Кн. X, гл. III, 5); Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 186; и др.

² *Страбон*. Указ. соч. С. 479–480 (Кн. XI, гл. V, 7); Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 193.

³ *Виноградов В. Б., Чокаев К. З.* Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Археолого-этнографический сборник. Т. 1. Грозный, 1966. С. 55; и др.

⁴ См.: *Страбон*. Указ. соч. С. 480 (Кн. XI, гл. V, 8); *Туаллагов А. А.* Этногеография Восточной Европы // URL: ossethnos.ru/archeology/101-yetnogeografiya-vostochnoj-evropy.html

эры, больше они никем не упомянуты. В современной литературе складывается суждение о принадлежности набианов и панксанов к посткобанским горским племенам северокавказских равнин, возможно совершавшим в зоне степного Предкавказья переход от оседлого к кочевому хозяйству¹.

Но самое интересное для современных читателей заключается в том, что Страбон помещает легендарных амазонок на территории современной России. В кавказских горах восточной части региона (Дагестан, Чечня), по данным Страбона, живут некие гаргарейцы и амазонки, причем утверждается, что река Мермода (Мермадалида) «с шумом низвергающаяся с гор», которая может быть скорее всего Тереком, протекает именно «через страну амазонок». Впрочем, и сам античный автор признает некую мифологичность сюжета об амазонках². Этот миф мог быть навеян давно известными особенностями общественного устройства как горских народов, так и их северных соседей сарматов, когда женщины не только играли значительную роль в управлении, но и участвовали в войнах наравне с мужчинами. Недаром другой античный автор Исихон Никейский (I в. н. э.) уверял, что савроматы/сарматы «женам во всем повинуются и сами носят женское платье... Девицу не прежде выдают, чем она убьет врага».

На Кавказе, согласно современному исследователю феномена амазонок А. В. Котиной, можно обозначить два основных района обитания мифических амазонок. Первый — восточный берег Азовского моря от Кубани (Термодонт) до Танаиса (Дон). Другой район обитания амазонок на Кавказском перешейке находился, согласно Страбону, в противоположном конце Кавказа в «горах над Албанией, ...в соседстве с гаргарейцами»³.

Указанные соседями амазонок «гаргарейцы» (переводится как «родственники» на современном чеченском языке) обитали по Страбону в предгорьях «тех частей Кавказских гор, которые называются Керавнийскими» (подразумевалась на тот момент северо-восточная часть Кавказских гор, расположенных близ Каспийского моря)⁴. Недаром чеченский фольклор сохранил предания о делении в старые времена мужчин и женщин на две группы согласно трудовым занятиям — мужчины с первым днем весны уходили со стадами в горы и возвращались на равнину с первым снегом, груженные шерстью, сыром и сушеным мясом, женщины весь теплый сезон занимались урожаем, прядением, ткачеством, но на случай военной тревоги учились владеть также оружием и обретали привычку к доспехам и конной езде. Встречались семьи только зимой.

Таким образом, великий античный автор Страбон почти 2000 лет назад назвал почти всех предков современных горских народов Северного Кавказа, входящих ныне в состав Российской Федерации, и даже указал их некоторые этнографические черты.

¹ См.: *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 158–159; *Прокопенко Ю. А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Ч. 2. Ставрополь, 2014.

² См.: *Страбон.* Указ. соч. С. 477–478 (Кн. XI, гл. V, 1–3); Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 190–192.

³ *Котина А. В.* Мифы об амазонках в античной письменной традиции: генезис и эволюция // Научные ведомости. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». № 13. Вып. 15. Б/м., 2010. С. 8.

⁴ См.: *Страбон.* Указ. соч. С. 477–478 (Кн. XI, гл. V, 1); Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С. 190; и др.

Записки Дипломата

Валентин ВЛАСОВ

ЧЕЧНЯ

Валентин Степанович Власов — родился в 1946 г. в Архангельске, где прошел путь до мэра Архангельска и главы Администрации Архангельской области. Окончил Всероссийский заочный финансово-экономический институт. Был назначен Полномочным представителем Президента РФ в Чеченской республике. Окончил Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Затем служил: и. о. главы республики Карачаево-Черкесия, заместителем председателя Центральной избирательной комиссии РФ, Чрезвычайным и полномочным послом РФ в Республике Мальта, Чрезвычайным и полномочным послом РФ в Киргизии. 1 мая 1998 г. был захвачен группой чеченских боевиков на трассе Ростов—Баку, в районе станции Ассиновская. Спустя полгода, после длительных переговоров, был освобожден. Имеет многие государственные награды.

В июле 1996 года я выехал из Архангельска в Москву, на учебную сессию в Академию государственной службы при Президенте Российской Федерации. Обстановка на работе складывалась так, что пропадало желание работать. Павел Николаевич — губернатор — продолжал видеть во мне соперника. Боялся всего нового, непопулярных решений, которые в тот период состояния бюджета области надо было принимать. У меня такого желания не было, но, как говорят, плетью обуха не перешибешь. Во время сессии позвонил В. Ю. Зорину, тогда Председателю Комитета по делам национальностей Государственной Думы России. Мы встретились, вспомнили совместную работу в Узбекистане. Я высказал ему свои соображения, честно признаться, не надеясь ни на что. Но получил предложение работать вместе с ним в должности заместителя руководителя аппарата Комитета, который он возглавлял. И я благодарен ему за это.

В тот период в Чечне шли боевые действия. Как и каждый гражданин России, я внимательно следил за развитием событий в этой республике. Иногда делился своими мыслями с А. А. Пискуновым, в то время заместителем директора Департамента административных органов Правительства России. Мы были знакомы. Александр Александрович избирался депутатом Государственной Думы от Архангельской области. Порой мы созванивались поздно ночью. Я сильно переживал за ситуацию, которая с каждым днем накалялась в этом регионе, зачастую непонятны были действия как федеральных сил, так и средств массовой информации. Приводил примеры по событиям лета 1989 года в Ферганской области Узбекистана. В такой заботливой суете проходили рабочие

дни в Москве, а вечером в поисках места ночлега. При приеме на работу Зорин сразу оговорил, что вопросом жилья он заниматься не будет. Депутатский корпус в летний период находился в отпуске. Познакомился с нормативной базой, регламентом работы аппарата. Документооборот в Комитете был большой, и на меня возложили обязанности обрабатывать всю почту. Так как просматривал всю почту того периода, то информация, связанная с чеченскими событиями, мне была доступна.

16 сентября 1996 года мне позвонили из аппарата Совета Безопасности. Прозвучала неожиданная просьба: подъехать на встречу с А. И. Лебедем. Вечером того же дня я прибыл на Старую площадь. Сразу прошел в кабинет, где кроме Александра Ивановича был его заместитель — С. Ф. Харламов. Они продолжали разговор. Закончив разговор, Александр Иванович без прелюдии предложил мне вместе вылететь завтра в 7 утра в Грозный. На мой вопрос, как добраться до аэропорта Внуково, бесцеремонно ответил, что это мои проблемы, равно как и решить с руководством аппарата Комитета вопрос освобождения меня в этот день от основной работы. 17 сентября 1996 года в 7 часов утра, без опоздания, с журналистским пулом мы вылетели в Грозный. Для меня как-то непонятно было все то, что произошло в течение предыдущего дня, но я остановился на мысли, что, видимо, идея исходила из аппарата административных органов Правительства России.

По прилете в Грозный нас ждала машина «Волга», на лобовом стекле которой была наклеена бумага с надписью «А. И. Лебедь». Это было своего рода пропуском по всей территории Чечни. Впоследствии мы иногда использовали такую форму, и, бывало, что на федеральной трассе Моздок — Грозный впереди идущие машины не уступали дорогу, тогда «Волга» обгоняла на большой скорости машину, а охрана — чеченцы — открывала из автомата огонь по колесам обгоняемой машины, и та скатывалась в кювет.

Во время поездки прошла встреча с З. Яндарбиевым, в то время самозванным президентом Чечни, и другими чиновниками такого же правительства республики. В тот же день вернулись в Москву, на борту самолета в наш салон вошел Лебедь и, подойдя ко мне, задал вопрос: «Можно работать?» Не поняв смысла, я ответил: «Нужно!». По прибытии в Москву Александр Иванович сказал, чтобы вечером я зашел к нему. И тогда прозвучало предложение мне возглавить межправительственную комиссию. В. Ю. Зорин на все это прореагировал очень болезненно, да и можно было его понять, так как с ним никакие действия не согласовывались. Такой стиль был у секретаря Совета Безопасности.

Потом проходили долгие беседы и согласования в аппарате Правительства России, так как и для них это было тоже неожиданностью, ибо все было возложено на Совет Безопасности. Формировался состав комиссии, куда по должности входили заместители всех министерств и ведомств.

По поручению Совбеза 4 октября я вылетел в Моздок, вместе со мной был Акмаль Саидов, работал в аппарате представительства Правительства России в Чеченской Республике. Был вечер, и вертолет поднимать на Грозный было нельзя. Ждать завтрашний день, не зная, какая будет погода, мы не могли, т. к. 5 октября в Урус-Мартане намечался большой сход актива республики. Мы решили ехать на такси, и сегодня я могу сказать, что это был сумасшедший поступок. По снежным горным дорогам, мимо блокпостов, и наших, и чеченских, через высокогорный город Горагорск, снег,

дождь и туман мы проехали весь путь без остановки. Водитель такси, ранее работавший дальнбойщиком, сразу нам сказал, что проблем не будет. Хотите — верьте, хотите — нет, мы рассчитались с ним по таксе 50 рублями. Немного отдохнули, а утром состоялась встреча с З. Яндарбиевым. Как мы ни пытались доказать, что приехали ночью на такси, он не поверил.

После обеда нас привезли в какой-то Дом культуры, где якобы через несколько минут должен был начаться республиканский актив. Зал был пустой и холодный. Мы присели, вокруг непонятная беготня, через полчаса подошел К. Махашев, министр МВД, и сказал, что здание заминировано федералами и актив будет проходить в другом месте. И если говорить о будущей работе, то с такой игрой чеченцев мы будем сталкиваться постоянно. «Хозяева» республики все время пытались держать нас за дураков, подчеркивая свою значимость и превосходство. Где в другом месте будет проходить, не сказали, и только когда мы сели в машину коменданта Грозного генерала МВД России А. Н. Швецова, определили маршрут — Дом культуры города Урус-Мартана. Расстояние 30 км. Связи никакой: радики нет, и телефоны мобильные там не работают — здорово. А насчет вопроса об оружии Александр Николаевич слукавил — ответил «нет», хотя за пазухой он пистолет имел. В путь. Приехали на место, нас встретил у Дома культуры вооруженный человек и провел в зал клуба, в котором было много людей, тоже вооруженных до зубов. В президиуме на сцене все так называемые руководители Чечни, а также руководитель ОБСЕ Т. Гульдеман сели в первый ряд. Выступали Яндарбиев, Масхадов, Басаев и др. Все выступления носили антироссийский враждебный характер. Слушать было противно, а спорить бесполезно. Я встал и покинул зал, попросил, чтобы остальные остались и дослушали эту галиматью.

На следующий день встретился первый раз с А. Масхадовым. Внешне произвел благоприятное впечатление. Обменялись мнениями, я высказал свое «фи» по вчерашнему мероприятию. И тут он мне начал высказывать, как ему тяжело, что часто встречается с населением и выслушивает от женщин нарекания на бездеятельность руководства республики. Обхватив голову руками, раскачивался и бубнил себе под нос: «Что я скажу людям». Вызывало удивление, что он как премьер не может четко изложить свою позицию по наведению порядка в республике. Твердил тупо, что нужны деньги и много. Благообразная внешность не имела ничего общего с его характером, мне он показался в такой ситуации слабым и безвольным человеком. Может, он и хотел, и понимал, но был не способен самостоятельно принимать решения и доводить их до конца. Вся последующая моя работа с ним подтвердила эти наблюдения. Днями позже провели первое заседание межправительственной комиссии, которое состоялась в здании Министерства сельского хозяйства с участием членов комиссии с чеченской стороны. Рядом со мной сидел вице-премьер Чечни Х. Бикбулатов, сопредседатель комиссии от правительства республики. В работе комиссии принял участие зам. секретаря Совбеза РФ С. Харламов, который все заседание комиссии простоял в сторонке. Главный вопрос чеченская сторона в лице М. Удугова, главного идеолога Чеченской Республики, подняла о моих полномочиях, праве подписи и главное, когда будут поступать финансовые средства. Основной упор ставился на использовании средств для пенсионеров. Сергей Филиппович пояснил, что на выходе документ Правительства России

о составе и полномочиях комиссии. Комиссия прошла нервно, но это было первое публичное общение двух сторон. Явно просматривалось желание чеченцев навязать свои условия и диктат руководству России.

Появился первый документ объединенной комиссии, который я подписал, Председателю Правительства Российской Федерации В. С. Черномырдину:

«Исходя из договоренностей от 31 августа 1996 года в Хасавюрте, от 3 октября 1996 года в Москве и последующих поручений в период с 17 октября по 1 ноября т. г. в г. Грозном проведено 3 заседания Объединенной комиссии по урегулированию кризиса в Чеченской Республике.

Определен состав Объединенной комиссии от каждой из сторон, завершается формирование рабочих групп по отдельным направлениям. Продолжается согласование проекта положения ее деятельности. Подготовлены предложения по размещению, материально-техническому и организационно-кадровому обеспечению комиссии.

Представлены для взаимной экспертизы варианты расчетов по наиболее социально значимым для населения проблемам, транспорту, связи, коммунальному хозяйству. По данным вопросам соответствующие рабочие группы начали свою деятельность в городе Грозном на постоянной основе.

Задачи, стоящие перед Объединенной комиссией, и организация ее работы были предметом встреч с З. Яндарбиевым и А. Масхадовым. Между ними наблюдаются различия в подходах к определению основных целей деятельности комиссии. З. Яндарбиев видит главной ее задачей определение, подсчет и обеспечение возмещения морального и материального ущерба, причиненного Россией в ходе так называемой “агрессии” против Ичкерии, в то время как А. Масхадов, не политизируя ситуации, считает необходимым сосредоточиться на решении первоочередных социально-экономических проблем. Обоими поставлен вопрос о финансировании российской стороной деятельности органов управления республики, прекращения поддержки Правительства Д. Завгаева за допущенные многочисленные злоупотребления в период их правления. Одновременно А. Масхадов не скрывал своего беспокойства по поводу организационной и профессиональной готовности членов его Правительства к компетентному решению поставленных перед ним задач.

В ходе встреч с населением, представителями общественно-политических партий и движений, командованием Временной объединенной группировкой ВС РФ в Чеченской Республике стало очевидным, что при всех имеющихся расхождениях все же приоритетом для обеих сторон является сохранение мира, недопущение провокаций, могущих привести к срыву процесса политического урегулирования. Острейшим образом стоит вопрос о субъекте власти, формировании органов управления, в том числе на коалиционной основе, проведения выборов. В связи с имеющим место демонтажом прежних структур власти обеих чеченских сторон, включая Д. Завгаева в г. Москве, имеют место очевидные намерения правительства Ичкерии (Д. Эльмурзаев, Р. Кутаев, Х. Бибулатов, А. Закаев, К. Махашев и др.), нейтральных авторитетов (Х. Мусалатов) разрешить эту коллизию в плоскости внутричеченского диалога с гарантиями безопасности, о чем сообщено и. о. Премьера ЧР Ю. Усамову. Последний в свою очередь представил первый перечень рекомендованных мер к совместному участию в работе

Объединенной комиссии с чеченской стороны. А именно в самое ближайшее время рассмотреть и решить вопросы:

1. Активного участия федерального центра в восстановлении на реальной коалиционной основе органов управления Чеченской Республики. Финансирование их деятельности поставить в прямую зависимость от эффективного решения этой задачи.

2. Прекращения одностороннего финансирования Правительства Д. Завгаева, в первую очередь МВД ЧР, в целях предотвращения очевидных негативных политических и иных последствий.

3. Целенаправленного и компетентного формирования единой историко-правовой основы процесса урегулирования кризиса в ЧР, принятия пакета соответствующих правовых актов по политическому, экономическому и другим вопросам, включая решение Государственной Думы о правовом преследовании участников вооруженных конфликтов на Северном Кавказе.

4. Упорядочения деятельности объединенной, согласительной, наблюдательной, переговорной и комиссии по розыску без вести пропавших. Определить их соподчиненность и механизм взаимодействия. Реализовать функцию Объединенной комиссии как совместного федерально-республиканского органа управления в ЧР на переходный период до 2001 года. Утвердить с учетом этого подхода положение об Объединенной комиссии.

5. Формирования единого аппарата Объединенной комиссии на основе представительства Правительства РФ в ЧР, приравняв условия материально-технического обеспечения и оплаты труда к соответствующим условиям, принятым для представительства Президента РФ в ЧР.

6. Выделения финансовых и материальных средств на восстановление, оснащение и обеспечение функционирования объединенной и других комиссий, их аппарата на базе комплекса зданий в Грозном, принадлежащих Представительству Правительства РФ в ЧР.

7. Формирования программы первоочередных мероприятий, источников их финансирования в тесной взаимосвязи с созданием на территории ЧР режима хозяйствования, максимально благоприятствующего ликвидации причин и последствий имевшего место кризиса.

4 ноября 1996 года».

В тот же день вечером Сергей Филиппович проинформировал меня о решении Президента Б. Ельцина об освобождении А. Лебеда от обязанностей Секретаря Совбеза и назначении на эту должность И. Рыбкина. Мы вылетели в Москву. Состоялась беседа с И. Рыбкиным. Он изложил свои подходы к работе Объединенной комиссии и предложил мне остаться в ее составе в должности первого заместителя председателя комиссии с размещением в Грозном. К руководству комиссии пришел Г. В. Курин. И. Рыбкин одновременно стал и полпредом Президента РФ в Чечне. Его заместителем с постоянным местом дислокации в Грозном был генерал МВД В. Медведицков. По прибытии в Грозный Виктор Константинович пригласил меня к себе. Мне показались бесконечными его вопросы о моей биографии. Спрашивал досконально, с перекрестными вопросами, получалось вроде допроса, а главное, с серьезным видом. Складывалось такое впечатление, что определялась моя дальнейшая судьба. Закончив беседу, попросил меня вечером снова зайти к нему. Все вместе мы размещались

в одном помещении казарменного типа рядом с аэропортом Северный на окраине города Грозный.

Наш городок по контуру был обнесен бетонным забором. Где работали, там и спали. Здание представительств: Президента, Правительства, МВД было двухэтажным, в комнатах жили по 3—5 человек с одним общим туалетом для всех проживающих. Здесь же жили командированные к нам из центра сотрудники. На первом этаже размещались комната для приемов (работала в плотном режиме), столовая с кухней и небольшая комната, где стояли тренажеры для поддержания физической формы и стол для игры в настольный теннис. Отдельно размещался в вагончике передвижной узел связи. В двух отдельно стоящих помещениях размещались подразделения спецназа МВД России и батальон МВД Чечни, штаб которого располагался за контуром городка. На них была возложена обязанность обеспечивать внешнюю охрану городка. В общей сложности кроме чеченцев работало и проживало вахтовым методом более 100 человек. Быт обустраивали собственными силами, в том числе оборудовали в полевом вагончике баню. Вечером зашел снова к Медведицкому. Виктор Константинович предложил присесть и, как принято для знакомства, по 100 грамм. Уж не знаю, сколько выпили, сколько сидели и о чем говорили, домой я шел на автомате. Все, что говорил трезвым на первой встрече, повторил, не сбиваясь, и во время второй. И утром не проспал. Проверили меня по полной программе.

Главным инициатором и организатором решения всех социальных проблем в трех помещениях представительства стал представитель МВД РФ генерал В. В. Пронин, впоследствии руководитель милиции города Москвы. По характеру сильный, волевой человек, хороший хозяйственник, сразу взялся за реконструкцию строительного вагончика под баню. Первая помывка превратилась в праздник. Радовались все, но не долго, замкнула проводка, и вагончик сильно погорел. Пожар ликвидировали, сделали из этого выводы на будущее. Владимир Васильевич сказал, что баню надо восстановить, и слово сдержал. Интересная деталь наблюдения. По внешности Пронина чеченцы принимали за земляка, и это в какой-то степени на первых порах помогало в вопросах собственной безопасности. Был случай, когда у министра культуры А. Закаева в далеком селе умер родственник, Пронин поехал на похороны и, как потом сам сказал, его там приняли как своего.

Существовали в автономном режиме, за продуктами ездили на местный рынок. Цинично, но война войной, а обед по расписанию. Я говорю о рынке, который в Грозном работал без перебоев даже во время стрельбы. Складывалось впечатление, что все знают это место, и оно свято. Равно как и в районе аэропорта Грозного с советских времен сохранились коньячные погреба, которые тоже никто не тронул. В то время зам. представителя МВД России полковник Г. Шпигун (впоследствии был убит бандитами) периодически ставил на стол канистру кизлярского коньяка, поведая, откуда он его достал. На рынке было много браконьерской белуги из Дагестана. В осенний сезон ели черемшу с добавкой томатной пасты — хорошее витаминное подспорье. Нужно отметить, что цены на все товары были просто смешные, и ничего удивительного в этом не было.

Представительства работали в круглосуточном режиме. Проводили очень много встреч с представителями власти и общественных организаций. Приезжали простые жители Чечни, рассказывали о складывающейся ситу-

ации в республике. Вечером вся информация обрабатывалась и после обмена мнениями по подотчетности докладывалась в Москву, для этого имели прямую правительственную связь с Москвой и регионами России. В городе Грозном использовали для работы помещение бывшего территориального управления рядом с МВД Чечни.

Наступило 10 ноября — День работника милиции. День для меня стал особенным. Вроде бы ничего этот день не предвещал. Вечером собрались руководители всех структур и подразделений у В. К. Медведицкого поздравить его с профессиональным праздником. Был накрыт, как положено, стол, и вдруг звонок. Моя супруга: «Валя, Катя родила мальчика — 3,5 кг». Ура! Мент родился. За мента!

Пребывание федеральных войск Министерства обороны и войск МВД на территории Чечни сдерживало активность бандформирований. А руководство Чечни постоянно давило на нас, понуждая к завершению мероприятий по выводу сил и средств, входящих в состав Временных объединенных сил, выполняющих задачи по разоружению всех незаконных вооруженных формирований на территории Чечни. Работа, в соответствии с Указом Президента РФ, должна быть закончена к 1 сентября 1996 года. Процесс затягивался и, прежде всего, со стороны руководства Чечни, так как большой помощи от них по разоружению бандформирований не было. Видимо, они это и не могли, да и не хотели делать, пытаясь таким образом оказывать на Центр давление по выбиванию денег для бандитов. И у нас обстановка складывалась неблагоприятная. Надвигалась зима. Воинские подразделения размещались в основном во временных помещениях, без горячей воды. Стали постоянными дожди, которые размывали почву — чернозем, она превращалась в вязкую массу. Я заходил в эти палатки, картина удручающая. Боевого духа у воинов-призывников не было. Находясь в таких условиях, многие зиму не выдержали бы и погибли, и не от оружия. Соглашение все больше и больше стало склоняться к выполнению обязательств в одностороннем порядке. Передышка, данная Хасавюртом, не была использована обеими сторонами. И это было большой ошибкой. Российские военные и власти были пассивными наблюдателями за тем, что происходило в Чечне, а просчет Масхадова — в том, что он не пошел на совместные действия с Россией для ликвидации банд, безнаказанно действующих в Чечне.

Такая пассивность и безнаказанность и привели спустя три года к нападению Басаева на Дагестан.

28 сентября 1997 года в полдень в представительство Правительства прибыл А. Ильясов — помощник вице-президента ЧРИ В. Арсанова, и передал письмо следующего содержания: «Администрация Президента ЧРИ просит Вас оказать содействие в выделении самолета и обеспечении для него воздушного коридора Грозный — Баку на 29 сентября 1997 года в 13 часов и обратно 1 октября Баку — Грозный в 11 часов для правительственной делегации в составе 7 человек во главе с вице-президентом ЧРИ В. Арсановым». Письмо было адресовано Г. В. Курину, находившемуся в командировке в Москве, и было подписано руководителем Администрации Президента А. Мамакаевой.

Мною был разъяснен порядок выделения самолетов для обслуживания высших должностных лиц ЧРИ. Но к сведению это разъяснение принято не было, отказ мотивировали тем, что чеченская сторона не может позво-

лить себе заказать самолет у тех, кто их бомбил. При этом А. Ильясов заявил, что самолет ими будет заказан по своим каналам, а представительство должно обеспечить воздушный беспосадочный коридор Грозный — Баку. В ультимативной форме было заявлено, что никакого промежуточного аэропорта не должно быть, равно как не должно быть в аэропорту Грозного российских пограничников и таможенников.

29 сентября 1997 года в 13 часов позвонил Ильясов и спросил, как решился вопрос по воздушному коридору. Услышав ответ, что полет будет обеспечен с промежуточной посадкой в аэропорту Минеральных Вод или Махачкалы, он в резкой форме предостерег о возможных негативных последствиях в случае необеспечения коридора. Он же сообщил, что самолет авиакомпании «Асхаб» вылетит из Москвы в Грозный ориентировочно в 15 часов. Затем аналогичные звонки повторялись неоднократно до 19 часов, когда было заявлено, что самолет в полете. Во второй половине дня 29 сентября 1997 года я позвонил М. Удугову и объяснил складывающуюся ситуацию. Удугов резко ответил: «Если так, то Вам здесь делать нечего».

Позвонил в Москву в центральную диспетчерскую службу, уточнил, какой самолет вылетает на Грозный, подтвердили — летит ТУ-134.

В 22.15 самолет совершил посадку в Грозном, и тут же последовал звонок от Ильясова. Он уточнял о воздушном коридоре, в ответ я сказал ему, что у экипажа нет лицензии на право полета в СНГ. Ильясов потребовал в грубой форме — немедленно прибыть в аэропорт, вопрос будет решаться на месте. Я спокойно заявил, чтоб он не хамил, или я прекращаю с ним все разговоры в такой форме.

Далее разговор состоялся уже с командиром отряда авиакомпании «Асхаб» А. Беловым, сообщил ему координаты ЦДС и предложил разрешить все вопросы.

В полночь получил звонок от секретаря Совбеза ЧРИ Д. Умарова, и снова в резкой форме уже он предупредил, что если до 6.00 утра не будет обеспечен беспосадочный полет, то представительство должно покинуть территорию Чечни. Я уточнил — это официальное заявление? На что получил подтверждение.

Под утро на меня вышел мой коллега, находившийся в Ставрополе, М. Дидигов. Поручил ему немедленно выехать в Грозный и явочным порядком выйти на А. Масхадова. Получился контакт только с В. Арсановым, который подтвердил требование покинуть пределы Чечни.

30 сентября 1997 года в представительство поступило письмо за подписью вице-президента Чеченской Республики Ичкерия Вахи Арсанова, датированное 28 сентября, следующего содержания:

«Руководством Чеченской Республики Ичкерия, через Представительство России в ЧРИ, был сделан запрос о предоставлении воздушного коридора для вылета государственной делегации ЧРИ во главе с вице-президентом из Грозного в Баку.

Вопреки тому, что Российская Федерация является правопреемником СССР, и в нарушение распоряжения Председателя Правительства России о беспрепятственном предоставлении коридоров для руководства Чеченской Республики Ичкерия до заключения специального договора, в удовлетворении нашей заявки отказано по надуманным мотивам.

Исходя из изложенного, предлагаю: Представительству Российской Федерации в Чеченской Республике Ичкерия до 24 часов 30 сентября 1997 года покинуть пределы нашей страны, если к тому времени вопрос с предоставлением воздушного коридора не будет решен положительно. С одновременным принесением официального извинения с указанием гарантий, что подобного не повторится впредь».

Вот так, ни много, ни мало: пошли вон из своей страны. И этот тип называет себя вице-президентом.

Устно опять тот же Ильясов добавил: «Выехать должны с личными вещами и без оружия». Распорядился выставить наружную охрану, блокировав въезд и выезд из представительства. Разговаривал со мной в присутствии трех сотрудников национальной службы безопасности, начальника линейного отдела милиции. Стал угрожать, что в случае невыполнения требований вице-президента внутренняя охрана будет разоружена, а на всех сотрудников представительства наденут наручники и отправят в подвал.

Задал вопрос командиру исламского батальона, охранявшего представительства, обеспечит ли он нашу защиту. Помедлив, он ответил: «В этой ситуации не выполнить указания своего бывшего командующего (В. Арсанова) я не могу».

Как они мне надоели с их мельтешением. Молчала и Москва. Упирался, как мог, занимаясь с ними словоблудием.

В обед удалось связаться с президентом Ингушетии Р. Аушевым, попросил помочь найти Масхадова.

После обеда снова появился Ильясов в сопровождении многочисленной охраны и сотрудников НСБ. Возле батальона охраны появились две патрульные машины ГАИ (кстати говоря, В. Арсанов до вице-президентства был прапорщиком ГАИ). Чуть позже подтянулись и БТР.

Нужно отдать должное, что поступали звонки и из МВД республики, интересовались складывающейся обстановкой. На предложение, сделанное зам. министра МВД С. Ферзаули прибыть в представительство и повлиять на обстановку, последний ответил, что его туда просто не пустят.

Вечером из Москвы поступило обращение Секретаря Совбеза России И. Рыбкина, адресованное А. Масхадову, передали его в секретариат Масхадова. Довел это обращение по телефону до Удугова.

Позднее в представительство прибыла группа представителей СМИ ЧРИ. В ходе пресс-конференции сделал заявление о незаконных действиях руководителей ЧРИ и хулиганских действиях их представителей на территории представительства России. Ильясов прокомментировал по-своему: «Вам осталось руководствоваться законами Российской Федерации 3 часа». В оставшееся до полуночи время он со своей сворой так и не покидал представительства, препятствовали ведению телефонных разговоров, оказывали психологическое давление с целью ускорить процесс выдворения нас за пределы республики.

В 23.40 в категоричной форме потребовали покинуть здание, пошли команды на отключение электричества, что создавало неблагоприятную обстановку, могло привести к вооруженному конфликту.

Сделал попытку позвонить по закрытой связи в Москву. Стал докладывать И. Рыбкину обстановку. Не дослушав до конца, он прокричал: «Что вы там все об...сь!».

Сказал, видимо, сгоряча. Первого октября получили от него телеграмму в адрес всех представительств, в которой Иван Петрович дал оценку произошедшему: «В этих условиях вы проявили спокойствие, личное мужество, организованность. Вашими усилиями удалось сорвать провокационные намерения чеченских экстремистов втянуть федеральные власти в конфликт, который мог иметь тяжелые последствия для России». Выразил слова благодарности за умение действовать быстро, надежно и профессионально.

За 5 минут до окончания суток еще раз пытаюсь установить связь через Удугова с Масхадовым. Получаю подтверждение на встречу. В ноль часов вместе М. Дидиговым едем к президенту Чечни. В кабинете кроме Масхадова был В. Арсанов, немного позже зашел и М. Удугов.

Масхадов никакого впечатления не произвел как руководитель, и было видно, что он не способен что-то изменить.

После состоявшегося диалога он попросил нас выйти и подождать в приемной.

Буквально минут через десять я зашел один к нему. Вся компания была на месте. «В сложившихся условиях отменить решение вице-президента я не могу. Ваша колонна движется в сторону города Слепцовск. Вам будет обеспечена охрана до границы с Ингушетией».

В сопровождении охраны прибыли в Назрань, на границе нас встретили представители МЧС РФ и МВД Ингушетии. Вместе с ожидаемой колонной сотрудников представительств начали движение в сторону города Моздок Северной Осетии.

В Моздоке нас встретил полпред Правительства России Г. Курин и так просто сказал: «Поехали в баню». Мылись лениво, долго, с наслаждением.

Утром я сказал Георгию Васильевичу: «Отпусти съездить домой».

Прилетел в Архангельск, не успел лечь спать, как зазвонил телефон. «Валентин Степанович, добрый вечер. Рыбкин». — «Слушаю, Иван Петрович». — «Сегодня подписан Указ Президента России об освобождении меня от должности полпреда Президента в Чеченской Республике и назначении тебя». — «Мне надо лететь в Москву?» — «Правильно понял». — «Хорошо, утром вылетаю».

Снова в Моздок. Все представительства разместились на базе военного аэродрома. Заняли часть помещений и дополнительно разбили палатки. С Чечней связь и контакты прекратились, работа шла только по линии Пенсионного фонда и через А. Саидова, советника представительства. Стали обсуждать вопрос, как вернуться в Грозный. А вернуться нужно было обязательно, и не затягивая, там осталась связь ВЧ. Долго не могли выйти на Масхадова, и все-таки наш телефонный разговор с ним состоялся. Договорились, что в представительство приедет М. Дидигов. Так потихоньку, мелкими шагами начали возвращаться на прежнюю базу.

30 апреля 1998 года в резиденции представительств России вечером, перед отбытием в Москву, решили поиграть в настольный теннис. Лучше всех у нас играл Виктор Иванович Баженов, генерал-лейтенант, зам. полномочного представителя Правительства РФ; желающих оказалось мало, остались болельщики. Владимир Иванович, нужно отдать должное, в войсках был разведчиком, крупный здоровый мужик, большой души человек, с хорошим крепким генеральским голосом, весом за сто кг. Но в его руках маленькая ракетка была продолжением его руки, а он сам преображался

в ловкого игрока, виртуоза подач и самой игры. Играем, как правило, на вылет, но так как желающих не нашлось, продолжили, и так незаметно 30 партий, стала кружиться голова. Почувствовав какое-то недомогание, я ушел спать. Надо было рано вставать и ехать в Назрань, далее в Москву. О своих поездках охране чеченского батальона мы не говорили, чтоб информация не была использована против нас, охрану брали сразу по выезду, ибо они располагались рядом в отдельном помещении и могли видеть любые наши передвижения за пределы резиденции.

Первого мая утром после завтрака я выехал из резиденции через город Грозный в сторону Назрани, самолет в Москву вылетал после обеда. Нигде не останавливаясь, начали движение. Дорога была не загружена. В районе станции Ассиновская Сунженского района Ингушетии нам навстречу двигались две легковые машины, как только мы разъехались, они буквально сразу развернулись, и одна из них, обогнав нас, преградила наше движение, а из другой, которая поравнялась с нами, выскочило несколько человек, вооруженных автоматами. Мне показалось, что и водитель, и охранник были готовы к этому, так как не было попытки с их стороны продолжить движение и тем более применить оружие против бандитов, сделать попытку защитить меня. Все прошло молниеносно. Подбежали к нам, сорвали дверь. Насильно вытащили меня из машины и затолкали в другую. Уже в машине натянули на голову мешок. На руки надели наручники и прикрепили их к верхней ручке двери машины. Машина сразу на большой скорости двинулась вперед, один из сидящих рядом со мной сказал: «Мы тебя взяли в обмен на Коригова Дауда (министр МВД Ингушетии, арестован в марте 1998 года за превышения должностных полномочий). Скажи, кому позвонить, чтоб состоялся обмен». Я сказал: «Кто заказал, тот и решать должен». — «Я не спрашиваю, кто должен решать, а кто может принять решение у федералов». Дальше была словесная перепалка в грубой форме, не подлежащая переводу, с введением в оборот чеченской речи. При попытке поднять голову и занять правильное сидячее положение получал удары по голове и силовое прижатие корпуса вниз.

Интересная способность человеческого организма. В экстремальных условиях его функции начинают работать по-другому. Мне кажется, что, не видя дороги, я ее представлял полностью, фиксируя и пробег, и повороты. И все отложилось в памяти: и сегодня смог бы восстановить этот путь в сторону лесного массива села Самашки, потом Ачхой-Мартан и Бамут.

Машина долго ехала и остановилась в лесу. Вышли, мешок с головы не сняли. На мой вопрос о туалете сказали: делай прямо здесь. Я попросил отойти в сторону, в резкой грязной форме повторили: или здесь, или в штаны. После этого долго ходили по лесу. Темнело. Вдруг команда: «Стой, ложись на землю, снимай одежду». Уточнили: всю одежду — догола. Лежать, не вставать. Мысли в голове всякие, казалось, прошла вечность. Неожиданно на тело упало что-то мягкое. «Одевайся», — бросили прорезиненный камуфляжный костюм размера на три больше, чем ношу. «Вставай», — брюки стали сваливаться, пришлось держать двумя руками, на которых оставались наручники, доставляющие небольшую, но боль; дали какие-то старые, стоптанные, меньшего размера ботинки без шнурков, видимо, чтоб ни смог бежать. Снова сели в машину, ехали молча, долго, и все делали какие-то петли, въехали в населенный пункт, остановка, видимо, у дома, так

как стал слышен скрип больших дверей, и машина заехала во двор. Вывели из машины и — за руки, чтоб не запнулся, повели дальше. Затем, низко наклонив голову, шли по какому-то проходу, над головой открылся люк: команда: «Поднимайся». В небольшом помещении сняли мешок с головы, я увидел две железные кровати, свободное пространство представляло три шага в длину и два шага в ширину, высота — если подняться на цыпочки, голова упирается в потолок. Люк огражден от нас решеткой из арматуры, от пола до потолка, дверь ограждения закрыта на большой висячий замок.

В комнате было еще двое — мужчина и женщина, похожие на иностранцев. Я поздоровался, ответили на английском языке. Нас оставили, закрыли люк. В помещении было жарко, сыро и душно, никакой вентиляции. На стенке слабо горела лампочка. В углу стоял молочный бидон для отправления нужды. Посредине комнаты стоял маленький столик и две такие же маленькие деревянные скамеечки. Мужчина назвал себя Джоном, а женщина — Камиллой, по возрасту оба моложе меня. Как будем общаться, они не знают русского, я английского. Но выход всегда найдется, особенно в экстремальных условиях. У меня вузовские знания немецкого языка, и мы с Камиллой стали пытаться понять друг друга, и на первых порах Джон чувствовал себя не в своей тарелке. Из общения почувствовал, что они немного понимают русский язык, но говорить проблемно. Камилла сразу предупредила, что говорить нужно только шепотом, или чеченцы могут — показала жестом — побить.

Она была невысокого роста, ладная фигура, русоволосая, с пытливым взглядом, казалась довольно симпатичной. В ней чувствовался сильный характер. Как я понял, они с Джоном муж и жена, хотя это было неважно, так как спали они вместе. В Чечню приехали по гуманитарной миссии из Великобритании, и вот уже полгода находятся в плену у чеченцев. Сейчас, говорят, здесь лучше, и к ним не применяется физических насилий, которые имели место ранее. Она поведала мне о жутком случае изнасилования ее чеченцем в предыдущем месте их нахождения. Это повторялось неоднократно и в присутствии Джона, которого привязывали к решетке. Чувствовалось, что они пережили сильный стресс и все еще находятся в состоянии страха и боязни за свою жизнь. Джон был в один рост с ней, волосы вразброс, кудрявые, темные, сразу я его как-то не понял. Других нет, будем жить вместе. Я прекратил разговор и упал в кровать. Она была железной, по размеру как детская, мои ноги вылезали между прутьями почти до колен.

Валентин Власов в плену

На большой кровати спали Камилла и Джон. На стене, над лампочкой, сохла тряпочка. Нетрудно было догадаться о ее предназначении. Погрузился в смертельный сон, утром англичане разбудили меня, проснулся весь в поту, одежда тоже была мокрой. В помещении душно, стены были влажными, по потолку бегали и ползали какие-то букашки и сороконожки. Воздух спертый, возможность доступа свежего — только два раза в день, когда открывался люк в полу при доставке еды. Ощущение удручающее. Камилла поведала, что у них отобрали ножницы и электронные часы.

С моим прибытием наверху стало тихо, не слышно ничьих голосов, перестали лаять собаки. В общем, наступила гробовая тишина. Смотрю, Джон сидит в позе лотоса и медитирует, после короткого разговора со мной этим же занялась и Камилла. Я постарался делать зарядку, не получилось. Руки вверх не поднимаешь, не позволяет высота потолка, и в сторону не размахнешься: кругом люди, от любых физических движений обливаешься потом. Под костюмом по телу будто текла вода. Мои соседи объяснили, как пользоваться молочным бидоном. Я открыл его крышку, из бидона вырвался невыносимый запах туалета.

Туалетные процедуры выполняли сидя на бидоне. Удивительно, что охранник, поднимаясь к нам, еще и ругал нас за невыносимый зловонный запах. Бидон, как правило, после наполнения выносился через 5 дней, и счастье было, что в течение дня, пока его не возвращали, запах в помещении менялся в лучшую сторону. Все познается в сравнении. Когда-то мои сокамерники, как они сами рассказали, ходили в туалет зимой на улицу, и охранники подгоняли их, так как самим было на морозе ждать холодно. Сегодня такой едкий запах согревал душу Джону, когда он сидел на бидоне в сыром жарком помещении, не думая о времени, вспоминая жуткие времена. Как говорят: в одном флаконе и столовая, и спальня, и туалет. Полные удобства.

Я стал наблюдать за их упражнениями, которые делались очень долго, кажется, они впадали в прострацию. И день для них проходил быстрее, а самое главное, они регулировали свое состояние, психику, душевное равновесие. Не утверждаю, но, по-видимому, это так. Прежде чем выехать в Чечню, они прошли определенную подготовку, и не только психологическую. С Камиллой как-то сразу сложились хорошие отношения, и я попросил ее научить меня этой гимнастике. Она предложила мне сесть на скамейку. Ее руки ладонями вниз по системе «цигун» и «тай-чи» стали обволакивать мою голову, плечи, тело. Вдыхая в меня вселенскую любовь и оздоровительную энергию через движущие потоки, мысленно посылала мне оздоровление. Я стал выполнять упражнения, которые она мне показывала. Лицо и тело начали расслабляться, мышцы перестали быть напряженными.

Первоначальное оцепенение проходит. И тут поднимается люк, и появляется человек в маске. В руках у него какой-то сверток с едой, англичане взяли его. Я задал вопрос о какой-нибудь одежде вместо камуфляжа, объяснив, что в ней невозможно находиться. В ответ услышал грубые слова и то, что он меня и всех нас, русских, к себе не звал. Я попытался разъяснить положение дел и какую работу проводит Президент и Правительство России в республике, о борьбе с бандитами и наведении здесь порядка. Я не знаю такой Ичкерии, знаю Чеченскую Республику, ее народ. Снова слова ругани попеременно по-чеченски и по-русски. «Заткнись, — сказал он, —

мы за тебя возьмем деньги, если нет, жизнь твоя закончится». Я понял, о чем-то серьезном с ним говорить бесполезно: пустая, приставленная следить за нами пешка. Ответил ему тем же, что его еще больше разозлило. Хлопнул люком и ушел. Повернувшись к моим коллегам, увидел на их лицах страх. Камилла пыталась мне объяснить, что своим разговором с чеченцем подвергаю их жизнь угрозе. Эти стражники являются нашей ниточкой к выживанию, передают нам еду и питье. Они могут оставить умирать от голода или прийти избить, заковать в цепи. Необходимо научиться контролировать свои эмоции, оставаться в самой выигрышной нейтральной позиции... задохнувшись, она присела. День и ночь прошли в полной тревоге ожиданий репрессий со стороны чеченцев.

Поначалу у меня было предчувствие, что все скоро закончится, и я буду освобожден. Мечты, мечты, где ваша сладость, ушли мечты... К сожалению, ошибался, и скоро стал это понимать. По истечении несколько дней принесли две пары легких спортивных штанов, а мне досталась еще и фланелевая тельняшка. Армейский костюм забрали. Приятной неожиданностью стало появление у нас шахматной доски.

Ночь прошла, утром тихо, без эмоций поздоровались друг с другом. Принесли, молча, завтрак; на вопрос «сколько времени?» маска только махнула рукой. После вчерашнего всплеска эмоций с удовольствием сели кушать. На завтрак подали копченую скумбрию. Я показал, как надо разделять такую рыбу. Джон удивлялся искусству разделывания рыбы и спросил, откуда я родом. На серой сырой стене пальцем начертил карту России и указал в месте Белого моря город Архангельск. Не слышали. С удовольствием стал рассказывать об архангелогородцах, моих земляках М. Ломоносове, Ф. Шубине и др. Стали кивать головой, слышали и знают. Меня порадовало. Камилла спросила про синяки на лице. Я ответил, мол, до свадьбы заживет. Она уточнила: что, я неженат? Нет, у нас обычно так говорят присказкой, что все пройдет. Мне свадьбы ждать не надо, у нас с женой двое детей и двое внуков. После этих слов она заулыбалась и порадовалась мне. Со своей стороны, не стал интересоваться ее семейным положением, но обратил внимание на пристальное наблюдение за мной Джона. Видимо, ему не очень нравились наши диалоги. Он никак не мог включиться в разговор из-за языкового барьера. А Камилла рассказывает: «Ночью я видела яркий сон: Линда Маккартни, жена солиста ансамбля “Битлз”, счастливо смеялась и говорила мне про белую лошадь, которую она гладила рукой. Вся странность в том, что я не имела никакого представления о том, что она любит лошадей... до нашего освобождения». Так я понял ее рассказ, и, казалось бы, помолчи, оставь ее с ощущением близкой свободы. Нет, надо мне было сказать: «Если я не ошибаюсь, то Линда в апреле умерла». Опять шоковое состояние, истерия Камиллы: «Мы не имеем никаких вестей о наших семьях, вдруг кто-то из них мог умереть, заболеть или попасть в аварию, мы ничего не знаем». Все, хватит, сказал себе, надо думать, врать и говорить только о хорошем, иначе подпишем сами себе раньше приговор. Перешел на другую тему.

Я спросил, что за желтый полиэтиленовый пакет висит за лампой. Камилла ответила: на нем написано, на английском языке, «праздник», и мы представляем, как будто это собственное солнце. Я улыбнулся, они ответили взаимностью. Давайте подумаем, как мы будем в этой духоте выжи-

вать — нас стало трое, воздуха стало еще меньше. Инициативу подхватили. И не я, а Камилла предложила ходить без одежды до прихода охранников, как услышим шум, сразу одеваемся. Да, но у нас нет трусов. Попросим ткань и разорвем ее на повязки. Нам, мужикам, понравилось такое женское предложение, вроде как состояние постоянного стриптиза будет вдыхать в нас надежду жить.

И так потекли дни, откладываясь в памяти. На стене зарубок не чиркали, не было необходимости в этом. Главное, выдержать и выжить. С величайшим интересом продолжал наблюдать, как мои товарищи практикуют «тай-чи» и «цигун». Места для совместного занятия не хватало. Джон и Камилла по очереди стали давать уроки китайской гимнастики, правда, по упрощенной программе. И я благодарен им за это. Гимнастика отвлекала от грусти, давала возможность поддерживать тонус, да и здоровье, укрепляла волю, веру. Растягивая время, чтобы дни летели как можно быстрее, замедляем все наши действия, и в том числе и потребление пищи.

Я ем быстро, даже очень быстро. Они в руки еще берут еду, я уже съел. Получил упрек: наслаждайся сначала присутствием пищи, пожелай себе и другим приятного аппетита, подумай об усвоении и полезности ее, а уж потом приступай к еде. Согласился. Им понравилось. Больше всего стала нравиться гимнастика, которую делали три раза, этим как-то стал планироваться и выстраиваться режим дня. Паузы заполняли изучением русского языка, на котором стали все больше и больше говорить. Камилла из-под подушки достала отрывной календарь 1992 года, по которому осваивала русский язык. Сначала читала стихи, я с помощью жестов старался объяснить их смысл. Стихи были о сборе грибов в лесу, первом крике кукушки весной, шелесте листвы. Камилле нравились образы, которые стихи вызывали в ее воображении; мокрая кора и мох, пение птиц, шорох деревьев на ветру, падающие с листьев капли. Она медитировала: серые стены вокруг меня исчезают, я стою в окружении высоких стволов лесных деревьев, или в поле во время сенокоса с поднятой головой, а солнце греет мою кожу.

Дополнительный материал для чтения они получали, после того как я просил чеченца дать туалетной бумаги. Конечно, никаких тройных бархатистых, мягких, чистых и белых рулонов, просто порванные грязные библиотечные книги. «Чабан», так называли охранника, он пас нас, сухо заметил как-то, что библиотеки и миллионы книг были уничтожены именно русскими бомбами. На что я опять полез в дискуссию: «Почему на свалке и в грязи, кто навязал народу эту войну? И что ты тут изгибаешься перед иностранцами. Бандит — это не народ...» И тут с его стороны снова понеслось! И мату достаточно, и на русском языке. И опять перепалка. Я снова: «Если ты мусульманин, то почему ругаешься матом, от тебя иногда несет водкой. Коран это не разрешает». Бедные мои иностранцы упали ниц и не дышали в ожидании, чем это все закончится. Наверно, мне везло, что я не один, а может, был бы один, такого и не было бы. Опять между нами наступила пауза. Они никак не понимали, зачем я вступаю в перепалку с «чабаном» и раздражаю его.

На листках книг содержались отрывки русских мифов и легенд, для англичан это сложно было понять, и они с удовольствием разглядывали иллюстрации. На одной из них орел парит над верхушками высоких башен в горах Ингушетии. Джону очень понравилось, он родился под знаком

теляца, и орел всегда для него был важным символом. Они с Камиллой погрузились в воспоминания, и я тут был лишним.

Не знаю, сколько прошло дней, но и тут есть «банный день». «Чабан» принес теплой воды. Ложусь лицом к стене, а они начинают мыться, обтираясь тряпкой с теплой водой, сливая все в таз. Объем и воды, и таза явно не рассчитан на меня. Мылись экономно, чуть досталось и мне. Я думаю, такую благодать мы, мужики, заработали благодаря Камилле. У нее, как и всех женщин, были проблемные дни, к сожалению, длились долго. Я до сих пор восхищаюсь ее терпением и мужеством. Был такой продукт — маргарин «Рама» в круглой пластмассовой упаковке, и она в этой небольшой коробочке выполняла все гигиенические действия. В моем мозгу не укладывались все эти тупость и сухость, безразличие и безучастие в помощи женщине со стороны чеченца, следящего за нами.

Мы попросили мыться холодной водой, «чабан» не понимает зачем: у нас полно теплой воды, зачем вам холодная? Показываем ему на блестящие стены и темные потоки струящейся с них влаги, грозящей залить пол. Образовалась плесень, ставшая похожей на рисунки белых гор на неровной поверхности. Помещение стало похоже на турецкую баню с каплями конденсата на стенах. Матрац на моей кровати, которая ниже кровати моих соседей, соприкасается со стеной, пропитывается водой. Я прошу Джона помочь мне сделать перестановку, передвинуть кровать в другое место, пока стена не высохнет. Получилось рядом с бидоном, но со стены не текла вода. Из трех стен одна была за решеткой, две постоянно почему-то были влажными. Стена, у которой спали Джон и Камилла, не была такой сырой. Но чем дальше, тем становилось невыносимее. Мой матрас и наша одежда стали влажными. Я попросил чеченца поднять все на улицу и высушить. Сначала было молчание, но, видимо, он понял, что это придется сделать. А то не выживем, и денег не дождется. К вечеру все спустили к нам. Мы схватили все: грязное, но настолько было приятно вдыхать свежий запах ветра.

Ночью разбудил стук, глухой удар, или приснилось, что кто-то спрыгнул в подземный ход. Все, как один, видимо, сон на всех один, вскочили, натягиваем одежду. Молча смотрим друг на друга. Ждем. Открывается люк, двое в масках движутся к нам. Со злостью высказали слова в наш адрес из-за одежды, в которой нас застали. Один в руках держит видеокамеру. Мне велели повернуться лицом к стене. Джона и Камиллу заставляют говорить на камеру: «Я, Джон Джеймс, как вы видите, все еще жив и хочу скорее попасть домой»; «Я, Камилла Карр, надеюсь освободиться как можно скорее, пришлите нам книги или газеты. У нас даже нет картинок, которые мы могли бы рассматривать. Десять месяцев говорю шепотом. Пожалуйста, пусть это будет последнее видео, которое мы записываем. Мы всех очень любим, думаем о вас каждый день. Простите нас, если мы разбудили вас среди ночи».

После интервью долго не могли уснуть. Каждый думал о своем, и, главное, вместе все сопереживали друг другу. Надежда выйти на свободу не покидала нас ни на минуту.

Проснулись с тяжелой головой. Опять занятия зарядкой. Попробовали играть в шахматы. Джон не умеет играть, пытаюсь его учить. Он оказался хорошим учеником, и уже не помню, сколько мы сыграли с ним партий, но две он выиграл. Сделали паузу. Я спросил Джона: «Сколько тебе лет?» —

«Сорок». — «Ведь у тебя в Лондоне, наверно, есть хорошая работа. Как пришло тебе в голову приехать в Чечню и работать, как говоришь, за небольшие деньги? Или под прикрытием волонтерской работы занимался другой? Не зная языка, ментальности и традиций чеченского народа, сеял свое». А он в ответ: мы приехали от НПО «Организация миротворчества и развития», которая занимается работой с детьми. Сами из небогатой семьи, не имели хорошей работы в Великобритании, поэтому и своих свободных денег нет. Но как люди, обеспокоенные судьбой детей, которые страдают во время военных действий, мы по доброй воле приехали в Чечню...

Меня это стало заводить, посмотрелся я на «работу» некоторых таких волонтеров. Но Камилла пришла на выручку Джону и не дала развить дальнейший диалог. Что-то у меня никак не складывалось с Джоном, может, потому, что он по знаку гороскопа телец — животное с рогами. А я лев. Мало того, Камилла стала упрекать меня, что не помогаю Джону делать черную работу по уборке помещения: «Ты плохо думаешь о нас». С другой стороны, опять же поддержала меня, укорив Джона: когда Джон, занимается йогой в пространстве между столом и моей кроватью, то повторяет одно упражнение несколько раз, а становясь в позицию «собаки», его «пятая точка» поднята к потолку и находится прямо перед моим лицом вплотную. Сочетание спертого воздуха в комнате и запах пота, исходящего от тела Джона, создает совершенно отвратительный аромат. В общем, Камилла каждому устроила «промывку мозгов», и тем самым развела нас по разные стороны.

Прошел месяц. Находясь в таком ограниченном пространстве, бодрствуя, можно практически слышать, что думают остальные, может быть, не слова, но, по крайней мере, энергетику. Даже когда никто не двигается, обстановка может быть нервной и изматывающей. Меня стали посещать мысли о возможности побега, с которыми я поделился с Джоном. Когда принесут еду, мы можем с ним вдвоем захватить чеченца, применив к нему силу. Джон напугался. «Эти идеи жестоки», — сказал он. Насилие плодит еще большее насилие, и в шанс освободиться он не верит. Шанс очень мал. Тогда я сказал: придумай свою версию. Камилла напугалась еще больше. Они, похитители, могут что-то почувствовать, и станут параноидальными и мстительными. Понял, кашу с ними не сваришь, а только буду раздражать.

Меня мучило и еще больше тяготило свое бессилие и беспомощность. Стыдно перед иностранцами признаваться в этом. Ведь я-то дома, на своей Родине, и непонятно, у кого в плену. Особенно не покидали черные мысли, что про меня думают наши, там, наверху. Как весь сюжет моего захвата подают СМИ? В какое положение пленение российского чиновника такого уровня поставило руководство страны перед зарубежным сообществом? Как используют данную ситуацию чеченцы? В голову хорошее ничего не приходило. Сильно переживал за жену и детей. И самое неприятное — это отсутствие всякой информации. Позже она стала через «чабана» доходить. Но, как говорят, есть две новости: одна плохая и одна хорошая, с какой начать?

Начиналось самое тяжелое время. Я стал получать только плохие для меня новости. Первая — убийство Акмаля Саидова. Акмаль родился в Узбекистане. Долгое время в период Советского Союза возглавлял представительство Узбекистана в Москве, а в связи с распадом СССР перешел на работу в российские структуры государственной власти. Работая в городе

Грозный, он все время находился в самом городе в здании бывшего территориального управления государственных органов власти России в Чеченской Республике. Здание было большое и размещалось во дворе здания МВД республики, там же был оборудован кабинет приема населения представительством МВД России. Вечером и ночью он оставался там один, оборудовал соответственно свое спальное место. И даже когда руководством ЧР была предпринята попытка выдворить все представительства России из Чечни — Саидов остался там. И какой-то период был единственным официальным гражданским лицом от федерального центра. Обладал уникальными навыками работы с документами, и каждый шаг, встречу всегда протоколировал, и довольно тщательно. Писал много, и порой читать его записки было тяжело, но при терпеливом чтении там всегда обнаруживались истина и глубина перспективы.

Саидов был убит жестоко, и я тяжело воспринял это известие. Позднее были сообщения о постоянной смене руководителей Правительства России. И не знаешь, верить этому или нет? Однажды «чабан» спросил меня, слышал ли я ночью стрельбу? Нет. Это, говорит, была попытка федералов отбить вас, но у них не получилось. Все убиты. Я снова обратился с просьбой принести какие-то книги для чтения. Молодой чеченец принес. Одна из них была посвящена чеченским событиям царского периода России. Другая оказалась мусульманской энциклопедией. А в третьей освещались вопросы фермерства с графиками построения дренажных каналов под коровниками. Читали с «интересом». Дни начинали расплываться в бесконечной рутине игры в шахматы, йоге, медитации, диалогов и молчании.

Температура на улице поднимается все выше. Кажется, что большую часть воздуха заменили водой, отчего становится трудно дышать. Мы стали еще больше потеть. Каждый день островков сухого цемента становится все меньше и меньше. Теперь уже и пол становится сырým.

Одна из самых больших радостей посетила нас в это время. Наши вещи проветрили, постирали и, кажется, даже погладили. Камилла схватила охапку возвращенных вещей и уткнулась носом, упиваясь запахом теплого, летнего ветра, который еще остался в них. Это был божественный аромат в нашей душевной болотной атмосфере. Камилле вернули нижнее белье, отбеленное, чистое после ее критических дней. Чеченец все-таки проникся чувством сострадания к ней. Я думаю, это исходило от его жены. Для Камиллы же было счастьем такую чистоту держать в руках. И я с удовольствием наблюдал это действо и радовался вместе с ней.

С изменением температуры наша комната стала привлекать грызунов и обитателей пруда. Сначала быстрое перебирание мышиных лапок вокруг ножек стола в полутьме. Кинул в них мокрый, тяжелый тапок, не попал.

По нашей просьбе люк стали держать открытым. Вроде как для усиления циркуляции воздуха, но мы не почувствовали это. Зато почувствовали свойство открытого люка — стали уменьшаться клаустрофобия и страдание от удушья. По полу запрыгали маленькие лягушата, Джон выбрасывает их в дырку, надеясь на их спасение. Я нападаю на все, что движется и летает, и не оставляю шансов выжить ни осам, ни паукам, ни большим тараканам.

Самый грустный опыт общения с животными мы получаем, когда слышим хлопанье крыльев птенца или птицы, который становится все отчетливее, но не можем понять где. Кажется, птица куда-то залетела, а выбратъся

не может, вдруг слышится еще один такой же шум. Видимо, прилетела помощь. Яростное хлопанье крыльев продолжается несколько дней и становится все слабее и слабее. Для нас была такая же пытка, как для самого птенца. Я попросил чеченца что-то предпринять для его освобождения, но он сказал, что это в трубе, не объяснив, в какой. И все бесполезно. Зловоние смерти из подпольной канализации проникает к нам. Обнюхиваем стены и стараемся закрыть дырки, благословляя дух птенца, который теперь свободен от своей земной оболочки. Такое небольшое количество живых существ, которое находит дорогу в наши «апартаменты», говорит о том, в каком недоступном месте мы находимся.

Становится все жарче, и начались грозы. Мы слышим эхо раскатов грома, а может, войны, надеемся, что все же грома. Принимаем решение о генеральной уборке места своего проживания. Прошу чеченца принести совок и голик. Начинаем уборку по очереди своих мест и поражаемся наличием большого количества волос по углам. В отсутствие ветоши я взял синюю тряпочку, вырезанную из полотенца, чтобы протереть скопившуюся влагу вокруг туалетного бидона, и после завершения работы, открыв крышку бидона, бросил ее туда. «Как ты можешь, это особенный кусочек ткани, он для меня дороже золота», — гневно процедила Камилла. «Зачем так нервничать — мы попросим еще тряпок», — пояснил я. Глаза ее гневно блеснули, в них была злость. Я открыл крышку бидона и полез туда рукой, чтоб достать «золотую» тряпочку. Камилла в ужасе хрипит «ньет, ньет, ньет, ньетьдо». Мы оба успокаиваемся и жмем друг другу руки. Джон во время этой сцены остается спокойным и молчит, как удав.

Какие мы разные, мужчины и женщины. Самое страшное, что иногда мы, мужчины, не понимаем женскую слабость, не умеем помочь, а иногда и простить. У Камиллы из-за жары и долгого пребывания в нечеловеческих условиях, видимо, сильнее стал проявляться предменструальный синдром. Всплески ее эмоций нас все больше и больше стали раздражать. Я думал, паре легче, так как они общаются постоянно друг с другом, о чем-то много говорят, и я, конечно, для них чужой по всему. Втроем сели на скамейки, рассуждая о системе ценностей, различии наших культур..., но вот ведь, сейчас живем в одном маленьком бетонном мире. Это наше государство, и мы учимся им управлять. Предлагаю Джону стать мэром нашего царства, он больше молчит, и, думаю, лучшим будет судьей среди нас. Согласились. Камилла: «Хорошо, что мы помирились». «А мы и не ссорились, — говорю я. — Просто громко поговорили». И все засмеялись.

Стали рассуждать о свободе. Согласились, что это состояние души. Вдруг Камилла решила на отчаянный шаг: «Валентин, не помешает ли тебе или не создаст неудобства, если я сниму верхнюю часть одежды, климат в помещении вызывает у меня дополнительный стресс и удушье. Я уже поняла, что нагота для мусульман носит совершенно другой смысл. Я думаю, у вас это не вызовет никаких сексуальных фантазий или переживаний». Вот женщины, не мытьем так катаньем. Я ответил: «Нет проблем». Одевание наше выглядело как «труляля и траляля» с одинаковыми одеждами, она в мини-юбке, мы в набедренных повязках. Но, действительно, стало легче.

Сострадательную натуру чеченца, смотрящего за нами, мы почувствовали позднее. Однажды он приходит без маски, садится напротив решетки. На нем белая тубетейка, домашние туфли. Невысокого роста, с круглым,

без бороды и усов, лицом, с темно-русыми волосами. Лениво зажег сигарету, смотрит и улыбается. Начинает со мной разговор. В нем чувствуется какая-то расслабленность. Спокойно рассуждает об истории Чечни, говорит о страданиях, которые перенесла его семья при депортации чеченцев в Казахстан, где он родился. Его братья и сестры умерли во время переезда туда на грузовиках. До войны работал шофером, рассказывал о том, что, когда приезжал из других регионов России, на границе Чечни милиция осматривала багажник машины. И не пропускали, если в багажнике не было денег, которые нужно было им отдать, то есть поделиться. Понятие «взятка» для них не существовало. Говорит об ужасе войны сегодня, сожженных селах и непонимании простых чеченцев всего, что происходит у тебя дома. И сегодня, как и раньше, у него большая семья, и он работает у себя в огороде, и за нас ему платят небольшие деньги. В основном рассчитываются продуктами, которыми он должен поделиться с нами. Надеется, что за наше освобождение ему заплатят из суммы выкупа. Рассуждает, что Россия всегда хотела контролировать области, практикующие ислам, а не христианство. Не давала возможности развиваться им независимо.

В его словах не было желчи или обвинения, просто рассуждал с чеченской точки зрения. Я ему стал пояснять сложившуюся сегодня ситуацию, и в связи с чем сложилась такая обстановка, что произошло в республике. Рассказал о своих поездках по Чечне, встречах с людьми. Рассказал о так называемой власти в республике, и как ведет она себя по отношению к своим согражданам, разворовывании бюджетных средств, выделяемых пенсионерам, убийствах и заложниках. Тоже говорил ровно и спокойно. Он начал осторожно говорить о возможном освобождении англичан, при этом обо мне ни слова, сказав, что не владеет никакой информацией.

И такие встречи стали продолжаться, но за рамки ранее сказанного не выходили. Мы стали с ним играть в шахматы, и победы и проигрыши нас не расстраивали. Я попросил его, если есть возможность, обрезать мне волосы, которые сильно выросли; голова все время была сырой, и в волосах могла завестись всякая зараза; выросла борода, которую раньше никогда не отращивал. Моим друзьям она нравилась, но посмотреть на себя было не во что.

Англичане были удовлетворены нашими встречами, в них вселялись покой и спокойствие за свою жизнь. Особенно после слов, которые он сказал им, показывая на меня: «Хороший мужчина!» Но у меня это вызывало какое-то нехорошее предчувствие.

Однажды вечером мы лежали на кроватях, и вдруг появляется голова чеченца, прокрался тихо. Его глаза расширились, когда он увидел нас в таком раздетом виде. Выразил свое недовольство, пробубнил что-то про видео. Сон не пошел, ночью снова съемка. Теперь уже со мной. Сначала фото на полароид. Дали в руки фотографию и сказали поставить под ней подпись и дату. Подписал. Засомневались в подписи. Снова фото, и опять подпись, отдали кому-то в люк посмотреть. Подтвердили. Предыдущую фотографию я уронил на пол, и они не вспомнили о ней.

Мои соседи стали чаще молиться, видеть сны. «Столб фиолетового цвета, который светит насквозь, фиолетовый цвет приходит ко мне во сне, это свет исцеления и прощения», — рассказывает Камилла. «Множество людей молятся за нас, и я прошу их поумерить свои молитвы, они не дают мне

спать», — жалуется Джон. Мне нечем поделиться, а врать не получается. Но сны все-таки имеют место быть.

Буквально в последующие дни молодой чеченец, не дав завтрака, рано утром протягивает Камилле и Джону конверт: «Письма, читайте и отвечайте, у вас десять минут. Все мне вернете», — сует бумагу в клетку и шариковую ручку. Покидая нас, еще раз дал понять, сколько есть времени, показав десять пальцев. У моих соседей от радости и волнения затряслись пальцы рук, я помог вскрыть конверт. Осторожно вытаскивают содержимое.

Это была первая для них почта. Джон осторожно вытаскивает листочки: письмо от его отца, другое от его матери. Камилла получила весточку от сестры и еще от матери с несколькими фотографиями. Словами сложно описать их состояние. Они остались одни во всем мире, и никого не существовало, кроме них, так они выглядели при чтении писем. Групповое фото на прощальной вечеринке перед отъездом в Чечню, в руках бокалы вина. Камилла рассказала обо всех, кто запечатлен на снимках. Говорила быстро, вздохнув, с восхищением и любовью к каждому.

Быстро набросали несколько ответных строк. И весь букет солнечного света оказался в руках охранника, который исчез в люке. Настроение у них, с одной стороны, вроде и улучшилось, а с другой, ухудшилось так, что просто хотелось плакать. Письма датированы концом декабря, и опять все задаются вопросом: «Как там дома?» Весь последующий день Камилла с Джоном только об этом и говорили. Они ушли в воспоминания. Но через некоторое время для них наступил настоящий праздник, чеченец вернул им всю почту и в придачу маленькую пластиковую бутылочку таблеток арники. Правда, прежде чем отдать таблетки, он спросил: «Вам это нужно?»

«Да, да, — сказала Камилла, — это очень хорошее лекарство». Радости не было конца, они готовы были расцеловать охранника. «Арника» хорошо помогает от стресса, и мы вместе приняли несколько таблеток. Приятно было смотреть на лица моих «однопольчан». Долгое время Джон и Камилла читали и читали письма родных и близких, ушли полностью в английский язык. Забыли про меня. И только немного позже стали делиться прочитанным, своими воспоминаниями о прожитом. Но я еще раз убеждаюсь, какие мы разные в своих рассуждениях, отношениях. Потому что жили и воспитывались в разных государствах со своими социальными условиями, хотя слово «мама» для всех звучит понятно.

С некоторых пор электричество стали выключать чаще и чаще. Мы попросили свечи. Их принесли, сначала парафиновые, белые и толстые, дали спички. Предупредили, чтоб зря не жгли. Спички завернули в целлофановый пакет, чтоб не отсырели. Стали умнее, после того как весь день провели в темноте из-за того, что спички никак не чиркались и не давали огня. Лампочка, видимо, тоже давала тепло и как-то сушила воздух. Нас, словно одеялом, окутывает тяжелая влажность. Камилла: «Джон, мне не хватает воздуха, я не могу нормально дышать!» В ответ: «Помни, что тебе нужно только 2 % кислорода, чтобы выжить, я раньше этого не знал. Дыши ровно и спокойно». Опять медитация. Камилла: «Я представляю леса Амазонки и индейцев, живущих там, которые убеждают мои тело и разум адаптироваться к жаркому и влажному климату, так же как они адаптировали себя. Я представляю себя тропической лягушкой, весело прыгающей в жаркую и сырую погоду с радостной лягушачьей улыбкой на лице».

Мы учимся адаптироваться в этой среде. Несколько дней темноты в полубессознательной испарине, мы забрасываем свои конечности на стены или вытягиваем их в воздух, чтобы уменьшить соприкосновения с мокрой горячей кроватью. Камилла при свете свечи сосредоточивается на вышивании на платке бутона розы посередине и четыре небольших по краям. «Кому это?» — спрашиваю я. «Дочери охранника, когда мы уйдем, за ее помощь мне по женским делам, что сделало мои условия пребывания здесь более сносными». «Молодец», — сказал я. Джон медитирует, скрестив ноги на кровати. Я безвольно лежу на металлическом остоле кровати, так как матрац забрали на просушку.

Условия, в которых мы живем, прекрасны для развития плесени, и я удивляюсь, как мы еще не заросли грибами! Мы все страдаем от раздражений, у меня конъюнктивит на обоих глазах. У Джона и Камиллы тяжело закрываются глаза ночью из-за колющей боли, причина которой — высокая жара, влажность и единственный яркий свет в комнате — от лампочки. По утрам слой клейких песчинок не дает раскрыть веки. У Камиллы еще проявилась молочница, но больше стала волновать инфекция — воспаление на пупке. Как она говорит, у инфекции есть определенный цикл, боль становится невыносимой каждые семь дней. Она лежит часами на спине, держит руку на животе, посылая в пупок энергию исцеления. Я стал их понимать, что усилия по медитации не проходят зря: уж если таким образом невозможно вылечить вирус, то, по крайней мере, можно успокоить разум.

Наступает другая проблема с едой, ее количества не слишком мало, а наоборот, слишком много для переваривания в такой жаре. Страдания запорами заставляют обратиться к охраннику за таблетками. Англичане решили сесть на четырехдневное голодание.

Но не тут-то было. Это вызывает гнев «чабана». Интересный диалог. Камилла: «Мы очень благодарны за еду, но здесь наша физическая активность очень низка, весь день мы ничего не делаем, используем только наш разум, а это сжигает не так уж много калорий». В ответ: «Это плохо, что вы не едите». Беседа врача санатория с пациентом, вот уж действительно, вопрос жизни или смерти. Я вступаю в диалог, пытаюсь помочь англичанам в этой ситуации, вроде убедил. На ужин принесли сырую морковь, слегка вареную свеклу, квашеную капусту и лук. Такое продолжается несколько дней, начинаем выправлять свои внутренности.

И все-таки жара и нервы продолжают наступать на наше здоровье. У меня начались боли в спине. Лежу, скрючившись на кровати, пытаюсь менять позы — не помогает. Джон пытается мысленно послать мне исцеление. Боли усиливаются и становятся невыносимыми. Камилла предложила свою энергетику. Насколько хватает терпения, встал с кровати, Камилла стала массировать спину, затем стала водить ладонями по поверхности спины и объяснять мне разницу температур участков спины. Правая почка довольно сильно холоднее левой, здесь есть проблема. «Позволишь мне продолжать свои процедуры с твоими почками?» — спросила она. «Да», — ответил я. Другого варианта никто не предложил. Становилось на время немного лучше, но боли возобновились вновь. Я прошу чеченца как-то помочь мне. Долго не было ответа, видимо, шли какие-то консультации, а боль продолжала напоминать о себе. Неожиданно он приходит и дает несколько шприцов и ампул, содержащих антибиотик. Джон: «Валентин, я помогу тебе».

Я делаю удивленный взгляд. «Да, да, перед поездкой в Чечню я прошел курсы оказания первой медицинской помощи. У меня есть сертификат», — продолжил Джон. После всех сделанных уколов Джон признался: «Я делал это впервые. На курсах мы практиковали на воздушных шариках». «Молодец», — сказал я ему. Боль отступила.

Наблюдения Джона. Волосы Валентину начинают лезть в глаза, и это его жутко раздражает, поэтому он спрашивает «чабана», можно ли как-то организовать ему стрижку, и «чабан» с улыбкой в пол-лица и огоньком в глазах говорит, что он это устроит. Позже в этот же день появляется молодой чеченец в белом халате, с парой больших профессиональных ножниц для стрижки баранов и расческой. Сцена стрижки выглядит сюрреалистично. Он сидит на скамейке в центре комнаты, а чеченец, в маске и халате, проворно стрижет ему волосы. Светлые локоны летят во все стороны, и на голове Валентина образуется классическая мужская прическа. Чеченец стучит по прутьям решетки, подавая сигнал, что его пора выпускать. Он стучит снова и снова, потом сдается и решает подождать, спиной к нам, плечи сгорблены в отчаянии. Он был закрыт вместе с нами, видимо, для того, чтобы мы не решили победить его и убежать, но, к несчастью, его никто не слышит. Пусть немного побудет в нашей шкуре, ха-ха. Внутри невероятно жарко. Не представляю, каково ему в длинных штанах, футболке и рабочем халате, да еще в шерстяной черной маске. Валентин хочет с ним поговорить, предлагает воды. Он резко отмахивается, даже не снизойдя до него. Обстановка накаляется. В конце концов, мы слышим движение, и появляется звенящий ключами «чабан», чтобы освободить своего сына-парикмахера из этой душной тюрьмы. На этом все стрижки закончились, желание пропало у всех.

После многодневного вынужденного голодания дважды принесли не прожаренные до конца баклажаны, приправленные чесноком. Решили полностью очистить наш кишечник. Камилла отравилась и несколько часов, согнувшись пополам, просидела у туалета, периодически садясь на него, производя ядовитые запахи. Меня с Джоном это обошло. Но зато она избежала чистки ушей. Мы с Джоном становимся глуховатыми, начинают побаливать уши. Он прикладывает ладонь руки к уху и греет его, я предлагаю другой вариант, отпустив шутку, что этому его на курсах не учили. Сначала он не понял, о чем идет речь. Зажигаю свечу и, спустя несколько секунд, сливаю на столик разогретый парафин. Затем скручиваю массу в трубочку и вставляю тампон в ухо. Прогревает, и сильно. На первых порах помогало. У меня этот процесс затянулся, так как инфекция шла от конъюнктивита. Впоследствии уже в Москве на медосмотре врач сказала мне, что очень тонкая ушная перепонка. Я рассказал ей этот сюжет. Она сказала: «Вы с ума сошли, можно было прожечь перепонку и остаться глухим». Я спросил: «В таких условиях был вариант?» — «Нет».

Наблюдения Джона. Мне жара начинает казаться невыносимой, на моем теле появляется красная сыпь, а голова болит все время. Немного успокаивает влажное полотенце, обернутое вокруг головы. Но сегодня вечером я почувствовал невыносимое напряжение в голове. Кроме сыпи на лбу появились две красные шишки, похожие на рога. Эта жара становится последней каплей, которая переполнила чашу терпения. Гово-

рю Камилле, что сейчас начну кричать. И начинаю орать так громко, как позволяет мой измученный голос. «Я не могу больше это выносить, мне очень надоело, сколько еще будет продолжаться эта чертова жара? Выпустите нас!» Валентин снисходительно пытается успокоить меня, похлопывая по моему плечу и повторяя: «Ну, хватит, хватит, спокойно, спокойно, Джон, ты же мужчина». Я начинаю кричать на него, выплевывая весь яд своего бытия. Через несколько минут мы слышим топот, кто-то бежит. Голова «чабана» появляется в дыре: «Джон, Джон, что случилось, в чем проблема?» Продолжаю кричать на него по-английски: «Вам хорошо, вы можете выйти на улицу и дышать свежим воздухом, можете гулять вокруг. Я застрял здесь, и даже не знаю, что меня ждет завтра!». Встаю на колени, всхлипывая, слезы текут из глаз, сопли из носа, голос окончательно охрип. «Чабан» в унисон Валентину: «Ты мужчина, ты мужчина, прекрати плакать». Фуф, какое облегчение внутри, но я продолжаю. Теперь уже играя на публику. Но он не догадывается об этом, предлагая мне разные вещи, которые могут улучшить мне настроение: «Хочешь сок?» «Нет, я хочу свободу». Тогда он говорит: «А хочешь услышать Лондон, Би-би-си?». «Да, да!» — отвечаю я. Хотя не понял, о чем он говорит, но кажется мне — о радио. В любом случае, несколько минут спустя я успокаиваюсь, а он подбадривает меня, говоря, что я хороший человек, но я чувствую, что внутри он насмехается надо мной, потому что чеченские мужчины не плачут, и их никто не видит плачущими. Я подумал, что я плохой артист и провалил тест.

Наблюдения Камиллы. Я тоже рыдаю, хотя знаю, что Джон играет на публику. Ни «чабан», ни Валентин не знают, во-первых, как Джону больно, а во-вторых, какую смелость он проявил. Он никогда бы не стал себя так вести с нашей «фантастической четверкой», но, чувствуя сердобольную натуру «чабана», рискнул в надежде, что его слезы сыграют в нашу пользу, и угадал. На следующий день молодой чеченец принес маленькое радио. Такой отличный подарок стоил нескольких минут безумия.

Для меня ночь наступила с тревогой. После такого всплеска эмоций не было гарантий, что действительно такое безумие может физическим способом не отразиться ночью на мне. Сон прошел в темноте, дремоте и незаметном наблюдении за поведением Джона.

Получив такой подарок, утром в головах пронеслась мысль: «Хорошо, как же долго мы тут еще пробудем?»

Но любопытство победило, и спустя полдня Джон пытается поймать Би-би-си. Не получается. Просим чеченца принести что-нибудь для настройки антенны. Принесли алюминиевую вешалку, самый плохой металл, чтобы ловить радиоволны. Остается одно: поднести к самому уху и слушать по очереди. Я на русском, они — на английском. Коротковолновое радио — это потрясающее изобретение, коротковолновый сигнал отскакивает от ионосферы в наш подземный бетонный бункер в центре Чечни.

Камилле не терпится услышать мир, прислонив радио к уху. «В пустыне Монголии ищут диких верблюдов, один уже обнаружен во рву. Подходя ближе, мы видим, что сорвали куш, так как это не просто верблюд, а самка верблюда, которая рождает детеныша. Чувствую горячий воздух и твердую землю под ногами, слышу стон верблюда и крики радости моих компаньо-

нов, когда детеныш рождается, весь мокрый и блестящий на солнце. Картинка расплывается, нагретый солнцем воздух сменяется несвежим потоком из подземелья, а песок бетоном».

Я подумал, она бредит. Нет, она видит, она хочет видеть таким мир, чтобы уйти из реального ада. Женщина, как и природа, создана для созидания.

Камилла продолжает: «Би-би-си транслирует музыкальное произведение и, по-моему, Пуччини». В этот день я им не мешал и не отвлекал.

Наступила первая ночь после общения с внешним миром и надеждой продолжать мечтать во сне. Вдруг шум у люка. Я быстро поднялся. Джон едва разлепил веки, помог войти в реалии бытия Камилле. Открывается люк, влезает двое, открывают замки и проходят в наш «бетонный будуар». В руках держат видеокамеру. При мне такая процедура проходит второй раз. Я сел, команда: «Лечь спиной к стене». Хотя и в маске, узнаваемый по голосу «чабан» указывает Джону и Камилле говорить в камеру. Без предварительного согласования текста, как будто прямой эфир, делает жест: «Говорите, говорите». Камилла встает и при включенной лампочке становится похожей на испуганного крота. Говорит: «Сейчас середина августа, ваши письма и фото, датированные декабром, до сих пор доставляют нам удовольствие. Люблю вас, и не забудьте прислать еще фотографий, если вам это разрешено». Джон продолжает: «Это первый раз, когда я говорю нормальным голосом, хотя я уже привык говорить шепотом. Очень жарко, нет окон. Хотим ваших писем и газет. Всех любим. Пожалуйста, поторопитесь, я не знаю, сколько еще времени мы продержимся. Помогите! Я не хочу, чтобы мои родители волновались и сходили с ума, и поэтому добавляю: мы продержимся!» Чеченцы ушли, наступило гнетущее состояние. Ничего не сказали, и не знаем, кому и что сказать. Может, сказанная правда о нашей тяжелой участи и произвела бы впечатление на правительственные структуры, которые занялись бы тем, что вызволили нас отсюда. Неоправданно еще больше разозлились сами на себя.

Как-то раз Камилла спросила, когда у меня день рождения. Я сказал, что в августе. «Можно уточнить дату?» — «20-го».

Англичане стали чаще впадать в депрессию и от радио почти не отходили. Батарейки в таком климате садятся почти каждую неделю. «Чабан» меня предупредил, что батареек давать не будет. Донести до англичан такую информацию, значит, получить новый всплеск ненужных эмоций. Я предложил им перейти на утренние и вечерние эфиры новостей. Восприняли молча и с тревогой. Но поняли, нужно подчиниться. 20 августа Камилла порадовала меня приятной новостью, с утра объявив, что по радио услышала, как меня диктор поздравил с днем рождения, а от себя и Джона достала из-под подушки тряпочку с надписью «С днем рождения, Валентин, с любовью Джон и Камилла!» Я и сегодня храню этот подарок. Насчет эфира она наверно шутила, но все равно было приятно получить такое поздравление.

Как-то наемдни «чабан» обмолвился, что англичан могут освободить 5 сентября, осталось десять дней. Не представляю, как это будет выглядеть. Проходят дни, наступает пятое сентября, особо ни на что не надеемся, потом наступает следующий день. «Чабан» почти не заходит к нам, его сын стал какой-то отстраненный. Видимо, они просто устали от нас. После

5 сентября он намекает, что мы скоро уйдем отсюда, но на этот раз не чувствуется, что домой. Что-то наверху постоянно меняется, идет какая-то возня вокруг нас. Это все действует на психику. Появляются снова нездоровые мысли. Лето уходит. Как и где будем зимовать?

Джон и Камилла снова стараются схитрить: «Пожалуйста, можно мы останемся, нам здесь нравится, мы ценим ваше отношение», — обращаются они к «чабану». Его плечи опускаются, и он безучастно говорит: «Мы больше не можем за вами следить».

Девятого сентября, слушая вечерние новости по Би-би-си, Камилла всколыхнулась: «Джон, говорят о нас!» Джон прикладывает ухо к приемнику и слышит собственный голос: «Наши послания семьям из последнего видео». Я тоже подошел к радио, слушаю. Прежде всего, удовлетворение, что «наверху» знают. Знают обо всех. Журналист добавил, что один близкий друг надеется, что переговоры по освобождению возобновятся, и, возможно, будет прорыв в деле освобождения... Сколько еще месяцев или лет? Но сегодня, можно сказать, что они располагали более достоверной информацией.

Наступила ночь 14 числа, и «чабан» приносит ужин с известием, что вскоре будем выдвигаться. Я уточнил: «Все?» — «Да!» Все заволновались. У Камиллы от волнения началась преждевременная женская проблема. Настала время!

Снова их попытка «усласить» «чабана» результата не достигает. Команда: «собрать пожитки». Чтобы успокоить себя, в дороге всякое бывает, делаем аутотренинг, дыхательную гимнастику. Наконец, появляются наши зрители с кусками ткани, чтобы завязать глаза.

Нам надевают повязки на глаза и за руки спускают вниз. Наклонившись, в три погибели передвигаемся по одному проходу, потом снова какой-то люк, вытаскивают наверх. Неоднократно обо что-то стукаемся головой. Врывается свежий воздух, перемешанный с запахом соломы и овец. На улице. Открывается дверка машины, меня посадили на заднее сиденье. По скрипу и хлопанью дверей — видимо, узик. Я постарался запустить руку за сиденье — пустота и удар по руке. «Не лезь», — понял я. Хотя в голове, как всегда, нехорошая мысль — в пути могут накинуть удавку и выкинуть из машины. Машина двинулась в путь, чувствуется, едем по грунтовой дороге. Ехали молча, недолго, может, полчаса. Остановились, вышли, опять за руки нас повели в какой-то двор, часто запинаясь за что-то. Обувь никуда не годится. У меня практически отвалились каблук от тапочек, да и малы. У Джона протертые и зеленые от плесени кроссовки. У Камиллы всех лучше — шлепки «чабана», на два размера больше, но, тем не менее, удобные. Вошли в помещение и стали спускаться по небольшой лестнице вниз.

Помещение со стальной дверью в бетонно-кирпичном подвале, без окон, но, может, трижды больше размером, чем предыдущее, и, по крайней мере, метра в два выше. Есть место для передвижения больше, чем в три шага. Можно махать руками во все стороны. Определенно, прохладнее, чем в прежних «королевских покоях». Две кровати и стол с тремя стульями. В углу бидон от молока с эмалированной миской, пластиковая кружка, кусок мыла. На столе маленькая связка книг. По центру комнаты — единственная лампочка, расцветивающая все вокруг желтыми оттенками. К сча-

стью, есть полотенца, простыни, одеяла и подушки, хоть и потертые и давно уже отслужившие свое. Новый хозяин стоит в дверном проеме, молча наблюдает за нами, затем уходит, захлопывает дверь со звуком поворачивающегося в замке ключа.

Мы падаем в кровати. Джон бубнит молитву. Камилла подхватывает ее, вторя:

*Мы отдаем дань сегодняшнему дню,
Пище, которую мы съели,
Воде, которую мы выпили,
Воздуху, которым мы дышим,
Любви и свету, которые мы получили.
Мы отдаем дань этому дню.*

Утро... стальная дверь открывается. Фигура в маске входит с хлебом, яичницей, маленькими зелеными яблоками и тремя стаканами чая. В щели под входной дверью видны пара тапочек и сморщенные носки. Должно быть, его жена. Джон попросил какой-нибудь материал, чтобы соорудить ширму вокруг туалета и умывальника. Мужчина кивнул, но ничего не сказал.

После завтрака Камилла порылась в своих вещах и ужаснулась, там не оказалось приемника. Но тут же порадовалась коробочке от маргарина «рама», где хранит свои интимные принадлежности.

Уж, что там были за яйца, но у Камиллы случился приступ жуткой диареи. Как только судороги прошли, она поняла, что высвободилась мимо унитаза, разукрасив при этом стенку за бидоном. Обратилась к Джону помочь убраться. В ответ приступ эмоций: «Я не собираюсь иметь жену, которая не может даже за собой убраться». Пришлось убраться самой, используя куски одежды и кружку с водой. Соседи мои стали сдавать, большую часть времени проводят на кровати, Камилла стала плакать. Джон пытается массировать ей ноги, видимо, полегчало, успокоилась.

Вдруг появляется старый знакомый «чабан», подойдя ко мне, спрашивает номера телефонов, по которым можно дозвониться и обсудить вопросы моего освобождения. Домашних телефонов я не дал, сказав, что перед отъездом должен был переехать на другую квартиру, и как там сейчас, я не знаю. А другие номера назвал наобум. Если и нужны были ему телефоны, только для него лично. Не думаю, что он мог как-то участвовать в вопросах освобождения чиновника такого уровня. Я спросил о вероятности моего освобождения, он ничего ни сказал. Другого ответа я и не ожидал от него.

Наблюдения Камиллы. *На протяжении последних двух недель мы заметили, что Валентин испытывает трудности с мочеполовой системой. Джон предполагает, что это простата. Сегодня боли усилились, видимо, связано с переездом и нервами. Он стал стучать в дверь. Ответа нет. Стучать сильнее и громче. Ответа все нет. Возвращается в кровать и скрючивается от приступов боли. Джон начинает стучать в дверь, и, наверно, через пару часов появляется сердитый хозяин. Валентин говорит ему о своей проблеме и просит какие-нибудь лекарства. Тот ругается на непонятном языке, не верит, что Валентин говорит правду, и уходит. Джон снова стучит в дверь, а я лежу на кровати в слабости и с диареей. Навалилась на нас напасть. Мужчина возвращается злой и говорит, что*

у него на лекарства нет денег. Валентин просит связаться с «чабаном». Слышен шум мотора. И вообще, стало шумнее, постоянно слышны наверху какие-то голоса и шарканье ног. За стеной иногда слышен гул, похожий на гул самолета. Приходит «чабан» с лекарствами, садится рядом с Валентином. О чем-то говорят, я поняла, что с телефонами не получилось, не могут дозвониться. Когда «чабан» ушел, Валентин сказал новость, что через две недели нас могут освободить. «Что, нас всех?» — «Нет, — отвечает он, — только вас двоих». Это должно быть тяжело для него. Но мы уже столько раз слышали подобные обещания, которые никогда не выполнялись, и уже не надеемся.

Джон оказался неплохим хозяйственником, не зря я его сделал «мэром». Материал для ширмы мы получили, но не получается ее закрепить без дополнительных деталей. Счастье, что наши строители всегда что-то не доделывают. Во многих местах стен торчат различные гвозди и проволока. Потратив время на сбор материала, мы вместе все-таки соорудили ширму и стали жить, цивилизованно отделив спальню от туалета, пользователями которого пока в основном стали мы с Камиллой. Бидон, как и в предыдущем месте, наполнился быстро. Я больше не хочу описывать эти события и отвечать на вопросы: «Почему быстро и много?». Наслушались мы этого достаточно, видимо, у наших хозяев таких отходов из организма нет. На этой почве они ругались на нас очень часто.

Наблюдения Камиллы. *Новый хозяин стал нас ругать за большое употребление воды, угрожая, что он ограничит нас в этом. Валентин стал ему объяснять, защищая меня, что женщине нужна дополнительная вода, так как цикл идет несколько дней. «Это невозможно, у моей жены это длится три дня!» — в ответ. Два мужика, нашли, о чем спорить. «У тебя в Тереке воды хоть захлебнись, хоть потоп устрой. Чеченец ты или нет, так говорить о женщине», — стоит на своем Валентин. Я не могу не улыбнуться тому, как он заступается за меня и отстаивает продолжительность моего цикла. Благослови его Бог! Бормоча чеченские ругательства, сердитый хозяин просит Валентина и Джона принести наполненный бидон к двери и уносит его, чтобы вылить содержимое. Вечером слышали пение сверчков, которые сигнализировали о наступлении сумерек. Это наши единственные часы, и я жду их ночной песни. Они также являются нашей единственной связью с биоритмами природы.*

В пятницу утром света снова нет. Хозяин приносит на завтрак целую буханку непорезанного хлеба и кочан квашеной капусты и снова три стакана чая. Принес и огарок свечи. Чувствуется, что ему за нас не платят, и он отрывает от своей семьи. И все делает молча и без какой-либо мимики на лице. На мои попытки поговорить с ним не реагирует. Я прошу Джона сделать мне массаж. Он делает массаж стоп, там находятся все нервные окончания организма. Камилла сделала мне сеанс исцеления, руками проводя ими вдоль спины. Конечно, в таких условиях самовнушение великое дело, и в целом даже становится лучше.

Утром к нам в гости, неизвестно откуда, пришла коричнево-зеленая лягушка. Она появилась из угла, где стояла моя кровать, и стала прыгать по полу. Она берет курс влево, сокращая расстояние до закрытой металлической двери. Большой прыжок, еще один, она уже почти у двери и наме-

рена найти выход. На двери есть зарубки, по которым лягушка забирается все выше и выше, но потом падает вниз. С ней все в порядке, но не знаем, как дальше ей помочь. Такие попытки она сделала несколько раз, и все безуспешно. Но у нее хватило мудрости: она стала ждать, когда откроется дверь, чтобы выйти на свободу.

Да, это для нее стопроцентный шанс, которого нет у нас. Она ждет целый день, пока мы играем в карты в «дурака», в миллионный раз, картами, которые уже настолько протерлись, что трудно различать рисунки их рубашек, а числа и масти мы дорисовывали с помощью ручки. Интерес к игре пропадает, и мы начинаем бродить по «улицам» большого помещения, встречаясь и кивками приветствуя друг друга. Посмотрев на нас со стороны, можно сказать: с ребятами что-то случилось. А мы, не обращая внимания на взоры воображаемых прохожих, создаем свои фантазии. Джон спрашивает: «Куда ты идешь?» Я — «В Москву». — «Да, но это 2000 км». — «Почему километров? — Миль! Вон, видишь, чайки меня сопровождают и кричат “Упс”». Джон быстро отходит в сторону: «Эти чертовы собаки, опять загрязнили всю дорогу». Все заливаемся смехом.

Не услышали, как открылась дверь, и «мистер Сердитый», так мы называли нашего зрителя, на пороге с ужином. Лягушка тут же прыгает в образовавшееся пространство. «Ура!» лягушке и ее новообретенной свободе. Мы стояли довольные. «Мистер Сердитый» так и не понял, что с нами, но в душу не полез. Легкая медитация. Джон сделал мне массаж ступней. В кровать, спать и видеть сладкие сны... мы все надеемся.

Опять ночные побудки. Нас разбудил стук в стену, а может, его и не было. Нет, стук продолжается, громкие удары по стене, сопровождаемые чеченским шепотом. Я быстро вкручиваю лампочку. Слышны шаги по направлению к нашей двери. Внутрь входят «чабан» и новый хозяин. «Домой! Домой!» — говорит он, подзывая к себе Джона и Камиллу. Мы встали как вкопанные. Даже я не поверил в эти слова. Хозяин повторил: «Быстро одевайтесь и пошли». Повернув голову в мою сторону, сказал: «Про тебя ничего неизвестно».

Камилла и Джон стали собирать свои пожитки. Хозяин прервал их: «Не надо, домой!» Камилла стала креститься, перекрестила и меня. Забрали с собой какую-то мелочь. Я стою у своей кровати, в тапочках, длинной рубашке, безучастно глядя на происходящее. Камилла подошла ко мне, крепко обняла: «Тебе будет тяжело одному». Я похлопал ее по спине, еще раз крепко обнял и почувствовал ее теплую энергию. Подошел Джон, крепко обнялись. Взаимно пожелали удачи. Они ушли.

Наступила гробовая тишина. Один.

И действительно, стало тяжело. Говорить не с кем. Тишина мало стала радовать, а наоборот, вызывала отрицательные эмоции. Зритель в первые дни стал приходить один раз в сутки. Принесет разрезанный на четыре части кочан соленой капусты и буханку хлеба с оговоркой: все съесть. Желалось тяжело, особенно хлеб всухомятку, холодная вода не помогала. На следующий день заглянул, увидел на столе остатки пищи, повторил: пока не съешь, другой еды не будет. Кушать особо и не хотелось, одолевали другие мысли. Что произошло? Почему его поведение стало таким?

В очередной заход принес восемь вареных яиц без хлеба, рацион на день. Теперь будем пожирать холестерин, с приговоркой: все в пользу, и

превращать его в полезный витамин. Попытался с ним завести разговор, не получилось. Зашел молча, молча и вышел. Это стало угнетать еще больше. День и особенно ночь стали превращаться в вечность.

Вернулся к занятиям по аутотренингу. Главное, выключить из сознания плохие мысли, вспомнил я тренировки Джона и Камиллы. Упорно работаю над собой. Дни потекли в полной тишине. В помещении становилось холоднее, даже холодно. На себя надевал все, что осталось от англичан, и мужское, и женское. Сложнее было с обувью. Ничего, кроме рваных тапок. Пол бетонный, и от него тянуло холодом. Долго ходить не получалось, сиделся, а ноги оборачивал тряпками. Заболел глаз, видимо, конъюнктивит. У чеченца, что не называет себя, попросил чего-нибудь горяченького. В ответ выслушал ругань в монологе. «Семья большая, на тебя ничего не дают, отрываем от себя. До войны работал дальнобойщиком на грузовой машине, хорошо зарабатывал. Все было. Сейчас в семье никто не работает, и за тебя не платят, только обещают». Стал негромко ругать бандитов. Я отстал от него, прекратил всякие разговоры. Нужен буду, — сам заговорит. Чтобы снять с себя психологическую усталость, начал пропускать через себя свой жизненный путь, ушел в воспоминания. И стали всплывать события, люди, пришло осознание того, что поступал по отношению к ним неправильно. Привели воспоминания в детство, оценил свое поведение со сверстниками, и в школе, и на улице. Никогда бы, наверное, я не вспомнил об этом, не окажись в экстремальной ситуации и один на один с собой. Память стала вбрасывать кучу всего и довольно детально воспроизводить события, фамилии ребят, с кем играл, дружил и дрался. И как-то само получилось, что уже этим теперешним умом стал понимать, что по отношению к некоторым из них я поступал неправильно, а поняв, стал просить у них прощения. Вдруг испугался, что это, о чем я? Но память продолжала воспроизводить, и внутренний диалог продолжался, и так от одного к другому, и человеку, и времени. И так на протяжении нескольких дней. Усилились головные боли, сон становился тяжелым. Продолжаю заниматься аутотренингом, стало немного отпускать, улучшаться душевное состояние. Не будучи верующим человеком, попросил и у Бога прощения.

Забегая вперед, расскажу один случай. После освобождения из плена через какой-то период подошел ко мне Вячеслав Иванович Воронцов, генерал-майор МВД. Вместе с ним мы были в Чечне, он являлся представителем МВД России. Полковник сразу расположил к себе. В беседе выяснилось — мой земляк по работе в Архангельске. Как руководитель, человек оказался сдержан, требователен, немногословен, быстрых решений не принимал, не суетился. А в свободное, если можно назвать, время, работая в Чечне, оказался добродушным, умеющим рассказывать анекдоты и собирать вокруг себя людей. Самой большой радостью стало присвоение ему звания генерал-майора, естественно, обмыли погоны как положено.

«Прошу вас, — обратился он ко мне, — стать крестным отцом моей внучки Саши». Не раздумывая, дал согласие. В день, когда состоялось крещение, я опоздал почти на час. В это же время проходила прощальная панихида по погибшему члену государственной комиссии по Чечне. После панихиды поехал в храм Преображения Господня в Тушино.

В зале храма одновременно проходило два мероприятия: с левой стороны — отпевание покойника, а с правой — крещение. Крестили сразу несколько малышей. Меня подвели к крестной, она держала на руках маленькую Сашу. Проявил желание помочь и взять самому на руки. Однако пояснили, что если девочка, то ее на руках держит крестная мама, а не крестный. Саша свесила голову на плечо крестной, закрыв глаза, сильно всхлипывая. В храме было и жарко, и душно. Я положил свою руку на ее голову, и она сразу успокоилась. Убрал — рыдание началось вновь, и так было несколько раз. После каждой процедуры священника Саша и другие дети плакали. И своей рукой я успокаивал ее, глаз она не открывала, не видела меня. Когда закончилось крещение, все пошли в кафе. С крестными, дедом и бабушкой Саши мы сидели отдельно за столом. В зал вошли родители Саши. Мама с коляской. Саша, ей был один год, взглянула на меня и заулыбалась. Крестная не заставила себя ждать, сказала: «Первый раз вижу, чтобы незнакомый мужчина мог так легко воздействовать на маленького ребенка и успокоить его». Я думаю, она сказала искренне, так как больше трех часов держала на руках плачущего ребенка и, конечно, устала.

Видимо, я настолько очистил свою душу, что ребенку от меня шла только позитивная, успокаивающая энергия.

Однажды зритель вдруг задал мне вопрос: «Знаешь кого, кто сильно похож на тебя»? Я оцепенел, вопрос вызвал у меня недоумение: «А зачем?» Диалог закончился. Оставил меня на сутки с этой мыслью. На следующий день — молчание, и я молчу. Потом вопрос повторился, сначала без пояснений, затем он попытался как-то бессвязно сформулировать свою или чужую мысль. Дашь координаты человека. Мы поменяем на тебя, его «замочим» и предъявим федералам. Не понял, а со мной что? И потом, будет же опознание? Вообще объяснить толком ничего не мог, нес какую-то несуразицу. Складывалось такое впечатление: или он чего-то слышал, или вброшено мне, чтоб спокойно не спалось. По крайней мере, эти мысли долго не покидали меня. И, нужно сказать, он выбил меня из душевного равновесия. Потекли тяжелые с думами дни, глаз продолжал болеть, и я чувствовал (посмотреться было не во что), что очаг болезни увеличивался. Особенно было тяжело утром, промывать глаз было нечем. И этот тип ничем не мог мне помочь, да и не хотел. Радовало только, что в бункере не было сырости, был сухой холодный воздух. Дело шло к зиме. И в этом тоже появляется надежда. Видимо, на зиму куда-то переведут, так как здесь ее не пережить. Становилось холодно спать.

Но всегда появляется что-то хорошее, если себя на это настраиваешь. Приснился сон, и не простой, во сне якобы я хожу в Кремле, и не в настоящем, а как бы в палатах. Навстречу президент Б. Н. Ельцин, увидели друг друга. Не разошлись, но и не обнялись, пошло какое-то тепло, видимо, стал замерзать. Человек, когда замерзает, он засыпает, и сон становится еще крепче, поэтому смерть становится легкой. Меня президент разбудил, проснулся как-то легко и поверил в сон. Вселились вера и убеждение, что все будет хорошо, прибавились силы.

Спросил у чеченца, какое число. «Зачем тебе?» — «Да вот, — говорю, — сон приснился, что мне подобрали замену и через неделю могут его

показать и даже привезти». — «Ты что, серьезно?» — «Конечно, серьезно, чтоб не пропустить, 20 октября». — «У тебя, видимо, крыша поехала?» — «От такого счастья поедет». — «Ты чего, дурак? Пошел на ...», — и хлопнул дверью. Но мне показалось, он стал как-то мягче.

На следующий день охранник принес еду и сразу не ушел, стал меня разглядывать.

Использую данную ситуацию. Говорю ему: «Помоги мне уйти отсюда». — «А как это сделаем?» — «Подумай, ты обстановку наверху лучше знаешь. Ты же рабочий, чего тебе от бандитов, им все равно конец. Я найду возможность, как тебе помочь». Мужик задумался. Или стал подыгрывать, но в глазах появились искорки алчности. Опять несколько дней молчания. В очередной раз сказал просто и понятно: «Боюсь». Но сказал как-то с сожалением, или мне уже казалось. Но больше и больше стала укрепляться надежда, что наверху идет какой-то процесс, о котором не знает и охранник. И это его, видимо, стало сильно раздражать, особенно после моих предложений.

День как день. Вдруг дверь открывается, и входит старый знакомый «чабан». Подходит ко мне: «Поедем домой! Через Дагестан...». Не дав ему закончить, я схватил его за грудки и подтянул к себе. Не ожидая такого развития событий, он испугался, сделал попытку вырваться. Не получилось. «Никуда не поеду, заканчивайте здесь, и прекращаем всю игру. Моя просьба: выведите на свежий воздух и там можете убивать», — сказал я шипящим голосом. Эмоции возобладали на разумом, и хватка оказалась сильной. Помог нам разойтись мой охранник. Но напугались, и серьезно, оба. Наступила пауза. «Чабан» стоит, весь бледный, не знает, как мне объяснить свои последующие действия. «Мне сказали, что поедем в сторону Дагестана и на границе передадим тебя федералам», — еле выдавил из себя. Я понимал, чем могло все закончиться, передвигаясь на такое расстояние даже в сторону дома, и виновных потом не найдешь, уже не говоря о трупе. «Чабан» стал что-то объяснять мне. Мои эмоции не давали возможности разумно воспринимать его слова. Еще раз наотрез отказался ехать. Наступила ненужная долгая пауза. Стал успокаиваться, попытка пока еще не пытка. И «чабан» почувствовал, что перебрал, сказал, что все будет нормально. «Ты мне нравишься. Собрать нечего, поехали». На голову надели опять мешок, стали выводить на улицу. Чуть не упал, по каким-то камням или кирпичам то вверх, то вниз стали передвигаться. Ведут под ручку. «Стой! Поднимай ногу, садись». Поддерживают рукой. Это машина, понял, УАЗ. Двинулись. Сознание выключилось, не соображаю, что делается, куда и сколько едем. Остановились. Небольшая пауза. Сняли с головы мешок. Сажу в машине один, впереди на улице вижу много вооруженных людей, развернуты в шеренгу.

И кажется, все устали на меня. Плохо соображаю. Что, будут стрелять? Я один. Сбоку от меня у сидения автомат. Почувствовал свои парализованные действия и умом, и руками. В глазах какая-то пелена. Двери открываются, садится шофер, и справа и слева от меня люди. Поехали, не могу включить свое сознание. Слышу разговор. «Назови номер телефона». Не понял, кого спрашивают. Повторяется с толчком в бок: «Назови номер телефона жены. Будешь с ней говорить». «Куда едем?» — «В Назрань. Приедем, оттуда и позвоним». Вижу, подъезжаем к Слепцовску. Попросил телефон. «Перебьешься».

Валентину Власову
От Камиллы Карр и Джона Джеймса

7 Victoria Place
St. Saviour's Road
Larkhall
BATH BA1 6RW

Февраль 14, 1999

Дорогой Валентин,

Наконец мы написали письмо! Мы очень много думали о Вас, особенно, когда Вы находились в неволе. Мы молились за Вас, посылая свою любовь и силу и произнося тосты за Вас, когда мы пили Гинесс!

Спасибо за Ваши теплые слова Британскому Послу г-ну Эндрю Вуд. Российское Посольство собиралось организовать прием для нас и наших семей, чтобы отпраздновать нашу свободу, и мы хотели, чтобы Вы тоже приехали. Однако, после бомбардировок Ирака (и теперь Косова) я не уверена, что прием состоится. Было бы хорошо встретиться когда-нибудь еще.

Я надеюсь, Вы справляетесь со своим здоровьем. Вы до сих пор занимаетесь Китайской йогой и дыханием, которым мы вас научили? Мы с Джоном в порядке, хотя мы все еще чувствуем себя очень уставшими, и поэтому мы решили, что нам необходим отдых на солнце. Мы уезжаем на Мальдивские острова в это Воскресенье. Мы не видели солнца 14.5 месяцев, а когда мы вернулись, с этого момента, кажется, постоянно шли дожди!

5 апреля у нас будет свадьба!

Перевод этого письма передал Крис Хантер. Если Вы хотите связаться с нами, то Вы можете это сделать через него (тел/факс в Москве – 2454632), или через Британское Посольство.

С наилучшими пожеланиями и большой любовью,

Камилла Карр и Джон Джеймс

CAMILLA CARR

+

JOHN JAMES

Границу с Ингушетией пересекли не останавливаясь. Проехали по городу и остановились у одного из домов. Открылись ворота, машина въехала во двор. Поднялись на второй этаж большого дома. В комнате находились М. Гуцериев и В. Рушайло. Обнялись, обменялись репликами. Большого разговора не было. Попросили меня переодеться. Снял одежду и сказал, чтоб ее сожгли, почему-то в душе была какая-то злость, еще не осознал чувства освобождения. Михаил Сафарбекович предоставил двубортный пиджак и плащ, обувь и др. Получилось ничего, храню до сих пор. Не отпускает сильное внутреннее напряжение. Попросил В. Б. Рушайло позвонить домой. Он пояснил, что отсюда не надо делать звонки. Жена в курсе дела. Рано утром вылетаем.

Утром на самолете ТУ-134 прилетели в Москву. Стал спускаться по трапу, и вижу среди встречающих С. В. Степашина, прессу и свою супругу. И только сейчас понял, что я дома, воздух свободы стал кружить голову, к горлу подкатился комок. Обняв Лену, почувствовал, что проявляю слабость, и как-то легонько оттолкнул от себя, чем вызвал ее удивление. Свои объятия перенес на С. Степашина. Короткое интервью пресс-службе МВД, и — по машинам. Сергей Вадимович сказал, что едем в больницу на обследование. Действительно, выглядел я неважно, похудел на 15 кг, особенно беспокоил глаз.

Разместили в отдельной палате, и врач сделал сначала внешний осмотр, провел беседу. После душа хотелось, конечно, баньки, лег на кровать и отдался фантазиям. Почему-то первое желание появилось такое: пройтись по улице, зайти в какой-нибудь ресторанчик и заказать виски. При этом обязательно показать официанту норму: два пальца и со льдом. Без закуски. И с таким чувством провалился в глубокий сон. Утро началось со сдачи анализов и посетителей, от которых не было отбоя. Среди первых навестил Р. Аушев, который принес с собой две бутылки хорошего виски. Не знаю, откуда это пошло, но сон стал превращаться в явь. Почти все посетители несли виски, который, как и куриные яйца, впоследствии я долго не мог употреблять. Насытился сном. Через день позвонил С. В. Степашин и сказал, что приедет Б. Н. Ельцин.

Я благодарен врачам Центральной клинической больницы, которые приложили внимания к моей персоне. Врач-окулист Елена Викторовна Круглова «колдовала» над моим глазом, вложив в его излечение все знания и опыт. Тебе, говорит, повезло, пробудь там еще месяц, и не увидел бы света божьего, закончилось бы все летальным исходом. Равно, как и врач ЛОР, Наталья Георгиевна, сказала: остался бы без слуха. Ну, слава Богу, все обошлось...

Высокие ТЕХНОЛОГИИ

Виктор ПАРХИМОВИЧ

ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ С АТОМНЫМ РЕАКТОРОМ

Виктор Антонович Пархимович — доктор технических наук, действительный член Академии социального образования, почетный доктор Академии инженерных наук. В 1965 г. окончил Харьковский авиационный институт, в 1988 г. полный курс Института повышения квалификации руководителей высшего звена государственного управления Академии народного хозяйства при СМ СССР. Лауреат премии Совета Министров СССР, многократный участник ВДНХ, награжден пятью медалями. Автор ряда учебников, имеет более 50 научных трудов. В 1986—1991 гг. возглавлял Управление учебных заведений Министерства гражданской авиации.

Работая над книгой «Авиация, история, события, факты», которая вышла из печати в 2016 году, предполагал, что рассказ о летательных аппаратах с использованием в качестве двигателя ядерной энергетической установки нечто из раздела фантастики, пока не имеющей под собой реальных оснований. Но время расставило все по своим местам.

В послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации В. В. Путин особое место уделил новым военным разработкам. Наряду с гиперзвуковыми ракетами и планерами он назвал и крылатую ракету с неограниченной дальностью полета, в которой использована компактная ядерная энергетическая установка. О такого рода российских разработках для военных целей в открытых источниках ранее не упоминалось. Подобные разработки велись в период обострения «холодной войны» в прошлом столетии.

Президент Российской Федерации В. В. Путин объявил о создании систем стратегического оружия, представленных как ответ на строительство Соединенными Штатами системы противоракетной обороны.

В. В. Путин перечислил следующие виды вооружений:

- ракетный комплекс с тяжелой межконтинентальной ракетой «Сармат», у которой «практически нет» ограничений по дальности, «способен атаковать цели как через Северный, так и через Южный полюс»;
- крылатая ракета с компактной ядерной энергоустановкой;
- беспилотные подводные аппараты с межконтинентальной дальностью со скоростью, «кратно превышающей скорость самых современных торпед»;
- гиперзвуковой авиационно-ракетный комплекс «Кинжал»: высокоскоростной самолет доставляет раке-

ту в точку сброса «за считанные минуты»; ракета, «превышающая скорость звука в десять раз», маневрирует на всех участках полета; дальность более двух тысяч километров, несет ядерные и обычные боезаряды; с 1 декабря состоит на опытно-боевом дежурстве в Южном военном округе;

- перспективный ракетный комплекс стратегического назначения с планирующим крылатым блоком «Авангард» — испытания успешно завершены, началось серийное производство;
- лазерное оружие: «С прошлого года в войска уже поступают боевые лазерные комплексы».

Озвучено, что в новой ракете смонтирована ядерная энергетическая установка. Обычно этот термин подразумевает использование ядерного реактора в качестве источника энергии. В этом качестве он не является двигателем, а поставляет энергию, например, для электродвигателей, отвечающих за движение. По этому принципу работают атомные подводные лодки — ядерный реактор питает электромоторы, которые вращают гребные винты, то есть реактор является частью двигательной установки.

Можно предположить, что в новой ракете, если она реально была создана и испытана, реактор тоже является частью двигательной установки, и ядерный ракетный двигатель будет представлять собой установку, использующую деление ядер для создания реактивной тяги.

Исходя из послания, испытания ракеты состоялись в конце прошлого года на полигоне на Новой Земле, который с 1954 по 1990 год использовался для проведения испытаний ядерного оружия. В конце 2017 года на Центральном полигоне Российской Федерации состоялся ее успешный пуск. По словам Президента, энергетическая установка ракеты сумела выйти на расчетную мощность и обеспечила расчетный уровень тяги, что позволяет ей практически неограниченное время находиться в воздухе.

Был показан короткий видеоролик, в котором продемонстрированы основные возможности ракеты. Из него следует, что крылатая ракета может лететь на предельно малой высоте в соответствии с ландшафтом и облетать зоны действия системы противовоздушной и противоракетной обороны противника. Других подробностей не приведено.

Есть некоторая неясность: говорится об установке ядерного двигателя на ракеты типа Х-101, но ракета эта воздушного базирования. На продемонстрированном видео запуск производится с земли.

Различные источники начали утверждать о реализации проекта ракеты с ядерной энергетической установкой. Эксперты поясняют, что российским инженерам удалось создать двигатель на «низкообогащенном уране», имеющий высокий КПД, ядерный «выхлоп» в котором будет минимальным.

Эксперты по разоружению отмечают, что Россия и США и так обладают возможностями уничтожить друг друга. Они обеспокоены тем, что США могут втянуться в эту новейшую гонку с Россией, которая при накопленном атомном арсенале в мире в общем-то бессмысленна.

Обратимся к истории.

В 1952 году в США взлетает легендарный В-52, через год — первый в мире сверхзвуковой тактический бомбардировщик А-5 Vigilante, а еще через три — сверхзвуковой стратегический ХВ-58 Hustler. СССР не отставал: одновременно с В-52 в воздух поднимается стратегический межконтиненталь-

ный бомбардировщик Ту-95, а 9 июля 1961 года мир шокирует показанный на авиапараде в Тушино гигантский сверхзвуковой бомбардировщик М-50.

Ядерный самолет был гораздо нужнее СССР, чем США. Планы ядерного удара по СССР были реальностью, а ответить было нечем. Создание такого самолета было жизненно необходимой задачей.

Действуя с десятков военно-воздушных баз в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке, самолеты США, даже обладая дальностью полета всего 5–10 тыс. км, могли достичь любой точки СССР и вернуться обратно. Советские же бомбардировщики вынуждены были взлетать с аэродромов на собственной территории, и для аналогичного рейда на США должны были преодолеть 15–20 тыс. км. Самолетов с такой дальностью в СССР не было.

Обратим внимание на то, что в 1950-х годах СССР успешно развивал атомную энергетику. Введена в эксплуатацию первая атомная электростанция, проектировались атомные ледоколы и подводные лодки.

Эйфория от успешных разработок атомного оружия и применения атомной энергии для использования в электростанциях, на кораблях (советские ледоколы), подводных лодках послужила толчком для идеи — использовать ядерные реакторы на самолетах. В первую очередь на бомбардировщиках.

Преимущества ядерных двигателей были очевидны: неограниченная дальность и длительность полета при минимальном расходе топлива — несколько граммов урана на десятки часов полета. Руководитель атомного проекта в СССР И. В. Курчатов поставил вопрос о создании атомного самолета.

В середине XX века возобновилась и была популярна разработка ядерных энергетических установок как в США, так и в СССР.

Весной 1946 года между министерством ВВС и Комиссией по атомной энергии США было заключено соглашение о начале программы NEPA (Nuclear Energy Propulsion for Aircraft), целью которой стало исследование проблем, связанных с разработкой самолета с атомной силовой установкой (АСУ). По мнению заказчиков, самолет с АСУ мог использоваться в качестве стратегического бомбардировщика или разведчика, способного нести боевое дежурство в воздухе без дозаправки в течение нескольких суток.

Полет самолета В-29, в бомбоотсеке которого находилась капсула с радиом, позволил конструкторам сделать вывод, что реальная масса реактора и защиты будут велики. Они смогли выделить ключевые вопросы:

- Как передавать тепло от реактора к двигателям?
- Как охлаждать реактор в полете?
- Как уберечь экипаж от влияния радиации?

Самолет В-29

Разработчики предположили, что до взлета предполагаемого самолета может пройти порядка 15 лет. При этом предлагались две принципиально отличающиеся друг от друга схемы соединения двигателей и реактора.

Первую схему называли **открытой**. Принцип ее работы заключался в том, что воздух, попадая в камеру сгорания, нагревался, непосредственно проходя через активную зону реактора. Такой способ был очень простым, требовал минимального количества конструкторских решений. С другой стороны, воздух, взаимодействуя с частицами атомного топлива, тоже становился радиоактивным и, выходя из СУ, загрязнял окружающую среду, а из этого следовало, в лучшем случае, что экипаж не сможет дышать атмосферным воздухом.

Вторую схему называли **закрытой**. Она отличалась от открытой тем, что воздух нагревался не от самого реактора, а от теплообменника. Такая конструкция была довольно сложна в реализации, но зато выходящий из силовой установки воздух оставался абсолютно чистым, а значит, экипаж мог им дышать.

Следующим этапом стала программа под названием ANP, что в переводе означало «атомная сила самолета». Была поставлена задача создать действующий летательный аппарат, оснащенный ядерной силовой установкой. Предпочтение было отдано схеме соединения открытого цикла. Предполагалось разместить силовую атомную установку Р-1 на самолет YB-60.

Впоследствии была произведена попытка отработки компоновки и узлов на самолете B-58 Hustler. Convair B-58A Hustler стал первым в мире серийным сверхзвуковым дальним бомбардировщиком. Но размеры самолета не позволили разместить на его борту ни реактор, ни дополнительное оборудование.

В ходе проведенных исследований предпочтение было отдано самолету B-36 Peacemaker.

Самолет-лаборатория Convair NB-36H был создан для испытания атомных реакторов в полете.

В промежутке между 1946 и 1961 годами США потратили более 7 миллиардов долларов на разработку самолета с атомной силовой установкой. В процессе разработки должны были быть решены инженерно-конструкторские задачи:

- создание компактного и легкого ядерного реактора;
- создание легкой биологической защиты экипажа;

Самолет B-58 Hustler

*Самолет-лаборатория
Convair HB-36H*

- создание «чистого» реактивного двигателя на атомной тяге;
- обеспечение безопасности атомолета в полете.

Впервые с установленным и действующим реактором самолет поднялся в воздух 17 сентября 1955 года.

Для испытания радиационной защиты на бомбардировщике В-36Н в бомбоотсеке установили реактор мощностью 1 МВт. Экипаж находился в защитной капсуле, но сам реактор не был окружен биологической защитой — не позволяли массо-габаритные характеристики.

В период с 1958 по 1960 годы США испытывали ядерную энергетическую установку HTRE-3 мощностью 35 МВт, которая обеспечивала энергией два двигателя. До создания ядерного самолета оставалось совсем немного. Была отработана радиационная защита, на земле успешно испытывали HTRE-3. Комплекс наземного обслуживания достраивался.

Но в 1961 году Д. Ф. Кеннеди, находясь под впечатлением успехов советской ракетно-космической программы, посчитал, что как стратегическое оружие бомбардировщик с ядерным реактором морально устарел, и закрыл программу.

Невзирая на это, конструкторы продолжили разработку, предложили различные варианты ядерных ракетных двигателей. Одни были пригодны для использования в космосе, другие для полетов в атмосфере.

Для атмосферных летательных аппаратов в США, например, разрабатывали так называемые «дышащие» ядерные установки в рамках проекта Pluto. Двигатели планировались для сверхзвуковых маловысотных ракет. Были созданы два прототипа двигателя Togu-IIA и Togu-III. Тяга создавалась благодаря тому, что через воздухозаборник засасывался воздух, который проходил через зону реактора в зону нагрева с реакторными керамическими стержнями, разогревался до 1700 градусов по Цельсию и, расширившись, покидал ее через сопло. Предполагалось, что дальность ракеты будет в пределах 180 тыс. км. Однако в полете ракета с ядерным двигателем сильно загрязняла окружающую среду, нанося радиационный ущерб. В 1964 году проект был закрыт.

Что же в Советском Союзе? В 1955 году вышло Постановление СМ СССР о работах по созданию ядерной авиационной силовой установки. Планировалось создать полноценные боевые самолеты с ядерными силовыми

установками (ЯСУ) различного класса и назначения. Работы по проектированию ЯСУ выполнялись в КБ (конструкторское бюро) Н. Д. Кузнецова и в КБ А. М. Люльки. Самолеты проектировались в КБ А. Н. Туполева и КБ И. М. Мясичева. Работы по реактору выполнялись в Курчатовском институте под руководством А. П. Александрова. В КБ С. А. Лавочкина разрабатывался проект крылатой ракеты «Буря» с прямоточным ядерным двигателем.

В разработке были стратегические бомбардировщики-атомолеты М-60 и Ту-95ЛАЛ. Предполагалось, что атомолет будет взлетать на обычных двигателях, а затем включит ядерные. Перспективный атомный самолет (ПАС) М-60 разрабатывался под руководством Ю. Н. Труфанова. В 1956 году КБ закончило предварительный проект. В процессе разработки выяснилось, что дальность полета перестает играть решающую роль. Главным становятся высота и скорость. Был выбран турбореактивный двигатель на ядерном топливе «открытой» схемы. Масса кабины экипажа с защитой составила 30 % полетной массы. В связи с этим экипаж ограничили двумя пилотами.

В 1956 году специалисты СКБ-500 предложили два варианта атомных ТРД «открытой» схемы с равной тягой. Турбореактивный двигатель с атомным реактором (ТРДА) по конструкции напоминает обычный турбореактивный двигатель (ТРД). В ТРД тяга создается расширяющимися при сгорании керосина раскаленными газами, а в ТРДА воздух нагревается, проходя через реактор.

Рассматривалось два варианта компоновки ТРДА — «кормысло», при котором вал компрессора располагался вне реактора, и «соосный», где вал проходил по оси реактора. В первом варианте вал работал в щадящем режиме, во втором требовались специальные высокопрочные материалы. Но соосный вариант обеспечивал меньшие размеры двигателя. Поэтому одновременно прорабатывались варианты с обеими двигательными установками.

Первым в СССР самолетом с атомным двигателем должен был стать бомбардировщик М-60, разрабатываемый на основе существующего М-50.

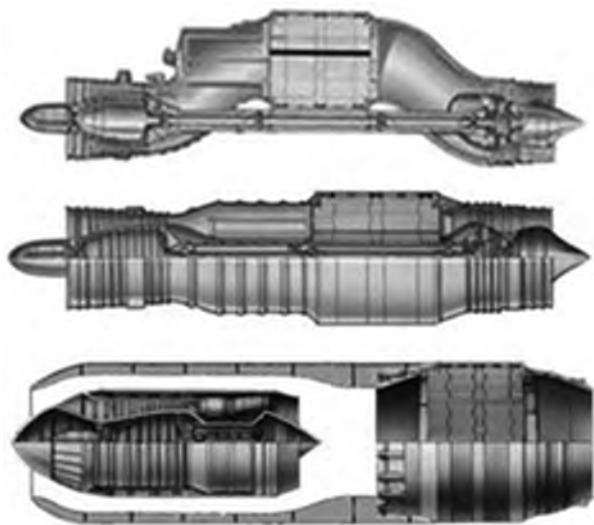
В марте 1957 года эскизный проект был готов. Бомбардировщик М-60 позиционировался как носитель крылатых ракет.

На приведенном рисунке изображены атомные воздушно-реактивные двигатели «открытой» схемы трех вариантов компоновки: соосной, «кормысло» и комбинированной.

В первом варианте кольцевая активная зона реактора располагалась на месте камеры сгорания обычного ТРД. Во втором варианте реактор был вынесен за пределы двигателя. Наиболее перспективной была комбинированная схема, в которой атомный реактор ставился в форсажной камере ТРД. Такой двигатель мог работать и как обычный ТРД, и как ТРД с атомным форсажем, и как атомный прямоточный.

Атомолет М-60

Двигатели атомолета М-60

Одновременно прорабатывались варианты беспилотного самолета многогоразового действия и сверхзвукового бомбардировщика для полетов на малых высотах. Проект ПАС М-60 стал первой в СССР попыткой применить атомные двигатели на летательном аппарате.

Самолет Ту-95ЛАЛ с работающим ядерным реактором на борту в 1961 году совершил серию летных испытаний с работающим реактором. Изучалось управление реактором в полете и эффективность биологической защиты. Выполнялись полеты как с горячим, так и с холодным реактором. Испытания Ту-95ЛАЛ показали высокую эффективность примененной системы радиационной защиты, но при этом она была громоздка, имела большой вес и требовала дальнейшего совершенствования. А главной опасностью атомного самолета была признана возможность его аварии и заражения больших пространств ядерными компонентами.

Дальнейшая судьба самолета Ту-95ЛАЛ похожа на судьбы многих других самолетов в Советском Союзе — он был уничтожен.

По результатам испытаний работы были продолжены в рамках экспериментального самолета-летающей лаборатории для натурных испытаний турбовинтовых двигателей с теплообменниками и ядерным реактором на борту Ту-119. Предполагалась большая длительность полета, ограниченная только возможностями экипажа.

По замыслу А. Н. Туполева, Ту-119 был призван играть переходную роль к самолету с четырьмя НК-14А, основное назначение которого — со-

Экспериментальный атомолет Ту-95ЛАЛ

здание противолодочной обороны (ПЛО). Работу над самолетом намечалось начать во второй половине 1970-х. За основу планировали взять пассажирский Ту-114, в фюзеляж которого легко вписывались и реактор, и комплекс противолодочного вооружения. Программа предполагала проработку серии атомных сверхзвуковых тяжелых самолетов под единым обозначением «120» (Ту-120). Их планировали оснастить ядерными ТРД закрытого цикла разработки ОКБ Н. Д. Кузнецова.

Первым в этом ряду должен был стать дальний бомбардировщик, близкий по назначению к Ту-22. Самолет выполнялся по нормальной аэродинамической схеме и представлял собой высокоплан со стреловидными крылом и оперением, велосипедным шасси, реактором с двумя двигателями в хвостовой части фюзеляжа, на максимальном удалении от кабины экипажа. Вторым проектом был маловысотный ударный самолет с низкорасположенным треугольным крылом. Третьим стал проект дальнего стратегического бомбардировщика.

Но туполевской программе, как и проектам В. М. Мясничева, не суждено было воплотиться в реальные конструкции.

Закрытие атомной тематики в ОКБ А. Н. Туполева вовсе не означало отказа от ядерной силовой установки как таковой. СССР отказался лишь от использования атомного самолета в качестве средства доставки оружия массового поражения непосредственно к цели. Эту задачу возложили на баллистические ракеты, в том числе базирующиеся на подводных лодках. Субмарины могли скрытно месяцами дежурить у берегов Америки и в любой момент нанести молниеносный удар с близкого расстояния. США предприняли меры, направленные на борьбу с советскими подводными ракетноносцами, и лучшим средством такой борьбы оказались специально созданные атакующие подводные лодки. В ответ решили организовать охоту на эти скрытные и подвижные корабли в районах, удаленных на тысячи миль от берегов России. Было признано, что наиболее эффективно с такой задачей мог бы справиться достаточно большой противолодочный самолет с неограниченной дальностью полета, обеспечить которую мог только атомный реактор.

Сверхдальний самолет ПЛО было решено создавать на базе самого большого самолета в мире тех лет Ан-22 «Антей».

В ОКБ О. К. Антонова на базе Ан-22 приступили к разработке сверхдальнего маловысотного самолета противолодочной обороны с ядерной силовой установкой. Она состояла из малогабаритного реактора с биозащитой, разработанного А. П. Александровым, распределительного узла, системы трубопроводов и специального ТВД конструкции Н. Д. Кузнецова. На взлете и посадке использовалось обычное топливо, а в полете работу силовых установок обеспечивал реактор. В Ан-22 можно было установить более тяжелую и надежную защиту от излучения, соединить реактор и двигатели НК-12 по отработанной на Ту-95 схеме. Противолодочный атомолет мог охотиться за американскими субмаринами до двух недель. Первоначально самолет был оборудован точечным источником нейтронного излучения и многослойной защитной перегородкой. Позже на самолете установили небольшой атомный реактор в свинцовой оболочке. В 1970 году Ан-22 с новым ядерным реактором совершил 23 полета.

Самолет АН-22ПЛО

Реализацию проекта затормозил министр авиационной промышленности П. В. Дементьев.

Окончательная точка на проекте была поставлена в 1969 году. Практически законченная работа была не востребована и забыта. Но цель была достигнута.

Со спадом международной напряженности в США и СССР от работ по созданию ядерного двигателя отказались. Поводом для закрытия проектов стала их дороговизна и сложность защиты экипажа от излучения, а также тот факт, что в случае крушения самолета последствия были бы катастрофическими. Развитие получили более дешевые технологии: дозаправка в воздухе лишила проект преимущества неограниченного полета, баллистические ракеты большой дальности и высокой точности — идею большого бомбардировщика.

Реализации проекта самолета с атомным реактором помешали в том числе конец «холодной войны» и распад Советского Союза. Повторился мотив, довольно часто встречающийся в истории отечественной авиации: как только все готово к решению задачи, исчезла сама задача.

А как же обстояли дела с разработкой ракет с ядерным двигателем?

В ОКБ-301 С. А. Лавочкина в середине 1950-х прорабатывалась возможность установки на межконтинентальной крылатой ракете «Буря» прямоточного ядерного двигателя (аналогично американскому проекту Pluto). Место обычной камеры сгорания в этом двигателе занимал реактор, работавший по открытому циклу, — воздух протекал прямо сквозь активную зону. Разработка самой ракеты не была проблемой, но подвели «двигателисты». ОКБ М. М. Бондарюка не справилось с созданием прямоточного ядерного двигателя. Несмотря на сравнительную простоту, проектирование не получило сколько-нибудь значительного развития, а смерть С. А. Лавочкина в июне 1960 г. и вовсе поставила точку в этих работах. В 1960 году проект «Буря» был закрыт.

В СССР также рассматривались два варианта одноступенчатых баллистических ракет и два варианта ракет-носителей с ЯРД. Ядерно-химическая ракета ЯХР-2 была скомпонована по пакетной схеме по типу «семерки». Шесть «боковушек» первой ступени имели в общей сложности 36 ЖРД НК-9 Н. Д. Кузнецова тягой по 52 тонны. На центральной второй ступени устанавливался ядерный двигатель тягой 140–170 тонн. При стартовой массе 850–880 тонн ракета ЯХР-2 была бы способна выводить на низкую орбиту полезный груз массой 35–40 тонн. Двигатели всех блоков ЯХР-2 запускались на Земле. При этом ЯРД выводился на «холостой» режим. Вывод на рабочий режим производился в полете за несколько секунд до отделения боковых ракетных блоков.

К началу 80-х были достигнуты существенные успехи в разработке высокоэффективных жидкостных ракетных двигателей, что наряду с отказом от планов освоения Луны и других ближайших планет Солнечной системы

поставило под вопрос целесообразность создания ЯРД. Возникшие экономические трудности и «перестройка» привели к тому, что в 1988 году работы по ЯРД в СССР были полностью прекращены.

В США исследования по проблеме создания ЯРД велись в Лос-Аламосской лаборатории с 1952 года. В 1957 году начались работы по программе «Ровер». В отличие от СССР, где велась поэлементная отработка ТВС и других элементов двигателя, в США пошли по пути создания и испытания реактора целиком. Первый реактор был испытан 1 июля 1959 года на полигоне в штате Невада.

В США в 1958–1963 годах разрабатывался проект ракеты с импульсным ЯРД «Орион». Рассматривался вариант использования «Ориона» как средства доставки ядерных зарядов к цели. Но вскоре от этой идеи отказались.

Главное отличие советских ЯРД от американских в том, что они были гетерогенными. В гомогенных (однородных) реакторах ядерное топливо и замедлитель смешаны. В отечественном ЯРД ядерное топливо было сосредоточено в ТВЭЛах (отдельно от замедлителя) и было заключено в защитную оболочку. Замедлитель работал при меньших температурах, чем в американских реакторах. Это позволило отказаться от графита и использовать в качестве замедлителя гидрид циркония.

Возникает вопрос о том, как отнестись к тем колоссальным интеллектуальным и материальным затратам, которые понесли СССР и США, десятилетиями пытаясь создать атомный самолет? Вроде бы все впустую, но не совсем так. Конструкторы выполнили работу, зная, что сами никогда не воспользуются ее результатами, что эти результаты могут оказаться востребованными лишь в отдаленном будущем. Может быть, человечество вновь поставит перед собой задачу постройки летательного аппарата на ядерной энергии. И тогда будущие конструкторы смогут опереться на результаты труда наших современников.

Ответ дал Президент Российской Федерации в послании Федеральному собранию.

Крылатая ракета с ядерной энергетической установкой, о которой в послании рассказал В. В. Путин, подтвердила, что работы над созданием атмосферного ядерного двигателя тайно велись на протяжении нескольких последних лет. Возможно, основой для них послужили наработки А. М. Люльки, полученные в рамках проекта атомолета М-60.

В любом случае возникает вопрос, как конструкторам удалось создать компактный реактор, уместившийся в корпусе крылатой ракеты Х-101. Если это удалось сделать (современные материалы теоретически позволяют создавать очень компактные реакторы), то удалось ли решить проблему радиационного загрязнения атмосферы при полете ракеты? Ответа на эти вопросы пока нет.

В настоящее время только США и Россия имеют опыт разработки и постройки твердофазных ЯРД, и в случае необходимости они смогут создать такие двигатели за короткое время.

Возобновление работ по программам полетов к Луне и Марсу возродило интерес к твердофазным ядерным ракетным двигателям. Использование ЯРД существенно расширяет границы изучения Солнечной системы, сокращает время, необходимое для достижения дальних планет.

В опубликованном в феврале 2018 года обзоре ядерной политики США записано: «В дополнение к модернизации советских ядерных систем, Россия разрабатывает и вводит в действие новые ядерные боеголовки и средства запуска... Россия также разрабатывает по меньшей мере две новые межконтинентальные системы, гиперзвуковой планер (hypersonic glide vehicle), новую межконтинентальную, ядерную и с ядерным двигателем подводную автономную торпеду».

Упомянуты три типа из шести перечисленных В. В. Путиным вооружений. Лазерное оружие не является стратегическим и не вызывает особых дискуссий. Подводная торпеда — проект «Статус-6». Сюрпризом могла быть только крылатая ракета с ядерным двигателем. И именно эта ракета стала предметом наибольшего обсуждения.

Потенциальные противники осознают невозможность получения преимущества за счет ограниченной ядерной эскалации, что снижает вероятность применения ядерного оружия.

ВЫШЛА КНИГА

Коняев Н. М.

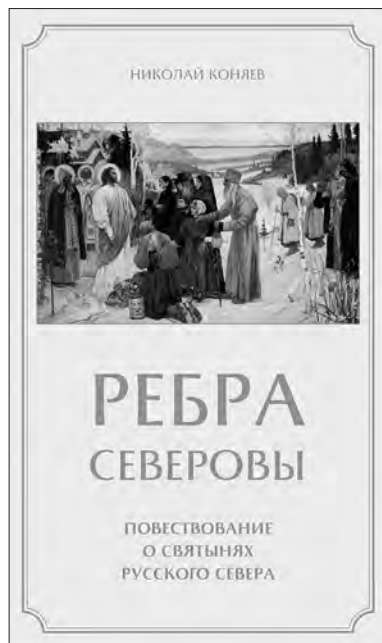
Ребра северовы. Повествование о святынях Русского севера. СПб., Фонд «Созидающий мир», «Полакс», 2018.

Новая книга известного русского писателя Николая Коняева рассказывает о святынях русского Северо-Запада, где в пейзаже, в самих названиях монастырей и селений, полей и озер запечатлена история русского православия.

Эта северная земля освещена ясным и немеркнущим светом просиявших здесь святых, согрета теми великими Божьими чудесами, что совершались тут.

Николай Коняев более четверти века собирал материалы для своего повествования о святынях русского севера, и такие события, как возвращение в Россию Тихвинской иконы Божьей Матери, как восстановление храмов и монастырей, как новое обретение мощей преподобного Александра Свирского и других святых, он изображает в непосредственной динамике совершающегося Божьего Чуда, и читатель получает возможность стать непосредственным свидетелем и участником его...

В оформлении книги использованы иллюстрации с картин М. Нестерова, В. Максимова, В. Поленова, изображения икон, а так же фотографии из собрания автора, Е. Лозновской, А. Григорьева и других фотохудожников.

Геннадий ИВАНОВ

Я ШАГАЮ ПО БЕЛОЙ ДОРОГЕ

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 г. в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор более десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* * *

И я люблю начало мая —
Гроза, и птицы, и весна!..
И в эти дни страна родная —
Победу празднует она.
Какие песни в это время,
Какие фильмы и слова!
Все наше — наши батареи,
И наши танки, и Москва!..
И как-то все вокруг родное,
И свет с небес идет другой,
И время, кажется, другое...
Победа радугой-дугой
Стоит над нами в мае каждом!
Так хорошо и так светло.
И мы опять победы жаждем
Врагам назло, смертям назло.

ПОЛОВОДЬЕ В ТВЕРИ

Сегодня Волга полноводная!
Весенний день в лучах стоит!
А над рекой толпа народная —
Тверской народ к реке валит.

Легко ушли под воду пристани,
Дорожки, лестницы ушли...
Река в своем величье истинном
Как бы уходит от земли,

Плывет стремительным течением,
Как в небеса, уходит вдаль.
Своим весенним излучением
Прочь гонит скуку и печаль!

Течет река родная, русская
И говорит как будто бы,
Что жизнь убогая и тусклая
Не для Твери, не для судьбы.

Ей как бы вторит мысль народная:
Не только Тверь, а Русь сама
Взыграет жизнью полноводною!
Уходит долгая зима.

ГРАДНИЦЫ

Окна дома старинного матово
И таинственно светят во тьму.
В доме этом когда-то Ахматова
Тосковала лет сто уж тому...

Старый сад с деревьями высокими
И с большими грачами на них...
Там от сока — березы с подтеками,
Там витает ахматовский стих.

В том саду понемногу все рушится,
Доживают свой век дерева...
Там все рушится, травами глушится —
Там по пояс в июле трава.

САЛАМ БАШКОРТОСТАНУ!

В российской удивительной судьбе
Я восхищен, Башкортостан, тобою.
Салам алейкум! — говорю тебе.
Я восхищен степями и Уфою.

И не случайно тут рожден Поэт
Такой великой мудрости и чести.
Мустай Карим... Его сегодня нет
Здесь на земле.
Но с Пушкиным он вместе...

СТИХИ, НАВЕЯННЫЕ ВЕРХНИМ ЧЕГЕМОМ

Горит звезда над саклею Кайсына,
Мерцает снег, в камнях течет река...
Балкария не забывает сына.
И не забудет, хоть пройдут века.

Он для балкарцев больше,
чем писатель.
Им в утешенье дал его Создатель.

Он словно клятва, их родной поэт.
Он для балкарцев символ их побед.

Гори, звезда, и торжествуй, природа!
Горит очаг у моего лица...
Когда такой поэт есть у народа,
Тогда живут надеждою сердца!

* * *

Сергею Дмитриеву — 50

С белых вишен летят лепестки,
В море Черное ветер их сносит.
Годы, годы... Седеют виски.
И душа успокоиться просит.

Это возраст хороший, мой друг.
Много видел и понял немало.

И не надо случайных подруг...
Все на место надежное встало.

Этот возраст, Сережа, хорош
Тем, чем зрелость полна не напрасно.
Зрелый плод или зрелая рожь,
Или зрелый талант — все прекрасно.

ЭТОЙ САКЛЕ МНОГО ЛЕТ

Этой сакле много лет.
Кажется, семьсот.
И родился в ней поэт
тоже в давний год.

У подножья диких скал
сакля та стоит.
Здесь теперь мемориал —
мрамор и гранит!

А моей избушки нет.
Просто нет как нет.

Будто не рождался там
никогда поэт.

И моей деревни нет.
Голая земля.
Словно здесь не жил никто.
Заросли поля.

Ну да ладно, ничего.
Дело ведь не в том.
Просто хорошо, когда
есть твой первый дом.

Сакля, хижина, изба...
Есть где побывать.

Где твой мир, твоя судьба,
Божья благодать.

ВОСПОМИНАНЬЕ О ХИБИНАХ

Лыжня в лесу — таинственное что-то!
Я позабыл, что в мире есть лыжня.
Что через горы снежные, болота
Она вела когда-то и меня...

Мне вспомнились бамбуковые палки.
Мне вспомнилось, как я летел с горы...
И много было силы и смекалки,
И много было всяческой игры.

Мелькали елки, валуны мелькали —
Лыжня меня восторженно вела...
Потом куда-то лыжи запропали.
Пришли заботы, мысли и дела.

Стремился к знаниям и стремился к Богу,
Работал много и любил страну.
Теперь иду к какому-то итогу.
И не скажу, что я иду ко дну...

А все равно — лыжня вот взволновала,
Напомнила о молодой поре...
И мне всего-всего вдруг стало мало
В сравнение с той лыжнею на горе.

* * *

Снег ложится на пашню притихшую,
Снег летит на источник святой...
Я от жизни не требовал лишнего,
Я доволен был жизнью простой.

Миновать бы свои заблуждения,
Слабоверье свое миновать...
И услышать чудесное пение
В том краю, где всегда Благодать.

Подошло мое поприще строгое.
Время старости, время скорбей...
Мне за прошлое стыдно за многое,
Что с годами печалит сильней.

Да, чего захотел... Не минуется
Так вот запросто. Будет ответ.
И хлопочет душа, и волнуется
За земной и за будущий свет.

Я ШАГАЮ ПО БЕЛОЙ ДОРОГЕ

Еще рады шагать мои ноги.
Еще рада дышать моя грудь.
Я шагаю по белой дороге,
Это иней украсил мой путь...

Надвигаются белые сроки,
Надвигаются холод и мгла...

Время старческой всякой мороки.
Но — навстречу горят купола!

Но навстречу горят еще зори!
Но навстречу летят снегири!
Но навстречу — и поле, и море!
И — смотри!

И — живи!
И — твори!

Протоиерей Анатолий ТРОХИН

«ЗАЖГУ СВЕЧУ В НОЧИ И ТИХО ПОМОЛЮСЬ...»

Протоиерей Анатолий Трохин — родился в п. Петропавловский Челябинской обл. в 1956 году. Член Союза писателей России. Первая книга стихов «Малый глас» вышла в 1995 г. в издательстве «Сатис» по благословению Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Автор стихотворного жития о детстве и юности Пресвятой Богородицы и стихотворных житий: вмц. Екатерины, св. прав. Иоанна Кронштадтского, вмч. Димитрия Солунского. Составитель книг о жизни священнослужителей Русской Православной Церкви, похороненных на Шуваловском кладбище. **Служит в Спасо-Парголовском храме Санкт-Петербурга.**

* * *

Дети светлые России,
Чада Божьей высоты,
Будем мудрыми, как змии,
И, как голуби, чисты.

До спасительного мига
Сбережем сердца от зла.
Под пятой Архистратига
Бьются черные крыла.

Все обиды позабудем,
Ненавидящих — простим.
И врагов своих возлюбим,
И любовью — победим!

ПРОРОЧЕСТВО СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Россия! Умиришь и слушай,
Что сердце говорит, скорбя:
Оружие пронзает душу,
Когда гляжу я на тебя.

Покайся, очищенья ради!
Иль за растленный дух и плоть,
Как царства древние, изгладит
С лица земли тебя Господь.

Он видит мерзость запустенья
И, гневом праведным горя,
Отнимет и благословенье,
И православного царя,

Пошлет правителей жестоких,
И вид их будет дик и лют.
Слезам, кровью ран глубоких
Они поля твои зальют.

Тогда молись и не смущайся,
Пусть тяжкий бич поднял палач,
Крепись, Россия! Но и кайся,
И горькими слезами плачь!

О, сколько мук и испытаний
Еще изведать суждено!
Но только там, в конце страданий,
Тебе прощение дано.

РОДИНА

Восходит в сердце сладкая тоска
Вечерних трав степным благоуханьем.
Земля моя, о, как ты далека!
Как ты зовешь меня своим дыханьем...

Уж сорок весен скоро полыхнет
С тех юных дней,
 как я с тобой расстался.
А кажется, что просто у ворот
Я допоздна с друзьями заигрался.

С тобой, мой край, я молодею вновь
И жажду встречи радостного часа.
Здесь бродит моя первая любовь
Девчонкой светлой из седьмого класса.

Мне не забыть березовых лесов,
Отрогов горных тихую суровость.
О, Родина, твой нежный, кроткий зов
Звучит всегда, как благостная новость.

Казачья воля, прадедов хвала,
Ты — мой Урал, мой верхний,
 мой высокий,
Звонят во мне твои колокола,
Бегут во мне твои живые соки.

И с нами Бог! И ныне, и вчера.
Он сохранит тебя от тучи черной
Молитвами святителя Петра¹,
Табынскою иконой чудотворной.

* * *

Глухое поле. Бездорожье.
Печаль о родине земной.
В глазах ребенка Царство Божье,
И светлый Ангел за спиной.

Разруха в деревенском храме:
Там вместо пола — мрачный ров.
А рядом свищет над домами
Сивушный ветер бранных слов.

И снова пьяный сын, зверея,
Трясет старуху за грудки,
Остаток пенсии радея
В безумстве вырвать из руки.

Крутой расправой угрожает
И брызжет липкою слюной...
А сердце матери прощает
И плачет в тишине ночной.

Я на родимый край взираю
И, к небу поднимая взор,
Из тьмы греховной вопрошаю:
«Доколе, Господи, позор?!»

Души отчаянной коснется
Глагол Небесного Отца:
«Среди скорбей и бед спасется
Лишь претерпевший до конца».

* * *

Горит во тьме весенней псковской ночи
Тревожное вагонное окно.
Царь Николай глядит в Господни очи
На станции с названьем кратким «Дно».

Пронзительно-горячее моление,
Оно, как свет, что гонит прочь туман:

¹ Священномученик митрополит Петр Полянский, местоблюститель Патриаршего Престола, был заключен в Верхнеуральскую тюрьму, расстрелян под Магнитогорском в 1937 г.

«О, Господи, дай силы и терпенье —
Кругом измена, трусость и обман.
Твою я волю, Боже, принимаю.
Грядущее озарено огнем...
Престол, Тобою данный, оставляю —
Схожу с него, но остаюсь царем.

Что б ни случилось, сердце не покинет
Высокий жребий горечи и слез.
И жертвы нет такой, какую б ныне
Я за родную землю не принес...»

* * *

Ты устрелен хазарскою стрелою,
Татарской саблей ты не раз сечен;
Твой отчий дом дотла сожжен Литвою,
Ты в плен турецкий юным уведен.

Швед хладнокровный и поляк надменный
Конем топтали хлеб твой золотой.
В монастыре о братьях убиенных
Ты плакал пред иконою святой.

Среди огня крестового похода
Ты православным сохранил Восток.
Фашистский танк четыре долгих года
Кромсал тебя и вдоль, и поперек.

Оболганный, избитый сапогами,
В изодранной ушанке до бровей,
Ты в край колымский прочно вмерз костями
Для укрепления Родины своей.

Испытан ты и смертью, и безверьем,
А новые враги — и льстят, и лгут.
Тебя хмельным опаивают зельем
И на плотскбе торжище ведут.

А ты идешь, соблазны испытую,
Заблудший сын, но не бесстыдный хам,
И Ангелы небесные ликуют,
Когда ты входишь с покаяньем в храм.

Крест на груди — и в мирном изголовье,
Душа сияет, словно первый снег.
Хранит тебя Господь Своей любовью,
Все претерпевший русский человек.

МОЛИТВА БОГОРОДИЦЕ

Дева Богородица, миру Богом данная,
Ты любовью кроткою в сердце мне вошла.
Исцели, Пречистая, душу окаянную,
Стыдно, Милосердная, за мои дела.

Взор не поднимается на икону чудную,
Ты очами дивными смотришь на меня.
Грешника великого, скверного и блудного,
Огради от лютого, вечного огня.

Курская, Табынская или Честноховская,
Ты со мной с рождения до последних дней.
Исчезают хульные помыслы бесовские,
Сердце озаряется радостью Твоей.

Мы Твои, Владычица, чада недостойные,
Из былых защитников нет уж никого.
Все границы дедовы обыдоша воины —
Древние гонители Сына Твоего.

Купиной пред ворогом встань неопалимою,
Нашим детям-ратникам мужество подай.
Снаряди, Заступница, силы нерушимые,
Огради от мерзости православный край.

В деревеньке брошенной, в недрах мегаполиса
Засвети лампадные ясные огни.
Ризою нетленной, неразрывным поясом
Нашу землю Русскую в вере сохрани.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Царевичу Алексею

Запеть — и оборвать на полуслове
Российский гимн былых державных дней.
О, чадо Божье, мальчик царской крови,
Любимец царскосельских лебедей.

Ты предо мной в ефрейторских погонах,
В шинели серой грубого сукна.
За окнами охранного вагона
Безумием кипит твоя страна:

Народ отверг отцовские устои
И братской кровью разум опьянил,
Убил в себе любовь и все святое —
Спасителя распятого забыл...

А где-то в детской ждут твоей команды
Игрушечные роты и полки,

И светятся рождественской гирляндой
Прошедшие счастливые деньки.

Вот колокол вокзальный отправленье
Нам возвещает. Ты глядишь в окно.
Не уезжай — побудь еще мгновенье!
И будет все не так, как суждено.

Но лезвием железная дорога
Россию режет на две стороны.
Отец и мать и сестры — все пред Богом
Любовью вечной соединены.

Запеть и оборвать на полуслове
Российский гимн былых державных дней.
О, чадо Божье, мальчик царской крови,
Любимец убиенных лебедей.

ЦАРСКИЙ ЗОЛОТОЙ

Герб России. Лик святой.
Это — царский золотой.
На ладони он сияет,
Словно солнцем налитой.

Божьим Промыслом храним,
Как Россия — неделим.
Иностранные валюты
Не соперничали с ним.

Ныне бед не перечесть,
Сохранить бы только честь.

Ничего, что нет достатка —
Есть любовь и вера есть.

Мы своею нищетой
Выстрадаем золотой.
И слезами, и скорбями
Обретем мы лик святой.

И тогда — все может быть:
Станем мы царю служить.
И ему в российских храмах
Многолетье возносить!

* * *

На мартовском подтаявшем снегу
Стоит мужик пред храмом на коленях.
Я прохожу как будто бы в долгу —
В долгу пред ним.
И медлю на ступенях.

Его гнетет какая-то тоска,
И жалок вид склоненного затылка.
Он тихо плачет, связан по рукам —
В одной окуроч, а в другой бутылка.

Быть может, горе сердце берedit,
Иль совесть растревоженная гложет?
Мужик о жизни с Богом говорит,
О наболевшем высказать не может.

Его никто не станет утешать,
Пройдут, как я, сочувствие скрывая.
О, русская заблудшая душа,
Открытая, как рана ножевая!

ОСЕНЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

Сияют листьев ясные узоры.
О, так бы мне душой своей гореть!

Летит на паперть древнего собора
С высоких кленов золото и медь.

А солнце смотрит, щедро и любовно,
И освещает каждый уголок,
И льет тепло на нищих и бездомных,
И греет язвы и обрубки ног.

Идет сентябрь по улицам окрестным,
По волнам нестареющей Невы,
И Лик Скоропослушницы Небесной
Глядит на нас из тихой синевы.

РУССКАЯ ДУША

О, русская душа! Нет у тебя предела!
Небесного Отца любимое дитя,
Ты в храме предстоишь в льняной рубахе белой,
От счастья плачешь ты, свет веры обрета.

Есть в кротости твоей Божественная сила,
Той жертвенной любви, что бережет от зла.
Ты высоту небес и глубину могилы,
И скорби дольних мук в себя вместить смогла.

Пусть наполняет мир греховная отрава,
К неверию и лжи тебе не привыкать.
Осталось нам с тобой Божественное право:
Любить врагов своих, обидающих прощать.

Не страшно умереть и плоть свою оставить,
Но страшно не войти в заветные врата,
И этот бедный край при жизни не прославить,
Не целовать стопы распятого Христа.

За все, что сотворим, пред Господом ответим.
Зажгу свечу в ночи и тихо помолюсь.
Подобная тебе есть лишь одна на свете,
Бессмертная, как ты, — моя Святая Русь!

Дина НИКИФОРОВА

МУЖЕСТВУ ЛЕНИНГРАДЦЕВ И ГЕРОЯМ- ЛЕНФИЛЬМОВЦАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Дина Фаритовна Никифорова — родилась в 1973 г. в Оренбургской области. Выпускница факультета журналистики Оренбургского государственного университета. Номинант профессионального конкурса журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области «Золотое Перо-2011». Автор многих публицистических статей. Член совета Исторического клуба Ленинградской области. **Живет в г. Кировске Ленинградской области.**

11 мая на киностудии «Ленфильм» произошли два исторических события: был торжественно открыт восстановленный памятник героям-кинематографистам «Ленфильма» — участникам Великой Отечественной войны и состоялся премьерный показ документального фильма «Мужеству ленинградцев». Оба мероприятия, приуроченные ко Дню Победы, осуществлены с помощью благотворительного фонда Грачи Погосяна.

— Следует напомнить, что 27 января 2018 г., в годовщину снятия блокады Ленинграда, в сквере Блокадников на площади Мужества при большом стечении народа был торжественно открыт долгожданный памятник «Мужеству ленинградцев». Это историческое событие, встреченное с радостью еще здравствующими блокадниками и всеми жителями Санкт-Петербурга, было подготовлено и осуществлено благотворительным фондом имени Грачи Погосяна.

По следам этого события телекомпаний «ПРО ТВ» (режиссер Павел Гладунов), по заказу фонда Погосяна, а также при поддержке полномочного представителя Президента РФ в СЗФО Александра Беглова и председателя Законодательного собрания Санкт-Петербурга Вячеслава Макарова, был снят документальный фильм под таким же названием. Презентацию фильма было решено провести в майские дни с посвящением ленты 75-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, которое народ будет отмечать в будущем году.

Место проведения презентации киноленты было выбрано не случайно: легендарная киностудия «Ленфильм», потерявшая в годы Великой Отечественной войны и блокады города более 300 своих сотрудников,

но продолжавшая работать, и сегодня остается визитной карточкой города и лучшей площадкой для патриотического воспитания молодежи.

Посетив в конце апреля киностудию «Ленфильм», чтобы познакомиться с генеральным директором Эдуардом Пичугиным и осмотреть площадку для презентации, Грачья Погосян обратил внимание на обветшавший памятник героям-ленфильмовцам, расположенный во внутреннем сквере киностудии. Известный своим небезразличным отношением к памяти о героях и событиях Великой Отечественной войны, петербургский меценат не смог оставить памятник в таком состоянии. Он предложил Эдуарду Анатольевичу восстановить монумент силами благотворительного фонда Погосяна в подарок киностудии за безвозмездную поддержку показа киноленты. Инициатива руководством студии была воспринята с радостью, уже на следующий день были начаты работы по восстановлению памятника.

Торжественное открытие мемориала и премьера фильма «Мужеству ленинградцев» были запланированы на 11 мая. В этот день на «Ленфильм» приехали председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга Вячеслав Макаров, Главный федеральный инспектор по Санкт-Петербургу Виктор Миненко, представители правительства города, депутаты, Генеральный консул Республики Армения в Санкт-Петербурге Грайр Карапетян, председатель Общественной палаты Ленинградской области Юрий Тусов, советник вице-губернатора Ленинградской области Вячеслав Санин, руководство Западного военного округа и Росгвардии РФ, представители Генеральной прокуратуры, высших военных и юридических учебных заведений, священнослужители и прихожане Армянской Апостольской Церкви, активисты строительства памятника «Мужеству ленинградцев», жители города и жур-

Памятник героям-кинематографистам «Ленфильма» — участникам Великой Отечественной войны

Участники церемонии открытия памятника

налисты. В числе почетных гостей были известный российский кинорежиссер, советник Президента РФ по культуре Александр Сокуров, режиссер, заслуженный деятель искусства РФ Ирина Тайманова. Также среди гостей были вдова Михаила Тимофеевича Калашникова Файруза Бурганова и его последний референт Сергей Носачев. Специально из Москвы приехал главный редактор международной газеты «Ноев Ковчег» Григорий Анисонян. Присутствовали Андрей Ребров и Валентина Ефимовская — главный редактор и заместитель главного редактора журнала «Родная Ладога», который на своих страницах отражает историческую деятельность Г. М. Погосяна и рассказывает о ней своей широкой российской и зарубежной читательской аудитории. Конечно, основными гостями праздника стали ветераны Великой Отечественной войны и жители блокадного Ленинграда, большинство из которых в детстве пережили страшные дни.

У центральной аллеи гостей встречал почетный караул и военный оркестр Западного военного округа. Режиссер-документалист, киновед, Почетный кинематографист РФ Александр Поздняков рассказал об истории создания памятника, о тех ленфильмовцах, кому посвящен этот мемориал.

— Памятник на киностудии был открыт 9 мая 1975 года по проекту архитектора Гончарова. И с этого времени он ни разу не реставрировался. К сожалению, у киностудии не было финансовой возможности отреставрировать монумент, постепенно приходивший в упадок. В основании памятника замурована капсула с именами более 300 сотрудников киностудии «Ленфильм», не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны, а также погибших в блокадном Ленинграде, — отметил в своем слове Александр Поздняков. Генеральный директор киностудии Эдуард Пичугин сердечно поблагодарил фонд Погосяна:

— Спасибо благотворительному фонду имени Погосяна Грачьи Мисаковича за этот памятный подарок. Теперь это место станет местом проведения торжественных церемоний нашей киностудии, — сказал Эдуард Анатольевич.

Под музыку военного оркестра к подножию обновленного мемориала были возложены венки и цветы от всех гостей, представлявших на церемонии многие организации города.

Затем участники мероприятия были приглашены в просмотровый зал «Ленфильма».

Приветствуя гостей премьеры, председатель Законодательного собрания Вячеслав Макаров сказал:

— Фильм рассказывает о самой трагической и одновременно самой героической странице истории Ленинграда — Санкт-Петербурга — о блокаде. Очень важно, что суровая правда о чудовищных преступлениях нацистов звучит в нем из уст живых свидетелей тех событий. «Мужеству ленинградцев» — картина сложного жанра, это и биографическое, и документальное произведение, зритель сопереживает героям фильма, детские воспоминания которых об ужасах фашистской осады способен выдержать не каждый взрослый. Наш священный долг — сохранить память о тех событиях, сделать так, чтобы Великая Победа осталась национальным достоянием российского народа, память о ней должна передаваться из поколения в поколение. Это залог процветания нашей страны, ее великого будущего.

Вячеслав Макаров также отметил бескорыстную деятельность фонда Грачьи Погосяна в увековечении памяти о Великой Отечественной войне, напомнив об установленном памятнике «Мужеству ленинградцев». И поблагодарил Грачью Мисаковича за ту работу, которую он делает во благо Санкт-Петербурга и страны в целом.

Главный федеральный инспектор Виктор Миненко зачитал приветственное слово полномочного представителя Президента России в Северо-Западном федеральном округе Александра Беглова, в котором, в частности, говорилось:

— Мы должны с благодарностью поклониться всем участникам Великой Отечественной войны, живым и уже ушедшим. Подвиг Ленинграда не должен быть забыт. Также благодарю всех создателей фильма за еще одно напоминание о страшных днях блокады, за еще одну возможность узнать правду из уст свидетелей тех событий.

В завершение выступления Виктор Миненко вручил благодарность от полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном ФО Александра Дмитриевича Беглова за создание кинофильма режиссеру Павлу Гладунову.

В свою очередь Павел Гладунов поблагодарил всех пришедших на премьеру кинофильма, особенно отметив тех, кто принял участие в создании ленты. Кстати, многие из участников фильма были в этот день на премьерном показе.

— Отдельно хочу выразить благодарность народной артистке РСФСР Светлане Крючковой и руководителю симфонического оркестра Ленинградской области «Таврический» Михаилу Голикову. Музыка в исполнении оркестра, который он возглавляет, и стихи Анны Ахматовой, которые читала всеми любимая петербургская актриса Светлана Николаевна Крючко-

ва, были использованы в ленте. Ничего этого не было бы без инициативы Грачьи Мисаковича Погосяна, он возрождает не первый памятник, создает не первый фильм, который тоже можно назвать памятником, и не первую книгу памяти, — подчеркнул Павел Гладунов.

В этом году киностудия «Ленфильм» отмечает 100-летие со дня основания. И в честь юбилея Грачья Погосян вручил директору «Ленфильма» мозаичную картину с изображением логотипа киностудии, поблагодарив за поддержку. Меценат также выразил слова благодарности Александру Беглову и Вячеславу Макарову за оказанное содействие и поддержку деятельности фонда. Отдельно тепло поблагодарил всех, кто принял участие в съемках кинофильма, особые слова благодарности выразил ветеранам и жителям блокадного Ленинграда.

— Поздравляю всех собравшихся с прошедшим великим праздником — 73-й годовщиной со Дня Победы. Спасибо всем за то, то пришли сегодня на премьеру. Отдельное спасибо за внимание к нашей работе Александру Николаевичу Сокурову. Также хочу поблагодарить делегацию, недавно принявшую участие в нашей акции Памяти, прошедшей в победные дни в Казахстане. Мы из Эстонии вернули на родину, в Казахстан, недавно найденные останки советских солдат, защитников Ленинграда. Некоторые из участников делегации сегодня здесь. Это генерал-полковник Анатолий Иннокентьевич Зайцев, генерал-лейтенант Вячеслав Иванович Сухарев и Григорий Юрьевич Анисонян. Возвращая имена погибших героев стране, истории, их родным, мы доказываем, что своих героев не оставляем в забвении, — отметил Грачья Погосян.

После этих проникновенных слов в зале гаснет свет, и зрители становятся свидетелями страшных блокадных дней, запечатленных в фильме «Мужеству ленинградцев». В нем рассказывается о самоотверженности жителей города, отстоявших Ленинград вопреки выпавшим на их долю испытаниям, и о том, как сохраняется память об этих событиях в наши дни, в том числе благодаря Грачье Погосяну.

Фильм зрителями был воспринят как исповедь, как откровение, долго не смолкали аплодисменты, у многих зрителей в глазах стояли слезы. Каждый участник премьеры стремился выразить признательность и режиссеру фильма Павлу Гладунову, и идейному вдохновителю Грачье Погосяну за ожившую историю, за их современный подвиг неравнодушия. Генеральный директор «Ленфильма» А. Э. Пичугин вручил благотворителю благодарность от коллектива киностудии за восстановленный памятник со словами глубокого почтения, а также наградной знак «Клуб друзей Ленфильма».

По завершении просмотра ветеранам и жителям блокадного Ленинграда были вручены памятные подарки от благотворительного фонда Погосяна Грачьи Мисаковича, а затем всех гостей ждал торжественный фуршет и экскурсия по музею легендарной киностудии «Ленфильм». Эта экскурсия, как и все торжественные мероприятия, много способствовала осознанию необходимости связи времен, которая в этот памятный майский день была осуществлена кинематографическими средствами, деяниями и высокими чувствами собравшихся здесь людей.

Фото Д. Сазонова и Д. Фуфаева

*Я грудью шел вперед,
Я жертвовал собой.*

М. Ю. Лермонтов

Один из всех, за всех, противу всех.

М. И. Цветаева

Николай БУРЛЯЕВ
АНДРЕЙ
ПЕРВОЗВАННЫЙ
МИРОВОГО
КИНЕМАТОГРАФА

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Окончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Щукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине и др. Создатель и президент Международного кинофорума «Золотой Витязь». Председатель международного Объединения кинематографистов Славянских и Православных народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 г. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Не только лермонтовскую и цветаевскую цитаты можно поставить в эпиграф, определяющий личность и судьбу Андрея Тарковского. К Тарковскому применимы изречения многих выдающихся людей России. Ибо сам Тарковский — выдающийся художник.

Это при жизни осознали окружающие. Уверен, что это было известно и ему самому. Пишу это и вижу ироническую улыбку Андрея: «Ну ты даешь, старик! И ты в воспоминания ударился?..»

Да, дорогой Андрей Арсеньевич, пришло время воспоминаний... канонизации... творческого бессмертия... Обещаю тебе, Андрей, что постараюсь быть предельно искренним.

История русской культуры богата именами великих художников. Так было, есть и будет. «Нет пророков в отечестве своем», — утверждает Библия. Утверждение, верное лишь наполовину, касающееся неприятия, официального непонимания «пророков» властью имущими. История говорит о том, что есть пророки в отечестве, есть подвижники, есть нравственные, духовные маяки, есть люди, грудью идущие вперед, жертвующие собой во имя истины. Пророком быть больно и трудно, смертельно трудно... Но только пророк, мужественно несущий свой крест, совершающий на глазах всего народа восхождение на свою Голгофу, может в душевном восторге, непонятном обывателю, воскликнуть: «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю!» Андрей Тарковский

был таким пророком в кинематографе. Это было ясно нам, трудившимся вместе с ним, это было ясно всему кинематографическому отряду страны, это было ясно и тем, кто тормозил его свободную творческую поступь.

* * *

Не случайно дается человеку имя. Не случайно он был назван *Андреем*. Он был и останется Андреем Первозванным не только русского, но и мирового кинематографа. И не только потому, что кинематографисты-профессионалы всего мира почитают Тарковского *режиссером № 1*. «Для того чтобы понять, что такое режиссура, я тысячу раз прогонял на монтажном столе “Андрея Рублева”», — признавался мне знаменитый Эмир Кустурица. Перед Тарковским снимали шляпу великие — Федерико Феллини, Ингмар Бергман...

Далекий предтеча Тарковского, великий Эсхил первым в мировой культуре, в трагедиях своих начал свидетельствовать о Боге, возводить душу своих читателей и зрителей к Богу, к высшему началу. Потом пришли Софокл и Эврипид и начали обратный процесс: низведение Бога до человека. «Какие боги?.. Мы сами как боги!.. А боги часто похлеще нас, смертных!..» Вместе с этим «низведением» началось угасание древнегреческой культуры и самой древнегреческой цивилизации.

Спустя столетия Тарковский, как некогда Эсхил, первым в мировом кинематографе начал возводить душу зрителя к Богу, делая это своим, доступным только Тарковскому кинематографическим языком. Именно поэтому Андрея Тарковского можно считать *Андреем Первозванным мирового кинематографа*.

* * *

Теперь — по порядку.

1960 год, ВГИК, учебная тон-студия. Стоя в темном зальчике перед микрофоном и глядя на экран, озвучиваю свою первую в жизни роль в дипломном фильме Андрея Кончаловского «Мальчик и голубь». Дверь в коридор распахнута. Заходит какой-то человек, застывает на пороге. Лица не видно, только контуры, тень. Чувствую, что «тьень» внимательно следит за моей работой.

К «тени» подошел Кончаловский, они о чем-то недолго, тихо побеседовали, и «тьень» исчезла.

— Кто это? — спросил я Кончаловского.

— Это мой друг, Андрей Тарковский.

Имя мне ни о чем не говорило.

Спустя несколько месяцев мне позвонил Андрей Кончаловский:

— Читай рассказ Юрия Богомолова «Иван». Андрей Тарковский хочет попробовать тебя на главную роль.

Первая встреча. Любовь с первого взгляда. Красивый, сильный, твердо знающий, чего он хочет, элегантный, строгий и добрый, легко снимающий напряжение легким юмором. Абсолютный центр всего колллектива, пользующийся всеобщим уважением. Тарковский показался мне очень солидным и взрослым благодаря своей внутренней духовной мощи.

А был он всего на четырнадцать лет старше меня: ему только что исполнилось 28 лет.

До Тарковского рассказ «Иван» экранизировал другой режиссер, который не справился с этой работой. Производство фильма было остановлено. Завалившего работу постановщика заменили выпускником ВГИКа Андреем Тарковским. Он начал дело с нуля: переписал заново сценарий, заменил всех актеров. В наследство от прежней картины осталось несколько толстенных альбомов с фотографиями сотен претендентов на роль Ивана. Видимо, чтобы укрепить во мне чувство ответственности, Тарковский дал мне посмотреть эти альбомы. После чего я крепко засомневался, что у меня есть шанс быть утвержденным на главную роль. Режиссер неотступно был рядом. Он сам выбирал для меня одежды в костюмерной: рвал на мне рубахи, дырявил ватники, пачкал о стенку, «фактурил» штаны. Он часами сидел подле меня в гримерной, отыскивая нужный облик: заставил перекрасить волосы в пшеничный цвет, оттопырил уши, подтягивал вверх нос, заставлял рисовать на моем лице веснушки, ссадины, царапины...

Такого количества кинопроб у меня больше не было ни на одну роль. Тарковский пробовал меня в различных сценах с различными партнерами. Уже на пробах он объявил, что в картине у меня самая трудная сцена — «игра в войну».

— У Андрона в фильме ты плакал от лука... Здесь ты должен будешь заплакать по-настоящему, прямо перед камерой...

— К началу съемок ты обязательно должен похудеть...

— Актер должен уметь все! Должен разрыхлять свою душу... свои чувства...

Ассистенты Тарковского снабжали меня книгами об ужасах войны явно по его указанию. Особенно врезалась в память страшная книга «СС в действии». Тарковский готовил меня, 14-летнего пацана, к роли, внушая предельно серьезное отношение к работе.

Он рассказывал о том, как работают крупнейшие актеры...

Съемки «Иванова детства» мы начали в киноэкспедиции в городе Каневе. Жили в современной гостинице на высоком берегу Днепра, воздвигнутой по указанию Н. С. Хрущева, продуваемой в осенние ненастья всеми ветрами. Над гостиницей, на самой вершине горы был похоронен Т. Г. Шевченко.

Как часто водится в кино, в первый съемочный день снимали заключительные кадры фильма: «последний сон Ивана», игру с детьми в прятки подле вкопанного в песчаную днепровскую косу уродливого черного обгорелого дерева. Работа началась с легкой сцены в теплый солнечный осенний день. И режиссер, и вся труппа трудились в купальных костюмах. Каждый, улучив свободное мгновение, с наслаждением плескался в ласковом Днепре. С юмором, весело, легко отсняли за день довольно большой метраж, в том числе сцену с матерью Ивана, роль которой исполняла обаятельная и нежная Ирина Тарковская, жена режиссера.

— Мама, там кукушка...

И запрокинутое лицо убитой матери... Медленно, как во сне, льющаяся на распластанную на песке фигуру, выплеснутая вода, Тарковский сам зачерпывал из Днепра ведром воду, командовал оператору В. И. Юсову: «Мотор», — и с удовольствием, «художественно», окатывал жену водой,

сопровождая этот важный процесс своими неизменными шутками, веселящими всю группу.

Так же легко и радостно, как начали, мы проработали всю физически нелегкую картину. Никто из нас не подозревал, что наша картина будет увенчана десятками международных наград, станет киноклассикой, войдет в историю мирового кинематографа.

Интересно: предчувствовал ли самый главный ее создатель грядущую судьбу своего первого фильма?

Так же радостно, как работали, мы проводили свободное время. Особенно весело и празднично отмечали приезд из Москвы друга и соавтора Тарковского, Андрея Кончаловского, «Андрона»... Он привозил с собой новые песни друзей: Гены Шпаликова и Володи Высоцкого, известного тогда лишь узкому кругу приятелей.

В уютном номере Тарковских, при свечах, допоздна звучали озорные песни: «Ах, утону ль я в Западной Двине...», «У лошади была грудная жаба...», «Что за жизнь с пиротехником...», «Там конфеты мятные, птичье молоко...», «А тот, что раньше с нею был...».

Ласковая, улыбающаяся хозяйка номера Ирина Тарковская, умиротворенный, веселый хозяин... Андрон и Андрей пели по очереди, дуэтом, озорно, с наслаждением. Им подпевали остальные:

*...Из бизона я сошью себе штаны.
Мне штаны для путешествия нужны...*

Иллюминированная огнями, наша каневская гостиница, словно корабль, плыла над засыпающим Днепром, под необозримым звездным океаном. Тихие украинские ночи часто оглашались веселым пением, смехом, звуками гитары в номере Тарковских...

А наутро вся группа во главе с режиссером загружалась в старенький пузатый автобус, который, притормаживая, сползал с Тарасовой горы и вез нас на различные точки близлежащей природы, выбранной Тарковским с Юсовым. Почти каждое утро в автобусе, глядя на меня, Андрей говорил:

— Ты худеть-то собираешься? Во, будку отрастил... Разве скажешь, что мальчик из концлагеря?.. Умоляю, кормите его поменьше, — обращался он к моей матери. Потом на протяжении всего дня шла напряженная работа. Режиссер требовал абсолютной собранности, настроенности на каждый кадр, полной самоотдачи. Он показывал мне, как бы он произнес тот или иной текст, не позволяя фальшивить, шлифовал интонации, показывал пластический рисунок поведения в кадре.

Редко хвалил за результат, поэтому когда он, довольный, улыбался и говорил: «Молодец», «отличник», «то что доктор прописал!» — я был на седьмом небе. Я любил своего режиссера преданной детской любовью, можно сказать, боготворил, как старшего брата, как идеал сильного, красивого, мудрого и остроумного, всемогущего человека.

Думаю, не одному мне было физически тяжело в картинах Тарковского. Он добивался полной правды, а не игры. У него приходилось играть сцены, лежа в холодной мартовской грязи, ползать в холодных осенних болотах, иногда проваливаясь по горло, в одежде и ботинках переплывать студеной ноябрьский Днепр... И все же работа с Тарковским вспоминает-

ся как увлекательнейшее, счастливое путешествие под руководством озорного, остроумного человека. Его юмор снимал напряжение, завораживал окружающих, облегчал физические трудности. Все существо Тарковского говорило о том, что он сотворен из особого теста. Между ним и остальными сохранялась невольная дистанция, хотя в нем не было высокомерия, он был контактен и находил общий язык с любым членом группы. Как ни в ком другом, в нем ощущалась громадная амплитуда эмоциональных колебаний, психическая подвижность, многогранность высокоодаренной натуры. Отдельные грани его личности были подчас жестки, остры, могли ранить ближнего. Его мировоззренческая независимость, бескомпромиссность, безоглядная уверенность в своей правоте подчас воспринималась окружающими как крайняя степень эгоцентризма. Он безжалостно ниспровергал общепринятые художественные авторитеты, критиковал то, что считалось достижениями искусства. Казалось, ничто не удовлетворяло его в современном советском кинематографе. Помню его положительные, иногда восхищенные суждения лишь о Довженко и Барнете. Среди европейских кинорежиссеров он с уважением говорил лишь о Бергмане, Бресоне, Бунюэле, Феллини, Виго.

Замкнутость, медитативное сосредоточение, как бы отсутствие в данном измерении резко сменялось радостным приятием всей окружающей жизни, искрометным острым юмором. Иногда на глазах всей группы он мило озорничал, проказничал словно ребенок. Что лишь усиливало его авторитет, уравновешивая отчужденность художника человеческой простотой и доступностью.

Однажды оператор В. Юсов, второй непререкаемый авторитет в группе, коварно подшутил надо мною. Для предохранения от болотной воды, кажется, по его же совету, актерам изготовили полиэтиленовые костюмы, защищавшие ноги и грудь. Через пять минут после погружения в болото эти «предохранительные» костюмы наполнились холодной водой, и всю оставшуюся часть рабочего дня приходилось терпеть болотный дискомфорт. К концу съемки от холода стучали зубы. Видя, что работа идет к концу, оператор посоветовал мне:

— А ты пописай в штаны — будет теплее. Мы так в армии согревались.

Абсолютно доверяя серьезному и уважаемому Вадиму Ивановичу, я исполнил его совет.

— Ну как? — через некоторое время спросил оператор, — теплее?

— Да нет... Вроде так же холодно...

Узнав о проделке оператора, Тарковский отреагировал неоднозначно: он и посмеялся трагикомической ситуации, правда сдержанно, не афишируя происшествия, но и с состраданием глядел на меня. Копошась в болотной тине, стуча зубами от холода, я сам смеялся над своим положением и над шуткой любимого оператора. Тарковский приказал извлечь меня на берег, переодеть — и закончил съемку.

Как говорилось выше, Тарковский с самого начала, с кинопроб начал морально подготавливать меня к «самой трудной сцене в фильме», к «игре в войну». Когда Иван, глядя на шинель, висящую на стене, представляет, будто это фашист, убивший мать, начинает плакать и сквозь слезы судить «убийцу». Тарковский рассказал мне, что Жан Габен, вживаясь в роль, иногда даже живет в декорации. Жить в декорации я не мог, но в долгождан-

ный день съемки «игры в войну» пришел в павильон за несколько часов до всей группы. Настраиваясь на предстоящую сцену, сосредоточенно оделся, заgrimировался, старался ни с кем не вступать в контакт. Пока никого не было, бегал по пустой декорации, «накачивал» состояние. Когда незаметно появилась группа, бегал по отдаленным от них закуткам. И вот уже все готово к съемке, ждут только меня... Чувствую это и прихожу в панику, потому что плакать мне не хочется совершенно. «Актёр должен уметь все!» А я не умею... не могу заплакать... Злюсь на себя. Обессиленный мечусь по декорации. Нахожусь на грани потери сознания, истерики... но «сухой», бесслезной...

А Тарковский не подходит, издали наблюдает за моими действиями. И вот, когда струна натянулась до предела, он внезапно направился ко мне и... начал утешать: «Коленька, миленький, да что ж ты так мучаешься? Ну, хочешь, я отменю эту съемку? Бедный ты мой...» От его утешения, от благодарности к нему и жалости к себе меня словно прорвало, слезы потекли сами собой.

Тонкий психолог, Андрей Тарковский добился своей цели. Он немедленно привел меня к камере и снял сцену.

Все шло своим чередом: время создания «Иванова детства» протекало. Кажется, у картины были трудности с прохождением киноинстанций. Мы стали видаться с Тарковским на многочисленных премьерах фильма, пожиная первые лавры зрительского признания. А потом, осенью 1962 года «Иваново детство» и его создатель были посланы на международный кинофестиваль в Венецию. Спустя несколько дней после отъезда Тарковского в Италию, проходя по улице, я остановился у газетного стенда. Под фотографией, запечатлевшей счастливых, элегантных, в черных смокингах Андрона Кончаловского (он получил главную награду за лучший короткометражный фильм «Мальчик и голубь») и Андрея Тарковского, прижимавших к груди свои призы (крылатые венецианские львы золотого и бронзового достоинства), красовалась эффектная надпись: «Венецианские львы едут в Москву».

Так начиналось всемирное признание «Иванова детства» и его создателя, что не облегчило дальнейшей судьбы режиссера.

Возвратившись из Венеции, Тарковский поздравил меня с успехом:

— Итальянские газеты называли тебя именинником фестиваля. Два «льва»!.. Можешь зверинец открывать.

На вопрос, что он думает снимать, ответил:

— Пишем с Андроном сценарий об иконописце Андрее Рублеве. Есть роль для тебя...

Спустя четверть века, в 1987 году, через несколько месяцев после ухода Тарковского из жизни, актриса Валентина Малявина рассказывала мне то, что утаил от меня Андрей.

— Когда нам в Венеции объявили о победе фильма, Андрей от счастья в зале целовал твою фотографию...

Как жаль, что о подлинных проявлениях сердечности наших близких мы узнаем иногда слишком поздно. Тогда, осенью 1962 года, мой любимый режиссер с характерной для него сдержанностью в общих чертах описал венецианские новости, и... мы простились почти на два года.

В 1964 году, когда мне казалось, что Тарковский уже совсем забыл обо мне, раздался телефонный звонок!

— Говорит ассистент режиссера из группы «Андрей Рублев». Андрей Арсеньевич хочет, чтобы вы сыграли роль Фомы. Когда вам передать сценарий?

Сценарий я проглотил на одном дыхании. Ученик Андрея Рублева Фома мне не понравился совершенно, проскользнул мимо глаз бледной тенью, не затронув сердца. Зато последняя новелла «Колокол» ошеломила простотой и мощью финального аккорда, гимном непобедимой духовной мощи России. Образ литейщика колоколов Бориски вышел для меня на первый план, затмив все остальное. Вот бы кого сыграть! Но Тарковский целенаправленно ориентировал меня на Фому.

Я через силу, думаю, что бледно, попробовался на «бледного Фому» и, наконец, решился заговорить с режиссером о Бориске.

— Нет, — ответил Тарковский, — ты молод для этой роли. Бориску будет играть тридцатилетний человек, поэт...

— Но ведь гораздо интереснее, когда колокол по интуиции отольет юный отрок, чем поживший тридцатилетний человек...

— Ты ничего не понимаешь, — отрезал Тарковский. — Тебе что, не нравится Фома?

— Не нравится.

На Бориску пробовать меня Тарковский категорически отказался. На том и закончился наш разговор. Но я не хотел отступать. Начал искать пути воздействия на него. Не послушал меня, может быть, послушает других. Попробовал убедить оператора В. И. Юсова, консультанта картины С. В. Ямщикова, которым Тарковский вполне доверял. Они встали на мою сторону, и режиссер сдался, устроил мне кинопробу, «только бы отвязаться»...

В процессе этой пробы, на глазах, Тарковский все более увлекался идеей омоложения Бориски, становился все более заинтересованным, увлеченным и в конце концов утвердил меня на эту роль.

Так случилось, что параллельно с «Рублевым» я был утвержден на главную роль в фильме «Мальчик и девочка». С большим скрипом Тарковский согласился на мое «раздвоение» только потому, что сниматься мне было предложено в фильме его друга-однокурсника Юлия Файта. И все же он был постоянно недоволен моими отлучками. Ведь одним из главных требований Тарковского было, чтобы его актеры целиком и полностью принадлежали только его картине, чтобы никто не выходил из его магического круга, из таинства творческого процесса.

В один из моих приездов в киноэкспедицию «Рублева» во Владимир расстроенный Анатолий Солоницын сообщил мне, что с «Андреем Арсеньевичем нелады». Анатолий преданно любил Тарковского, близко к сердцу принимал все происходящее с ним.

Впрочем, эти «нелады» были настолько очевидны, что сразу же бросились мне в глаза, едва я переступил порог номера Тарковского. Хозяин был осунувшимся, нервным, раздраженным и одновременно растерянным, словно провинившийся ребенок.

Нельзя было не отметить и то, с каким победоносным, гордым видом, со странным блеском в глазах и иронической улыбкой ходила по номеру ассистентка по реквизиту Лариса. Подчеркнуто вежливые и вместе с тем игриво-властные интонации ее голоса... говорили о многом.

В день моего приезда мы ужинали вдвоем с Андреем в малолюдном ресторане гостиницы. Тарковский был сам не свой, таким я его никогда прежде не видел. Он был в смятении, в крайней степени внутреннего беспокойства, раздражения. Он напоминал кролика, влекомого в пасть удава. Он заказал большой графин водки и на моих глазах целенаправленно довел себя до невменяемого состояния. По мере возрастания степени опьянения ярость его усиливалась. Он поносил неизвестную особу последними словами. Наконец, с криком: «Сука!..» — саданул кулаком по столу, расколол тарелку, глубоко порезал ладонь. Кровь полилась на скатерть. Перевязав рану, я подхватил Андрея и отвел его в номер, где он был взят под опеку услужливой ассистенткой.

В эти дни личная жизнь Тарковского ломалась, круто менялась. Многие его близкие тяжело переносили этот слом, не могли внутренне согласиться с происходящим. Считали, что с ним, как с ребенком, разыгрывают дурную шутку, что это ненадолго, что он прозреет, что вот приедет его Ирина, все будет как прежде. Но «как прежде» уже никогда не было. Судьба распорядилась иначе...

А судья людским судьбам и отношениям, как говорится, один лишь Бог. Андрея уводили от тех, кто его по-настоящему любил.

Даже свою мать и сестру он не видел около трех лет.

* * *

Согласно тяжелым производственным планам работа над «Рублевым» неостановимо шла своим чередом. Стиль работы режиссера оставался неизменным: на площадке царил его легкий юмор, не отменявший предельной требовательности к каждому члену группы. Помню, как каждодневно он «школил», воспитывал новичка в кино, худенького помощника режиссера Сашу Мстиславского, на глазах превращая его в профессионала. Сложнейшая работа по воссозданию правды далекого «рублевского» времени ладилась неторопливо и размеренно благодаря внутреннему покою, фундаментальности неизменного оператора Тарковского, Вадима Ивановича Юсова, уравнивающего взрывную импульсивность режиссера.

Мне казалось, что Тарковский совершенно не работает со мной, не объясняет, не репетирует, довольствуясь тем, что «само собой» получается перед камерой. Однажды, когда мне предстояла сложная сцена, Андрей, словно ребенок, баловался с детской резиновой клизмой, приспособленной операторами для продувания соринок в камере. Он вдвух шипящую струю воздуха в уши окружающих актеров и ассистентов и хохотал. Я счел необходимым прервать это баловство:

— Кончай смешить!.. Лучше помоги мне. Расскажи что-нибудь... — Мне же играть трудный кусок. Давай, работай со мной...

Продолжая игру, Тарковский сказал:

— А ты знаешь, что ответил Рэне Клер журналисту, когда тот задал ему вопрос: «Как вы работаете с актерами?»? Он сказал: «Я с ними не

работаю. Я им плачу деньги». Ты артист? Тебе платят твои сто рублей, вот и играй...

И мгновенно сменив шутливый тон на серьезный, Тарковский подошел ко мне вплотную и тихо, почти на ухо начал что-то говорить, помогая войти в нужное состояние. Некоторые из актеров, снимавшихся у Тарковского, говорили, что он не работает с актерами. Было время, когда и я так считал.

Но теперь, видя «Иваново детство» и «Андрея Рублева», в каждом кадре, в каждом движении моих героев Ивана и Бориски, в том, как они говорят, смотрят, двигаются, во многих моих интонациях и жестах я вижу Андрея Тарковского. Ибо личность его была настолько сильной и пронзительной, что даже если он молча смотрел на тебя и ничего не произносил, само его существо диктовало русло, по которому актеру следовало плыть.

Он с увлечением, азартом рассказывал о своих придумках:

— Князь рубанет саблей, человек упадет, и вот отсюда, из шеи у него будет пульсировать кровь... Я придумал, как это снять... — Это — «сыр... рокфор»! («сыр рокфор» обозначал у Андрея высшую степень качества).

В картинах Тарковского довольно много кровавых, жестоких сцен. Многие упрекали его за это. Я сам не мог долго простить ему лошади, взятой с живодерни и зарезанной прямо в кадре. Однако жестокость никогда не была для Тарковского самоцелью, но необходимым средством для выражения высоких духовных, мировоззренческих, философских задач. Над житейской жестокостью и злом в картинах Тарковского всегда воспаряет душа его героев, душа автора, неустанно искавшего истину и гармонический идеал. Его творчество всегда позитивно.

И на «Рублеве» не обошлось без физически мучительных для исполнителей сцен. Поздняя осень, время сносных заморозков и первого снежка. Тарковский и вся группа утеплились добротными овчинными полушубками. Режиссер командует: «Мотор, начали!» Под холодным проливным дождем, полосующим по кадру несколькими брандспойтами, Бориска понуро идет вдоль обрыва, поддевает ногой камень. Вместе с камнем с обрыва падает и его лапоть. Бориска хочет его достать, но оступает и летит с обрыва вниз. Снимали, естественно, без репетиции. Прямо в дубле своей шкурой я пересчитал все бугорки, камни, корни, пни, пролетел сквозь огромный куст. В глазах темно от боли и холода, из рукава сочится кровь, но надо доиграть сцену, и пока Тарковский не крикнет «Стоп!», барахтаться в грязи и радостно кричать: «Глина!!! Нашел!!!»

Наконец режиссер кричит: «Стоп, хорошо!.. Коленька!.. Милый, еще дубль». Холодно, больно, грязно, мокро — проклинаю все на свете, в том числе и Тарковского: «вон он, расхаживает надо мною в овчине... Ему бы так!..» Однако «актер должен уметь и мочь все!» Об отказе не может быть и речи. Дубль — значит дубль. Хоть умри. Но тут оказалось, что костюмеры оставили на базе второй комплект моей одежды. Стаскивают с меня глиняную рубаху и портки, прополаскивают тут же в речке, отжимают, подогревают на осветительном приборе, снова облачают в дымящиеся одежды, бросают сверху канат, вытягивают на исходную позицию. Подходит виноватый Андрей:

— Ну, как ты, живой?.. Еще разок сможешь?

— Конечно, смогу, — отвечаю я бодро.

В кой-то век Тарковский просит так умоляюще, да и глаза всей группы обращены на меня... Невольно чувствуешь себя героем.

И вот еще дубль, и еще, и еще...

После съемки в избе, натопленной по приказу Тарковского, он лично готов был мыть мне ноги, обтирать спиртом... Да, ради того, чтобы увидеть дорогого моего Андрея таким нежным, добрым, заботливым, стоило пострадать. Анатолий Солоницын подсчитывал ранения на моем теле: их было более двадцати. Как было тепло в тот вечер в деревянной избе, среди дорогих моему сердцу людей! Уверен, скажи тогда Андрей: «Старичок, нужно еще разок», — я не раздумывая полетел бы с обрыва. После «Рублева» наши отношения значительно окрепли, может быть, потому, что прошли испытание временем, потому что и я уже был не ребенок, 19 лет. Он неизменно приглашал меня на все премьеры.

Каждую новую встречу с Тарковским я принимал как подарок судьбы.

ИЗ ДНЕВНИКА

7 февраля 1967 года. Вчера на студии встретил Андрея. Он был уставший, и я больной. Я сказал, что хочу с ним поговорить, он с радостью согласился. Отправились в творческий буфет, взяли пива. Я сказал Андрею, что он должен работать со мной, снимать меня. Он принял это хорошо.

— Если дадут ставить «Подростка», главная роль — твоя... А потом, может быть, и «Идиота» удастся пробить...

Увез Андрея к себе домой, «на часок». Этот «часок» длился с часу дня до семи вечера. Андрей много говорил о том, что «художник должен быть нищим»... Говорил обо мне, о том, чтобы я с ним всегда советовался, что я ему очень дорог и т. д. Говорил о том, что сейчас он хочет снимать фильм о матери... Сказал, что «уровень современного кинематографа настолько низок, что очень просто подняться над ним не только у нас, но и в мире. Говорил, что «стоит только уразуметь», что ты из всего этого скопища «профессионалов» самый одаренный, почувствовать это, и ты будешь делать большие вещи...

— А я знаю, кто я такой. И ты это знай! — говорил Андрей.

Приехал Савва Ямщиков и пригласил нас к себе. У Савелия, кроме прочих, были люди, к которым я испытываю нежные чувства: Юсов, Маша Вертинская... Лена Шестакович спросила меня:

— А ты безумно влюблен в Тарковского, да?

— А это заметно? — спросил я.

— Очень.

— Да, — ответил я.

Да, я люблю Андрея. Вижу все его «ужасные» черты характера и люблю его, иногда мне кажется, что самозабвенно (то есть забывая о себе). Я хочу все время делать ему приятное, видаться с ним чаще, обнять его крепко, по-мужски.

Андрей много говорил со мной вчера, за эти 15 часов, проведенных вместе. Показывал приказ Госкино с требованием вырезать 7 сцен — гордость картины. Андрей этого не сделает. Он просил присутствующих писать как можно больше писем в Госкино — «спасать фильм».

Перед поездкой к Савелию Андрей пригласил меня с собой в дом человека, который, в силу своего положения, видимо, может защитить «Рублева». Два часа прошли во взаимных любезностях...

Едва мы вышли из дверей подъезда на улицу, Андрей сказал:

— Он же все врет... Он же палец о палец не ударит...

Мы долго молчали. Видя душевное состояние Андрея, я не решился заговорить первым. Он сам прервал молчание, сказал, что у него много друзей, но «ты мне самый дорогой, самый близкий человек». И не раз потом на протяжении всего вечера он то и дело говорил мне об этом. Это было впервые за всю историю наших отношений и потому так дорого для меня.

Когда мы ехали в такси, Андрей спал. Его голова покоилась на моих коленях. Я левой рукой «освобождал» его наэлектризованную, уставшую, поседевшую голову. И думал: «Какой же стал старый, Андрей... Скоро тебе — 35!»

19 февраля 1969 года. Вчера состоялась премьера «Андрея Рублева» в Доме кино. После почти трех лет лежания на полке (неизвестно за что) фильм предстал перед ошеломленной московской аудиторией. Видел картину в четвертый раз. Теперь фильм мне понравился меньше, и я сам от себя не в восторге. После картины — банкет в складчину. Сидели с Саввой далеко от Андрея. Предложил тост за Тарковского; крикнул через весь зал: «Андрей...» Он тут же оглянулся и встал. «За тебя!» — весь наш стол поднялся и крикнул «ура!». Через пять минут Андрей встал и, сложив руки рупором, крикнул: «Пьем за Толю Солоницына и Колю Бурляева!»

Потом я подошел к столу Андрея и там произнес тост за него. В заключение сказал Андрею: «А теперь прощай еще на два года...»

29 марта 1969 года. Сегодня возвратились из Ленинграда, куда ездили с Андреем и Т. Г. Огородниковой на премьеру «Рублева».

Утром перед вылетом в Ленинград заехал за Андреем. Он еще делал зарядку — «тянул резину». Я с радостью отметил тот факт, что тело он держит в хорошем, здоровом состоянии и не расслабляется от неудач. Накануне мы говорили с ним у него же дома. Я читал ему свои стихи, он мне свои... Говорили обо мне, о нем, о наших отношениях друг к другу. Я сказал ему, что актерство меня не удовлетворяет, что хочу стать режиссером. Он, как всегда, стал разбивать эту мою идею, говоря: «Ты прекрасный актер, и занимайся своим делом, а какой ты режиссер, это еще не известно. Да и потом, это не так просто... Я положил на это жизнь, сделал две картины, еще сделаю две... и все!.. И я это понимаю. Я шел на это...» Я надел у Андрея его пиджак, поскольку мой совсем стал плох. Несколько раз Андрей ставил одну и ту же вещь «Битлз» — «Желтую подводную лодку» — и то и дело с удовольствием подпевал:

— Та-та-та, та-та елоу сабмури, елоу сабмури, елоу сабмури...

В Ленинграде поселили в «Европейской». В Доме кино нашу картину представлял Козинцев. И в 17, и в 21 час залы были полны, столь же полным был успех. Люди, выходявшие из зала, поздравляли нас, говорили много хороших слов. После просмотра я поцеловал Андрея и сказал: «На пятый раз я понял, что ты сделал гениальный фильм». Многие лица, окружавшие нас, проплывавшие мимо, были словно после сильного шока, душевного потрясения. Многие, не решаясь подойти к нам, смотрели издали подавленно, молча, взволнованно. Вчера перед обедом мы с Андреем не то-

ропясь прогуливались по Невскому проспекту. Говорили, кажется, обо всем на свете. Он снова сказал, что обязательно поставит со мной два романа Достоевского: «Подросток» и «Идиот». Читал стихи Пастернака, Ахматовой, своего отца Арсения Александровича Тарковского, которого боготворит вдвойне: как поэта и как отца. В 17 часов нас с Андреем пригласили на обсуждение «Рублева» с ленинградскими кинематографистами.

10 ноября 1969 года. Вчера с Ю. Файтом были у Андрея. Не виделись с ним семь месяцев (после посещения его дома 1 апреля).

Посидели за ужином, шутками, гитарой и разговорами до двух часов ночи. Могу петь песни свои кому угодно, но только не Андрею: зажимаюсь, чувствую убожество мысли, собственную бездарность.

Андрей поинтересовался: «Почему ты такой грустный... подавленный?» Я рассказал ему о своей драме. Он начал поднимать мне настроение, шутить, с юмором развивая теорию (Артура Макарова) об отношении к женщине по принципу «Кто тебя отвязал? Иди, ляг на место». Андрей почти такой же, как и прежде, разве что более худой и в глазах больше тоски.

Решив поступить на режиссерский факультет, я позвонил Тарковскому и попросил его дать мне характеристику. Он с готовностью согласился, пригласил меня к себе. Когда я приехал, необыкновенно лестная для меня характеристика была готова.

Вручая мне бумагу, Андрей сказал:

— Зачем ты это делаешь? Зачем тебе режиссура, этот крест? Ты же видишь, что делают со мной... Ты — артист и оставайся артистом. Дольше проживешь...

Долго в тот день мы сидели у него на кухне, говорили, говорили и никак не могли проститься. И снова Андрей читал стихи, открывал мне сложный, ни на кого не похожий поэтический мир своего отца. Он сам удивлялся, словно открытию, тому, что читал. Говорил, что когда-нибудь непременно использует это в своей картине.

Потом мы снова расстались на долгое время.

Однажды, будучи на «Мосфильме» и узнав, что Тарковский завершает работу над «Солярисом» и находится сейчас в павильоне, что там сейчас и Юсов, и Солоницын, я ринулся туда, чтобы повидать их. Всех их я застал в красивой космической декорации.

Тарковский встретил меня холодно, едва кивнул головой, смотрел на меня недобрым взглядом. Не ожидая такой встречи, я прямо спросил Андрея:

— Что произошло?

Он так же прямо задал вопрос мне:

— А что ты говорил обо мне в доме у...? (он назвал какое-то имя).

Выяснилось, что я никогда не бывал в названном доме и вовсе незнаком с тем человеком, которому якобы что-то говорил.

Теперь обиделся я:

— Как же ты мог в это поверить?

Тарковский извинился. Мы «помирились». Инцидент был исчерпан.

*Вползает клевета — и в сердце бьет:
Шипит и жалит, веру убивает,
Смущает любящих, друзей разъединяет,
Отец на сына, брат на брата восстает...*

Клевета... Сплетня... Кто из живущих избежал их ядовитого жала? Со временем клевета не помиловала и Тарковского, ибо с особым старанием она чернит имена звучные, ибо уши человеческие, как с грустью отмечал Н. К. Рерих, всегда открыты сплетням.

Лично я с той поры повысил бдительность ко всем злым слухам.

В последние годы наши встречи стали еще более редкими и случайными. На выставке древнерусской живописи, организованной С. Ямщиковым. В компании наших общих знакомых, в коридорах «Мосфильма», где видел Андрея, ужинавшего в компании Анджея Вайды, Беаты Тышкевич, Гены Шпаликова и Ларисы Шепитько, и снова там же, с Биби Андерсон.

Помню, как после премьеры дорогой для меня картины «Игрок» по роману Достоевского я увидел Тарковского среди потока зрителей, спускающихся по лестнице Дома кино. Он был угрюм, желваки играли на его скулах. Как мне хотелось, чтобы он отыскал меня глазами, подошел, поздравил с премьерой, высказал свое суждение о фильме, о моей работе... Но Тарковский не собирался никого разыскивать, молча брел, погруженный в себя. Мое праздничное настроение мгновенно испортилось. Я внутренне корил Андрея за черствость, равнодушие, высокомерное наплевательство на тех, кто его по-настоящему любит. Я был обижен, хотя абсолютно понимал Тарковского: он не любил бывать в Доме кино, считал его «элитарно-нечистым, лживым местом», где «тебе улыбнутся в глаза, а за глаза обольют грязью». Я понимал Тарковского, потому что и сам в этих стенах облачался в броню отчуждения. А может быть, ему просто не понравилась картина? Ему редко что нравилось... И все же мне так хотелось, чтобы он подошел ко мне, ибо его мнение, любое, хоть самое резкое, было для меня особенно важным.

Тарковский завершил работу над «Солярисом». Вместе с первыми зрителями я смотрел картину в переполненном мосфильмовском зале. Картина ошеломила, продержала в своей магической атмосфере от первого до последнего кадра. Мне казалось, что это самый лучший, самый человеческий, сердечный фильм космического Тарковского.

Последняя самая памятная встреча произошла незадолго перед отъездом Тарковского в Италию на съемки «Ностальгии». Недалеко от «Мосфильма» мы неожиданно столкнулись с В. И. Юсовым.

Мы давно не виделись и были рады встрече. Зашли в ближайшее кафе. В разговоре выяснилось, что ни он, ни я не встречались с Тарковским одинаково долгий отрезок времени. И это притом, что Юсов и Тарковский живут в одном доме. После нескольких рюмок у нас обоих появилось желание немедленно, без предупреждения нагрянуть домой к Андрею, как снег на голову. Что мы немедленно и исполнили.

Тарковский сам открыл нам дверь, не удивился нашему появлению, словно и не бывало прожитых порознь лет. Мы провели несколько часов и расстались далеко за полночь. Сидели за столом под абажуром, говорили, стараясь соединить разорванные связи, преодолеть неизвестно как образовавшуюся между нами пропасть. Почему так случилось? Ведь нас объединяет то, что навсегда прилепило нас друг к другу: дорогая для каждого из нас совместная работа, наша искренняя любовь друг к другу...

Никогда я не видел Тарковского таким, как в тот вечер. Казалось, что жизнь довела его до последней степени терпения. Он ругал буквально все

и вся вокруг. Досталось и нам с Юсовым: ему — за то, что он пишет сценарии, мне — за то, что я стал режиссером, что пишу стихи. Тарковский говорил, что только в его картинах мы могли по-настоящему творить: Юсов как оператор, а я как актер. Может быть, в его словах была абсолютная истина, но я не мог согласиться с ним и, кажется впервые, решился возразить ему: «Андрей, не нужно обрубать крылья своим ближним...»

Это был вечер откровений, последний вечер в нашей жизни. Мы простились, крепко обнявшись, сердечно и нежно. Я не знал, что прощаюсь с Тарковским навсегда. Некоторые обвиняют Андрея Тарковского в том, что он не возвратился на Родину. Уверен, что в его невозвращении — не его вина. Никогда Тарковский не был диссидентом, носящим в кармане кукиш. Он никогда не играл в эти не достойные художника игры. Он шел вперед грудью, нес свой жизненный крест. Мужественно, стойко, бескомпромиссно исповедовался в своих картинах. Он пел свою песню, говорил свою правду, но не во имя своего благополучия, которого у него никогда не было, а во имя Истины и Искусства. Попробуйте прожить такую жизнь!..

Одной из главных тем, которой Тарковский непременно касался в общении с близкими, — это тема Родины. Он любил Россию и часто говорил: — Как бы тяжело ни было, нужно работать и жить именно здесь и только здесь — в России.

Марина Арсеньевна Тарковская рассказывала мне, что перед отъездом в Италию брат говорил: «Они меня отсюда не выпихнут!» Вадим Юсов и Глеб Панфилов, в разное время встречавшиеся с Тарковским в Италии незадолго до его трагического исхода, говорили мне одно и то же: «Тарковскому невыносимо без Родины, он хочет вернуться, мечтает о своем домике под Рязанью...»

Уверен, что именно этот трагический надлом — плотью там, душою в России — и приблизил печальный финал.

Последняя картина Тарковского «Жертвоприношение», созданная на зарубежной почве, картина — русского художника. Она полна российского гуманизма, сострадания, целомудрия, веры...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В июле 1990 года мне довелось посетить последний приют Андрея Тарковского: православное кладбище в местечке Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Бредя по погосту, упокоившему останки многих замечательных сынов России: героев белой гвардии, писателей Бунина и Шмелева, — я с большим трудом нашел могилу Андрея на окраине кладбища... Несколько цветных горшков с засохшими растениями, шатающийся простой деревянный крест, подпертый у основания воткнутыми в землю камнями, малюсенькая металлическая табличка со стертыми, едва различимыми латинскими буквами — именем усопшего. Сбоку крохотная скамеечка на тонких качающихся ножках, чахлый низкорослый куст в изголовье, не дающий тени, нещадно выжигающее землю и могильные плиты июльское солнце... Все зыбко, тесно, случайно, чуждо, несправедливо. Выпихнули... Всем существом любивший свое Отечество, Тарковский, вопреки воле отца, сестры, всех близких, миллионов почитателей гения Художника в России, вопреки здравому смыслу и справедливости, предан чужой земле. Во имя чего? Во имя чьей мелочной выгоды?..

В начале 1970-х, снимая в Ялте эпизоды «Соляриса» и бредя по приморской набережной в окружении героев своего фильма, Андрей задумчиво произнес: «Мне нагадали, что меня погубит женщина...» И вдруг, обернувшись к своей жене, спросил: «Уж не вы ли, Лариса Павловна?..»

Несмотря на всю мощь своей одержимой творческой натуры, на несломленную до конца дней бескомпромиссность в искусстве, в жизни Андрей Тарковский был человеком, поддающимся внушению, влиянию ближайшего своего окружения. Близкие друзья Андрея Тарковского могут привести много тому подтверждений.

Чего стоит один «каннский инцидент»: ложь о «неблаговидной роли С. Ф. Бондарчука в судьбе Тарковского», распространенная в средствах массовой информации грязной (иначе не назовешь) столичной кинокритикой, внушавшей читателям, что Бондарчук, являвшийся членом жюри Каннского кинофестиваля, не позволил присудить приз «Ностальгии».

Известно, что именно С. Ф. Бондарчук протянул Тарковскому руку помощи в труднейшее для Андрея время, пригласив его ставить фильм в свое Объединение. Оба выдающихся мастера уважали друг друга и даже намеревались снимать совместный фильм, но Тарковскому «нашептали» на Бондарчука и их затея не состоялась.

Правду о «каннском инциденте» мне довелось узнать во Франции от Отара Иоселиани, непосредственного свидетеля той истории. Он в разговоре с одним из членов тогдашнего жюри спросил: «Правда ли, что Бондарчук протестовал против присуждения “Ностальгии” премии?» На что член жюри ответил: «О “Ностальгии” Бондарчук не проронил ни слова. Если бы он что-либо сказал против фильма, это лило бы воду на мельницу Тарковского». Иоселиани рассказал об этом Андрею. Тот задумался, потом, обратясь к своему «окружению», произнес: «Вот видите... у Отара иная информация...» На что «окружение» стало яростно убеждать Андрея в том, что «Бондарчук послан Госкино специально, чтобы не дать ему приза...»

Знал бы Андрей, что вскоре его «окружение» поторопится покинуть кладбище, оставив открытой его могилу. У разверстой ямы остались московские родственники Тарковского: сын Арсений, М. А. Тарковская, ее муж А. В. Гордон и представитель «Совэкспортфильма». Они разыскали могильщиков, но те сказали, что их рабочий день окончился, и могилу Тарковского они забросают завтра. С трудом найдя лопаты, близкие Андрея Тарковского до конца исполнили печальный последний долг, предав его останки французской земле. После смерти Тарковского его «окружение» проживало в Париже, распоряжалось всем наследием Тарковского, немилосердно корректируя, исправляя на свой лад рукописи Андрея Арсеньевича, забывая о том, что наследие великого режиссера принадлежит не временным «хранителям», а русской культуре.

* * *

Многие близко знавшие А. А. Тарковского люди говорили о том, что он был верующим человеком. Я тоже утверждал это, хотя ничем не мог подтвердить своей убежденности. Буду откровенным: мы никогда не говорили с ним о вере, о Боге. В атеистической стране эта тема была запретной.

Однако именно он в 1964 году надел мне на шею первый в моей жизни православный крестик.

Я уверен, что его домом теперь стало Небо и возможно он не хочет более воплощаться. Его душе лидера на Земле нет соответствий, кои могли бы стать ему лучистыми опорами. Мозг свой лучистый он отдал Богу, ибо им делались фильмы о Боге. Вера его в атеистической, закрытой от Создателя стране, была интуитивной. Но он знал, он чувствовал Бога интуитивно, и умел воплотить это на экране в художественных образах. Он ведал то, что вера должна быть внутри — как частицы крови: их не знаешь, но без них погибнешь. Он понимал, что вера должна быть сутью, а не довеском к душе. Живя в атеистическом мраке, Андрей обходился без прямых лучей Божьих, ибо он лучился сам, сумев разжечь изначальный импульс души своей до пламени, которое его согревало и сожгло. Он в мире людей не мог долго быть, ибо они не сумели стать хворостом, который подбрасывают в огонь. Помню, как только один раз он сказал мне: «Ты самый близкий мне человек». Верю, что ты видишь и всегда помнишь обо мне, потому, что свет моей любви согревает тебя и теперь.

Я верил, что когда-нибудь найду подтверждение моей убежденности. И это время наступило. Подтвердил сам Тарковский после своей смерти.

Несколько лет назад в Доме кинематографистов проводили вечер памяти Андрея Тарковского. По замыслу организаторов актеры, игравшие в его фильмах, должны были читать фрагменты из его дневников. За кулисами мне вручили листок с напечатанным текстом. Я читал, не веря своим глазам: это было долгожданное подтверждение.

Вчитайтесь в эти слова. Это своеобразная молитва Андрея Тарковского, обращенная к Богу. В этих словах — ключ к пониманию сущности великого мастера и его творчества:

«Боже! Чувствую приближение Твое, чувствую руку Твою на затылке моем, потому что хочу видеть Твой мир — каким Ты его создал, и людей Твоих, какими Ты стараешься сделать их. Люблю Тебя, Господи, и ничего не хочу от Тебя больше...

Принимаю все Твое, и только тяжесть злобы моей, грехов моих, темнота низменной души моей не дают мне быть достойным рабом Твоим, Господи!

Помоги, Господи, и прости!»

10 февраля 1979 года

И еще:

«Сегодня великая надежда поселилась у меня в душе. Не знаю отчего — просто счастье. Надежда возможности счастья. С утра солнце светит в окно, но счастье не от этого. Присутствие Господа... Я Его чувствую».

НАСЛЕДИЕ

Александр РЫТОВ
(1934–1974)

«СТАРО ИСКУССТВО БЫТИЯ»

Для тех, кто любит русскую поэзию, 19 октября — особый день. День Пушкинского Лицея. Судьбе угодно было распорядиться так, чтобы поэт Александр Геннадьевич Рытов родился именно 19 октября. Произошло это в Ленинграде, в 1934 году. Правда, баловнем судьбы он отнюдь не стал.

Еще дошкольником, в самом начале жизни, ему пришлось узнать, что значит слово «война». В годы блокады Рытов, слава Богу, в Ленинграде не жил — он был в эвакуации: в подмосковном селе Архангельском. Но и его не миновали ни обстрелы, ни бомбежки, ни голод, особенно мучивший в зимнее время, ни потеря близких людей. Память о «недетском детстве» осталась с ним навсегда (хотя он подчас и хотел бы предать забвению военное лихолетье).

В родной город Александр Рытов вернулся в 1945-м. Окончив среднюю школу, Рытов в 1952-м поступил в Московский институт международных отношений (МИМО). Правда, москвичом он пробыл недолго, всего два года — в 1954-м он перевелся на исторический факультет ЛГУ.

С марта 1958 года он стал сотрудником Библиотеки Академии наук, где проработал до самой смерти. Здесь он занимался библиографией Петербурга, что он, как историк, считал для себя большой «служебной» удачей.

Но прежде всего Александр Геннадьевич Рытов был поэтом.

В 1966 году в Лениздате вышла первая книга Александра Рытова — «Тропы». В сборник включено было всего 28 стихотворений — совсем небольшая часть созданного поэтом к тому времени. Книге было предпослано небольшое предисловие Михаила Дудина (его Рытов считал своим литературным учителем):

«У каждого поэта свой путь в поэзии, своя, ни на что не похожая, тропинка в говорливом зеленом лесу Русского языка, и над каждой тропинкой свои восходы и закаты, свой щебет залетных птиц, своя жизнь, входящая каждой своей гаммой в вечно меняющуюся гармонию леса.

Александр Рытов только входит в этот лес. Он пока еще где-то на опушке, но направление его тропинки идет в глубину леса, и этой тропинке уже не повернуть обратно. Трудно предположить, да это и незачем, на какую поляну она выведет, каким строем мысли и ритма удивит читателя в будущем, — это зависит только от самого поэта. Но то, что настрой его голоса радует чистотой и точностью, в этом нет никакого сомнения, и мне очень хочется, услышав его песню на опушке, не упустить ее из своей души, двинуться за ней дальше в лес и услышать ее там, в глубине самого леса».

Следующая книга Александра Рытова — «Белый олень» — вышла в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» в 1973 году. Увы, она стала и последней прижизненной.

3 июня 1974 года Александр Геннадьевич Рытов умер от инфаркта.

Виктор Андреев

НА ДВОРЦОВОМ МОСТУ

По реке стаи льдин вдоль гранита плывут и плывут.
Легкий перистый лед прижимается к розовым глыбам,
И скользит, и скользит, ломким звоном наполнив Неву,
И слепит хрусталем, улыбаясь и чайкам, и рыбам.
Мы летим на мосту, на парящем Дворцовом мосту.
Тихо ветер свистит, как мальчишка худой, голенастый.
И того и гляди, фонари в синеву прорастут
Любопытной листвой — только в крепости грянет двенадцать.
Теплоходик бежит, под мостами водой шелестя,
Спотыкаясь, спеша, на бегу отражение роняя.
Как тяжелые теплые-теплые капли дождя,
На асфальт из окна вдруг упали аккорды рояля.
Водопад колоннад обрывается с Зимнего вниз,
И вливаются в Неву по-гренландски седые колонны,
И выносит залив мимо наших и финских границ
На далекие отмели их ледяные короны.

* * *

Зачем у городов мужские имена?
Ведь город женственен и так же изначален,
Как эта тишина из белого вина,
Как эти купола июньскими ночами.
Короткий чуткий сон задернутых гардин,
Полночная заря, скользящая по берегу,
Где талые дома сливаются в один,
Где небо, как сирень, опущенная в реку.

Купальская краса — и в силе, и в красе.
Ты папоротник взял — и клад уже известен,
Когда твоя душа, вся в утренней росе,
Займется от любви и воробьиных песен.

КРЕСТОВСКИЙ ОСТРОВ

Н. Н. Васильеву

Пойдем, подышим на Крестовском,
Побудет город и без нас.
Пусть тающим зеленым воском
На плечи капает весна,
И птицы горло промывают
В какой-то простенькой мечте,
И дождевой червяк трамвая
Повис, качаясь на крючке.
Там, балансируя, как пламя,
Кусая леденцовый лед,

Сквозь поредевшее сознание
К нам в души медленно войдет
Такая тишина! — такая,
Что будет слышен смех травы...
Забравшись на скамью с ногами,
Мы поплывем: дрожат стволы,
И воздух влажными кусками,
И солнце бьется, как блесна,
Над поминальными кострами,
Где тлеет старая листва.

ЛОСИ

Косматый лес заукал совами.
Вдали — дорога затянута пленкой.
И вдруг — лосиха, как нарисованная,
У ног лосихи лежит лосенок.
Какими вы прибежали тропами?
Каких деревьев касались холками? —
Лосиха только ушами дрогнула.
Лосенок вспрыгнул на ноги ломкие.
И мы молчим. И хотим приблизиться.
И лес молчит. И подходит медленно.
И только ветер бряцает листьями:
На нем рубаха — чешуйки медные...
Четыре глаза на нас уставились —
Четыре лаза в их души гордые.
Лосиха, словно в большой усталости,
Лосенка грудью толкнула в сторону.
И поскакали, хрустя осинником,
Клоня березы под свист раскатистый!
И листья били по синим спинам их.
И мхи им стлались зеленой скатертью!
И долго, робко и настороженно,
Смотрела чаща глазами карими,
А вечер терся лосиной кожей
О наши щеки, тепло, как маленький.

КАРЕЛИЯ

В Карелии озерной, мелколиственной,
Где шишки колются под босыми ногами, —

БЕРЕСТА

Моя невеста и сестрица,
Посеребранный колосок,
Молиться мне — не намолиться
На твой дареный образок.
Люблю тебя, как Византию,
Гоню к тебе свои лады
И новгородскую Софию
Беру в свидетели любви.
Горят гвоздочки покоя
Под молоточком золотым,
А сердце вербное такое
Пред воскресением святым.

Ты — города мои и веси,
Ты — мой весенний ясный лес, —
Благовести: Христос воскрес! —
Откликнусь: Истинно воскрес.
Над половодьем ликования,
Касаясь солнца головой,
Грядет...
— Продли мне волхованья
С моею светлой Волховой!
Ее бровей чуть дрогнут дуги,
Ее глаза — крещеный люд! —
В каком-то солнечном испуге,
Как колокольцы, запоют.

СТАРЫЕ ДОМА

Мы все из тесных переулков
Непрогреваемого дна,
Где, как надгробья Петербурга,
Стоят доходные дома.
От крыш, впитавших день вчерашний,
До узких замковых дворов
Их облик старчески неряшлив,
А профиль замкнут и суров.
Но, как в спокойствии болотном,
В них лживо всё. Врываясь в сон,
Здесь трубы с резкостью голодной
Грызут гранитный горизонт.

И стены их не помнят песни —
И правда эта хуже лжи:
Их нелюдимость — та же плесень,
Что разделяет этажи.
Но чем-то, чем-то вы уместны...
Не тем, что красит вас закат.
Ведь только вырвавшись из бездны,
Поймешь, что значит высота.
И это все во мне смешалось
В одно. И в чувстве, как слога,
И отвращение, и жалость,
И нежность... сына и врага.

РОДИНА

Просмоленные, холодные, корявые,
Показались вы мне предками-варягами.
Неразгаданного рода и без имени,
Поднялись вы страшной стражею над Ильменем,
А навстречу шли дубы, теплы и кряжисты,
И смеялись смехом добрым, смехом ряженных,
И несли в глазах рассвет над синим Ярданом
Прапрабабки мои, белые, как яблони.
Как вас встретили, веселые и рослые?
Только стража ваша встала между соснами.
Копья Севера и палицы Дубровника —
Здесь и жизнь моя, и смерть,
и Русь, и Родина!

**Валентина
ЕФИМОВСКАЯ**

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

*О поэзии
Анатолия Аврутина.
К юбилею поэта*

Валентина Валентиновна Ефимовская — коренной житель Санкт-Петербурга, родилась в Ленинграде, имеет два высших образования. Поэт, литературный критик, заместитель гл. ред. журнала «Родная Ладога», автор четырех книг поэзии и книги критики «Резонанс жизни». Руководитель Северо-Западного отделения Академии Российской словесности, советник Российской академии естественных наук, лауреат литературных премий им. Гумилева, «Прохоровское поле», «Имперская культура», «Золотой Витязь», награждена многими медалями, орденом Анастасии Узорешительницы. Секретарь СП России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Поэзия русско-белорусского поэта Анатолия Юрьевича Аврутина вызывает неиссякаемый интерес на протяжении многих десятилетий его творческой деятельности. Несмотря на изменения общественных формаций, идеологических установок, вкусов и мод, независимо от направлений поисков самого автора, его книги издаются большими тиражами, стихи востребованы читателями разных возрастов. В чем загадка этого интереса? Что заставляет нас погружаться в глубокие строки, осмысливать неожиданные образы, вживаться в мятежный мир властного поэта, считающегося современным классиком?.. Если кратко, то это — его водительство, его стремление за пределы привычных пространств, его реализм и мечтательство, его видение невидимого, освоение неведомого нам иного измерения существования.

Многомерная модель мира — категория реальная, имеющая свое определение и физико-математическую логику. Мы привыкли к законам трехмерного мира. Но, как говорят аналитики, в пространственных измерениях более высокого порядка физические законы отличаются от законов в пространствах более низких порядков. При том что $n > 4$ вселенные остаются лишь гипотезой, существование четырехмерного пространства доказано современными учеными, которые нашли путь в четвертое пространственное измерение на основании того предположения, что если трехмерные предметы отбрасывают двухмерные тени, то «трехмерные объекты могут быть «тенью» четырехмерных объектов». На мысль о четырехмерной интуиции поэта наводят его загадочные строки:

*И пока в непроявленной дали
Растворяются тени теней...*

Мало кто из нас может увидеть *тени теней*, свидетельствующие о наличии иных миров, в пространства которых можно попасть только при наличии целеполагания и особого восприятия существующего бытия. Тяга в неведомое сопряжена с уверенностью, что оттуда лучше просматриваются особенности нашей земной юдоли, что там время человеческой жизни имеет другие параметры, и, кажется, легче должно осуществляться извечное человеческое чаяние вечного.

Время в трехмерном мире движется только в одном направлении — вперед, в будущее, и в прошлое нам вернуться невозможно. Человек полностью *вовлечен в поток времени* (Бл. Августин), которое нельзя ни остановить, ни перенаправить. В многомерной пространственной вселенной время является относительной величиной с большими степенями свободы. Обладая особым органом восприятия этого пространства, как говорится «третьим глазом», можно управлять временем, которое, однако, не существует само по себе, но проявляется через физические явления. Анатолий Аврутин передает ощущение пульсирующего времени через природные события, например, наиболее зримый — это ритмичный образ текучей водной субстанции:

*Ты можешь верить или не верить —
В беду не верится никогда.
Но в черный берег, холодный берег,
Забывтый берег стучит вода.*

И подкрепляет это ощущение часто повторяющийся в его стихах образ света:

*Учу росинку, василек,
Зарю над пожней.
И свет лучится между строк,
Мой свет тревожный...*

Известно, что любая координата должна находиться в нормальном (перпендикулярном) соотношении с остальными. Для многомерного пространства представить это трудно, если не предположить, что такой координатой может быть острое, сканирующее мир зрение сердца поэта.

Поиск истины, Отечество, творчество, любовь — четыре основные вектора поэтического пространства Анатолия Аврутина. Именно на этих смыслах сфокусировал свой творческий «третий глаз», именно в этих направлениях углубляет свое проникновение из трудного настоящего в далекое, кажущееся идеальным прошлое и пронизанное светом надежды будущее — поэт, которому при определенных условиях может *«простор увидеться сквозной»*. Это намерение и фактическое осуществление невозможного позволяет назвать Анатолия Аврутина поэтом-романтиком, он родня тем, кто сначала предчувствовал существование неведомой земли или невидимой звезды, а потом трудным путем, идя по валам океанов или горными тропами, доказывал свое предположение. И земля или звезда получали имя своего открывателя. Имя поэта Анатолия Аврутина носит звезда в созвездии Рака.

Труден путь романтика в эпоху постмодернизма, во времена насильственной аннигиляции исконных смыслов и образов человеческого суще-

ствования, требует он от художника боеспособности. Эта боеспособность, эта сила заключается в абсолютной авторской искренности. Личность поэта неотделима от его поэтического мира, наполненного собственным опытом, личными поисками и трагедиями, что не позволяет отделить, тем ослабив, лирического героя от автора, который, как в точке схода координат своего мира, стоит, «...дрожаю объятый посреди перекрестья дорог».

Классическая яркость и импрессионистическая зыбкость, интимность и прямота, фольклорные реминисценции и мелодизм — эти частные художественные особенности творчества Анатолия Аврутина позволяют ему решать сложные вопросы современного бытия в критериях индивидуального и всеобщего, традиции и новаторства, веры и неверия, детерминизма и отрицания объективности причинных связей. При намеренной смысловой недосказанности, образной недообъясняемости творчество поэта целостно в той степени, которая вообще присуща поэзии как явлению, как необходимой ипостаси человеческого бытия, подчиненного поискам его смыслов. Этот поиск Анатолий Аврутин осуществлял на протяжении всей своей жизни, много преуспел и не отказался от него поныне, о чем свидетельствуют новые стихи мастера, преодолевшего символический возрастной рубеж.

*Первое августа. Завтра Илья.
Серым дождям ни конца, ни начала.
Сохнет — не высохнет стопка белья,
Что накануне жена настирала.
Лето на позднем своем рубеже,
Сколько Илью ни зовите Илюшей...
И поселяется осень уже
Первого августа в стылую душу.
Значит, мне старые книги листать,
В небе выискивать светлые пятна.
Значит, мне с птицами вдаль улетать,
Точно не зная — вернусь ли обратно?..*

Это стихотворение кажется грустным, неоптимистичным не только потому, что поэт говорит об осени, как о времени умирания природы, как о завершении очередного временного отрезка, но и потому, что сам вступает в осеннюю пору своей жизни. Однако драматургия здесь глубже привычных, зримых уровней бытия, в стихотворении отображается не просто время года или время жизни, но особый образ существования, стремящегося на чувственном уровне за привычные границы. В противопоставлении статичным библейским доминантам простых, реалистичных, длящихся во времени образов — *дождей без конца и начала*, стопки выстиранного женой белья, что *сохнет — не высохнет*, поэт создает неявный, словно реконструируемый по зыбкой тени предчувствия образ изменения-расширения мира собственной души. В финальной строфе резко меняется смысловой знак: неизбежность сокрушается обнадеживающим стремлением — *старые книги листать (возвращаться в прошлое)*, *в небе выискивать светлые пятна (прозревать будущее)*. Поэт пытается выйти из мира предопределенности путем духовных предчувствий иных миров, стремится в такое измерение, где время не подчиняется привычному закону, и будущее не обязательно

связано со смертью. «Светлые пятна» (конечно, можно предположить, что это облака, хотя такая невнятная метафора не свойственна поэтическому почерку Анатолия Аврутина), кажется, имеют онтологическую природу, тем более, что этот повторяющийся и трансформирующийся образ пятен-просветов присутствует в других стихотворениях поэта. Как, например, в строфе

*И вибрирует гул непонятный
Под ладонью, прижатой к земле,
И какие-то **сизые пятна**
Растворяются в сумрачной мгле, —*

здесь *сизые пятна* символизируют световые аберрации, связанные с диспропорцией света и тьмы.

Художник, кажется, случайно найденными образами «светлые пятна» — «просветы» — «сизые пятна», используемыми богословами как метафоры духовной реальности, обнаруживает творческую, скорее всего до конца не осознанную попытку осмысления бытия в трансцендентных закономерностях¹. Неуверенно, гадательно, противоречиво, не веря в Бога как Творца Вселенной, но предчувствуя существование спасительной благодати, желая быть услышанным небесами, поэт упорен в своих поисках иного, более счастливого, гармоничного мира.

*Все в жизни предельно... Иду за предел...
На тень от беззвучья... На голос, на голос...*

Невозможно не прислушаться к этому голосу, зовущему в неведомое. Чей это голос? Куда зовет поэта? Много вопросов ставит себе Анатолий Аврутин в своих поэтических текстах, не на все отвечает, и многие наши недоумения оставляет без ответа, заставляя читателя сконцентрировать личную экзистенцию, призвать на помощь душевную эмоциональность, чтобы совокупным, совместным с автором усилием прорваться в иной мир. Без этого усилия многое в поэзии Анатолия Аврутина может остаться не проявленным, не понятым, как зыбкий сон. И стихотворение, посвященное уходу *за предел* отца поэта, требует от читателя не только сопереживания, но причастности на уровне личного опыта. Во многом подобное личное горе может стать ключом проникновения в прошлое как в настоящее, и условием осознания многих непривычных для реальной жизни художественных образов. Только вступив в духовное родство с поэтом, пострадав вместе с ним, можно не удивиться абсурдности некоторых ситуаций, задуматься, почему в его художественном мире *букетик похож на взбелошвенный ил*, не усмехнуться, но попытаться понять, почему *завывала простуженным басом собака*, поверить, что *от станции тихо отъехал грохочущий «скорый»*. И последовать за поэтом, прорывающимся через личное бытие в инобытие, и оставаться с ним до конца мучительного события прощания-встречи с отцом, которую поэт осуществил на острой грани реального и нереального, в поисках смысла своего существования, кажущегося бессмысленным.

¹ См.: *Копейкин Кирилл, протоиерей*. Богословский и естественно-научный взгляд на природу. // Христианство и наука. № 2—3. С. 44—45.

Узколистая тень все металась по стареньким сходням,
 И мерцал виновато давно догоревший костер...
 А поближе к полуночи вышел отец мой в исподнем,
 К безразличному небу худые ладони простер.
 И чего он хотел?.. Лишь ступней необутой прижатый,
 Побуревший листочек все рвался лететь в никуда.
 И ржавела трава... И клубился туман возле хаты...
 Да в озябшем колодце звезду поглотила вода.
 Затаилась луна... И ползла из косматого мрака
 Золоченая нежить, чтоб снова ползти в никуда...
 Вдалеке завывала простуженным басом собака
 Да надрывно гудели о чем-то своем провода.
 Так отцова рука упиралась в ночные просторы,
 Словно отодвигая подальше грядущую жуть,
 Что от станции тихо отъехал грохочущий «скорый»,
 Чтоб, во тьме растворяясь, молитвенных слов не спугнуть...
 И отец в небесах...
 И нет счета все новым потерям.
 И увядший букетик похож на взъерошенный ил...
 Но о чем он молился в ночи, если в Бога не верил?..
 Он тогда промолчал... Ну а я ничего не спросил...

В этом стихотворении, как и во многих других своих поэтических произведениях, Анатолий Аврутин означает направления своих размышлений: это извечные темы, в большей мере присущие русской классической литературе. Его интересуют жизнь человеческого духа, пугает бренность плоти, волнует глубина личной греховности и степень ответственности перед людьми и миром. Осмысливает поэт эти темы не декларативно, не громогласно, но на уровне неощутимого, озвучивает в молчании, чтоб *молитвенных слов не спугнуть*. Сталкивая противоположные идеи — веры и неверия, нужности и ненужности поиска истины (*скоро истина станет ненужной*), мучась сомнениями, наблюдая, как *ветер свистит в пустых колокольнях*, изнемогая *среди разлук и потерь*, он подходит к вопросу — *кто лишний у Бога?*

*И, запутавшись среди разлук и потерь,
 Все гадаешь — кто лишний у Бога?..
 Кто-то в стылых потемках все дергает дверь,
 А откроешь — лишь ночь и тревога.*

Многие стихи Анатолия Аврутина свидетельствуют о том, что ответ на этот вопрос направлен в сторону автора, туда, где

*вокруг все — мрачней и темней.
 И шатаюсь я вдоль раздорожий,
 Там, где чавкает сохляя гать,
 И все Бога пытаю: «Я — Божий?..
 А Господь отвечает: «Как знать...»*

Тема сиротства с контрапунктом — юродства, сквозная тема творчества выдающегося поэта. Близка она его чуткой душе не только в связи с сыновними поисками Отца Небесного, со страстным ожиданием явной Божией помощи и защиты, но и вследствие ощущения личностного сиротства, связанного с лишениями послевоенного детства, с трудностями дальнейшего жизненного пути, ставшего ответвлением сурового поприща предков.

*Кто там плачет и кто там хохочет,
Кто там просто ушел в облака?
То ли кричит кричит, то ли кочет...
То ли пропасть вдали, то ль река...
И гадаю я, тяжело гадаю,
Не поможет здесь даже Господь, —
Где прошли мои предки по краю,
Чем томили суровую плоть?*

Постоянный на протяжении всего творчества поэта образ края-обочины жизненного пути свидетельствует о том, что художник устойчиво позиционирует себя не в центре, но с краю жизни, соединен с ней как будто по касательной. Почему именно такая самооценка присуща поэту? Свет на этот вопрос, наверное, могут пролить исследования Михаила Бахтина: «Стоя на касательной к миру, я вижу себя целиком находящимся в мире, таким, каким я являюсь только для других. Что во мне может быть осмыслено и оценено только для других. Мое тело, мое лицо; какие чувства и оценки себя могут быть мною только узурпированы у других. Направленность на свое целое, скорбь о себе, героизация, быть в своем образе для других, уйти в него с касательной. Мир весь передо мной, и, хотя он есть и позади меня, я всегда отодвигаю себя на его край, на касательную к нему... Мир весь передо мною, и другой целиком в нем»¹.

Целиком в этом мире находится «другой» — Ванька-дурак, сладко прощающийся с августом. В беседе с ним поэт ищет истину.

*Позднее светает... Уносят тепло
Смущенные аисты.
Пока что не осень, но время пришло
Прощания с августом.
Молоденькой прелью пропахший овраг
Грустит в одиночестве.
Приходит к нему только Ванька-дурак...
Растрепан... Без отчества...
Чадит костерок.
— Подходи, посидим —
Вот здесь, под березою...
Но Ванька питается духом грибным
И дымкою розовой.
— Эй, Ванька, чего это в душах свербит,
Вот елки зеленые!*

¹ Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука. 2000. С. 242.

*Он лишь отмахнется и что-то бубнит
Свое, забубенное.
О чем ни спроси, Ванька врать не мастак:
«Не знаю... Не ведаю...»
Прощается с августом Ванька-дурак,
А мы тут с беседою.
Тридцатое августа... Голос далек.
Редает дубравушка.
А истину знают лишь Ванькин киек
Да вдовый журавушка.*

Но какую истину может знать юродивый *Ванька, питающийся духом грибным и дымкою розовой*? Поэт не оставляет сомнений в том, что беседа абсолютно реальна, как реален прелью пропахший овраг и аисты, смущенно уносящие в другие края тепло. Значит, и беседа под березою реальна, и Ванькина истина тоже. Поэт банально не расшифровывает, а лишь дает направление на нее, к удивлению читателя сообщая, что *истину знают лишь Ванькин киек да вдовый журавушка*. Символичное иносказание и недосказанность расширяют охват угла зрения: от неба, где парит одинокий журавлик, к земле, кровную связь с которой символизирует Ванькин посох-киек. Минимальными художественными средствами поэт создает здесь сложную картину бытия, требующую ума сердца, которое должно сопереживать страждущей вдовой небесной птице и помнить, что особой символичной мощью обладает Ванькин выдавший виды посох благодаря постоянному контакту с землей. Посохом олицетворяется и мужская сила, и мировая ось, он и опора в паломничестве, и символ предводительства и достоинства.

Земное и небесное, плоть и дух, зыбкость и опора, центр и край — все эти координаты необходимы поэту для представления себе себя самого. Но для чего это представление? «Как я представляю себя самого, когда думаю о себе. Я ставлю себя на сцену, но не перестаю ощущать себя самого в себе. Невозможность ощущения себя целиком вне себя, всецело во внешнем мире, а не на касательной к этому внешнему миру. Пуловина тянется к этой касательной. Связь со специфическим неверием в свою смерть (слова Паскаля). Я не знаю того сплошь внешнего и всецело во внешнем мире находящегося моего тела, которое станет трупом; оно может быть предметом мысли, но не живого опыта. Я в той точке касательной, которая никогда не может оказаться целиком в мире, стать бытием (действительностью) в нем, а, следовательно, и уничтожиться в нем; я не могу весь войти в мир, а потому не могу и весь выйти (уйти) из него»¹.

Маловероятно, что именно так, образами Бахтина, сформулировал бы свои стремления поэт, но по наитию, по вдохновению, в подтверждение недоказанной физическими закономерностями этой философской гипотезы, его безотчетное стремление проявляется в противостоянии смерти, как неизбежности. Со своего края поэт целиком не входит в мир, чувствуя, что в таком положении не сможет и весь из него выйти, как никогда не сможет

¹ *Бахтин М. М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука. 2000. С. 424.

выйти из мира, то есть погибнуть, его родная Беларусь, прильнувшая к краю России. Она — его любовь, его боль, его надежда. Много стихов поэт посвящает родной земле, которую рассматривает и как объективную реальность, и как пространство личного, интимного существования, неотделимого, однако, от жизни народа. Очень сложный, невыносимо противоречивый образ своей Родины создает Анатолий Аврутин, подмешивая слезы в поэтические краски.

*Ты все смотришь с какой-то немой укоризной
И тяжелые слезы струятся из глаз...
И какой здесь Есенин поможет, Отчизна,
Если век отрезвляющих слов не припас?
Если чахнут без влаги сухие побеги,
Если аист бредет по не выросшей ржи?
И какие здесь наших времен печенег,
И какие хазары, Отчизна, скажи?
Отчего здесь все горше извечное лихо,
Отчего здесь историю лучше не трожь?..
Вслед за аистом скорбно бредет аистиха
По не выросшей ржи... И не колетса рожь..
Здесь всегда на «авось», здесь все можно без правил,
Здесь районный начальник всегда бестолков...*

Эпиграфом к стихам поэта о Родине, кажется, могут стать известные слова Николая Некрасова — *Ты и убогая, Ты и обильная, Ты и могучая, Ты и бессильная...* с предположительной концовкой: *матушка Русь — Беларусь.*

Удивительное, неповторимое свойство поэзии Анатолия Аврутина — в ней нет четкого разграничения Руси и Беларуси. Для поэта это не разные государства, но единое пространство, объединенное общими историей, победами, страданиями, общей культурой, языком и характером народа. Это его Империя, его *Держава.*

*Ни ветерка... Молчит кукушка...
Простор безмолвствует, крича:
«Отчизна — это Русь и Пушкин...
Да белый ангел у плеча».
И чудится, что ангел белый
Перо над крышей обронил.
Пушинки кружатся несмело...
Пу-шин-ки... Пушкин подарил...
Пушиночка скользнет по брови,
И дальше — тихо, не шуша.
И станет менее суровой
Давно остывшая душа.
И все, что сплыло без возврата,
Уже не страшно, не черно.
И нет сестры, и нету брата,
А есть дыхание одно.*

Ощущая единое, неиссякаемое дыхание рода и народа в пространстве и времени, поэт возводит свое Отечество на уровень космического вневременного бытия. В стихах о родимой земле ощущается некий дуализм, поэт не дает готовых формул жизни, не опускается до дидактических советов и злонаправленного осуждения, не скрывает, что сам остается в неведении относительно непостижимых закономерностей бытия. Его стихи рождаются как будто из столкновения двух сущностей — природной Божественной, в полной мере недоступной для понимания человека, и творческой деятельности человека, описываемой словами. Об этой антиномии человеческого знания о природе мира так говорил св. Григорий Палама: «О Божественной природе следует говорить как об одновременно несообщаемой и в известном смысле сообщаемой: мы приходим к сопричастности Божественному естеству, и, однако, оно остается для нас совершенно недоступным»¹.

*...И путник в плаще убогом,
Плечом раздвигая тьму,
Страшится столкнуться с Богом,
Промокшим под стать ему.
Судьба их сведет едва ли...
И мечутся, боль тая,
Две истины, две печали,
Две сущности бытия...*

Эта недоступность, неразгаданность тайны двухсущностного бытия томит, изматывает душу поэта, который, пытаясь ее разгадать, «прощупывает» разные уровни и слои существования и создает такие сложные по образности и композиции поэтические произведения, в которых могут одновременно и гармонично сосуществовать мамин суп с лисичками и дым пороховой над Черной речкой.

*Меня чуть что лекарством пичкая,
Мелькнуло детство. Чет-нечет...
Какой у мамы суп с лисичками,
Какие draniki печет!
Соседские заботы дачные,
А я не дачник, мне смешно...
Вновь Первомай!.. Вожди невзрачные,
Зато душевное кино!
Мы всех сильнее?.. Я лучше с книгой,
Я нынче Блоком поглощен.
Но как красиво Брумель прыгает,
Как Власов дьявольски силен!
Куда все это вскоре денется?..
Молчанье из-под черных плит...
Но как же хочется надеяться,
Но как же Родина болит!*

¹ Лосский В. Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С. 55.

*Болит... И горлицей проворною
Мелькает в дымке заревой,
Где столько лет над речкой Черною
Не тает дым пороховой.*

Стихов о творчестве, о поэтах много в мастерской живописца слова. Слово для него и основа жизни, и смысл, и божественная ее ипостась, и критерий оценки собственного творчества. Поэтическая речь Анатолия Аврутина так откровенна, что поэт кажется абсолютно незащищенным. Не надеясь на Бога в силу своей на Него родовой обиды, он ищет защиты у читателя, советуется с ним, совместно разрешает не слишком сложные вопросы. А защита, действительно, нужна поэту, ведь он открыто, безбоязненно предъявляет счеты и своему государству, и своему времени, и самому себе. Поэзия Анатолия Аврутина при всей ее кажущейся зыбкости, образной сложности, конфликтности устойчиво противостоит злу, тьме беззакония, смерти. Поэт доказывает, что поэтическое слово открывает новое измерение бытия, спасает от нравственной катастрофы, поэтизацией мира оно врачует души, углубляет сенсорные телесные ощущения. Как сам говорит, *слово — высшее бунтарство, и жизнь, и музыка, и свет...*

*Что лучше — слава или безвестность?..
Я к лишним спорам не привык,
Мне мама — русская словесность,
Отец мне — русский мой язык.
Так и живу в краю прозрений,
Где воинство — певучесть строк,
Где вся политика — Есенин,
А вся величественность — Блок.
Где словом жалуют на царство,
Где бессловесен пистолет,
Где слово — высшее бунтарство,
И жизнь, и музыка, и свет...*

Особенно много света в стихах Анатолия Аврутина о любви. Как считают богословы, «отношение любви освобождает творение от детерминированности»¹. То есть любовь во многих ее проявлениях делает человека более свободным в процессе познания, но на чувственном уровне он оказывается пленником. Любовь в жизни и творчестве поэта — не развлечение, но ответственность, критерий оценки жизни, средство осмысления ее женской ипостаси, которая в большей степени озарена образом матери поэта. Во многих стихах она присутствует как часть его души, как лучшее явление жизни.

*...И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала —
Я помню новой книжки хруст...*

¹ Копейкин Кирилл, протоиерей. Богословский и естественно-научный взгляд на природу // Христианство и наука. М., 2003. С. 43.

*Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из «Каменного гостя»
Да из «Онегина» строку.
Дряхлеет мама... Знаю, знаю —
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу — золотится взгляд...*

С неиссякаемой любовью Анатолий Аврутин относится ко всем женщинам, одарившим его этим святым, спасительным даром. Все его героини наделены сильными характерами, подвержены глубоким чувствам, они не покоряются обстоятельствам и в своей независимости прекрасны и незабвенны как героини античных трагедий. Если сложить воедино все любовные стихи поэта, написанные в разные годы, то получится композиционно целостное, объединенное общим смыслом самодостаточное поэтическое произведение с драматическим началом и лейтмотивом женского жертвоприношения. Его знаменитое стихотворение

*Стирали на Грушевке бабы,
Подолы чуток подоткнув.
Водою осенней, озяблой
Смывали с одежды войну.
Из грубой, дощатой колонки,
Устроенной возле моста,
Прерывистой ниточкой тонкой
В корыта струилась вода.
От взглядов работу не пряча,
И лишь продолжая ее,
Стирали обноски ребячьи
Да мелкое что-то свое...
И дружно, глазами тоскуя,
Глядели сквозь влажную даль
На ту, что рубаху мужскую
В тугую крутила спираль... —*

уже вошло в историю литературы и кажется ярким подтверждением слов В. В. Розанова — «нельзя изображать, не любя изображаемого». Анатолий Аврутин, находящийся в гуще основных бытийных противоборств — созидательного и разрушительного, своей любовью успешно противостоит последнему. Поэтому его героини даже по смерти пребывают в жизни, остаются молодыми, красивыми и неизменно любимыми. Диалектика действительности, которая в зрительной области бытия находится в постоянном движении, видоизменении, обновлении, в любовной поэзии Анатолия Аврутина тяготеет к незыблемости, неизменности, простирается в так чаемый им мир целостности и святости.

*Достанешь порою блокнотик зелененький,
Где блеклые строчки видны еле-еле...*

*Неведомо где и Марины, и Оленьки,
И все телефоны давно устарели.
А в женщине встречной, судьбою зашуганной,
Узнаешь вдруг ту, что казалась святою,
Но женщина только посмотрит испуганно
И, взгляд опустив, обойдет стороною...*

Любовь для художника — чувственный и рациональный, интуитивный и логический способ постижения мира. Чувственное — связано с внешней, зыбкой, изменчивой, проходящей красотой мира. В преодолении чувственного, внешней оболочки — художник достигает закономерных, неизменных уровней видения надмирной гармонии.

Нельзя сказать, что Анатолий Аврутин поэт только своего поколения, его мир много больше современности, мастер прозревает далекое прошлое и видит будущее. Позволяя себе «переключку» с поэзией прошлых веков, он заимствует из них поэтическую живописность, художественная зримость стиха особенно видна в произведениях, посвященных природе, красоте окружающего мира, чувственной любви. Анатолий Аврутин умеет и любит ритмически организовывать поэтический текст, повторяемость строк и созвучий создают неповторимый, текуче-музыкальный, подчиненный ритму времени мир. В нем могут совмещаться разные времена, поэт легко меняет знаки на координате времени, поворачивает время вспять, будущее и прошлое может менять местами, но знак нравственного закона в этом поэтическом мире свято соблюдается. Именно нравственный закон для Анатолия Аврутина является условием устойчивости мироздания. И то, что может произойти при смене этого знака в результате модного в наше время ужасающего нравственного эксперимента, показывает поэт на понятном историческом примере.

*«...Но жизненные органы задеты...
Да и раненья слишком глубоки...»
Своею кровью русские поэты
Оправдывали праведность строки.
А как еще?.. Шептались бы: «Повеса,
Строчил стишки... Не майтесь ерундой...» —
Когда бы Пушкин застрелил Дантеса
У Черной речки, в полдень роковой.
И, правда, как?.. Все было бы иначе...
Попробуйте представить «на чуть-чуть»,
Что Лермонтов всадил свинец горячий
В мартьяновскую подленькую грудь.
И дамы восклицали бы: «О, Боже...
Да он — убийца... Слава-то не та...»
Но ведь поэт убийцей быть не может,
Как не бывает грязью чистота.
Любима жизнь... И женщина любима...
В строке спасенья ищет человек...
И Лермонтов опять стреляет мимо...
И снова Пушкин падает на снег...*

Болью о Родине, кровью своей души *оправдывает праведность своей строки* и Анатолий Аврутин. Хотя есть разные мнения на целесообразность смешивания крови и слова, жизни и символа, поэт иначе, кажется, не может. Иначе он не может в полной мере выразить всех своих противоречивых (от любви до ненависти, от бунта до смирения) чувств. Как говорил поэт Уильям Батлер Йитс, «Вы говорите, что мы не должны ненавидеть. Вы правы, но мы можем, а иногда и должны чувствовать негодование и высказывать его. Ненависть — это вид «пассивного страдания», а негодование — вид радости»¹.

*А время кричало в пустом и безветренном поле,
Что русский исход тяжелей, чем еврейский исход.
И аист кружил... Он в полете не думал о воле —
Не думает вовсе о воле свободный народ!
И что-то мешало идти и не думать о бренном,
И что-то велело укрыться в свое забытье.
А это Россия торопко струилась по венам,
В висках выбивая росистое имя свое.
И что-то гудело в далекой, не хоженной чаще,
Да так, что казалось — вот-вот и уже бурелом...
Но аист летящий, но аист, о чем-то кричащий,
Взрезал беспросветность своим осторожным крылом.
И вроде светлело... Все больше являлось народу —
Следили за птицей, чубы к поднебесью задрав.
И вброд перешли они стылую черную воду,
Что в скользких обломках несла очертанья держав.
И даль содрогнулась... И что-то вдали заалело.
И плечи негнулись под вечное: «Мать-перемать...»
А тело болело... Да в венах Россия гудела
И в тромб собиралась, готовая сердце взорвать...*

В этом стихотворении с эпиграфом поэта Надежды Мирошниченко «...что русский исход тяжелей, чем еврейский исход...» Анатолий Аврутин раскрывает свои чувства до последнего предела. Его сердце, которое может в любую минуту разорваться от тромба горя-любви, от радости страдания, от осознания ситуации, схожей с известной библейской трагедией, кажется сердцем пророка. Его мудрость выходит на уровень откровения, смыслы на уровень метафизики, а чувственные образы восходят к сверхчувственному. Из древних родовых глубин памяти поэт черпает сокровенное знание, которое может изменить не только мир, но и самого художника. Кому, как не ему, наследнику древнего народа-страдальца, понять, что народ русский, в XX веке поруганный, разделенный, оболганный, но не сдавшийся и жертвенно защитивший мир от фашистской чумы, непобедим и необходим миру, если мир не хочет собственной гибели. Сегодня это стихотворение более чем актуально, оно позволяет осмыслить новую мировую реальность посредством древней мудрости. Поэт, находящийся *посреди*

¹ Цит. по: *Гарин И. И.* Век Джойса. М.: Терра — Книжный клуб. 2002. С. 64.

перекрестья дорог, где скрестились пути света и тьмы, горя и радости, жизни и смерти, слышит апокалипсические раскаты:

И даль содрогнулась... И что-то вдали заалело...

Но!..

*Но аист летящий, но аист, о чем-то кричащий,
Взрезал беспросветность своим осторожным крылом.*

Небесное — спасительно и милосердно. Это логосное, первобытное ощущение бытия присуще поэзии Анатолия Арутина, которая обладает огромной смысловой универсальностью, самостоятельной художественной ценностью, историческим значением.

Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, двухтомника избранного «Времена», книги избранных произведений «Просветление», лауреат Национальной литературной премии Беларуси и многих международных литературных премий, в том числе им. Э. Хемингуэя (Канада), «Литературный европеец» (Германия), им. К. Бальмонта (Австралия), им. А.-С. Экзюпери (Франция-Германия), им. С. Есенина, им. И. Анненского, им. Б. Корнилова, им. А. Чехова, им. Н. Лескова, им. В. Пикуля, «Серебряный голубь России-2017» (все — Россия), им. Н. Гоголя «Триумф» и им. Г. Скороды «Сад божественных песен» (Украина) и др., академик Международной Славянской Академии (Варна, Болгария), действительный член Академии российской литературы, член-корреспондент Российской академии поэзии и Петровской академии наук и искусств, академик Международной литературно-художественной академии (Украина), член Общественной палаты Союзного Государства России и Беларуси, главный редактор журнала «Новая Немига литературная», неоднократно избиравшийся первым секретарем Правления Союза писателей Беларуси, Почетный член Союза писателей Беларуси и Союза русскоязычных писателей Болгарии, Указом Президента Беларуси награжденный медалью Франциска Скорины, удостоенный также многих общественных наград — орденов М. Лермонтова, В. Маяковского, С. Есенина (дважды), «За благородство помыслов и дел», «Культурное наследие», «Золотой Есенинской медали», медали им. Ивана Ильина «За развитие русской мысли», медали им. Федора Тютчева, медали им. генерала М. Скобелева «За верность идеалам служения Отечеству», медали им. Александра Довженко, знаков «Отличник печати Беларуси», «За вклад в развитие культуры Беларуси» и др. — известный в России и в мире выдающийся современный поэт Анатолий Арутин не позволяет себе успокоиться на лаврах, не приемлет комфортного существования, но продолжает свои трудные поиски трудных смыслов путем любви, взирая в небо, касаясь ладонью земли, избегая универсальных ответов и помня, что В. А. Жуковский поэтическое служение назвал «святейшим».

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

ОТКУДА НАЧИНАЕТСЯ РЕКА

Михаил Константинович Зарубин — родился в 1946 г. в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавляет 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Член-корреспондент Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н. С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Мария Андреевна и Алексей Федорович, находясь в ответственном достоинстве деда и бабушки, в большом семействе Зубовых были самые старшие. Из своих заботливых рук они, как оперившихся птенцов, выпустили на волю взрослой жизни уже четырех внуков. Старики не жили в семьях дочерей, но всегда были рядом. Как им удавалось оказаться на месте по любой семейной надобности, было непонятно, но все в семье знали, что если что-то случилось или еще только намеревается случиться, дедушка с бабушкой, как незримые ангелы, появятся вовремя и обязательно помогут. Общение стариков с внуками не ограничивалось встречами по выходным и подарками. Это было более ценное, глубокое, воспитывающее чувство семейного родства общение, которое должно укорениться в молодых членах семьи, а потом быть передано их детям и внукам, чтобы не прервалась связь родов и времен. Бывало, дед с бабушкой на несколько дней забирали внуков к себе или на неделю уезжали с ними отдыхать в дома отдыха, санатории, могли все вместе отправиться в туристические поездки. Внуки любили такие встречи, ждали свою бабушку с дедом не из-за подарков, общение с ними было интересно и радостно, как с умными веселыми сверстниками. Время каждой такой насыщенной добрыми чувствами встречи пролетало быстро, старики знали свой час, знали, как не наскучить внукам и не утомить их родителей. Они как будто и сами молодели от общения с любимыми людьми.

Но, как говорится, время неумолимо, вот уже и Пашенька — младший, четвертый внук вошел в юношеский возраст: не верится, что он уже восьмиклассник, учится в музыкальной школе, профессионально

занимается теннисом. В общем — вырос, занят, и нет у него времени на общение с дедом и бабушкой.

Что же им остается? Только телефон и ожидание встреч по семейным праздникам — к счастью, семейство большое и праздников общих не мало. Да, еще есть фотографии! Портреты всех внуков, как драгоценные картины, развешены на видном месте в гостиной. Но все это, конечно, не может заменить того сладкого, физически близкого общения, о котором напоминают лишь страницы фотоальбома. Вот дед катает внука на своих плечах, вот у бабушки на коленях сладко спит ее ненаглядный внучок. Но эти мгновения ни остановить, ни повторить невозможно. Таков закон бытия. А есть еще возможность повспоминать прошлое, поговорить о внуках, посетовать на современность.

— Да, Мария, сейчас от дочерей уж внуков не дожждаться.

— Ты что, Алеша, думаешь, что рожать можно до старости?

— Какая старость? Наши дочери еще молоды, только очень заняты.

А меня мама, как ты знаешь, родила в сорок лет.

— Это ведь после войны было.

— При чем тут война или мир? Главное, желание иметь.

— Сейчас уже правнуков ждать надо. Леша, успокойся. Какие внуки?

— А это значит, Маша, что наше время уходит. Печально. Хотя обрадуюсь, если вдруг какой-нибудь карапуз прадедом меня назовет.

— Не какой-нибудь, а твой правнук. По-моему, никто прадедом по жизни не называет, все равно для всех ты дедом будешь.

— А ты бабкой.

— Зачем же так грубо. Не бабкой, а бабушкой, бабуленькой.

Наверное, добрый Ангел услышал эти грустные разговоры стариков, и свершилось чудо. Сразу после Нового года младшая дочка родила внуку. Мало сказать, что рождение внучки стало настоящим праздником. Это было счастье высшей пробы, торжество рода Зубовых. Дом заполнился знакомыми, но давно забытыми красками, запахами, звуками. Мария Андреевна вцепилась в «своего ангелочка», как будто сама была мамашей, ее не раздражали и не утомляли ни Сонечкины требования, ни слезы.

Лицо бабушки прояснилось, морщины разгладились, ее вечно больной позвоночник вдруг притих, и она, как молодая, грациозно наклонялась, поднимая с полу упавшие вещи, игрушки, легко брала на руки внуку, переодевая ее в сухие одежды. Дед пытался пробить бастион бабушкиного владычества в детской, хотел помочь, но его потихоньку, безобидно от ребенка оттесняли. Но он улучал момент приблизиться к ненаглядной внученьке, с любовью смотрел на спящее ее личико, умиляясь раскинутым ручкам, ее безмятежной улыбке, восхищался подрагивающим во сне ресничкам.

— Как же она похожа на доченьку! — радостно удивлялся счастливый дед.

— Что ты придумываешь, Алексей, сейчас трудно разглядеть сходство, маленькая она еще, да и зачем: какая б ни была — это наша роднулька.

— Маша, я не спорю с тобой. Но могу же свои мысли вслух высказать!

— Можешь, только не так громко, а то Сонечку разбудишь.

Жизнь отсчитывала часы и дни, хотя рядом с внучкой забывалось и про время, и про возраст. Уходили прочь плохие мысли, забывались неприятности; играя с малышкой, Алексей Федорович сам становился ребенком,

и мяукая и лая, заливаясь счастливым смехом. Он видел ее первые шаги, слышал первые слова, помнит требовательный ее кулачок. Вот Сонечка уже в детском садике, у нее появились первые друзья, первые личные радости.

Краше всех на свете его Сонечка — улыбчивое, лучезарное создание со светло-голубыми глазами и длинными, волнистыми, как у Мальвины, волосами. В четыре года она уже знает цену своей красоте и требует почитания.

Но дед и бабушка по указанию дочери не пристают к ней со своими ласками — сюсюканьем, прижиманиями и поцелуями. Конечно, хочется обнять свое ненаглядное сокровище, но воспитание превыше всего.

Иногда в порыве обиды Мария Андреевна ворчала:

— И где это наша мамаша такого начиталась?

— Чего начиталась? — не понял Алексей Федорович.

— Ты как всегда о чем-то другом думаешь, поэтому ничего и не понимаешь.

— Маша!

— Ну чего, Маша, во все времена ласки ребенку были необходимы, как еда и воздух.

— Так кто же запрещает любить нам нашу Соню?

— Но доченька практически запретила целовать и обнимать нам нашу ласточку.

— А почему?

— Считает, что чем больше ребенка ласкать, тем вероятнее, что он вырастет эгоистом.

— Да? А кто такую теорию выдвинул?

— У нас много теоретиков, если всех слушать, голова кругом пойдет.

— Маша, ну об этом нужно сказать дочке, тем более у нее Сонечка третий ребенок.

— Вот ты и скажи, мои слова она мимо ушей пропустила.

— Попробую.

— Попробуй, попробуй.

— Ладно тебе, Машенька, наша дочь уже не молоденькая девушка, она может иметь свое мнение.

— Ну я так и знала, ты на ее сторону встанешь.

— Перестань, я заодно с тобой, дочерью и нашей маленькой принцессой.

— Внушеньку от деда с бабушкой на дистанции держат, а он ничего плохого в этом не видит.

— Маша, тебе нужно, чтоб Сонечка с нами жила?

— Ничего бы плохого в этом не было, когда было нужно, я ведь от Паши не отходила, ласкала его, и ничего не случилось, вырос хорошим.

— Ребенок должен быть вместе с родителями.

— Я не хочу с тобой спорить, вы сговорились наверняка с дочерью.

— Не придумывай, моя родная.

В этом году в первые июньские дни, сразу после закрытия детского садика, на все летние каникулы Соню увезли на дачу. Дача находилась в озерном краю, в пленительном природном уголке, на берегу сияющей и днем и ночью речки. Река была непредсказуема со своими крохотными островками и резкими перекатами, глубокими омутами и широкими разливами. Скалистые стены берегов в иных местах властно преграждали путь, так что ей приходилось уваливать то влево, то вправо. В зеленых красках

прибрежного леса было столько оттенков, что, казалось, можно обмакнуть в него живописную кисточку и писать сочные пейзажи на листе бумаги, изображать и дуб, и ясень, и сосну, и ель — все, что росло по берегам.

На даче Соне было хорошо. Но для Алексея и Марии, оставшихся в городе, мир стал сер, ветер хладен, солнце скудно. Нет рядом милого личика, не слышно голоса, переливающегося серебряным колокольчиком, не стучат по лестнице каблучки красивых башмачков, не мелькают по коврам ножки их красавицы. Перестали обнимать маленькие нежные ручки и прижиматься к ушам секретно шепчущие ее губки. Но все мысли деда и бабушки были только о ней, об их Соне. Как она там, вдали, что делает, что ест, как спит, во что играет?..

Приходя с работы, Алексей всегда первым делом спрашивал.

— Не звонили, как они там?

— Ну да, позвонят, жди. Пока сама не наберу их номер, не откликнутся.

И Мария Андреевна звонила дочери по несколько раз в день. После дежурных слов о погоде разговор продолжался только о Соне. Начинался форменный допрос: как спит, что ест, во что одета, с кем играет, нет ли клещей, как ведут себя соседские собаки... И еще многие острые вопросы любящей бабушки вонзались в эфирное пространство. Дочь сначала подробно отвечала на вопросы матери, но скоро недовольно замолкала. В это молчание бабушка Сони успевала вставить внушительный трактат-монолог о воспитании ребенка.

Недели через две дочь не выдержала такого тотального контроля и взмолилась.

— Мама, ну чего ты меня пытаешь, приезжайте с папой и увидите свою внучку в полной красе.

— Что, думаешь, далеко забрались, не доберемся? А вот и приедем, — тоном беспощадного ревизора ответила бабушка.

— Приезжайте, ждем.

Вечером после работы Алексей и Мария стали строить планы о поездке. Не то, чтобы это было далеко, однако ни пассажирские поезда, ни электрички и иногородние автобусы до нужного им места не доезжали, поселок в три дома стоял на отшибе, вдали от магистралей.

— Наверное, специально выбрали такое место, чтобы не добраться, — ворчала Мария.

— Да успокойся же ты, сама знаешь, чем дальше от нашего города, тем воздух чище, и речка там есть.

— Вот-вот, речка есть, а досмотра за Соней нет.

— Перестань выдумывать страшилки.

— Какие страшилки, это ведь ребенок, за ним глаз да глаз нужен.

— Ты думаешь, что наша дочь не смотрит?

— Да смотрит, конечно, но...

— Возьми Сону на воспитание, привяжи ее к себе веревкой и не отпускаяй ни на шаг.

— У тебя один разговор, возьми, воспитывай, во-первых, кто бы дал, а во-вторых, я ведь на работу хожу.

— Уходи на пенсию, пришла пора. Отдыхать будешь.

— Ты считаешь, что у меня с внучкой отдых получится? Давай не будем продолжать этот разговор, он вечный, концовка одна: старость стучится

в дверь, потому наша любовь к Сонечке самозабвенна, — грустно подытожила Мария Андреевна

— Хорошо, хорошо, про старость не буду, давай лучше прикинем, как добираться будем и когда поедем.

— Понятно, ехать нужно в выходные.

— Поедем в пятницу днем, а обратно кто-нибудь до поезда подбросит.

— А сколько там до поезда?

— Километров тридцать, а может, и больше.

— Надо же, куда забрались. Тогда лучше на машине.

Наконец сборы и поиски самых лучших гостинцев закончились, и молодящиеся дед с бабушкой бодро отправились в путь. Город скрылся за поворотом шоссе, осталось в виду только городское марево, состоящее из смеси тумана и множества мельчайших частиц разнообразной этимологии. Несколько часов по автостраде, участки которой местами напоминали взлетные полосы, не утомили путников. Минут тридцать по проселочной дороге, напоминающей стиральную доску, оказались труднее. Наконец машина остановилась у высоких, широко распахиваемых дочерью ворот. За воротами разливалась идеально ровная, тщательно выстриженная изумрудная поляна. В центре — основательный дом из бруса, к нему пристроен гараж, чуть поодаль вольготно расположилась баня.

— Здравствуй, доченька, — певуче обратилась Мария к дочери.

Оглядывая дорожку, ведущую к дому, зеленую луговину, но не видя внуку, она с беспокойством воскликнула: — А где же Соня?

— Мама, ну чего ты, бегаешь твоя Соня с соседскими ребятишками, она ведь ребенок, усидеть на лавочке не может.

— С какими ребятишками? Откуда они здесь?

— Ну мы же не в безвоздушном пространстве находимся, два дня назад приехали соседи, у них дети Гоша и Даша, немного постарше Сони, я тебе о них рассказывала.

— А сейчас-то где Соня?

— Ну я же не отслеживаю ее каждый шаг.

— Боже мой! — взмолилась Мария Андреевна. Но не успела она продолжить молитву, как на площадку вылетела двухколесная прогулочная коляска, на которой царственно восседала Соня, а вез ее белобрысый мальчишка.

— Бабушка, дедушка, — весело закричала Соня, — как я рада, что вы приехали!

Коляска дернулась и мгновенно остановилась. Каким-то чудом Соня не вылетела за борт. Бабушка кинулась к этому страшному средству передвижения, на ходу давая указания деду:

— Ну чего стоишь, не видишь, ребенок может разбить себе и локти, и коленки, даже голову ушибить.

Соня замахала руками.

— Бабушка, не мешай, Гоша проиграл мне две поездки, теперь он меня должен катать.

— Соня, что за проигрыш? Во что вы играете?

— В прятки, бабушка. Гоша меня не нашел, за это должен катать на коляске.

— А если найдет, ты его покатишь?

— Нет, я его катать не буду, я его должна угостить малиной из нашего сада.

— Вот как у вас мудро, — уже спокойно проговорила бабушка.

— Соня, Гоша! Ну где вы? — все оглянулись на писклявый голосок. Из противоположных ворот вышла девочка лет восьми с толстой, как плетенка, косой.

— Здравствуйте, — обратилась она сразу ко всем взрослым, не ожидая увидеть здесь незнакомых людей.

— Это Даша, — схватив бабушку за руку, радостно прокричала Соня.

— Я уж догадалась, Сонечка.

— Она нам придумывает игры.

— Молодец, Даша, ты за ними присматриваешь? — с тоном учительницы обратилась Мария Андреевна к девочке. Но та не успела ответить, ее перебила Соня:

— Она не присматривает, она на нас смотрит.

— Понятно. А на речку вы не бегаете?

— Нет, бабушка, у речки берег крутой, мы иногда на лавочке сидим и на воду смотрим.

— Молодцы. Тогда пойдем домой, Соня, ты нам комнату покажешь, где мы с бабушкой жить будем.

— Бабушка, тебе мама все покажет, а мне некогда, у нас еще дел выше головы, ну пока.

И вся троица скрылась в соседнем дворе.

— Ты посмотри на нее: «дел выше головы». Это твои слова, доченька.

— Мои, мама, каюсь, она же рядом со мной живет, все слышит и перенимает.

— Как же они одни-то? — опять начала причитать бабушка, нерешительно заходя в дом.

— А что я их веревкой должна обязать или вслед за ними бегать, — спокойно ответила ей дочь.

— Нет, надо чтобы они играли на видном месте.

— Успокойся, мама, все будет хорошо. Пошли, комнату покажу.

Скоро был приготовлен обед, и Соня по первому зову матери влетела в дом. Наконец бабушка прижала Соню к себе, но девочка выкрутилась из ее ласкового объятия.

— Бабушка, мне нужно помыть руки, я ведь играла на улице, — прозвучал резонный довод.

— Да, Соня уже большая, она знает, что с грязными руками нельзя есть, — горделиво сказала дочь.

— Я-то знаю, а вот Гоша хватает пряники и конфеты грязными руками.

— А вы с Дашей делайте ему замечания.

— Делаем, но ему что говори, что ни говори, все равно, все слова от него отлетают, как от стенки горох.

— Это где ты таким поговоркам обучилась? — спросила бабушка.

— Гошина мама так говорит.

— Ну, ну, еще ты чему научилась?

Сонечка замолчала, поглядывая на свою маму, та гладила ее по голове и приговаривала:

— Бабушка, у нас Сонечка умница. Что ж ты так на нее напустилась?

— Что вы, что вы, родненькие мои, вы меня неправильно поняли, я так соскучилась по малышке нашей, по красавице ненаглядной, — стала оправдываться бабушка.

Обед закончили с шутками, с разговорами о Соне, о погоде.

После трапезы Алексей Федорович пошел к реке, сел на лавочку. Вдоль берега росли молодые, но уже высокие дубы. Листочки на тонких их ветках были большими, как лапы щенка кавказской овчарки. Пригревало солнце. Вдоль берега, у самой воды шуршали заросли высокой неизвестной травы с хрупкими стеблями, большей частью уже поломанными то ли ветром, то ли пробежавшей по ним собакой. В реке у самого берега копошилась всякая живность: головастики, водяные жуки и рыбки-малышки. Парной воздух раннего лета, пропитанный ароматами всего растущего и цветущего в округе, сладко заполнял легкие, оставлял послевкусие на языке. Вода реки казалась причудливым по конфигурации зеркалом, в котором отражалась звонкая небесная синь и ватно-ленивые облака. Иногда где-то посередине реки плеснет хвостом рыбина, и большая круговая волна замутит зеркальную поверхность реки.

Сердце постукивает спокойно, радуясь редкому прекрасному мигу бытия.

— Дедушка, дедушка, я тоже люблю сидеть на этой лавочке, — услышал Алексей Федорович, он как будто только этого и ждал, голос маленькой своей внучки — красавицы.

— Сядь рядом, поговорим — по-взрослому, — ответил он.

Дед инстинктивно прижал девчущку к себе, но она откинула его руки и сказала:

— Дедушка, не сжимай меня так, мне больно от твоих рук. Ты не умеешь обнимать.

— Солнышко ты мое, прости меня, старого, это я от любви к тебе.

— А что, от любви можно задушить?

Внучка не дождалась ответа, поерзав на лавке и облокотившись на противоположный боковой поручень, продолжила взрослый разговор.

— Вот мы вчера сидели здесь с Гошей и Дашей, и Гоша сказал, что наша река вытекает из моря. Он очень умный

— Откуда вытекает? — переспросил с удивлением Алексей Федорович.

— Из моря.

— Соня, такого не бывает. Из больших озер иногда реки вытекают. Но чтобы из морей, мне такое неизвестно.

— А откуда наша река берет начало, в ней же так много воды?

— Начало она берет из маленького родника, сначала течет одна, тоненькая, беззащитная, потом к ней присоединяются безымянные ручейки, что вытекают из болот и маленьких озер. Чем дальше она бежит, тем более становится полноводной, появляются на ней плесы, тростниковые заводи, и вот напротив вашего дома она становится широкой и даже судоходной. По ней могут ходить маленькие кораблики.

— Дедушка, сходим к роднику, из которого берет начало наша река.

— Сходим, Сонечка.

— Я пойду, оденусь и позову Гошу с Дашей.

— Зачем?

— Мы ведь все вместе пойдем к роднику.

— Солнышко мое, это очень далеко.

— Но ведь до ужина мы успеем, дедушка? Пожалуйста, не отказывай мне, твоей любимой Сонечке. Я очень хочу показать Гоше начало нашей реки.

— Тут ближе устье, чем исток, Соня.

Девочка непонимающе посмотрела на деда. Он исправил свою ошибку.

— Извини, Соня, начало реки называется исток, а ее конец — устье.

— Хорошо, пусть будет исток начало реки, сходим туда.

— Это очень, очень далеко. Чтобы туда попасть, нужно проехать сто километров на машине, а потом по бездорожью еще пройти километров тридцать. Это таинственное место, защищенное от человека самой природой.

— Но ты ведь там был?

— Был, когда учился в десятом классе, мы ходили в поход всем классом.

— И сейчас пойдем в поход. Что нам мешает? Ну, дедушка, ну пожалуйста!

— Красавица ты моя, солнышко ты мое, поход не простое дело, к нему нужно долго готовиться.

— Тогда сегодня будем готовиться, а завтра пойдем, хорошо?

— Я же тебе сказал, что подготовка к походу долгое дело.

— Как долгое?

— В лучшем случае несколько месяцев. Мы за зиму все подготовим: наметим плановые остановки, договоримся с пунктами ночлега, купим необходимое. Вот тогда можно отправиться в путь.

— Ну вот, так всегда. А говоришь, что меня любишь, — обиженным тоном проговорила Соня и, ловко соскочив с лавки, побежала домой. Минут через пять подошла бабушка.

— Алексей, ну что ты наговорил Сонечке? Прибежала домой, плачет, говорит, что ты не берешь ее в поход.

— Да, не беру, слишком дальний поход.

— Тогда зачем же ты о нем ей рассказываешь?

— Ребенок спрашивает, вот и рассказываю. Мир ей открываю.

— Но она же маленькая, ты хоть это понимаешь?

— Понимаю.

— Ничего ты не понимаешь.

Оба помолчали, глядя на зеркальную поверхность воды. Через минуту бабушка спросила.

— А куда поход-то нужно совершить?

— Туда, где начинается эта река.

— Куда?

— Соня хочет идти к истоку этой реки.

— Это ж неизвестно как далеко!

— Вот и я говорю.

— А зачем ты ей об этом рассказывал?

Дед не ответил.

— Понятно, не хочешь со мной общаться, — с горечью выдохнула Мария, отодвинувшись на конец лавки. Вскоре подбежала внучка. Слезы на ее щечках высохли, глаза лучились надеждой.

— Бабушка! Дедушка! Давайте прогуляемся. Мама сказала, что мы пойдем к нашему ближайшему роднику, от него тоже начинается река.

— Пойдем, роднулька! — воскликнула обрадованная бабушка, подумав, какая же у нее умная дочка.

— К роднику — где начинается река? — удивленно переспросил расстроенный Алексей Федорович.

— Да, да, ты не захотел нас отвести туда, это делает мама.

— Но родник... — попытался поспорить Алексей Федорович, Мария Андреевна властно дернула его за рукав.

— Пойдем, Сонечка, пойдем. Дедушка, возьми коляску.

— Мария, — тихонько позвал Алексей жену.

Она повернулась к нему боком и почти прошептала:

— Прекрати, Алексей, не надо расстраивать Соню.

В тишине зазвучал Сонин голосок — бойкий и родной.

— Дедушка, бабушка, ничего не бойтесь, мама поведет нас в поход!

Соня подозрительно посмотрела на дедушку и упрекнула его:

— Ты сказал, что нам нужно готовиться к походу очень долго, а видишь, как быстро все устроилось.

Бабушка захлопала в ладоши. Алексей Федорович, нахмурившись, промолчал.

Слаженная колонна искателей родника шла по тропинке вдоль реки, впереди были бабушка и мама Сони, дед с коляской, на которой восседала внучка, сосредоточенно шел позади.

Начался лес. Хорошо утоптанная дорожка привела к живописной речной заводи. Вода вдоль берега была скрыта зеленым камышом, возле тропинки рос непроходимый ивняк. Слева открылась небольшая полянка, около высокой ели была устроена скамейка, а рядом из узкого грота, обложенного камушками, вытекал ручеек.

— Посмотрите, — восторженно воскликнула бабушка, — вот он — наш родничок!

— Да, мы отсюда берем воду для приготовления пищи, — добавила дочь.

Соня соскочила с коляски и подбежала к ледяному источнику.

— Отсюда начинается наша река, дедушка?

Дед молчал. Обман ему претил, даже если он был во благо.

— Но ты же сам сказал, что наша река берет начало из родника.

— Да и это правильно, наша река берет начало из родника.

— Но вот же родник, посмотри, — малышка схватила деда за руку и потащила к струйке.

— Сонечка, я не только его вижу, но и слышу. Таких родничков много, они питают нашу реку водой по всему ее пути, но начало она берет... — он не успел договорить: дочь, стоящая рядом, прервала отца вопросом:

— Папа, а почему цапли не летают?

— Как не летают? — удивился дед.

— Подойди сюда, поближе к воде, покажу.

Он сделал несколько шагов к дочери, та, понизив голос, приказным тоном произнесла:

— Папа прекрати говорить о начале реки.

— Ну почему?

— Да потому что мы не успокоим Соню.

— Мне лучше тогда молчать?

— Выбирай.

Соня ладонями сжимала струйку родника, наматывала ее на запястье и счастливо приговаривала:

— А я сегодня приведу сюда Гошу и расскажу ему про нашу реку.

— Вы сюда одни не пойдете, — взволновалась бабушка.

— Мама! — дочь с упреком одернула мать. И повернувшись к Соне, сказала: — Конечно пойдете, это же совсем рядом с нашим домом.

— Но здесь же лес, глухомань, — стала оправдываться Мария Андреевна.

Соня еще раз подставила ладошку под водяную струю, немного зачерпнула, стала рассматривать капельки.

— Неужели, дедушка, из этого родничка, из этих маленьких капелек получается такая большая река?

— Да, Сонечка! — Дед утвердительно кивнул головой и, продолжая стоять в своей правде, добавил, — из многих таких родничков.

Дочь с упреком посмотрела на отца, он замолчал, но внучка не обратила внимания на их непонятный и неинтересный ей взрослый немой разговор.

— Здорово! А потом река приплывает в море? — мечтательно продолжила свое мысленное путешествие любознательная девчушка.

— Да, Соня, впадает в море.

— Я все это расскажу Гоше: и про родник, и про реку, и про море.

Дед смотрел на счастливое лицо внучки, но горькое чувство досады на себя, не утвердившего истину, не давало ему покоя, он стоял, опустив голову, ругая себя за свою слабость. Ну почему промолчал, ведь неправду жена с дочерью сказали внучке, и он оказался молчаливым соучастником этого несправедливого дела. Из любви? Чтобы не расстраивать ее? Но правда всегда трудна и требует преодоления и слез. Ладно, со временем Соня поймет это сама, такое постигается человеком только личным опытом.

— Казнишь себя, папа? — ласково спросила дочь.

— Казню.

— Извини меня, больше я потакать своей красавице не буду, только ради вашего приезда сделала это.

— Не надо, доченька, оправдываться, виноват я. Это я затеял разговор с Сонечкой о том, откуда начинается река. Разговор вел, как со взрослой.

Дочь улыбнулась ему.

— Ты и с нами всегда разговаривал не по-детски.

— Неужели?

— Правда, правда! Я хорошо помню.

— Видимо, мне уже не переучиться. Я правдолюб.

— А стоит ли этому переучиваться?

— Если только ради нашей красавицы.

— Даже и ради нашей красавицы оставайся прежним.

Алексей Федорович согласно улыбнулся дочери.

Возвращались домой в веселом расположении духа. Всем вдруг стало хорошо. Свершилось какое-то, хоть и маленькое, но событие-открытие. Оно было поучительно для всех участников похода. Сонечка дорогой жалела Гошу, который не увидел такой красоты, не узнал столько нового.

— Не расстраивайся, мой родничок, — сказал внучке дед. — Еще увидит.

— А почему ты меня назвал родничком? — недоумевала Соня. — Я ведь не ледяная вода, и во мне не зарождается река?

— Вырастешь — поймешь. Ты тоже родничок нашего рода, река нашей любви.

Сонечка притихла, как будто задумалась. А потом воскликнула:

— Дедуля, так почему же не летают цапли? Пойдем завтра — проверим...

Василий ПОПОВ

«СДЕЛАТЬ ШАГ И ПОЙТИ ПО ВОДЕ...»

Василий Николаевич Попов — родился в 1983 г. в городе Ангарске Иркутской обл. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор книг «Голос тишины» и «Берсерк», вышедших в Москве. Публиковался в журналах «Наш современник» (Москва), «Роман-журнал XXI век» (Москва), «Пятью пять» (Москва), «Простор» (Алма-Ата), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург) и др. Лауреат Всероссийской премии «Соколики русской земли». Лауреат первой степени Международного поэтического конкурса «Журавли над Россией», секретарь СП России. **Живет в Москве.**

* * *

Запели птицы на деревьях,
Проснулся двор и огород.
Ударил колокол в деревне,
И медный день пошел в народ.

Звезду, что в поле просияла,
Туман повесил на сосну.
Старик несет из сеновала
На вилах бледную луну.

В коробке бабушка из дома
На воздух вынесла цыплят.
Как пятна солнышка лесного,
Они под лавочкой сидят.

А на кровати возле печки
Во сне купается внучок:
Он ловит окуня на речке,
Червя сажает на крючок.

Как вдруг волна его кидает —
Корабль тонет, он плывет.
На самолете улетает,
В окопе бой за жизнь ведет...

По ставням вязь бежит резная,
Сирень глядит ему в окно.
Он сладко спит, еще не зная,
Что это Родина его.

ЯРМАРКА

А вчера еще здесь на поляне
Только травы вели хоровод.
Кто же думал, что в гости нагрянет
К нам на праздник весь этот народ.

Запестрели ряды и дорожки,
Зазвенел бубенец под дугой.
Заходи, покупатель хороший,
Выбирай, не скупись, дорогой.

И у каждой палатки играют,
Зазывая, как в свадебный дом.
И товары свои предлагают,
И хмельным угощают вином.

Тут и лен, и платки, и кадушки,
Туеса и рябиновый мед.

И мужик вырезает игрушки,
И детишкам их так раздает.

У кого-то малина поспела,
У кого-то совсем недород.
Где-то тонко свистулька запела,
А гармошка пошла в огород.

На ходулях повисли ребята,
Соревнуясь, кто дальше пройдет.

И смеются, смеются девчата —
Кто же первый из них упадет?

Долго, долго ходил я и слушал,
И заезжим гостям подпевал.
Даже колокол как-то на службу
По-особому всех нас позвал.

Облетит и застынет аллея.
Скоро осень, но в сердце весна.
И как облако в небе белеет
Монастырская наша стена.

* * *

Когда-то я — еще не зная,
Что буду сочинять стихи —
На крыше нашего сарая
Сушил на солнце лопухи.

И думал, что листочки эти
Я закурю, как курит дед.
И накрутил я из газеты,
Как мне казалось, сигарет...

Прошли года, прошло и детство,
Теперь я в комнате один.

Я не курю, но хочет сердце
Почуять этот горький дым.

Стихов не надо, нет, не надо,
От них кружится голова.
Но все равно летят куда-то,
Как дым, летят мои слова.

...И вот он, мальчик соловьиный,
На сеновале спички жжет,
И с длинным прутиком малины
Из-за угла отец идет.

* * *

С. Д. Евсееву

Какая ранняя весна,
Уже и снег совсем растаял.
Как рыболовная блесна,
Сверкает лед среди проталин.

Сырая, черная земля,
С сухими листьями, травой.
Поет, кукует березняк
Вдали и машет мне рукою.

О, этот гул, весенний шум
Волной подымет зелень вскоре.
Я вышел в лес, и я дышу
Сосновым запахом и морем.

Иди, иди, иди в поля!
Боюсь, не вспомнят, не узнают.
Ты узнаешь меня, земля?..
В ответ подснежники кивают.

* * *

Бревнышко к бревнышку,
 крыша, труба,
Будто рукой машет дымом изба.
Лавка широкая, печка, окно,
Крутится-вертится веретено.

Досточка к досточке —
 длинный забор,
Дверь открывается прямо во двор.
Курицы роются в серой золе,
Гуси сугробом лежат на земле.

Солнышко, солнышко рано встает,
Красный петух на заборе поет.
Стайка, сарай, сеновал, огород,
Поле, река... и земли поворот.

Небо высокое, синий простор,
Звезды серебряный ткот разговор.
Там на краю ойкумены темно...
Крутится-вертится веретено.

* * *

Слышу гул, как будто ветер сильный,
За окном пустая болтовня...
Все шумит, шумит моя Россия,
Серебром и золотом звеня.

Эй, ребята, запевайте песню!
Надоело слушать дураков.
Каблуком четыре раза тресну
И пойду плясать без каблуков.

По земле поплыли пароходы,
Берегов не чувствует река.
Для хорошей, праздничной погоды
Расстреляли в небе облака.

Помоги мне, русская гармошка,
Что нам их заморский дивиденд.
С нашею смекалкой даже ложка
Тоже музыкальный инструмент.

Блики, стекла, звездная реклама,
Витражи, витрины, зеркала.
Все блестит кругом, а света мало,
Все горит огнем, но нет тепла.

Многое от нас уже уплыло,
Многое земля себе взяла.
Пой, душа, ведь ты не позабыла
Родину, которая была.

* * *

Когда такая тьма вокруг,
Когда повсюду зло и нечисть,
Скажи, как выстоять, мой друг,
Не уронив на землю свечи?

Скажи, мой друг, как сохранить
Тот лепесток огня лампадный?

Когда ветрам дано схватить
И бросить в бездну мир громадный,

Ведь мы желаем всем добра,
Мы всех давным-давно простили...
Признайся, друг, что нам пора
Ответить этой черной силе!

* * *

Расцвела под окнами сирень,
Полетел на двор медовый запах.
Как медведи — избы деревень
Память сжали в деревянных лапах.

Спи, деревня, спи, не умирай.
День придет, и я приду — открою
И амбар твой низкий, и сарай,
И глаза, забытые доскою.

Обнялись забор и огород
И пошли по полю до обрыва.
Сколько было пройдено дорог —
Все трава зеленая укрыла.

И увидишь ты, как мир хорош,
И услышишь ты звучанье мира,
Но, очнувшись вдруг, ты не поймешь,
Что же это, что же это было.

Стихи молодых поэтов

«В РАЗНОЦВЕТЬЕ ВОСКРЕСШИХ ТРАВ»

Стихи участников Всероссийского семинара молодых литераторов, проведенного в марте 2018 года по инициативе Совета молодых литераторов СП России совместно с кафедрой журналистики Московского государственного института культуры. В семинаре приняли участие более семидесяти человек из тридцати субъектов Российской Федерации от Калининграда до Владивостока.

Резные ставенки, крылечки,
Густые заросли травы,
И всюду печки, печки, печки —
В ста километрах от Москвы.

У изб — размашистые ели,
Беседки, лавки... Но, увы,
Пустуют детские качели
В ста километрах от Москвы.

А что сказать, когда за тыщу,
А как стерпеть, когда за две —
В остывших трубах ветер свищет,
Накувыркавшись по траве?

В горах теряются закаты,
В озерах — отблески зари.
И в рыхлый мох вырастают хаты
В трех километрах от Твери.

* * *

Пахнет сосновой стружкой,
Ржавчиной и смолой,
Выскобленной кормушкой,
Высушенной ботвой.

Пахнет борщом и мясом,
Тестом для пирогов,
Пахнет отцовским квасом,
Пряностями стогов.

Крашеной пахнет рамой —
Так, что под носом зуд;
Пахнет отцом и мамой,
Родиной пахнет тут!

Завтра уеду в город,
И растворится в нем
Запах, который дорог,
Запах с названием Дом.

НА РЫБАЛКЕ

Туман над тихой водой,
А в камышах — как будто всплески.
Сопит сынишка за спиной,
Впотьмах распутывая лески.

Над ним еще воркует сон,
И он позевывает сладко...
— А есть такая рыба-слон?
А рыба-клоун? А зубатка?

— А червяку не больно, пап,
Когда его крючком — по пузу?
— А что всех больше любит карп?
Перловку или кукурузу?

Молчим минуту, может, две...
Вода под нами розовеет.
Коряги ивовой правей
Мой поплавок дрожит, как веер.

— А что...? А если...? А когда...?
Болтает — пусть себе, не жалко.
И черт с ней, с рыбой. Ерунда!
Ведь это сынова рыбалка!

* * *

В Москве не пишется.
Не знаю, почему?!
Столичный дух не кажется пьянящим.
Я вижу здесь убогую страну,
Живущую убогим настоящим.

Век Золотой осел на куполах,
Серебряный — растаскан по музеям;
Век нынешний — от двух минувших прах,
Покрытый политическим елеем.

На улицах великих москвичей —
Чужая речь, неузнанные лица.
Не пишется в Москве.
Ну, хоть убей!
Не пишется, любимая столица!

Я лучше — в глушь, где воздух по утрам
Так густ и прян, что с рук напиться можно.
И дышится, и пишется мне там.
В Москве — не то.
Неискренно.
Тревожно.

Елизавета МАРТЫНОВА, г. Саратов

* * *

Птичий день зашумел за окошком.
Замелькала рябая вода.
Не останется день этот в прошлом.
Он достанется нам навсегда.

Этой рифмой правдиво-банальной,
Рваным шепотом ясной листвы,
Этим кленом — осенним, опальным,
Разговором людей и травы.

Он продлится на долгие годы,
Разольется туманом в крови.
Шумом крыльев и небом холодным
Отзовется и в нашей любви.

Это мы с тобой — тайна и тайна,
Дальний поезд, поля, ковыли.
Жизнь с печалью ее не случайна,
Если в нас бьется сердце земли.

* * *

Костры — Дон Кихоты осени,
Медлительны и остры,
Себя в синий воздух бросили
До сумеречной поры.

Качаются — не кончаются
Их пламенные бои,
Как будто звезда-печальница
Роняет искры свои.

И на костров неистовство
Смотрит речная мгла,

Пристально смотрят пристани
И тихих вод зеркала.

Вода утекает медленно,
Огонь погасает враз.
Ночные костры последние
Не помнят меня сейчас.

Их время уже закончилось,
Их пепел совсем седой.
...Я стану костром пророческим
И никогда — водой.

* * *

На клочке бумаги без помарок
Пишет он волшебные стихи —
Непонятный, сумрачный подарок
За его проступки и грехи.

Что бы ни случилось в эту осень:
Кутежи, дуэли, снегопад —
Музыка его уже не бросит,
Все слова до Бога долетят,

Как снежинки в хаосе метели,
Как искринки заревой свечи.
Вот и жизнь прошла на самом деле.
Но не плачь, а слушай и молчи:

Смерть лишь сон,
и долго не продлится,
Кончится когда-нибудь она,
И душа, таинственная птица,
Снова будет жить и петь вольна.

Андрей ПРОСКУРЯКОВ, г. Оренбург

* * *

Город встретил не меня,
Город встретил электричку,
В море пьяного огня
Тухнет маленькая спичка.

Ну, признайся, глупый я,
Разглядеть слону едва ли
Коротышку-муравья
С позолоченной медалью.

Что ему твоя мечта?
Что ему твои поэмы?
Город любит поезда
И пожарные сирены,
Дым железных сигарет,
Глянец окон темно-синих...

Погаси на кухне свет
И поставь на «шесть» будильник.

ВЕСЕННЕЕ

Весна! Теперь официально,
Поскольку люк над головой
Раскрылся в плоскости овальной
И дунул Божьей синевой;

Поскольку с горяшка в стаканчик
Я наливаю не вино,
Но сам воскресший одуванчик
Мне солнцем брызнул на окно;

И я впервые за полгода
Пришел без насморка домой,

Как Ломоносов за подводой —
За двадцать первую весной.

* * *

Все, что вами двигало,
Милые мои, —
Это жажда прибыли —
Евры и рубли.

А теперь рыдаете
И глядите в пол —
Черные копатели
Безымянных гор.

Что ж вы обнаружили?
Золотых тельцов?

Кости и оружие
Собственных отцов...

Ямы рыли узкие,
Силы берегли, —
Мало-, бело-, русские
Рядышком легли...

Чем желтее косточки,
Тем святей народ —
Точно капли дождичка,
На лопатах мед.

* * *

Облака — близкие, близкие —
Дотянуться рукой могу!
Наша жизнь — это только присказка,
Да и то: на лету, на бегу.

Скорым поездом в даль апрельскую,
Там уж точно тают снега!..

Наша жизнь — это только лесенка,
Чуть повыше глаз чердака.

Притворюсь на три дня спящим и —
На перрон, в уходящий состав...
Скорым поездом в даль звенящую,
В разноцветье воскресших трав.

Великая ПРОВИНЦИЯ

Никита ШЕВЦОВ

ПО ПОВЕЛЕНИЮ ТАМЕРЛАНА

Елена НАУМОВА

О грозном Тамерлане известно, что он завоевал полмира и был похоронен в далеком Самарканде. Осквернить его могилу означало навлечь на человечество страшные беды. И действительно, вскрытие археологами захоронения великого завоевателя совпало с днем нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Сегодня многое в Самарканде напоминает о Тамерлане. Есть свидетельства о его великих походах и на территории нашей страны. Одно из них мы обнаружили, отправившись в расположенный примерно в пятидесяти километрах от Уфы башкирский поселок Чишмы. Здесь, на местном кладбище сохранился мавзолей Хаджи-Хусейн-бека, особо почитаемого среди мусульманского населения Башкортостана. Считается, что благодаря ему началось распространение ислама среди башкир.

Никита Всеволодович Шевцов — родился в 1951 г. в Москве, окончил факультет международной журналистики МГИМО. Длительное время работал соб. корр. газеты «Труд» в Праге и Брюсселе. Автор книг «От вашего собственного корреспондента» (2002) и «От вашего специального корреспондента» (2010). Зав. кафедрой Международной журналистики МГИМО — Университета МИД РФ. Кандидат исторических наук. Награжден памятной медалью «100-летие А. Т. Твардовского». Член СП России. **Живет в Москве.**

Елена Евгеньевна Наумова — родилась в 1964 г. в Потсдаме, окончила с отличием факультет русского языка и литературы МГПИ. Координатор международных культурных проектов (фестиваль «Цюрих—Москва 2007», фестиваль немецкоязычной литературы «Три страны — один язык» в Москве и Екатеринбурге, 2010). Преподает в РГГУ и МГИМО. Регулярно публикует (в соавторстве с Н. В. Шевцовым) материалы по истории и культуре в различных периодических изданиях. **Живет в Москве.**

Хаджи-Хусейн-бек

Хаджи-Хусейн-бек пришел в башкирские земли в начале XIV в. по просьбе местного хана и стал первым имамом — духовным главой мусульман этого края. Он умер предположительно в 1341–1342 гг. и был похоронен на невысоком холме неподалеку от озера Акзират.

На том же холме рядом с могилой Хаджи-Хусейн-бека спустя десятилетия разбил свой лагерь грозный Тамерлан. Он решил перезимовать здесь, чтобы продолжить преследование золотоордынского хана Тохтамыша — того самого, который спустя два года после Куликовской битвы напал на Мо-

скову и разорил ее. Маршрут похода Тамерлана, которого еще называют Тимуром, частично проходил через башкирские земли, в которые он вторгся в 1393–1394 гг. Тогда-то завоеватель и увидел могилу Хаджи-Хусейн-бека, повелев возвести над ней мавзолей. Но зимовка возле захоронения имама обернулась бедой для чужеземного войска. Легенда гласит, что значительная часть его погибла, то ли не выдержав холодов, то ли став жертвой на-

Мавзолей Хаджи-Хусейн-бека

чавшейся эпидемии. Но как бы там ни было, шестерых умерших военачальников похоронили возле мавзолея. Так возникло существующее и поныне в Чишмах мусульманское кладбище, названное так же, как расположенное неподалеку озеро. Его доминантой остается мусульманская святыня — мавзолей Хаджи-Хусейн-бека.

Сначала мы увидели макет мавзолея в экспозиции Национального музея Башкортостана. Там же, в музее, находится надгробная плита. Когда-то ее на двенадцати волах привезли из Туркестана. Надпись на ней начитается с таких слов: «Да будет милосердие Бога покойному Хаджи-Хусейн-беку». Сообщается также дата смерти имама, ушедшего из жизни в возрасте 76 лет.

Покинув музей, мы сели на электричку и отправились в Чишмы. Кладбище Акзират расположено в двух километрах от станции. До него то и дело доносятся гудки проносящихся поездов. Но если там, на станции, жизнь бьет ключом, то здесь, на кладбище, царит полное безмолвие. Мавзолей Хаджи-Хусейн-бека расположен в стороне от современных захоронений на достаточно просторной площадке. Под густым снежным покрывалом слились в одно целое пространства окрестных полей и озеро Акзират. Сам мавзолей, или по-башкирски кэшэнэ, представляет собой квадратное в плане сооружение, сложенное из обтесанных известняковых глыб серого цвета. Основной объем завершается сферическим куполом.

Внутри мавзолея мы увидели несколько восстановленных захоронений. В 1911 г. уфимский муфтий дал указание начать раскопки захоронений мавзолея. В результате удалось обнаружить девять могил, в том числе и самого Хаджи-Хусейн-бека.

Впрочем, чишминский мавзолей — не единственный уникальный религиозный и одновременно историко-культурный памятник здешних мест. Примерно в пятнадцати километрах от Чишм расположен еще один мавзолей, строительство которого относится к началу XVI века. Сооружение связывают с именем Туры-хана, которого некоторые исследователи считают

Вознесенский собор в Ельце

Село Аргамач-Пальна

Часовня, установленная на могиле жертв расправы Тамерлана

потомком Чингисхана. Мавзолей расположен неподалеку от дороги, проложенной между селами Верхние и Нижние Термы. Согласно одной из версий, Тура-хан пришел на территорию нынешнего Башкортостана, покинув Западную Сибирь из-за внутренних родовых распрей.

Хоть и недалеко от шоссе до мавзолея, но пришлось затратить немало усилий, поднимаясь в глубоком снегу по крутому склону холма, на верши-

Мемориальная доска, установленная на могиле жертв расправы Тамерлана

не которого стоит мавзолей и где вовсю гуляет обжигающий степной ветер. Мавзолей сложен из тех же обтесанных известняковых камней, что и усыпальница Хаджи-Хусейн-бека. Чем-то он напоминает пирамиду, завершающуюся сводчатым куполом. Усыпальница обнесена оградой. Нам повезло: замок на ее двери отсутствовал, и мы смогли попасть в мавзолей, внутри которого не обнаружили ни одной гробницы.

Но вспомним вновь о Тамерлане, точнее о его походах, которые тот совершал по территории современной России. Самым трагическим из них можно считать предпринятое в 1395 г. нападение полчищ завоевателя на расположенный на территории нынешней Липецкой области город Елец. От него до Москвы оставалось не так далеко, и казалось, что нет никаких сил, которые смогли бы остановить врага. Правда, московский князь Василий Дмитриевич направил навстречу Тамерлану войско, вышедшее к берегам Оки. Но вряд ли оно смогло бы оказать серьезное сопротивление более многочисленному противнику. Оставалось уповать на чудо, и оно случилось.

В один из дней, когда враг уже подходил к границам Московского княжества, из собора во Владимире вынесли главную общерусскую святыню — образ Владимирской Богоматери. Ее доставили в Москву, решив, что стены Кремля надежнее защитят ее. Позднее на месте встречи чудотворного образа возник Сретенский монастырь. И так случилось, что в тот же день, когда икону доставили в Москву, войско «Темир-Аксак-царя», как называл летописец Тамерлана, повернуло назад. Предание повествует, что ночью завоевателю явилась Богородица в пурпурном одеянии с многочисленным небесным воинством. При виде ее Тамерлан пришел в ужас и решил навсегда покинуть Русь. Не случайно сегодня в Ельце особо почитается икона Елецкой Богоматери, на которой Богородица изображена в пурпурном одеянии в окружении святых и праведников. В честь иконы в городе возведен храм, построенный архитектором А. Каминским, автором арки Третьяковского проезда в Москве.

Часовня-ротонда над могилой защитников города

Однако исторические хроники сообщают другую версию отказа Тамерлана от покорения Москвы. Завоеватель прекратил свой поход, узнав о том, что в тылу у него появилось войско, возглавляемое его извечным врагом Тохтамышем. Навстречу ему и устремился Тамерлан.

Мы же, возвратившись из поездки в Башкирию, отправились в древний Елец. Город стоит на высоком берегу реки Быстрая Сосна. Он помнит живших здесь писателей Ивана Бунина и Михаила Пришвина, композитора Тихона Хренникова, которым в городе установлены памятники. Елец славится своими старинными, хоть и требующими реставрации домами, величественными храмами, прежде всего Вознесенским собором. Но нас, конечно, интересовали те достопримечательности, которые имели отношение к вторжению Тамерлана.

Но прежде мы отправились в древнее село Талица. Оно, как и Елец, расположено на берегу реки Быстрая Сосна и славится своей загадочной шатровой церковью, необычной для XVIII в., к которому обычно относят дату ее постройки. Во всяком случае, споры специалистов о времени ее возведения не прекращаются до сих пор. Талица на протяжении столетий была известна тем, что возле нее находился брод через реку. Сегодня Быстрая Сосна обмелела и не представляет из себя непреодолимой водной преграды. Но в конце XIV в. брод в районе Талицы считался важной частью транспортного пути из южных степей в сторону Москвы и далее на север Руси. Им-то и воспользовались полчища Тамерлана. Переправившись через реку, они устремились к Ельцу. Вскоре завоеватель разбил лагерь на холме, который стали называть Аргамачным. Легенда гласит, что так его назвали в память об одном из приближенных Тамерлана, который сорвался с горы в реку на своем коне-аргамаче. О древних временах напоминают и названия здешнего села: Аргамач-Пальна. Оно вытянулось вдоль тихой речки Пальны, вода в ней чистая, и местные жители любят ловить в Пальне пескарей. Причем занимаются рыбалкой не только ради удовольствия, но и в интересах коммерции: выловлен-

ных пескариков они как живца продают отправляющимся на серьезную ловлю щук рыбакам. Наш таксист Женя, который привез нас в Аргамач-Пальну, в предвкушении предстоящей в выходные дни рыбалки купил у местного рыбака Андрея целое ведро пескарей. После совершенной сделки он обзвонил своих товарищей по рыбалке и радостно сообщил, что дефицитный в зимних условиях живец наконец-то приобретен и можно отправляться за щуками на озеро.

Нас же, в отличие от Жени, интересовал холм, где предположительно разбил свой стан Тамерлан и где явился повергший его в ужас образ Богородицы. Догадаться о его расположении можно по нескольким разбросанным по склонам юртам. Их установили на территории создаваемого археологического парка «Аргамач». В летнее время он принимает детские туристические группы, а зимой предоставляется в распоряжение лыжников. Отдыхающие сначала спускаются на лыжах с крутой вершины, а завершают выходной день застольем в юртах. Мы подошли к одной из них, с грозным названием «Юрта Хана Батыя». Перед входом жарился шашлык, а из юрты доносились веселые голоса.

Сегодня холм Аргамач превратился в место развлечений, но в день появления на его вершине Тамерлана предкам нынешних ельчан было явно не до веселья. Завоеватель стал готовиться к штурму Ельца. Перед тем, как захватить город, он приказал вырубить окружавшие его глухие леса, чтобы конница могла штурмовать Елец. Нападение завершилось полным разрушением города и массовым уничтожением его жителей. Погиб и плененный елецкий князь Глеб, дружина которого пятнадцатью годами ранее принимала участие в Куликовской битве. Нынешняя главная площадь города — Красная — названа не за свою красоту, как московская, а потому что, если верить еще одному преданию, Тамерлан выложил на ней пирамиду из голов убитых ельчан, и их кровь окрасила всю площадь.

Сегодня у ограды выходящего на площадь Вознесенского собора можно увидеть часовню, которую установили на могиле жертв расправы Тамерлана. Еще одну часовню-ротонду над могилой защитников города в 1395 г. мы увидели на старом кладбище, расположенном неподалеку от центра. О героической обороне Ельца во время тамерлановского нашествия напоминает и барельеф одного из пилонов мемориала, появившегося не так давно на Красной площади. Этот мемориал создан в честь провозглашения Ельца Городом воинской славы, который за века своего существования не раз становился мощной преградой на пути наступавшего врага.

Мемориальная доска на часовне-ротонде над могилой защитников города

Северная СТОЛИЦА

Наталья НАРЫШКИНА-ПРОКУДИНА-ГОРСКАЯ

«РОССИИ ПАМЯТНИК СУРОВЫЙ»

*К 315-летию основания
Петропавловского собора
в Санкт-Петербурге*

Наталья Андреевна Нарышкина-Прокудина-Горская — доктор искусствоведения, профессор, академик Академии гуманитарных наук, почетный работник высшего образования РФ. Автор 9 книг и более 150 публикаций, член СП России. Ее книги о старинном роде Прокудиных-Горских отмечены дипломом Литературной премии им. И. Бунина и Историко-литературной премией «Александр Невский». **Живет в Санкт-Петербурге.**

Когда в 1970 году я пришла работать в музей «Петропавловская крепость», в фондохранилищах пахло сыростью казематов и старинными вещами. Научных сотрудников было немного, чаще всего я видела их спины, склоненные над письменными столами. Поздно вечером в их рабочих комнатах по-прежнему горел свет настольных ламп. Они продолжали работать. Эти романтики музейного дела, склонившиеся над ветхими страницами архивных документов, не только «хранили историю» Петропавловской крепости, но и передавали ее нам, следующим поколениям.

Старшего научного сотрудника А. С. Кожевникова, кроме чертежей крепостных амбразур, казалось, ничто не волнует. Но когда речь зашла о реставрации Петропавловского собора, от него услышали такую страстную речь, что собор воочию предстал перед нами во всем своем великолепии XVIII века. Одна только мысль о возможном несоответствии оттенка нужного колера при реставрации соборных фасадов превратила этого «музейного немого» в пламенного оратора.

Однажды в Петропавловской крепости открылась новая экспозиция, было много народа. Но настало время закрывать музей, и все стали расходиться. Проходя по уже пустому гулкому помещению, возле одной из витрин я увидела старшего научного сотрудника А. И. Барабанову. Она стояла как на карауле: «Вдруг кто-нибудь придет, может быть, даже сейчас войдет. Сегодня ведь вернисаж. Я еще подожду».

Благодаря этой высокой ответственности перед профессией, перед культурным наследием Петербурга стало возможным более глубоко увидеть связь Петропавловского собора с жизнью Петербурга и всей России.

Еще не было ни самого города, ни крепости, а Петр I уже торопился определить место для будущей церкви, положив крест-накрест два куска дерна. В 1703 году, в день Святых Петра и Павла (29 июня) на маленьком Заячьем острове в дельте реки Невы произошло торжественное освящение Петропавловской деревянной церкви.

Одновременно с церковью на другом берегу Кронверкского протока Петр I повелел строить судостроительную верфь. Не покладая рук работали корабельщики Кронверкской верфи. Отсюда в Финский залив шли торговые корабли, а к местам сражений — военные.

Санкт-Петербург возникал на пустынных берегах стремительно, как былинный «град Китеж». Ему нужны были строители. Одним из первых подписали контракт с фортификатором Доменико Трезини. Итальянец Д. Трезини предполагал работать в России всего лишь год, и то, если северный климат не будет, как он писал, «зело жесток здравью» его.

Но, приехав на берега Невы, остался здесь навсегда. Он полюбил город, который возникал как будто по мановению русского царя, а также по его собственным, трезиниевским чертежам. В строительство крепости Д. Трезини ушел с головой. Ему помогали тысячи мастеров, «переведенцев» со всех уголков России, славившихся строительными традициями. Трудились с рвением, величали Доменико Трезини на русский лад «Андреем Трезинным».

Основные этапы строительства собора неразрывно связаны с ходом Северной войны со Швецией за выход к берегам Балтики, издревле принадлежавшим древнему Новгороду.

В 1709 году произошла Полтавская битва, в которой шведы потерпели сокрушительное поражение. «Ныне совершенно камень в основание Петербурга положен», — оценил Петр значение этой победы. После Полтавской виктории земляная крепость «Санкт-Петербурх» начала перестраиваться в каменную.

Крепость и в самом ее центре недостроенный собор являлись сердцем города, рождавшегося среди лесов, болот и войны.

В общей панораме строящегося города Петр особенно выделял колокольню собора, мыслил ее как городской ориентир, «городскую башню». Спешил с ее строительством: «Башню, которая в городе, как можно скорее отделать». После Гангутской победы требовал еще решительнее: «Колокольню, которая в городе, делать, а церковные стены вести помалу».

Это единственный в мировом зодчестве случай, когда не колокольня пристраивалась к собору, а, наоборот, собор — к колокольне.

Обозреваемая со всех концов города, а также с водных просторов, соперничавшая и превосходившая по высоте все постройки Древней Руси, обелископодобная Петропавловская колокольня превращалась в символ нового города.

Победа, одержанная российским галерным флотом в 1720 году возле острова Гренгам, решила исход Северной войны, и 3 августа 1721 года в финском городе Ништадт был подписан мир со Швецией, по которому прибалтийские и приневские земли снова возвращались России. Петропавловская колокольня — маяк порта и наблюдательная вышка крепости — явилась достойным памятником этого исторического события.

Д. Трезини столь проникся грандиозными петровскими замыслами, что внешний облик собора получился похожим на силуэт корабля, несущегося на поднятых парусах.

Шпиль покрыли медными вызолоченными пластинами, и его золотое сияние создавало светящийся ореол вокруг города на Неве.

А неугомонный Трезини уже распорядился «готовить листовую медь для ангела летающего». Сам выполнил рисунок ангела, высоко парившего над храмом и осенявшего город своим крестом.

Установкой на шпиле ангела завершилось возведение колокольни — любимого детища российского Императора.

Но в 1756 году апрельской ночью в Петербурге разразилась гроза, от молнии вспыхнул шпиль. Сгорели все его деревянные части, от огня расплавились часы, упали колокола.

После пожара собор с обуглившимися стропилами и покореженными кровельными листами стал напоминать потерпевший крушение гигантский корабль.

В конкурсе на восстановление собора приняли участие крупнейшие зодчие того времени. Однако в их проектах исчез первоначальный образ собора, создававшийся в ходе Северной войны: суровый и в то же время дерзновенный своей высотой и блеском позолоты. Поэтому к представленным на конкурс проектам приложили старые чертежи собора и подали их на рассмотрение самой матушке Императрице. Екатерина II вывела на них в августе 1766 года резолюцию: «Делать оную (колокольню собора. — *Н. Н.*) точно так, какова прежняя была...».

Однако время шло, и с каждым годом все очевиднее становилось разрушение деревянной конструкции старого шпиля вместе с венчавшим его крестом. Выход виделся один: построить леса во всю высоту колокольни. Но это очень долго, дорого и грозило новыми пожарами.

Выручил, как всегда, русский мужик. 23-летний ярославский крестьянин Петр Телушкин вызвался в 1830 году починить крест без всяких лесов.

Ухватившись за фальцы — ребра медных кровельных лесов, выступающих на 5 см, — он начал передвигаться вокруг шпиля, образовав во всю его толщину петлю, которой прижимал себя к шпилю. Из-под ногтей у него сочилась кровь, чем выше, тем труднее становилось дышать. Непреодолимым был подъем по яблоку шпиля, выпуклому и гладкому. Но Телушкин привязал ноги к шпилю, откинулся назад и, забросив веревку поверх яблока, поднялся по ней к основанию креста.

Далеко внизу на соборной площади собралась толпа. Здесь были петербуржцы всех сословий: и дамы в огромных шляпах, выходившие из карет, и крестьяне в лаптях, а также журналисты и газетчики разных изданий. Приехало много иностранных гостей, чтобы посмотреть «на русскую диковинку». Все они, запрокинув головы, затаив дыхание, следили за каждым движением смельчака, рисковавшего жизнью. А он так отважно полагался на свою находчивость, силу и ловкость...

После этого, спустя два десятилетия, в середине XIX века решили все-таки устроить внутри шпиля лестницу, по которой можно было бы подняться на его вершину. Новая металлическая конструкция шпиля, разработанная инженером Дмитрием Журавским, была не только изысканной по пропорциям, но и прочной, так как тонкая восьмигранная игла имела ма-

ленькую площадь опоры и длинные «ноги», помещавшиеся в доломитовом фонарике и в третьем ярусе колокольни.

Изготавливался новый шпиль на Урале, на Камско-Воткинском железнорудном заводе. Начальник Воткинского завода И. П. Чайковский, отец будущего композитора П. И. Чайковского, и горный инженер А. А. Иосса перестроили все заводское производство, чтобы осуществить проект Д. Журавского. Жители Воткинска с гордостью смотрели на уходящий в небо металлический каркас шпиля, изготовленный у них на родине.

В Петербурге к установке новой металлической конструкции шпиля, выполненной на Воткинском заводе, приступили 30 июля 1853 года. Через два месяца все было закончено. Высота шпиля, увеличившись по сравнению с прежней на 16 м, стала теперь равняться 40,3 м. Колокольня Петропавловского собора достигла общей высоты 122,5 м.

Новый шпиль венчал новый ангел. Высота его фигуры и размах крыльев более 3 м. Ангел легко летел навстречу балтийским ветрам, благословляя Петербург и защищая его от превратностей судьбы.

Во многом, если не сказать во всем, Петропавловский собор оказывался «первым» в обустройстве российской столицы. Впервые здесь появились куранты — городские часы с колокольным боем и музыкой. Петру нравилось водить своих гостей по еще не оштукатуренной лестнице на колокольню, чтобы показать им игру музыкантов, механизм часов, а также панораму строившегося города.

Впервые интерьер главного столичного собора приобрел дворцовый характер. Его как парадную залу украшали «дикивинки», до которых охотился Петр I: подъемный стул, переносивший гостей ввысь «соборного строения», и люстра-паникадило, сделанная руками самого Петра.

Петропавловский собор можно считать и первой «картинной галереей» России. На его стенах впервые появились живописные исторические композиции.

Уникальным явился резной деревянный иконостас собора, достигший высоты 20 м. Выполнял его зодчий Иван Зарудный «со товарищами», резчиками по дереву Иваном Телегой, Трифоном Ивановым, Иваном Чернавским и др. В XVIII веке этот иконостас причисляли к восьмому чуду света.

Впервые именно в Петропавловском соборе родилась невиданная в мировом церковном зодчестве арочная композиция иконостаса. Исполнинскими размерами, виртуозностью архитектурной композиции, бурной феерией пластических форм иконостас напоминал триумфальные арки, во множестве воздвигавшиеся в Петровскую эпоху. Но даже от них он отличался еще более ликующей победоносностью.

В Петропавловский собор буквально текли трофеи Северной войны, свидетельства бесстрашия российской армии и флота. Здесь хранились щиты, доспехи, кирасы, гербы и ключи от побежденных городов.

Среди трофейных знамен наиболее древним было шведское знамя Упландского полка, сдавшегося под Перевалочной. Полотнище знамени имело двойной вензель Карла XII, пересеченный золотой шпагой и скипетром, на лентах латинскую надпись «*Не знает заката*».

Другое трофейное знамя, взятое под Полтавой, с надписью «*Не страшится*», относится ко времени шведского короля Густава Вазы, правившего

почти за два века до Полтавского сражения. Два столетия оно знало только победы, и лишь под Полтавой было предано позору поражения.

Постепенно за собором утверждалась роль «музеума» трофейного оружия. Впечатляло количество трофеев, их пороховой запах и «кровавые знаки — следы отчаянной битвы». В XVIII веке в соборе хранилось: 553 турецких знамени, 16 флагов, 2 вымпела, а также 32 бунчука¹.

Сам ритуал поступления трофеев в Петропавловский собор превращался в общегородское торжество. Рассыпались «потешные огни» фейерверков, по Неве плыли горящие плошки, с крепости палили пушки.

После смерти Петра I выдающийся государственный деятель Феофан Прокопович сказал: Петр «сделал Россию врагам страшную, страшная и будет. Сделал на весь мир славною, славною и быть не перестанет».

Под звон колоколов и пушечную пальбу гроб с телом Петра перенесли по льду Невы из Зимнего дворца в Петропавловский собор. По обе стороны процессии стояло «*мушкетеров 1250 человек*» с горящими факелами. В Петропавловской и Адмиралтейской крепостях вывесили черные флаги.

Строительство собора еще не было завершено, поэтому гроб с телом Петра временно поместили в «нарочно выстроенную деревянную пристройку» внутри собора. Катафалк украшали скульптуры и канделябры с огромными восковыми свечами. Возле каждой свечи стоял солдат в черном плаще с алебардой в руках. Перед катафалком висела люстра с множеством свечей, но горела только одна, и днем и ночью.

Не кажется удивительным, что в соборе стали слышны какие-то звуки. Возможно, капал воск свечей или потрескивал катафалк. Шепотом пересказывали о непонятных шорохах в соборе и двигавшихся тенях. Рождались легенды. Уже почти никто не сомневался, что Петр поднимался с катафалка и ходил ночью по городу. Его недремлющее око по-прежнему простиралось над Петербургом. Одни надеялись на него, другие боялись. Не один ли из этих сюжетов выбрал Пушкин для своего «Медного всадника»?

Таким образом, после смерти Петра собор принял на себя функцию «мавзолея» первого российского Императора. Над оформлением его надгробия к 50-летию Полтавской битвы начал работать М. В. Ломоносов. Он проектировал сооружение, возвышавшееся на ступенчатом постаменте к самому куполу, сооруженное из «жарко вызолоченной» меди со статуями из черного мрамора. Вокруг могилы предполагал разместить мозаичные картины, летопись славных дел Петра. Но осуществление этого, мощно задуманного, с использованием разных видов искусства, мозаично-пластического реквиема было прервано смертью Ломоносова в 1765 году.

Из всего мемориального комплекса сохранилась до наших дней лишь мозаика «Полтавская битва». Даже современники Ломоносова не поняли его гениальной идеи исполнения картин в технике мозаики. Понимание пришло спустя более столетия, в оформлении таких петербургских храмов, как Исаакиевский собор и «Спас на Крови».

Мозаика «Полтавская битва» и сегодня поражает широтой исторического подхода и художественной выразительностью. От ее несколько архаичных, тесно расположенных фигур веет обжигающим дыханием эпохи.

¹ Бунчук — символ власти турецкого султана — конский хвост, насаженный на древко.

Чувствуется пафос почти планетарного охвата — небо, круглящаяся вдали земля, безмятежность природы и враждующие армии, бьющиеся насмерть солдаты. Ту же плотность потока жизни и смерти мы встретим позже в пушкинской поэме «Полтава». Здесь наметилась историко-культурная эстафета петровской, ломоносовской и пушкинской эпох.

Могила Петра I в Петропавловском соборе и в последующие эпохи по-прежнему оставалась в центре культурной и общественной жизни города.

На протяжении столетий в соборе славили победителей, поминали павших на поле брани, благословляли на подвиг ратный.

Зимой 1942–1943 годов, когда враг стоял под стенами Ленинграда, отряды новобранцев шли в Петропавловский собор. У могилы Петра I, основателя города, талантливого полководца и флотоводца, они давали присягу.

Шпиль собора прорезал балтийское небо как клинок меча («Кто с мечом придет, тот от меча и погибнет!»). В годы тяжелых испытаний Петропавловский собор разделил судьбу города, судьбу страны.

Важным было погасить сияние городских золоченых шпилей, ибо они представляли для вражеской авиации точные ориентиры. Наиболее трудным для маскировки оказался Петропавловский собор. О строительстве лесов не могло быть и речи, первая зажигательная бомба подожгла бы и собор, и крепость.

Привлекли к этой опасной работе спортсменов-альпинистов: пианистку Ольгу Фирсову, делопроизводителя добровольного спортивного общества «Искусства» Александра Пригожева и осветителя студии Ленфильма Алоизия Земба. Был среди них и рабочий завода «Прогресс» Михаил Бобров, ныне Почетный гражданин Петербурга, наша живая история.

Позже в бригаду маскировщиков-верхолазов пришли выпускник Консерватории М. И. Шестаков, архитектор В. Н. Захарова, художница Т. Э. Визель, спортсменка Н. Г. Левина и др.

Маскировку города начали с Адмиралтейства, на его шпиль надели гигантскую «ябку». Но тонкая высокая «игла» Петропавловского собора не могла выдержать тяжести брезента весом почти в тонну. Кроме того, стоило ветру надуть брезент парусом, как это могло бы кончиться гибелью шпиля. Решено было покрыть шпиль маскировочной краской, тем более что позолота Петропавловского шпиля была намного прочнее клеевой позолоты Адмиралтейской иглы.

Для маскировочной покраски Петропавловского шпиля понадобилась система высотных блоков. Ее разработал инженер-изобретатель Л. А. Жуковский. В 1941 году, прибегнув к системе Л. Жуковского, верхолазу Михаилу Боброву поручили подняться по конструкциям внутри шпиля до самого основания яблока, проделать дрелью отверстие и пропустить в него страховочный трос с петлей наружу. Затем по наружной стороне шпиля от слухового окна вверх к шару, используя подготовленную Михаилом Бобровым петлю, должен был подняться Алоизий Земба.

В одну из ветреных ночей смотритель собора услышал тревожный гул — гудел шпиль. Оказалось, фигуру ангела заклинило тросами, и она перестала вращаться. Всей своей плоскостью «ангел» противостоял напору ветра. Это грозило аварией. Старый смотритель пошел ночью в непогоду разыскивать по затемненному городу верхолазов. Пришлось начинать все сначала, рубить тросы и передвигать блоки ниже, под яблоко шпиля.

Когда били зенитные батареи, разрывались фугаски, шпиль собора вздрагивал и вибрировал, «душегубка» с верхолазами дрожала и раскачивалась. В один из вражеских налетов фугасная бомба разорвалась на площади перед самым собором. М. Боброва, висевшего в люльке со стороны площади, подбросило взрывной волной вместе с люлькой и ударило о шпиль.

Мужество людей, строивших собор, кануло бы в Лету, если бы не новые люди в новых трудных обстоятельствах не напрягали снова и снова свои силы, защищая собор — «России памятник суровый».

Шпиль Петропавловского собора стал мерой их мужества.

Главный архитектор города периода Великой Отечественной войны Н. В. Баранов писал в своей книге о проведенных маскировочных работах:

«Дерзкий по своей вызывающей смелости, получивший мировую известность, ремонт поврежденного во время грозы ангела, венчающего шпиль Петропавловского собора, произведенный в 1830 году в спокойной мирной обстановке русским кровельщиком Петром Телушкиным, побледнел перед маскировочными работами, проведенными полуголодными альпинистами осажденного Ленинграда».

Оберегая памятник героического прошлого, люди творили новые подвиги его героического настоящего.

Собор в самом сердце города на Неве выдержал вместе с ним великое противостояние врагу. И сегодня он по-прежнему остается гордостью Петербурга, выдающимся историко-культурным памятником мира, войны и славы России.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов Н. В. Архитектура и строительство Ленинграда. Л., 1948.

Нарышкина Н. А. Надгробие Петра I. Неизвестная страничка // Study Group on Eighteenth Century Russia. Newsletter. 1995. № 23.

Нарышкина Н. А. Петропавловский собор (1712–1733) — памятник морской славы России. СПб., 1997.

Новоселов С. Кафедральный собор во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. СПб., 1857.

*«...Смотрите, берегитесь закваски
фарисейской и саддукейской...
...Тогда они поняли, что Он го-
ворил им беречься не заква-
ски хлебной, но учения...»*

От Матфея святое
благовествование 16 (6, 12)

Анатолий КОЗЛОВ

ЗАКВАСКА ФАРИСЕЙСКАЯ

*Записки прошлого века
Глава из романа*

Анатолий Юрьевич Козлов — член Союза писателей России, член правления СПб отделения СП России. Родился в 1964 г. в г. Омске, после службы в армии в 1991 г. окончил Ленинградский инженерно-экономический институт. Кандидат в мастера спорта по фехтованию. Серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Лауреат премии журнала «Русское эхо» (г. Самара). Награжден медалью «Генералиссимус Александр Суворов» за вклад в патриотические традиции. Автор многих книг прозы. Живет в Санкт-Петербурге.

Они гуляли среди водопадов в национальном парке, носящем имя находящегося рядом городка с кратким японским названием Никко.

Сорок восемь водопадов — целая коллекция, жемчужина которой — знаменитый Кэгон. Как называют его почтительно сами японцы — Кэгон-таки, хотя «таки» в переводе и означает «водопад». Но романтика названия от этого не исчезает. Оно взято из буддистских сутр, Аватамсака-сутра — значит «Цветочная гирлянда сутр» — это для непосвященных, а полное название «Буддха-аватамсака-сутра» или «Гирлянда сутр, украшающая Просветленного». Это и вправду гирлянда из двенадцати струй, стекающих в круглую чашу через трещины в горах и затвердевшие лавовые потоки, нанизанная на ниспадающую туда же с 90-метровой высоты мощную струю реки Дайягава, берущей свое начало в восточной части голубого горного озера Тюдзэн-дзи. Теперь Кэгоном можно было любоваться со смотровой площадки построенного восемнадцать лет назад красного чайного домика. Впрочем, европейское понятие о «домике» со здешним весьма разнилось. Японский чайный домик на берегу чаши Кэгон-таки — это привычная для японской архитектуры буддийской эпохи четырехугольная многоярусная башня, словно из нескольких, поставленных друг на друга домиков, каждый со своей кровлей, с плавно загнутыми вверх углами. Красная многоярус-

ная башня на искусственной каменной площадке, с ведущей на нее широкой белой лестницей, и великолепный Кэгон-таки, вздымающий водный туман. От этих красот хотелось остановить время, чтобы остаться здесь навсегда, навечно...

Аллеи уходящих вершинами в синее небо 50-метровых вечнозеленых криптомерий, ошибочно названных европейцами японскими кедром, вели их через вычурные деревянные мостики красного лака, приводя к древним синтоистским храмам — чистеньким, ухоженным и изящно-причудливо украшенным.

— Смотри, какие смешные обезьяны! — воскликнула Анна. Колчак поднял голову, разглядывая деревья. — Да нет, не там, — засмеялась она. — Вот, вот — на стене храма. Какие забавные. Смотри: одна закрыла лапками глаза, вторая — рот, третья — уши. Интересно, что это значит? Ты знаешь?

Колчак немного задумался, потом ответил:

— Кажется, знаю... Когда я был в японском плену, мне несколько раз попадалось подобное изображение. В одном из этих храмов покоятся останки великого японского полководца, там — в бронзовой пагоде. А философский смысл этой сцены, насколько я помню, связан с буддийской моралью: «Не слышу ничего дурного, не говорю ничего дурного, не замечаю ничего дурного».

— Вот как? — Анна задумчиво помолчала. — Пожалуй, нам, христианам, есть чему поучиться у язычников... По крайней мере, теперь...

Колчак резко повернулся.

— Ты предлагаешь заткнуть уши и закрыть глаза на все, что делается в России?

Анна пожала плечами.

— Глаза, по-моему, многим следует наконец-то открыть, а вот мерзостей за последние годы мы — русские, кажется, наговорили друг другу предостаточно...

Александр Колчак и Анна Тимирева поселились в Никко в японской части гостиницы преднамеренно, — не хотели ни с кем общаться. Они еще никогда не были вдвоем. Наступала середина лета, праздник **Дое-но Уси-но Хи** — один из самых жарких дней года. В традиционном календаре этот день приходится на наиболее теплое время, пору повышенной влажности воздуха. Когда они выходили в городок, их окутывал исходящий от лотков каба-яки, где жарилась рыба, аромат традиционных печеных угрей, приправленных сладким соусом тэрияки. Торговцы усердствовали, желая продать свой суточный улов.

— Это напоминает Петроград весной, — заметил Колчак, — когда он весь пропитывается запахом корюшки.

— И везде пахнет свежими огурцами, словно все в городе делают салаты, — засмеялась Анна.

Колчак слегка улыбнулся.

— Славная традиция. Кстати, Праздник корюшки учредил еще Петр Первый...

В отеле жили также и русские, но они с ними не общались: весь этот месяц принадлежал только им... Кругом были горы, покрытые лесом, дей-

ствующие вулканы, уходящие в небо гигантские криптомерии, священная гора Нантай, горные речки, водопады, храмы и мостики красного лака, аллея Ста Будд по берегу реки. И они вдвоем, целый месяц, только одни... В этом сказочном месте у них возникла иллюзия счастья, феерическая, как любое видение, и короткая, как всякое счастье...

Однажды, после прогулки, их встретил в гостинице генерал Нокс. Увидев англичанина, Колчак попытался изобразить искреннее удивление, но это ему слабо удалось.

— Познакомься, Анна, — вынужденно представил он, — это тот самый генерал Альфред Нокс, представитель Британии — с четырнадцатого года на русском фронте, глава Русского отдела Британского военного министерства... А это моя... моя жена, генерал, — обратился он к Ноксу.

Нокс улыбнулся и поклонился, по-армейски щелкнув каблуками на русский манер.

— Я узнал, что вы обедаете в пять часов, — как бы извиняясь, пояснил Нокс. — Вот я и встретил вас, чтобы составить компанию, если не откажете.

Колчак чуть растерянно взглянул на Анну, но та выручила его.

— We invite you, General. We are very glad that you will keep us company, — и, улыбнувшись, она снова перешла на русский. — Не так ли, *Саши*? — впервые назвала она его по имени при посторонних. — Мы, знаете ли, все одни да одни. Пора уже разбавить наше общество...

— Вот как? — удивился Нокс, поднимаясь вместе с ними по лестнице. — Но здесь достаточно ваших соотечественников, там — в другой части...

— Да, — поджав губы, подтвердила Анна. — Только мы намеренно избегаем их общества. Тотчас же пойдет разговор о политике. А говорить о ней здесь, в Никко, в месте паломничества тысяч людей, нам кажется совсем неуместным...

Нокс любезно согласился. Тем не менее, весь обед прошел в натянутой обстановке. Колчак был слегка бледен и рассеян, а после обеда сам предложил Анне проводить ее в номер, сославшись на то, что им с генералом нужно обсудить некоторые вопросы.

— Надеюсь, господин адмирал, — начал Нокс, когда они остались вдвоем, — за этот месяц здесь, на Хонсю, вы вполне компенсировали свою неудачу в Китае?

— Да, — нервно ответил Колчак, воспринимая фразу Нокса как упрек, — мне не удалось возглавить казачье движение в районе Китайской железной дороги. Я моряк и... — он развел руками.

Нокс улыбнулся.

— О, да! Казаки — народ вольный и своенравный, к тому же весьма недоверчивый. Но сейчас положение во многом изменилось...

— До меня дошли слухи о восстании чехословаков, — пожал плечами Колчак, — но этот корпус входит в состав французской армии. К тому же еще 29 мая ВЦИК принял постановление о наборе в Рабоче-крестьянскую армию.

— Мобилизация идет медленно, — возразил Нокс, — с большими трудностями. Дезертирство носит массовый характер... А созданные большевиками комитеты бедноты, занимающиеся откровенным грабежом, не

только не способствуют этой кампании, но и вызывают ей противодействие, нередко вооруженное...

Колчак вынул портсигар и закурил.

— Кое-какие официальные сведения до нас доходят, — ответил он, выпуская дым. — Например, что в июне Советы опубликовали два декрета: о призыве на военную службу рабочих и крестьян во всех прилегающих к занятым чехословаками районах и о ликвидации отдельного Чехословацкого национального совета в России. Для борьбы с чехословаками и частями белых они создали Восточный фронт под командованием Муравьева в составе шести армий...

— Вся Сибирь и Урал охвачены антибольшевистским восстанием, — возразил Нокс. — В Омске идет формирование белогвардейских войсковых частей Сибири. Уже организована 1-я Степная Сибирская стрелковая дивизия полковника Вержбицкого. После вступления чехословацких легионеров в *Самару* там был образован Комитет членов Учредительного собрания — Комуч, претендующий на всероссийскую власть для передачи управления страной законно избранному Учредительному собранию. На территории, подвластной Комучу, денационализированы все банки, объявлена денационализация промышленных предприятий. Комуч создал собственные вооруженные силы — Народную армию.

Колчак нервно усмехнулся.

— Армию... Для руководства армией нужен полководец. Я что-то не слышал о том, чтобы кто-нибудь из видных военачальников прибыл в Самару...

— Командование одной из первых дружин было предложено подполковнику Каппелю.

— Каппель?

— Да, Владимир Оскарович...

— Кто таков?

— Подполковник Генерального штаба.

— Штабист-полководец? — Колчак саркастически-недоуменно взглянул в глаза Ноксу.

— Напрасно иронизируете, — ничуть не смутился Нокс. — Отряд в 350 человек — две роты, эскадрон конницы и батарея при двух орудиях под командованием Каппеля, состоящий из офицеров, кадет, гимназистов, мещан и рабочих-добровольцев от 16 до 65 лет, в середине июня с налета разбил красные полчища Тухачевского и освободил Сызрань. Затем взял Ставрополь Волжский, нанес тяжелое поражение красным близ Мелекеса. А на днях Каппель взял Симбирск, разгромив превосходящие силы красных под командованием Гаи Гая, за что был произведен в полковники и назначен командующим Народной армией. Красный штаб особым приказом даже объявил денежную премию за голову Каппеля...

Нокс сделал паузу, давая Колчаку время усвоить информацию. Но во взгляде английского генерала явно сквозило торжество, допустимая надменность и даже некоторая кровожадность, как у хищника, загнавшего жертву. Он, однако, скромно умолчал о том, что Комуч попытался провести мобилизацию, но население не желало воевать и всячески уклонялось. А Народная армия Комуча унаследовала многие недостатки «керенщины, в виде различных комитетов и прочих революционных нововведений, и в целом

оказалась не очень боеспособной. Не сказал Нокс и того, что летом 1918 года начались выступления крестьян, связанные с мобилизацией в Сибирскую армию. Группы крестьян объединялись в отряды.

Колчак старался выглядеть как можно спокойнее, не замечая, что курит папиросу за папиросой.

— Но это только первые успехи, — заметил он. — Красные просто в растерянности за недостатком опыта, но они быстро придут в себя. Они уже теперь могут выставить армию, втрое превосходящую по численности повстанческую. У них заводы, боеприпасы, склады со снаряжением...

— Оренбургские казаки во главе с войсковым старшиной Красноярцевым нанесли поражение отрядам Красной гвардии, взяли Оренбург и ликвидировали власть большевиков в Оренбургской области, — продолжал сыпать фактами Нокс в ответ на возражения Колчака. — В июле русские и чехословацкие отряды заняли Уфу, а чехи под командованием подполковника Войцеховского освободили Екатеринбург. К югу от Самары отряд подполковника Махина взял Хвалынск. К противобольшевистским силам Поволжья присоединяются уральские и оренбургские казаки. Есть и еще одно немаловажное обстоятельство: после убийства в Москве левым эсэром Яковом Блюмкиным германского посла Мирбаха начались восстания в Москве, Ярославле, Рыбинске, Коврове и других городах... Антанта объявила Владивосток международной зоной. Там высадились японские и американские войска, большевистская власть свергнута чехословаками под руководством русского генерала Дитерихса... Антисоветские вооруженные силы в Сибири создали Сибирскую армию. Один из основных организаторов Сибирской армии — Гришин-Алмазов, произведенный нынче в генерал-майоры и назначенный командующим армией. Он провел мобилизацию младших возрастов — тех, кого не затронул окопный пацифизм. Все прошло успешно, без массового дезертирства и волнений. Новая армия строится на основе строгой воинской дисциплины, без новомодных введений. Погон нет. Это позволяет сибирякам сманивать к себе таких же беспогонных красноармейцев...

Адмирал затушил очередную папиросу.

— Собственно, — устало перебил он Нокса, — в чем вы пытаетесь меня убедить? К чему этот подробный политический обзор российских событий?

Нокс поднялся и, заложив руки за спину, многозначительно прошелся по комнате.

— Прежде всего, для того, господин адмирал, чтобы напомнить вам, что вы являетесь офицером английской армии, — Колчак быстро поднял голову и вскинул брови, но Нокс не дал ему ответить. — А главное — для того, чтобы сообщить вам важную новость: Николай II и его семья были расстреляны чекистами в Екатеринбурге... — Нокс сделал паузу, дожидаясь нужного эффекта.

Колчак забыл о том, что хотел поставить Нокса на место.

— Я считал эту весть провокационной... Когда?

— В ночь с 16 на 17 июля.

— Вы уверены?

— Известно доподлинно... По нашим сведениям — следующей ночью под Алапаевском были убиты еще пятеро членов Императорского дома. А месяцем ранее близ Мотовилихи, под Пермью, был застрелен брат Царя,

Великий князь Михаил Александрович. Но до сих пор большевики сообщили только о расстреле Царя...

Адмирал немного помолчал, затем встал и мрачно взглянул на Нокса.

— Какую же роль в этой ситуации вы отводите мне?

— А вам надлежит стать верховным правителем России и возглавить освободительное движение.

— Каким образом?

— Исключительно волей народа! Народ, патриоты России *выберут* вас.

— Откуда такая уверенность?

— Мы об этом позаботимся...

— А чехословацкий легион? Насколько я понимаю, сейчас весь фронт держится на них?

— А чехословаками займется генерал Жанен...

После встречи с Колчаком генерал Нокс рапортовал в Лондон: *«Адмирал согласился с помощью Англии воссоздать русскую армию в Сибири. ...Нет никакого сомнения в том, что он является лучшим русским для осуществления наших целей на Дальнем Востоке».*

ВЫШЛА КНИГА

Думин С. В.

Корни и крона / Станислав Думин. — М., 2017. — 176 с. ил.

В книгу вошли избранные стихотворения поэта, от ранних до написанных в последние годы, а также английские переводы некоторых из них.

Автором обложки использован фрагмент пастельного портрета работы К. К. Константинова (2016)

В оформлении книги использованы гравюры А. Дюрера, Г. Доре (иллюстрации к Библии, к поэмам «Потерянный рай» и «Неистовый Роланд»), фрагменты гравюр А. Зубова (конный портрет Петра I, 1726) и И. Бегрова по оригиналам Д. Скотти (сражения Отечественной войны 1812–1814 гг.).

Борис КРАСНОВ

ЧТО УПАЛО, ТО ПРОПАЛО

Борис Николаевич Краснов — родился в 1953 г. в Ленинграде. Окончил Ленинградский электротехнический институт связи им. М. А. Бонч-Бруевича. Более тридцати лет проработал инженером-разработчиком в системе ВПК. Сейчас работает в ОАО «РИМР». Автор пяти поэтических книг. Стихи и прозу публиковал в журналах «Нева», «Костер», «Северная Аврора» и других периодических изданиях. Член Союза писателей России. С 2010–2014 и с 2017 гг. — по настоящее время руководитель «Литературной мастерской» при Санкт-Петербургском отделении СП. **Живет в Санкт-Петербурге.**

— Внимание! Говорит Москва... Работают все радиостанции Советского Союза... Сегодня, 6 августа 1961 года в 9 часов по московскому времени в Советском Союзе произведен запуск искусственного спутника Земли космического корабля «Восток–2, — медно звонящим голосом гремел репродуктор над летней, застывшей в солнечной пыли Лопухинкой. — Корабль «Восток–2» пилотируется гражданином Советского Союза летчиком-космонавтом майором Титовым Германом Степановичем!

Голос плыл над пригородным поселком, над его жестяными крышами с ежами-антеннами, над скворечниками, затаившимися в кронах берез, над сохнувшим на веревках бельем, над козами и курами, бродящими бессмысленно и вяло.

У столба с репродуктором стояли несколько мужиков и баб. Мужики, улыбаясь, курили, а бабы подталкивали друг друга локтями, приговаривая удивленно: «От, что делается-то!»

Валерка выбирался из зарослей сныти и, размахивая деревянной саблей, бежал домой, чтобы сообщить бабушке чрезвычайную новость.

— Бабуш, наши опять космонавта запустили!

Бабушка Вера стояла на крыльце — широколицая и спокойная, как Будда. Ее улыбка, застывшая и слегка надменная, казалось, хранила какую-то загадку. Для Валерки бабушка Вера Васильевна была самой главной, главнее даже папы с мамой. В море житейских бурь и катаклизмов она казалась единственным неколебимым утесом.

Ее большие кулаки оттягивали карманы вязаной зеленой кофты, а сильные ноги в войлочных тапках уверенно упирались в доски крыльца. Она слушала голос диктора, чуть прищурившись.

— Сколько денег на ветер выбросили, — наконец проговорила она и, покачав головой, ушла в дом.

Большой двухэтажный дом, стоявший в стороне отглавной площади поселка, был почти безраздельно предоставлен в распоряжение дачников: весь второй этаж, все веранды первого этажа заселили бледнолицые ленинградцы с детьми и без детей.

Валерка с бабушкой занимал одну из комнат верхнего этажа. По утрам, выбегая на улицу, он буквально сваливался по крутым ступеням узкой деревянной лестницы. Минуя темный узкий коридорчик, он вылетал на залитый солнцем двор, где их вожак Витька Сырников уже объяснял что-то толстому Лехе Ляльцеву:

— Если немцы на нас нападут, мы их тогда сразу бац! — и атомной бомбой.

— Или ракетой, — поддакивал ему Петька, верный его оруженосец.

— На ракете можно хоть десять атомных бомб сразу запустить. Ни пушек, ни самолетов не надо, — авторитетно подтверждал Леха.

— А двадцать бомб на ракету поместится? — спросил Валерка.

— Хоть сто! — уверенно ответил Витька.

Потом они бежали на пруд. Пруд за станцией МТС вырыли совсем недавно — земля еще хранила следы тракторных гусениц. Там, в вывороченных и разбитых траками комьях глины, пацаны находили стреляные гильзы, а иногда даже и целые патроны. У каждого из них на этот случай имелся обрывок пулеметной ленты, в который они бережно втыкали свои находки. Был такой обрывок ленты и у Валерки, с четырьмя пустыми гильзами.

Вокруг пруда торчали ключие заросли чертополоха, над сиреневыми соцветиями которых медленно кружились осы и цветочные мухи. Легкое гудение насекомых наполняло сердце Валерки непонятной радостью. Ему было радостно оттого, что вокруг гудит, трепещет крылышками мелкая насекомая жизнь. Что светит солнце и машина пылит на большаке. Что на дворе мирное время, а прошлая война осталась где-то далеко-далеко, во всяком случае там, где Валерки еще не было. Только найденные в земле патроны и гильзы напоминали о ней.

Потом пацаны отмывали найденные гильзы в мутной воде пруда и бежали смотреть, как работают топографы.

Топографы, двое бородатых мужчин, один в военной форме и с теодолитом, а второй в гражданском, с длинной красной рейкой в руке, шли вдоль дороги, снимая и записывая рельеф местности. Ребята ходили за ними и то и дело канючили:

— Дяденька солдат, дай посмотреть в «наводку». Ну, дяденька солдат...

Наконец мужчина сдался, и все по очереди посмотрели в стеклышко теодолита, и далекая сосна на краю леса удивительным образом перевернулась и, приблизившись, попала в перекрестье объектива.

— Классная наводка, — заключил Витька Сырников, и все дружно согласились: классная...

— Жаль только, что все там кверху ногами, — не в тон добавил Валерка.

Потом они еще немного погоняли мяч возле дома, а потом как-то сразу наступило время обеда.

Валерка обедал всегда очень быстро. Тем более, сейчас нужно было спешить — ведь они еще не доиграли в футбол. Он торопливо глотал горячую картошку, и бабушка недовольно ворчала:

— Ну, что ты глотаешь не жуя, как ворона. Прожуй сначала!

Валерка иногда думал, как хорошо было бы жить без обедов и без сна — сколько времени можно было сэкономить. Тогда бы его на все хватало: и на футбол, и на оловянных солдатиков, и на рисование, и на рыбалку... А так только войдешь во вкус, как уже пора идти или спать, или обедать.

Валерка пообедал первым и первым же выскочил на пустое крыльцо. Во дворе еще никого не было. Он остановился и огляделся... И вдруг увидел у себя под ногами цветную полусвернутую бумажку. Сначала Валерка подумал, что это какой-то яркий фантик. Но приглядевшись, понял, что это совсем не фантик. Это был новенький червонец! Сто рублей — если по-старому.

С задохнувшимся сердцем Валерка наклонился и поднял бумажку, осторожно развернул ее. Точно! Это были новые десять рублей. Даже представить было страшно, сколько всего можно было купить на эти деньги! Валерка огляделся — никого вокруг не было видно. Кто-то потерял червонец. Кто-то потерял, а он — нашел!

Сунув деньги в карман, распираемый радостью, Валерка бросился обратно вверх по лестнице на второй этаж.

— Бабуш, — возбужденно зашептал он, — смотри, что я нашел.

И протянул Вере Васильевне свою находку.

— Где это ты взял? — восторженно воскликнула бабушка, забирая у внука деньги.

— На крыльце валялись, потерял кто-то.

— Гляди-ка, совсем новые, — пробормотала Вера Васильевна, рассматривая купюру. — Тебя никто не видел?

— Не-а, никто.

— Молодец, — сказала бабушка и посмотрела на внука поверх очков, — только смотри, никому не говори, что нашел. А то живо охотники найдутся, скажут: это мое. И отберут. А мы тебе на эти деньги что-нибудь купим.

— Я никому не скажу, — заверил бабушку Валерка.

Валерка хотел тут же бежать обратно во двор, но бабушка задержала его.

— Посиди пока, почитай книжку. Ты еще не читал сегодня.

— Ну, бабуш, там ребята...

— Ничего, ничего. Подождут твои ребята.

Валерка обиделся. Почему такая несправедливость: нашел для бабушки десять рублей, а она его за это заставляет книги читать. С трудом одолел он пять страниц — ну совсем ему не хотелось читать. Потом бабушка все-таки отпустила его на улицу.

А там уже все пацаны были в сборе и разбивались на два отряда, чтобы играть в войну. Леха нацепил на голову ржавую каску, которую нашел в лесу в воронке от снаряда, а Витька, перепопсанный длинной пулеметной лентой, отдавал приказы остальным бойцам. У всех в руках были самодельные деревянные автоматы или ружья. Только у Витьки Сырникова был железный маузер, стрелявший пистонами.

Играть собирались за дорогой — там среди редких кустарников сохранились с войны извилистые окопы, в которых здорово было прятаться.

— А тетя Люба десять рублей потеряла, — доверительно сообщил Валерке Петя Семенов, когда они пробирались кустами к месту будущей дислокации. — Она уже нас спрашивала: не находили? Мы сказали, что нет.

Валерка ничего не ответил, а только в груди у него стало как-то неуютно и тоскливо. Даже в войну играть почему-то сразу расхотелось.

Тетя Люба — мать Лехи Ляльцева, крупная и шумная женщина, которая снимала веранду на первом этаже, была единственной, кто не признавал старшинства Веры Васильевны. С бабушкой Верой поэтому у них постоянно происходили перепалки.

От нехороших предчувствий у Валерки даже заболел живот. И уже бегал и стрелял он без всякой радости, как-то автоматически, думая совсем о другом. И он даже был рад, когда его наконец-то «убили». Теперь можно было просто лежать в окопе с закрытыми глазами и никого не видеть. Тогда казалось, что и самого тебя нет здесь. И вообще, если он убит, то уже ни за что не отвечает и ни в чем не виноват. Подумаешь, кто-то там червонец потерял. А он уже убит! С убитого какой спрос? Хорошо бы действительно оказаться убитым...

Но потом Валерке приходилось подниматься и снова идти в наступление, кричать: ту-ту-ту! — имитируя автоматные очереди, и снова падать в траву, в колючие заросли.

Наконец он сказал, что ему надоело играть, и пошел домой. Он рассчитывал быстро и незаметно проскочить к себе на второй этаж, но грозная тетя Люба как будто специально поджидала его на крыльце.

— Валера, — обратилась она к нему вкрадчивым голосом, — ты не находил здесь десять рублей?

Сердце у Валерки вдруг застучало так сильно, что казалось, тетя Люба непременно должна была услышать этот предательский стук. Но Валерка пересилил страх и, отведя глаза, тихо произнес:

— Нет, не находил.

Быстро-быстро он прошмыгнул мимо тети Любы, чувствуя, как краснеет от того, что соврал. Ведь врать нельзя! Всегда и все ему постоянно говорят — и мать, и отец, и даже бабушка, — что врать нельзя. А он соврал. А что было делать, если бабушка велела не говорить?

Поднимаясь по темной лестнице, он услышал, как за спиной тетя Люба крикнула кому-то:

— Валерка подобрал, точно. Только не признается.

Валерка поднялся точно в ознобе. Бабушка сидела за столом и что-то шила. Ее крупная фигура, обтянутая шерстяной кофтой, почему-то показалась Валерке чужой.

— Ну что, набегался? — спросила бабушка.

— Да.

Валерка завалился на кровать и отвернулся к стенке.

— Ну, лежи, отдохни.

Он сбросил сандалии и даже забрался под одеяло.

— Ты что, не заболел ли? — встревожилась бабушка, но Валерке ее тревога показалась какой-то ненастоящей.

Он ничего не ответил, а только закрыл глаза. Из темноты он услышал шарканье бабушкиных тапок, потом почувствовал прикосновение ладони ко лбу.

— Лоб вроде нормальный. Температуры нет, — пробормотала Вера Васильевна.

А Валерке хотелось так зажмуриться и сжаться под одеялом, чтобы совсем исчезнуть из этого мира, где приходится сначала врать, а потом сты-

диться своего вранья. Темнота, обступившая его, казалась большой, а он в ней — совсем маленьким.

Вот если бы была сейчас война, тогда бы он убежал на войну. Специально только для того, чтобы его там убили. И он лежал бы убитый в окопе, где-нибудь далеко-далеко от дома. Совсем один. И никто бы не знал, где его убили. И стал бы он «неизвестным солдатом»...

Бабушка Вера вышла во двор с клеенчатой сумкой в руке и сразу же натолкнулась на Любовь Ивановну Ляльцеву.

— Ну, что? — с вызовом обратилась та к Вере Васильевне. — Сама деньги отдашь, или милицию вызвать?

— Какие деньги? — удивилась Вера Васильевна. — О чем это ты, Люба? Я тебя не понимаю.

— Все ты понимаешь. Не притворяйся. Твой Валерка мой червонец утащил. Больше никому.

— Чего ты мелешь, дура! — сразу перешла в наступление бабушка Вера. — Какой еще червонец?

— А такой! Вот здесь на крыльце лежал. А Валерка схватил деньги и — домой! Вон и Маша из окна видела...

— Не мели. Никаких денег мой Валерик не брал. А Маша твоя — малолетка сопливая, мало ли чего наговорит.

— Слышь, Васильевна. Ты лучше отдай деньги по-хорошему. Не отдашь по-хорошему, так отдашь по-плохому.

— Ой-ой-ой! Напугала! А что ты мне сделаешь? Ты меня не пугай — я не из пугливых.

— А вот возьму и в милицию заявлю.

— А чем докажешь?

— Вон, Маша подтвердит.

— Иди, заявляй! — и, считая разговор оконченным, Вера Васильевна широким мужским шагом двинулась в сторону магазина. Любовь Ивановна попыталась было перегородить ей дорогу, но та только отпихнула ее плечом.

— Ну, гляди у меня, воровка! — крикнула ей вслед разгневанная Ивановна.

— Сама воровка! Вон сколько колец золотых наворовала у себя-то в универмаге!

Из магазина Вера Васильевна пришла мрачная. Настроение было испорчено. И найденный Валеркой червонец был уже не в радость. Недовольным взглядом она посмотрела на внука, который все еще лежал под одеялом все в той же скрюченной позе, и непонятно было — спит он или только притворяется...

Утро как всегда обновило мир. Проснувшись от яркого солнца, бьющего в крашенные половицы, Валерка вновь ощутил внутри себя радостный прилив жизни. Вчерашний день с его волнениями и переживаниями за ночь потерял свою реальность, и теперь на него можно было смотреть как бы издали — он отодвинулся, потерял свои очертания и краски. Да был ли он вообще — вчерашний день? Потому что в детстве ночь кажется такая широкой рекой, что с одного ее берега уже почти не видать другого.

Все неприятное, связанное с находкой злополучного червонца осталось во вчера, а сегодня — светлое и непорочное — уже открывало Валерке свои объятия.

Позавтракав, он выскочил во двор, где все пацаны уже вовсю трудились над постройкой шалаша. Никого из взрослых не было видно, и это показалось Валерке добрым знаком. Может, Любовь Ивановна уже и забыла про свой червонец?

Витька обвязывал проволокой углы будущего шалаша, подтыкая по бокам осиновые да ольховые колья, а Ляльцев с Петькой подтаскивали ветки. Еще позавчера они вчетвером решили построить себе свой собственный штаб и вот наконец-то взялись за дело.

— Привет! — крикнул Валерка, подбегая к пацанам, готовый тут же включиться в работу — Ух, ты! Классный штаб получается. А вы откуда ветки таскаете? Я тоже буду ветки ломать.

— Иди, гуляй отсюда, — хмуро буркнул Леха Ляльцев, — с ворами не играем.

Витька ничего не сказал, только отвернулся от Валерки, как будто того и нет вовсе, и сосредоточился на завязывании своей дурацкой проволоки. А Петька вообще соорудил Валерке рожу и показал язык.

Валерка опешил. Как же так? Еще вчера они вместе играли в войну, собирали стреляные гильзы у пруда, по очереди смотрели в глазок теодолита, а теперь не хотят разговаривать и даже не смотрят в его сторону. Потому что он — вор?

— Я не вор, — тихо сказал Валерка.

— А кто у нас десять рублей украл? — зловеще спросил Леха.

— Я не украл, я их нашел, — еще тише произнес Валерка, чувствуя неубедительность своих слов.

— Не отдашь деньги — не будем с тобой играть, — решительно заявил Леха.

Что-то непоправимо изменилось в мире. И в этом изменившемся мире Валерка оказался лишним. И, более того, именно он оказался виновником этого страшной перемены. Почему?

Почему раньше любая находка приносила радость, а теперь с этим червонцем все так перевернулось. Валерка вспомнил, как он радовался, когда нашел на помойке старый, но еще работающий патефон, а потом и пластинки к нему. Вспомнил, как подобрал выброшенный кем-то во дворе старый будильник. Или те же самые гильзы, которые они еще вчера выкапывали из глины возле пруда — разве они их украли? А если бы он нашел этот червонец не на крыльце, а на дороге к магазину? Тогда как — тоже украл? Ведь если крадут, то крадут у кого-то. И крадут или из кармана, или из кошелька. А тут валялась ничья десятка на крыльце — он ее подобрал. Почему же он вдруг сделался вором? Ведь он совсем не хочет быть вором.

А если попросить у бабушки эти деньги обратно и отдать Лехе? Тогда получится, что он как будто к ним подлизывается, чтобы его приняли в игру. Тоже плохо. Да и отдаст ли бабушка деньги? Она уже считает их своими.

Валерка вернулся домой, поднялся на свой второй этаж, сел на стул и с тоской уставился в окно.

Из окна хорошо была видна дорога, по которой какой-то мужик вез на телеге мешки с картошкой. Один из мешков развязался и перевесился за край телеги. Невзрачная лошаденка брела с понуро опущенной головой, изредка лишь передергивая шейю, сгоняя слепней. На высунувшихся из пыли булыжниках телега вздрагивала, и тогда из развязавшегося мешка выпадали одна или две картофелины. Они или отскакивали на обочину в траву, или выкатывались на середину дороги и оставались лежать там.

«Что упало, то пропало», — всегда говорила бабушка. Или: «что потерял, того не воротишь». И в этом была своя житейская правда.

Когда Валерка потерял в прошлом году ножик, а потом увидел его у Сани Гогина, он же не говорил ему: «вор». Потому что так устроен мир: одни в нем что-то теряют, а другие находят. Это что-то вроде игры: тот, кто находит — выигрывает, а тот, кто теряет — проигрывает.

Он отвернулся от окна и посмотрел вглубь комнаты, где возле дверей Вера Васильевна разжигала примус.

— Бабушка, я — вор? — спросил вдруг Валерка и тут же замолк, испугавшись своего вопроса.

— Почему вор? — удивилась бабушка. — Кто тебе это сказал?

— Ребята говорят, что я — вор. И не хотят больше со мной играть.

— Ага, — сказала бабушка. — Все понятно. Это Любка-зараза против тебя всех настропалила.

Вера Васильевна разожгла примус, поставила на него кастрюлю и повернулась к внуку.

— Во что там они с тобой играть не хотят?

— Они шалаш строят.

— А ты наплюй на них на всех. Подумаешь, шалаш. Да мы с тобой лучше ихнего шалаш построим. Вот я только картошку доварю...

Бабушка Вера с топором в руке решительным шагом выходит во двор, позади нее семенит Валерка. Командирским взглядом она окидывает диспозицию: строящийся шалаш, вокруг которого, как муравьи, снуют Витька, Леха и Петька, Любовь Ивановну Ляльцеву, сидящую на лавочке возле дома, старые деревянные качели, песочницу...

Хотя армия бабушки Веры невелика, она уверена, что победа будет за ней.

— А мы свой шалаш поставим, — говорит она. — Вот тут.

— Здесь песочница рядом, — несмело пытается возразить Валерка. — Шалаш мешать будет.

— Ничего, — с вызовом говорит бабушка и обводит руками двор. — Здесь территория общая. Где хотим, там и ставим шалаш.

Последние ее слова обращены к Любке Ляльцевой, которая, прищурив глаза, с язвительной улыбкой на лице наблюдает за происходящим.

Вера Васильевна углубляется в заросли ольхи и рябины, вскоре оттуда раздается тюканье ее топора. От песочницы видно, как то одна, то другая макушка рябины или ольхи — вдруг оседает и с треском проваливается вглубь зарослей.

— Валерик! — кричит бабушка Вера из кустов внуку, — давай, помогай мне — оттаскивай ветки.

Любовь Ивановна, молча наблюдавшая с лавочки за Верой Васильевой, не выдерживает и срывается с места.

— Ты что же это, гадина, у самого дома кусты рубишь! — орет она на нее, сразу, как только та появляется из кустов с охапкой кольев в руках.

— А ты мне не указывай! — гордо отзывается бабушка Вера. — А то вот хвачу топором по башке — мало не покажется.

Шипя, как змея, Любовь Ивановна отступает. Она возвращается на свою лавочку, только глаза у нее горят злым ведьминским светом, от которого Валерке не по себе.

Бабушка Вера, умело работая топором, освобождает колья от сучков, заостряет их с одного конца, потом с силой втыкает в землю и туго перевязывает веревкой. Шалаш быстро растет под ее большими и ловкими руками.

Ребята изредка поглядывают в сторону бабушки Веры и Валерки. В их глазах читается страх и презрение.

Валерка чувствует, что он втянут в какую-то непонятную игру, правил которой он не знает и не понимает. Он поневоле оказался в центре этой игры и теперь только механически следует указаниям бабушки — подносит ветки, поддерживает то один, то другой край шалаша.

Но вот оба шалаша построены. В одном, маленьком и тесном, скорчившись, сидит Витька Сырников со своей командой, а в другом квадратном и просторном — Валерка. Бабушка Вера подвязывает последние ветки.

Во двор выходит маленький Дима — ему еще нет и пяти лет, он дует в какую-то зеленую дудку и сразу привлекает внимание бабушки Веры.

— Димочка, — зовет она его ласковым голосом, — иди к нам в шалаш играть.

Дима тут же залезает в Валеркин шалаш и принимается играть на своей трубе. Валерке сразу становится тоскливо, а нарочитая бабушкина веселость вгоняет его в еще большую тоску. От Димкиной трубы начинает болеть в ухе.

Но скоро во двор выбегает Димкина мама — Софья Игнатьевна и поспешно, словно спасая от заразы, утаскивает домой упирающегося Димку — тому понравилось сидеть в шалаше.

— Ишь, чего удумал, — выговаривает она ему, — забрался в какую-то клетку.

Валеркин шалаш и вправду напоминает клетку. Гневный трудовой порыв бабушки Веры уже иссяк. Тем более, что Любка Ляльцева, демонстративно плюнув в сторону Веры Васильевны, покинула свой наблюдательный пункт. Отступление противника убавило Вере Васильевне боевого энтузиазма, и последние ветки она навешивала уже кое-как и только на одну стену шалаша.

Валерка сидит в шалаше один, и его не покидает ощущение, что он действительно помещен в клетку. Словно какой-то зверь в зоопарке — выставлен на всеобщее обозрение.

Вечером на последнем автобусе из Ленинграда приехала мама. Валерка сначала обрадовался — теперь-то с приездом мамы все образуется, и все его мучения закончатся, но не тут-то было.

Сначала последовала бурная перепалка с бабушкой Верой:

— Да отдай ты ей эти десять рублей! Что у нас денег нет?

— Нет, не отдам. Теперь из принципа не отдам. Зачем они Валерика вором дразнят?

— Тогда я свои отдам.

— Ну, и будешь дурой! Может, это и не Любкины деньги. Может, она все врет!

— Она говорит, что она их на крыльцо положила.

— По-оложила! Она тебе скажет! Она тебе и не то соврет!

Мама строгим голосом подзывает к себе сына и требовательно спрашивает:

— Валера, расскажи, как ты нашел эти деньги?

Валерке хочется поскорей забыть обо всем этом, но ему приходится снова вытаскивать наружу неприятные воспоминания. Это хуже даже, чем отвечать урок перед доской в классе.

— Ну, я вышел на крыльцо, — вяло начинает бубнить Валерка, — они там лежат...

— Они лежали или валялись? — требует уточнить мама.

Валерка не понимает в чем разница. Может, валялись, а может, и лежали.

— Зачем ты их взял?

— Ну, что ты за дура?! — не выдерживает бабушка Вера и обрушивается на дочь. — Ну, кто кладет деньги на крыльцо?

— Не встрейай! — кричит в ответ дочь, и лицо ее краснеет. — Может, они сверху лежали, а их ветром на землю сдуло.

— Это у тебя из башки ветром, видать, все мозги сдуло, — зло говорит бабушка и выходит из комнаты, громко хлопнув дверью.

— Валерик, — снова заводит мама старую песню, — зачем ты взял эти деньги?

— Я думал, что их потеряли, — нудит Валерка, зная, что если молчать, то будет только хуже, на глаза его наворачиваются слезы. — Я больше не буду...

На улице стемнело. Валерка выходит один на дорогу, которая вместе с придорожными кустами уже погрузилась в сумерки. У него в груди странная непонятная боль — прозрачная и острая, как обломок стекла.

Вдалеке, где-то у магазина, горит одинокий фонарь, он ничего не освещает, а только колет глаза тонкими иглами лучей. Валерка отворачивается от фонаря — перед ним пыльное полотно дороги, остывающее и уходящее к черной полосе леса.

Вдруг он замечает под ногами небольшой круглый камень, чуть поодаль другой такой же. Это не камни, это упавшие с телеги картофелины. В белой пыли они хорошо видны. Валерка размахивается ногой и силой выбивает картофелину с дороги — она с треском исчезает в кустах. «Что упало, то пропало», — бормочет он, и очередная картофелина улетает в кусты от удара его ноги.

— Что упало, то пропало, — громче произносит Валерка, словно заклинание, и новая картофелина улетает прочь.

— Что упало, то пропало! — уже почти кричит он, расшвыривая ногами картофелины направо и налево.

А потом он начинает ругаться страшными матерными словами, которыми ругается отец, когда выпьет, и которые говорить ему строго-настрого запрещено. Тяжелые грязные слова срываются с его губ и вместе с картофелинами улетают в придорожные кусты.

Они улетают в заросли лопухов, в серую крапиву. На дороге остаются только следы от Валеркиных ног, наискось пересекающие следы машин и телег.

Валерка останавливается, чтобы отдышаться. Воздух над дорогой удивительно тих и неподвижен. В нем висят запахи сена и пыли. Слышно, как где-то в стороне тоненько посвистывает, словно плачет, одинокая птица.

Сергей МУРАШЕВ

ПОБЕДА

Сергей Анатольевич Мурашев — родился в 1979 г. в Архангельске. Вырос в деревне Малая Липовка Вельского района Архангельской обл. Выпустил сборник рассказов «Маленькая книжка». Победитель конкурса «Долгие версты войны, светлые строки победы», посвященного 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Победитель II Славянского литературного форума «Золотой Витязь» в номинации «Дебют», проза. Член СП России с 2007 г. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Работает корреспондентом районной газеты в Каргополе. **Живет в г. Каргополе.**

ПОСЛЕДНЯЯ ПЯТНИЦА ПЕРЕД ПАСХОЙ

Кривулина, болванка на сани из березки, выросшей с комля круто изогнутой, у Сашки была заготовлена еще осенью. Шел на лыжах с охоты, увидел и нужной длины вырубил. Но когда на плечо взвалил — одумался. Тащи такую! Надо сперва обладать — легче станет. Охотничьим же топором-малышкой... тесать не к сердцу.

Вынес кривулину на полянку, в снег кинул, а место запомнил... и вот теперь уже, весной, как только начали открываться поля, пошел, — чтоб зазря не пропала.

Снега еще много. Но ничего, ничего — где бугром, где по ельнику, — вышел на примеченную полянку. Глянул, точно! Лежит! На солнышке вытаяла, слегка покрасневшим отрубом выказывается.

Подошел к кривулине. Постоял. И дальше зашагал. Там, на другом краю полянки, береза стоит, — на топорище замечательная, рубчина загляденье... Надо посмотреть, как она.

До березы дошел до самой. На взгорюшке выросла. В широко оттаявшем вокруг ствола кольцо сереет прошлогодняя слежавшаяся трава, высохла уже, — под ногами, как ступил, ломким шеркотом отозвалась.

Ладонью березы коснулся.

— Стоишь!?. Хорошие из тебя, девонька, топорища выйдут, вековые.

Ворона прилетела. (Откуда и взялась.) Села на березу, закаркала. Запрокинул голову.

— Что?..

Хак!

В затылок стукнуло; в глазах помутнело, побелело... Когда голова опускалась... заметил, что лишь са-

мый комель березы не в тумане — корнями в землю уперся... Его руками и охватил, щекой прижался. — «Шершавый». Отдышался. И пошел потихоньку, как старик совсем, со вздохами. «Какие санки, какая кривулина. Топорище! Дойти хоть...» — «А что ты хочешь? Пост. Последняя пятница перед Пасхой». — «С вечера ничего не ел, — конечно. Конечно, — не ел ничего с вечера... Совсем я что ли...»

...К кривулине подошел... «Аахаа». «Ну-ну». Достал топор из-за пояса — («Батя ведь этак носить приучил») — и рубанул. Еще раз! Еще!

Ууух!

Легонько прошелся вдоль по всей кривулине с внешней стороны изгиба, — этой стороной полозя новых саней скользить будут. Теперь надо с внутренней стороны... с внутренней стороны, выбирать намного больше. Сначала сделал несколько глубоких, глубже сердцевины, зарубов, — чтобы не скололо. Вытер рукавом выступивший на лбу пот и принялся счесывать... осторожно выбрал изгиб. «Ладно как». Стал полоз намечать. «Как ладно». Топор больно ловко щепу снимает. — «Помогают мне!» — все обладил — красавица!

— Ой какая! Ой какая! — Саня, опершись о топорище, присел перед чистой древесной белизны кривулиной. Взявшись рукой за ее изогнутый конец, поводил осторожно по истоптанному усыпанному щепками снегу. Потом заулыбался, заулыбался чего-то. Засмеялся тихонько; с неожиданными слезами... Вдруг, затаив дыхание, прислушался...

— Прилетел! Прилетел журавушка. Поздоровался. В пору. Снежок по буграм стоял... И тебе тоже здоровья хорошего! — Во весь рост распрямился. Заткнул топор за пояс. Кривулину на плечо закинул... А она вся в снегу. Так что осыпал себя зернистым снегом.

— Пойду уже!

Дома, как высохнет, распустит пилой облаженную кривулину на два полоза, острогает. Все сработает. Потом свяжет две готовые половинки черемуховыми прутами — будут корневушки-сани.

ПОБЕДА

Я уже совсем не помнил про это 9 Мая, а тут вспомнилось. И все вспоминается и вспоминается. Все яснее и яснее. Так перед глазами и стоит.

Я тогда маленьким был.

...День солнечный. Митинг еще не начался. На скамейке около памятника сидят дед-ветеран и какой-то мужик. Мы (ребята разного возраста) — кто тоже на скамейке сидит, кто рядом стоит. И я тут же в сторонке.

Дед плотный телом, так что костюм в обтяжку, и кажется, что на брючинах и рукавах пиджака может лопнуть ткань... Сидит дед на скамейке боком, повернувшись к мужику. Рядом палка-клюка. Волосы седые. Лицо багровое, над глазами густые брови. Говорит:

— ...То, что видел, — не помню, что помню — не расскажется, а что расскажется... — не поверишь! Вот! — и головой кивнул.

...На митинге стихи читали. Ветеранов вызывали к памятнику. Женщина, работник клуба, долго перечисляла погибших. И кругом шептались, что «какой красивый голос».

Потом в клубе концерт был. В конце на сцене пели «День Победы»... Вдруг слышу, кто-то мне мешает, на ухо тихонько пришептывает. Обернулся... Маленькая бабушка. В пуховом платке, в демисезонном пальто. Сидит на краю сиденья, на мой ряд руками оперевшись; ноги назад поджала. На сцену смотрит и слова повторяет. То, что я на нее смотрю, — не видит.

...Потом мы (ребята кто помладше) в «ляп» около остановки играем. А по дороге полноватая, небольшого роста женщина в спортивных и кофте с молнией, с «химией» на голове, ведет подвыпившего старика-ветерана. Старик, особенно против женщины, высокий. В светлом костюме. На седой голове кепка. Пиджак распахнут. Когда старик пошатывается, покачиваются и полы пиджака. Тогда медали ударяются друг о друга.

— Ну зачем пил? — говорит женщина.

— Фронтная! Зако-онная! — отмахивается старик рукой. Он вообще все, о чем говорит, руками показывает.

— А вторую зачем пил? И без закуски.

— Фро-онтовая! Законная!

— А вторая!? На фронте по одной, наверно, давали!

— Что?! — старик даже остановился и повернулся к женщине. — Знаешь ты... — снова пошел. — Мы под Смоленцем в атаку пошли... а вернулось... — он показал горсть. — А вина на всех было рассчитано... Так вина-а было!

ВЫШЛА КНИГА

Пересторонин Н. В.

Путешествие в судьбу. Иордан. Байкал. Великая. / Н. В. Пересторонин. — Киров, 2018. — 140 с.: ил.

Эта книга и в самом деле о путешествии в судьбу — выдающегося русского писателя Валентина Распутина, самого автора, которому довелось общаться с Валентином Григорьевичем. Судьбоносная встреча в селе Великорецком, где в ноябре 1997 года Валентин Григорьевич Распутин побывал с группой российских писателей, предопределила сюжет этой книги. И позвала в дорогу — на Байкал и в Иркутск, где жил и работал Валентин Григорьевич. Не сразу позвала, через пару десятилетий, но тем глубже осмысление бесед и событий, вместивших так много. Ведь влекла душа не только в Великорецкое и на Байкал, но и на Иордан, в Адлер и Шапту...

Иван ИННОКЕНТЬЕВ

МОЛОДОЙ ШАМАН, БАТЮШКА И РАФАЭЛЬ...

Иван Иванович Иннокентьев — родился в 1957 г. в селе Кобай Кобайского района Якутской АССР в семье служащего. Окончил отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Прозаик и драматург. Член СП России с 1992 г. Пишет на русском языке. Автор 10 книг. Работает заместителем главного редактора литературного журнала на русском языке «Полярная звезда». Награжден медалью Пушкина. Лауреат Большой литературной премии России. Заслуженный работник культуры РС(Я). Живет в Якутске.

Шаман был молод. Так молод, что ликом походил на юную девушку. Но поскольку глупые ветры в его голове не гуляли, внешности своей он не стеснялся. Знал, всему — свое время. Зрелость, и тем более старость, его не минуют. Уж коли этому телу суждено обитать в Среднем мире, оно будет жить по его законам. И никуда от земной судьбы не деться. Будут и пучок седых волос на подбородке, и надрывный старческий кашель.

Шамана больше беспокоил конь. Вернее, то, что не имел он своего, им же самым обьеженного-обузданного скакуна, норов и повадки которого были бы ему известны как затверженные в отрочестве слова благословения-алгыс. Там, в запредельном, зачарованном мире, куда он будет теперь наведываться частым гостем, без резвокрылого коня пропадешь. Да и добираться в те заоблачные улусы на заезженной чужой кляче — и стыдно, и трудно. Раз на таком одре уже ездил — это когда сразу после Посвящения представляли его пред светозарные очи старца Юрюнг-Аар Тойона. Натерпелся сраму: на троих с избытком достанет! А по возвращении ведь валялся в пыли у ног наставника, превознося до небес достоинства одолженного им доходяги. Вот что значит не иметь СВОЕГО коня...

А старик тогда хитро ухмыльнулся в усы и, рывком подняв пристыженного молодца, сказал: «На чужом коне далеко не уедешь, будем добывать тебе собственного скакуна... Молодому да сильному зазорно иметь под седлом дряхлую скотину. И всаднику не ладно, и коню невмочь... А дороги тебе предстоят долгие, не в пример моим. Слышишь, сынок? А я, как-никак, сорок

четыре года, почитай, не слезал с седла. На любой зов откликался, легок был на подъем. И ты, предвижу, станешь таким же... Только пути твои будут поизвилистее, и оттого — длиннее. Мешать тебе будут многие в твоих странствиях, препоны ожидают тебя доселе невиданные-неслыханные. Да и сладить с пришлыми абаасы — а налетит их великое множество! — будет нелегко... И все же главный твой враг — Киристес. Запомни это, шаман! В руках русского Бога горит свет. Он заманчив, притягателен для наших простодушных сородичей. Но ты должен знать: этот холодный, далекий свет теплых стран не в силах согреть стылую душу саха. И потому он — бесполезен. И надо отвадить людей от него, не мучить их понапрасну. Наши Боги — и ближе, и роднее...

Помни, что чужой язык, с трудом, но можно выучить. Чужую одежду можно перенять и с легкостью носить, если она удобна. Но вложить в свое сердце чужой дух — это, значит, остановить его биение... И еще запомни, и следи вот за чем. Пусть люди ходят в церковь к батюшке — ты не противься этому открыто. Но сделай так, чтобы они не забывали и тебя. И тогда их души будут тянуться к тебе, а не к дому с крестом на макушке. Корни всегда сильнее крон. И пусть люди ходят в церковь и не веруют в чужого Бога. И тогда ты победишь, и тогда сам Киристес с презрением отвернется от них — двуличных, не твердых в вере...

— Бэрт сеп! — воскликнул молодой шаман, с которым, казалось, устами старика-наставника заговорила его же потаенная суть. О, это были его мысли, его мечты! И вскоре они должны превратиться — не без покровительства Верхних айыы — в заманчивую явь. Что ему — могучему, с грозным дыханием, шаману — стоит на самом деле убрать с дороги ничтожного пропойцу-батюшку? Он растопчет его, превратит в ступеньку на дерзновенном пути к сияющим вершинам. И люди не заметят исчезновения служителя чужого бога. Сделают вид, будто не заметят. Знает он своих сородичей, знает, как обдуренных! Наскоком втемяшить в их темные головы что-то серьезное, походя зажечь в их сердцах огонь новой веры — пустые хлопоты. Великое дело требует приложения великих усилий. Или, на худой конец, наличия времени. Ни того, ни другого у батюшки нет. Так что дни его сочтены. Это он — молодой шаман — будет отныне единственным владыкой сотен душ, первым Богочеловеком-саха. Сила и опора его — в корнях. Он — молод, но он — за старые устои жизни, за обычаи предков, за поруганную пришлыми властями древнюю веру. Прав старик: если он сам не проворонит свою удачу, люди побегут к нему аласами. И только ли с близлежащих наслегов?..

Дюнгор... Его горячий конь... Его огненная мощь...

Этот гулко гремящий спутник его предстоящих странствий должен быть достойным хозяина, коему Верхние божества-айыы предопределили особую судьбу. Двадцатую весну своей жизни он встретит с девятирогим бубном, равный по силе подвластных ему чар с матерым, успевшим отдохнуть-прикорнуть на трех олбохах великим шаманом. Такой высокий чин наложили на него Верхние, такую мощь углядели в нем — в болезненном с виду юноше. Это ли не повод для гордости, не причина для веселья? Но суровы складки на челе наставника, не полыхают радостью очи молодого шамана. Рано. Не пришло еще время гульбищ.

...И было видение у старика. И пробравшись звериными тропами в лесную чащобу, нашли они кряжистый, будто на добрую треть вбитый в землю, листень с заветной отметиной. И щедро поили-угощали они духов-иччи, незримых хранителей сумеречной глухомани, за великими трудами и молениями провели бессонную ночь. А с первыми лучами солнца тронулись путники в обратную дорогу, и тот из них, кто был помоложе, ощущал в заплечном мешке-хаасах драгоценную тяжесть дара богов. Будет обод у нового бубна, и будет он из не ведающего сносу дива-дерева киил. Благослови, высокое небо!

И прошло три дня, и три ночи, и внезапно занемог старец, и велел привести к себе молодого шамана. Примчался выученик его быстрее северного ветра, опустился на колени перед постелью больного, склонил повинно голову. Ведал: страшный недуг сразил наставника не по прихоти мелких бесов, а по велению непокорных воле двуногого Верхних айыы.

И вымолвил-выронил старец горькие слова:

— Мы с тобой, хоть и дальние, но родичи... И Боги хотят, чтобы я отдал свое дряхлое, немощное тело ради обретения тобой двойной силы. И это будет последняя жертва из нашего рода. Разве мог я не согласиться?..

Заплакал молодой шаман, показались слезы и на глазах старца. Приподнялся он, обнял парня и тихо, прерывисто зашептал:

— Я сумел-таки найти бычка, в звень-кожу которого облачится скоро твой девятирогий бубен... Разыщешь в подворье одноглазой Седеччюи пегого теленка, дашь этой убогой-соххор тройную против обычной цену... А закажешь бубен — сам знаешь, кому... Вроде все сделали по чести, да страшусь я чего-то, грезится мне нечто зыбкое, недоброе. В тумане все в густом, разглядеть-распознать не могу...

Беспокойно заерзал старый шаман на смертном ложе своем, запричитал:

— О-о-о, покидают меня силы! Близок конец, темень уж застит глаза... Одна радость напоследок — не по чужим, по родным жилам потечет моя кровь, на родные кости нарастет мое живое мясо... Нохоо! Помни мои заветы. Прощай!

И ушел Великий шаман. И остался Великий шаман...

* * *

Батюшка размахисто перекрестил рот (в который раз за уходящий день!) и нетвердой рукой задвинул поглубже в шкаф початую бутылку водки. Грех, но что делать — этот трехстворчатый предмет мебели с сокрытыми в его чреве запасами дьявольского зелья с некоторых пор стал главным иконостасом, единым в трех ликах спасителем его, дарующим в сей обители снегов и печалей столь необходимые сердцу Радость, Поддержку и Утешение. Кто родным, ласковым словом согреет здесь его душу, подбодрит в минуты уныния, вселит в него уверенность, без которой невозможно нести инородцам-язычникам свет истинной веры. Лишь это сатанинское снадобье, что ни на есть иезуитским манером поставленное батюшкой на службу Господу, укрепляет на краю Ойкумены дух его воителя, не жалея сил своих, живота своего, бдящего во имя торжества православной идеи. Может, на счет живота и сильно сказано, больше для красоты слога, но были, были в стародавние времена такие герои, мученики веры, что костями ложились

на полях брани, дабы идущие следом на их нетленных мощах возводили храмы во славу Всевышнего.

Вот только крепко коли задуматься — особенно по трезвому делу, — всякие мысли лезут в голову. Не то, чтобы прямо богопротивного духа, но, как ему кажется в сей отрезок бытия (когда он значительно принял на грудь), направления самого омерзительно-соглашательского. От такого рода, видать, опасных исканий строжайше предостерегал его отец-настоятель полузаброшенного монастыря, где воспитывался он с семи лет; мнилось, каленым железом позже выжжены были без остатка все сомнения, метания юной души в семинарии.

Ан нет, жив курилка-дьявол! Пуще прежнего жаждет его падения, тащит что есть мочи к разверстой пасти ада, откуда веют сладостные, но губительные ветры. Не смрад и огонь несут они будто, а прохладу и негу; райское блаженство всеобщего примирения грезится в их нежных дуновениях. Нашептывает ему кто-то безликий коварные, воровские слова: «Созданы люди Всевышним разнолицыми и разновеликими, разного склада у них умы и разного цвета кожи, разный у всех род занятий и разнятся места их обитания... И есть вера у людей иудейская, и есть магометанская, равно здравствуют на свете католический папа и православный владыка, буддийский далай-лама и верховный жрец с островов Борнео... Так почему же не должно хватить места на небесах благообразному седому старцу Юрюнг-Аар Тойону, а на тверди земной — его верным служителям — оюнам?»

Точит, точит сердце Проклятый, вроде тихо, незаметно, а сам — чувствует батюшка — все метит в темечко дубиной. Чтобы разом напоевал сразить, как придет его время. Ты только дай слабину, только начни прислушиваться к его гладким речам — и все, пропал. И вечное пламя Геенны огненной — не самая тебе лютая будет казнь. А за что пострадает безвинная паства его, за что им-то уготованы крестные муки? Неужто они все — отъявленные богоотступники, эти несчастные иноверцы?! О, вот оно: даже в мыслях своих он называл их язычниками, хотя знает ведь доподлинно — крещенные они все люди, христиане. И многих из них самолично окунал в святую купель, благословлял именем Сына Небесного... И как же так получилось, что сеял он в душах инородцев семена великого учения Христового, а получает по осени сатанинские всходы сорняка да плевела? Неужто не ухаживал он за робкими ростками, не лелеял их, не поливал своевременно благодатью нравоучительных проповедей? Ради чего прилагал он неимоверные усилия, дабы выучить тарабар-язык обитателей этой студенной окраины?

Напрасны все его труды, напрасны надежды... Дьявол властвует над этим народом, подстрекая его креститься для виду при свете дня, а по ночам — предаваться низменному блуду шаманских плясок и песнопений. Себе на уме этот народишко саха, и более неверный, чем несчастный... Думали власти, и он вкупе с ними, что неразумное это, запутавшееся дитя, несовершенное еще творение матери-природы. Ан нет, оказалось, таит в себе якутский человек злобный умысел против Всевышнего, сохраняет в заповедных уголках души (если есть она у него!) сокровенное свое учение... Увлекся Великий просвещенец прорубанием окна в Европу, проглядел воровство и смуту духовную в заокраинных своих землях. До конца

надо было довести ему начатое, не кафтаны шаманские велеть сожигать, а тех, кто упрямо продолжал рядиться в них. И забылось бы злодеяние вынужденное с течением времени, а благословенный лик Господа обратился, наконец, к очищенным от скверны душам иноверцев...

Нет, не те слова ищет батюшка в сердце своем... Не оправдания себе он должен вымаливать у Всеблагого, указуя Ему на преступное нерадение инородцев, а просить укрепления духа своего надломленного, веры своей пошатнувшейся. Ослабевшие длани не в силах удержать тяжесть Святого знамени, золотые уста его будто запечатаны усталостью... А есть, есть у батюшки одна думка добрая, и приумножит коли Господь силы его, он сможет сотворить в захолустье этом маленькое чудо. Верует батюшка, что не иначе как само Небо сподвигло его на отчаянный шаг, на рискованный подвиг. На грех великий он, окаянный, решился или благое дело творит, покажут время и... промысел Божий.

А задумал он доверить священную кисть богомазову дикому душой, хоть и крещенному по всем христианским заповедям, мастеру-инородцу. С месяц уж тому будет, как заходил он в кузницу местного Гефеста и поражен был необычайно, когда узрел на полке с готовыми изделиями струганную сосновую доску с рисунком ошеломляющей красоты. Был бы мир Божий создан черно-белым, батюшка непременно б поверил, что изображенный во весь рост художником-самоучкой улусный писарь — живой человек. С таким совершенным мастерством был выписан удивительный портрет! И чем — кусочком обыкновенного древесного угля! Батюшка в кузнице тут же дал себе зарок: будет у дремучих инородцев свой Рафаэль, и своя будет у них Сикстинская мадонна...

И зачистил батюшка к «Рафаэлю», начал вести с мастером долгие, до первых петухов порою, душеспасительные беседы. И запало его слово в самое сердце кузнеца; и потянулся он, благодарный, к свету Христову всем существом своим; уже отрекся было совсем от гибельного и тайного искусстваковки чудозвонных подвесок к шаманскому платью... Стал угрюм-кузнец податлив, что доведенная до бел-цвета железная чушка. Осталась лишь самая малость — вложить в его руки кисть и краски, расторопным писарем в срок доставленные из города, да повелеть новоявленному богомазу именем Господним сотворить для местной церквушки икону со святым образом Казанския Богоматери. И размер уже определил для нее батюшка: аршин на пол-аршина; и пробные, ради набития руки, заставил он кузнеца сделать уже несколько набросков и остался доволен; и самых уважаемых прихожан из паствы своей собрав в доме князька, предупредил он о готовящемся празднике души. Заверили почтенные старики батюшку: «Мудро ты поступил, баачыка! Любит наш черный люд кузнеца, глядишь, через его творение возлюбит он по-настоящему и Спасителя. Полон будет твой храм отныне. И слава Богу!»

Впору бы уж и возликовать батюшке, да узнал он от верного человека, что захаживать стал к кузнецу и молодой шаман. Будто просит мастера этот нечестивец, этот нетопырь сработать ему колдовского коня — бубен девятирогий. Ох, грехи наши тяжкие — могучий, знать, жрец языческий вырос у него под боком. С этих лет — да с девятирогим бубном! Вот тебе, святой отец, и заветное поле битвы, где сможешь сложить ты старые кости во славу Господа своего...

Мастер, сгорбившись, сидел у давно остывшего камелька. Холод и мрак, трусливо таившиеся до поры до времени по углам, уже безраздельно хозяйничали в кузнице. Все находящееся здесь съежилось будто, стало не только меньше размерами, но и приняло какой-то забитый, испуганный вид. Да и немудрено: тот, кто вселял в них жизнь, сам напоминал сейчас каменного истукана с замерзшим взглядом. И неизвестно еще было, от кого больше исходило холода и мрака — от незваных гостей или от их хозяина. И казалось вещам, знававшим несравнимо лучшие дни, что в их считавшееся неприступным для порождений Нижнего мира жилище проник-просочился ужасный Арсан Дуолай — властелин тьмы. И не просто проник, омертвив все вокруг ледяным дыханием, но и сумел похитить из груди господина его бесценную душу-кут.

Чу! Выстрелом из «екатерининки» прогремел в тишине скрип тальникового седалища. Вслед за этим вестником пробуждения жизни последовал протяжный, молящий стон, вырвавшийся из пересохшей гортани. Дрожащий старческий голос произнес затем в полутьме и первое слово — возглас удивления «Ок-сиэ!» Радость, вызванная возвращением из небытия доброго хозяина, почти тут же сменилась недоумением и страхом. Утварь замерла в тревожном ожидании, и было отчего: вместо стремительного, ловкого в движениях удалца, — каким все привыкли видеть мастера, — с сидения у камелька поднялось неуклюжее создание и неуверенными, как бы приседающими шажками, засемило в сторону двери.

Нет, остановилось... Невесть откуда взявшимся огнивом принялось высекать посередь юрты снопы ненужных искр. Сверкучих, ярких. Лишь вдоволь налюбовавшись игрою теней при резких сполохах света, человек вдруг выпрямился, с хрустом потянулся и сладко-сладко, как-то глубинно, зевнул.

— Ок-сиэ, догор! — проговорил мастер не то недоуменно, не то пристыженно. — Едва не замерз в собственной кузнице. Вот задумался, так задумался!

Кузнец засмеялся и полез в карман за трутом. Вскоре в камельке затрещали-запылали сухие поленья, живительные тепло и свет разлились по юрте... И что за нелепость! Поначалу вроде бы охваченный жаждой деятельности, искренне осуждавший себя за чуть не ставшую роковой задумчивость, кузнец снова мало-помалу начал впадать в полусонное состояние. Теперь он сидел за столом, подперев кулаками голову и уставясь широко открытыми, но уже с подозрительной поволокой, глазами в дальний от сандалы, чуть подернутый инеем, угол. И вскоре завладевшую вновь было юртой тишину нарушило неясное бормотание, постепенно перешедшее в сбивчивую, но вполне разумную, разборчивую речь. Что это за тяжелые думы такие одолевали мастера, если изменила ему присущая с малолетства ясность мысли? Послушаем же:

— Сорок лет прожил я в мире и согласии с совестью своей, с людьми, меня окружающими... Сколь помню себя, ходил в церковь. Со всеми ходил, не один. Как все и грешил, бывало. Но все, считалось, по мелочам. Батюшка и сам это признавал, смеялся порою даже: до чего, говорил, ты, кузнец, щепетилен в вопросах веры и благочестия... Не знал он, доверчивый старый

нючка, что признаваясь Божиему человеку в грехах незначительных, на самом деле вымаливал я у Киристеса прощение за грех несравнимо великий, за деяния неизмеримо постыдные. В нашем околотке разве что один батюшка не ведал, что все шаманы в улусе облачались в плащи с моими подвесками, что все они колотили в бубны моей работы. И кто, как не я, посещал тайно все чего-нибудь да стоящие камлания за тридцать верст окрест... И пришло, знаю, время держать ответ... Светлый лик Божией Матери, намалеванный моей преступной рукой, беззастенчиво принимавшей шаманские подношения, сможет ли послужить мне оправданием перед Сыном Ее?.. Как недоступно кроток Ее лучезарный образ, написанный моим южным собратом и показанный мне батюшкой мельком, чтобы только разжечь мое воображение, разбудить во мне охоту сотворить нечто подобное... Но разве я смогу создать такую неземную красоту — я, весь погрязший во грехе, оставшийся по пояс ТАМ — в окутанном болотным маревом мире моих предков; я — верующий в Тебя лишь половиной своей души, а другую часть ее благоразумно отдавший иному всесильному небожителю — Юрюнг-Аар Тойону?..

Если даже случится невозможное — во что безоглядно верит наш добрый батюшка! — и я сумею написать Икону, будет ли она НАСТОЯЩЕЙ, ЧУДОТВОРНОЙ, а не пустым, холодным изображением миловидной женщины? Примет ли Господь творение моих рук за образ Матери Своей, вдохнет ли в него живительные силы, оделит ли божественным сиянием и благодатной мощью?.. Если... Если...

Человек за столом страшно заскрежетал зубами, застонал раненым зверем.

— Если... Если... Не обманывай себя, дружище, хватит! Разве даст тебе написать Икону твой юный всемогущий друг — шаман! Оживший дух твоих давно усопших предков, телесное их воплощение, он будто восстал из Мрака забытых лет, чтобы послужить тебе предостережением, чтобы вернуть тебя к вере сородичей... И девятирогий бубен, который он просит, нет, велит тебе сделать, — это священный наказ тех, кто никогда уже не будет ходить по влажной от росы траве, пить родниковую воду, слышать трели жаворонка... И попробуй пойти против воли мертвых, и увидишь, чего стоишь ты — жалкий живой червь...

Жестоки и дерзки слова, брошенные мне в лицо шаманом: «Весь род твой будет проклят до одиннадцатого колена, коли посмеешь ты исполнить заказ попа. Эта женщина будет приходить к тебе по ночам и сделается твоей второй женой. Она будет пожирать твою теплую плоть, высасывать из жил твою горячую кровь... О, я вижу, как тенью бродишь ты по своей кузнице, не в силах поднять самый маленький молоточек, не способный даже нагнуться и раздуть огонь в горне. Чур, чур меня от таких видений!..» Но правдивы ли эти его причитания? Кто знает...

Ок-сиэ, запутавши в сетях старинных заклятий, все же переусердствовал шаман в желании своем повелевать мною! И достанется ему, скорее, не огненная душа кузнеца, а его презренное скрючившееся тело. Но чему быть, того не миновать! Коченеют руки-ноги, замерзают-застывают мысли, как только начинаю думать об Иконе, о том, как бы половчее к ней подступить. Живучи заветы предков, живых людей живее... Только и я не в силах теперь отступить от задуманного, отказаться от решенного...

Пусть накажут меня наши боги, но позволят сотворить Ее — ту, что стала дороже мне жизни на Срединной земле... И пусть призовет к ответу

Киристес, но я сделаю тебе, шаман — брат мой, самый гулкий в мире бубен, будет у тебя самый резвый в поднебесье скакун. Разве зазорно это, что я хочу остаться в памяти сородичей мастером, сработавшим некогда Великий джюнгюр для Великого шамана?..

Ок-сиэ, холодно как!

Ок-сиэ, душно как!..

* * *

В урочный час, назначенный мастером, вышли два человека из жилищ своих (первый — из приземистого старого балагана-юрты, второй — из рубленного пристроя к церкви) и поспешили к кузнице. И вышло так, что встретились они по пути, и, не желая уступить сопернику узкую тропку, пошли рядышком по глубокому сугробу. И готов был каждый из них испепелить другого взглядом, вгрызться в горло, подобно зверю лесному, тяжелые и страшные сказать слова. Но были они людьми разной веры, и были бессильны что-либо недоброе сделать друг с другом.

Странную, дикого смысла и звучания песню услышали они, подходя к юрте кузнеца, а войдя в нее, застыли в дверях деревянными идолами. Седой, как лунь, старец плясал у камелька, и животной грации преисполнены были все его движения. Вот обернулся плясун к вошедшим, уставился на них бессмысленным взором потухших глаз и вдруг громогласно захохотал, указывая на нечто, прислоненное к ближним нарам.

И узрели изумленные люди жуткое в своей диковинной красоте творение. Снежной белизной — слегка с синеватым отливом — сиял в углу девятирогий царь-бубен. Недоступной искусству смертных отточенностью поражала его форма, стремительны и летучи были линии его легкого контура, божественной завершенности — пропорции угловатого тела.

И на безупречно-гладкой поверхности бубна — тончайшей колонковой кистью — был выписан безумным гением образ Божией Матери.

И светились любовью глаза Младенца Христа, и полны были сострадания глаза Девы Марии...

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:**

Ясенов Владимир тел./факс: 8 (499) 242 42 46 rodnaaya.ladoga@gmail.com

**КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА
«РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:**

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezhha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Болгария	Анчев Панко	+359 889 545 770	pankoantchev@mail.bg
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49 36459 62344 +49 151 40151855	fritz.dachsel@t-online.de zoreana@mail.ru
Грузия	Чеботарь Зоряна	+995 577 220 813	
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетилйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми			
Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Кострома	Мурзин Николай	+7 962 180 79 80	gonharova4848@mail.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Севастополь	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенов Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний			
Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Республика	Москвитин		
Саха (Якутия)	Сергей Владимирович	+7-924-872-79-66	sergej-moskvitin@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprshal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская*)

Московское представительство:
тел./факс: +7 (499) 242 42 46

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
<http://rodnayaladoga.ru>
<http://роднаяладога.рф>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
191014, Санкт-Петербург,
Ковенский пер. 30/7, литер А, помещение 4-н

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Компьютерная поддержка *Николай Станкевич*
Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 18.04.2017 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1806031.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.